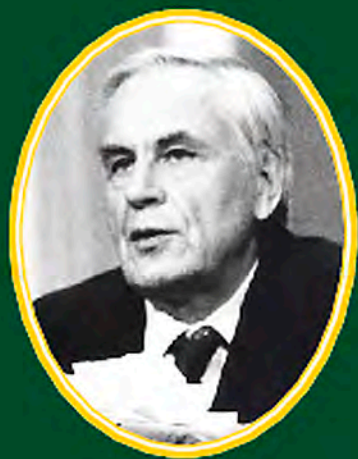

И. Р. ШАФАРЕВИЧ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

ТОМ IV

И. Р. ШАФАРЕВИЧ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В 6 ТОМАХ

Том IV

ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ
РОССИЙСКОГО КРИЗИСА XX ВЕКА

Лекции, прочитанные
в Сретенском духовном училище

ТРЕХТЫСЯЧЕЛЕТНЯЯ ЗАГАДКА

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2014

ББК 66.2(2Рос)я44

УДК 32

Ш 30

Шафаревич И. Р.

Ш 30 Полное собрание сочинений. В 6 т. Т. 4. // Отв. редактор О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014 – 608 с.

Институт русской цивилизации публикует Полное собрание сочинений выдающегося русского ученого и публициста, одного из ведущих русских мыслителей XX века, академика РАН Игоря Ростиславовича Шафаревича. В его трудах вскрываются корни самых трагических событий современной истории России.

Шафаревич является классиком русской национальной мысли. Его книги вошли в золотой фонд русского национального наследия. Для миллионов русских мысли, высказанные в них, стали ориентиром в духовной и социальной жизни.

Том IV включает: «Духовные основы российского кризиса XX века», «Трехтысячелетняя загадка».

ISBN 978-5-4261-0114-2

© Шафаревич И. Р., 2014

© Институт русской цивилизации, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ РОССИЙСКОГО КРИЗИСА XX ВЕКА. На основе лекций, прочитанных в Сретенском духовном училище 3

I. Российский кризис	5
II. Западная цивилизация	8
III. Россия и Запад	16
IV. Концепция прогресса	21
V. Концепция Данилевского	24
VI. Россия к началу XX века	27
VII. Революция 1917 года	33
VIII. Что такое социализм?.....	36
IX. Деревня и власть после 1917 года	47
X. «Построить социализм» или «догнать капитализм».....	53
XI. Революция 90-х годов	60
XII. Судьбы города и деревни	65
XIII. Запад в XXI веке.....	73
XIV. Наследник.....	84

ТРЕХТЫСЯЧЕЛЕТНЯЯ ЗАГАДКА. История еврейства из перспективы современной России..... 87

Предисловие.....	89
Глава 1. Существует ли «еврейский вопрос»?.....	92

Глава 2. Античность	109
Глава 3. Средние века	132
Глава 4. Классический иудаизм.....	153
Глава 5. Хазария	174
Глава 6. Роль в развитии капитализма.....	185
Глава 7. Эмансипация и борьба за равноправие.....	197
Глава 8. Золотой век ассимиляции.....	217
Глава 9. Роль в развитии социалистического движения	242
Глава 10. В России перед революцией	257
Глава 11. В Русской революции 1917 г.	294
Глава 12. Запад между мировыми войнами	340
Глава 13. При коммунистическом строе.....	381
Глава 14. Современный Запад.....	438
Глава 15. Во второй революции в России.....	472
Глава 16. Еврейские таланты	506
Глава 17. Обсуждение	532
Послесловие к «трехтысячелетней загадке»	578
Библиографические примечания	588

**ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ
РОССИЙСКОГО
КРИЗИСА XX ВЕКА**

*На основе лекций, прочитанных
в Сретенском духовном училище*

I. Российский кризис

Нет никакой необходимости комментировать, что XX в. стал веком кризиса для России. Для русского народа это был век поражения, по глубине своей сопоставимого только с тем, которое он пережил в XIII в. при монгольском завоевании. Даже Смутное время кажется сравнительно быстро преодоленным, коротким кризисом.

Это было даже не одной катастрофой, а целой серией катастроф. Сначала во время Гражданской войны и террора был уничтожен образованный класс (как движущая, активная, сложившаяся сила общества) – в значительной мере и как конкретные люди. Культура начала создаваться в значительной мере заново, а потом, к концу века, опять была разрушена по экономическим причинам. Было уничтожено свободное русское крестьянство – основа, на которой стояла Россия. Война, по яростности и кровопролитности не имевшая прецедентов в русской истории, была выиграна с колоссальными потерями. А потом все достижения победы были утеряны. Россия распалась на части, и русский народ переживает демографический кризис, который ставит под угрозу его существование. Естественно, возникает вопрос: можно ли понять эту серию катастроф, растянувшуюся на целый век, с какой-то единой точки зрения?

Вот такую точку зрения я и постараюсь изложить. Это мое собственное понимание. Я хочу подчеркнуть, что оно в высшей степени мое собственное, а ни в какой мере не претендующее на общепризнанность.

Прежде всего, я хочу оговориться, что это череда катастроф не есть характерная черта именно русской

истории, ведь этот факт часто используется для создания образа какого-то неполноценного, нелепого, неправильного народа. Все у них не как у людей: то татары их завоевывают, то Иван Грозный бояр на кол сажает, то Смутное время, то революция... Но, например, в том же XX в. немецкий народ пережил не меньшую катастрофу: после четырех лет напряжения всех сил в Первой мировой войне и громадных человеческих потерь – поражение, потом унижение Версальского мира, когда немцы обязаны были заявлять о себе как виновниках войны и виновниках всех потерь, которые тогда человечество понесло. А потом голод, и разруха, и смута, восстания. В Баварии была то Советская Баварская Республика, то попытка Гитлера захватить власть. Потом Саксонская Советская Республика, колоссальная безработица, череда безответственных министерств и, наконец, совершенно безумная мечта, которая увлекла весь народ, – покорить весь мир. Германия подчинилась идее избранного народа, не Богом, а своими мирскими качествами поставленного над другими людьми. Этой идее служили с отдачей всех сил, причем с фантастическими успехами в начале и со страшным поражением в конце. Хотя народу все же были сохранены жизнь и безбедное существование, но это за счет того, что он уже добровольно выкорчевал у себя из души представление о какой-то своей исторической роли и отказался от ее поиска.

Примерно такую же череду катастроф перенесла Франция начиная с конца XVIII в., с Великой французской революции и кончая серединой XX в. Речь идет о поражении в 1940 г. без единой битвы. И в результате всей этой серии катастроф – трагические демографические последствия: перед Французской революцией французы были самой многочисленной нацией Западной Европы – население Франции было в 3 раза больше населения

Великобритании, а сейчас оно немного меньше. Причем англичане за это время заселили два материка, число англоязычных людей в мире – около 400 миллионов. Так что это ситуация, которая возникала в истории не раз.

Но возвращаюсь к русской истории и к вопросу: чем же можно ее объяснить или как-то связать воедино эти катастрофы XX века? Я начну с того, что просто сформулирую свою точку зрения, которую буду постепенно разворачивать в дальнейшем. Как мне кажется, не только в XX в., но и все три последних века главной опасностью, главным источником потенциальной и реально произошедшей катастрофы для России, «жалом во плоти» для нее было давление со стороны Запада – очень многостороннее, и физическое, и идейное. Много комментариев требуется к этому тезису, и все дальнейшее будет этими комментариями.

Конечно, Россия и Русь в течение всей своей истории имела соседей на Западе, и часто отношения с ними принимали форму конфликта. Всем это известно, например, еще со времен Александра Невского. И позже, во время Куликовской битвы, литовское войско намеревалось ударить в тыл русским, и только то, что Дмитрий Донской начал сражение на день раньше, вырвало инициативу из их рук. Тем не менее они преследовали отступавшие русские войска и добивали раненых, которых увозили на телегах. Потом Литва была подчинена Польше, и Польша стала главным противником России на Западе. Ее вершиной успехов было в начале XVII в., когда польский король сидел в Кремле, но после преодоления Смуты баланс сил начал складываться в пользу России. И все же все эти столкновения имели для России не судьбоносный характер, а скорее военный. Война могла быть сегодня выиграна, а завтра, или через сто, или двести лет можно было отыграться. Такие же и более драматические

конфликты у России были и с соседями с востока. Это были войны за определенные территории, за подчинение одних властителей другим. Но не за душу народа.

II. Западная цивилизация

Но абсолютно другой характер приобрели отношения России с Западом, когда на Западе возник совершенно новый тип общества, совершенно новый тип цивилизации. Его иногда называют капитализмом, но это чрезвычайно расплывчато и неопределенно. Целый ряд классиков исторической науки, таких как Эдуард Майер или Макс Вебер и другие, утверждают, что все компоненты, из которых обычно складывается капитализм: капитал, рынок, наемные рабочие и массовое производство на экспорт, – все это существовало и в Вавилоне, в Риме и в других обществах. Самый наблюдательный исследователь этого особого общества, сложившегося на Западе, Зомбарт предлагает термин «высокоразвитый капитализм», и тоже это не точно отражает даже мысли самого Зомбарта, потому что, как кажется, есть некая естественная линия развития капитализма, в которой это высшая достигнутая точка. На самом деле все эти компоненты, которые играют роль для капиталистического направления развития, могут складываться совершенно по-разному в разных типах общества. И то, что сложилось в Западной Европе, – это исключительный, самый радикальный тип этой реализации. Это было гораздо больше, чем чисто экономическая формация, в значительной мере и духовный уклад. Существуют несколько основных компонентов, из которых он складывается.

Прежде всего, он основывается на протестантизме кальвинистского толка. Кальвин, как известно, учил, что Господь до сотворения мира предопределил судьбы лю-

дей: одних – к спасению, а других – к гибели. И никакие людские дела не могут повлиять на Божественное решение. Но успех в мирской деятельности для человека является знаком, убеждающим и подтверждающим его веру в то, что он относится к числу избранных, как они называли себя, «святых». Эта идеология обращается только к ним. Для остальных она ничего не значит. Вот отрывок из так называемого Вестминстерского исповедания, принятого пуританами – английскими кальвинистами в разгар Английской революции в 1647 г.: «Бог решением Своим и для прославления величия Своего предопределил одних людей к вечной жизни, других присудил к вечной смерти. Тех людей, которые предопределены к вечной жизни, Бог еще до основания мира избрал для спасения во Христе и вечного блаженства из чистой, свободной милости и любви, а не потому, что это имеет предпосылку в их вере, добрых делах или любви. И угодно было Богу, по неисповедимому решению и воле Его, для возвышения власти Своей над творениями Своими лишить остальных людей милости Своей и предопределить их к бесчестию и гневу за грехи их, во славу Своей высокой справедливости».

Как учили кальвинистские теологи, Христос был распят только ради «святых», другие люди не имеют никакой части в этом событии. Мне кажется, что кальвинизм уже нельзя рассматривать как ветвь Христианства. Как, например, католицизм когда-то отделился от Православия, а потом все еще больше и больше стал отдаляться. От католицизма потом еще более радикально отделился протестантизм лютеранского толка, но они все же не порывали с Христианством. Мне кажется, что кальвинизм – это какое-то в принципе другое исповедание. И многие исследователи пишут, что у богословов-кальвинистов христология очень слабо развита, что они

апеллируют в основном к авторитету Ветхого Завета. Да и в области морали приобретенное богатство означало признак избранности, принадлежности к «святым», прямо в противоречии с евангельскими заповедями (Мф 19:24; Мк 10:25; Лк 18:25); также бедность считалась признаком отверженности, грехом.

Здесь имеется фантастическое соединение двух противоположных тенденций. Во-первых, полной предопределенности: до сотворения мира судьба человека предопределена, одни предопределены к спасению, другие – к гибели; люди никак не могут на свою судьбу повлиять: было бы кощунством считать, что человек может изменить Божественное решение. А с другой стороны, именно эта идеология вызвала колоссальный всплеск энергии: люди, ею вдохновленные, организовали Английскую революцию – промышленную революцию в Англии, создали промышленное и индустриальное общество, создали Соединенные Штаты. Вот как это примирить? Тут есть какая-то загадка, и кальвинисты сами это понимали.

Один из их ранних проповедников – Джон Коттон из Массачусетса – самой первой колонии, которую они основали в Северной Америке, писал: «Прилежание в мирских делах и чувство того, что ты мертв для мира, – соединение этого есть некая тайна, недоступная никому, кроме тех, кто ее пережил». Чувство какой-то тайны было у них самих. Действительно, это загадочное явление. Причем это не единственная подобная ситуация в истории, то же самое присутствует и в исламе. Не раз в Коране говорится, что Аллах предопределил судьбу человека. Казалось бы, это тоже должно лишать всякого стимула к активности в жизни, но это породило невероятный выплеск энергии: племена, кочевавшие где-то на окраине тогдашнего цивилизованного мира, разбили две сверхдержавы того времени – Византию и Персид-

ское царство, дошли до Испании и покорили ее и только во Франции были остановлены. И третий раз в истории аналогичную ситуацию можно видеть, мне кажется, в марксизме. Здесь тоже ведь вся история определяется «железными законами». История предопределяется как естественнонаучный процесс, как полет ядра, выпущенного из пушки, который можно рассчитать, и в то же время происходит апелляция к чрезвычайному напряжению воли, что действительно вызывает отклик и колоссальный всплеск энергии. Отец Сергей Булгаков на эту тему даже пошутил: «Социалисты предсказывают мировую революцию, как астрономы солнечное затмение. И для того, чтобы организовать это солнечное затмение, создают партию». Но для нас, для истории России, главную роль играл, конечно, не кальвинизм и не ислам, а марксизм, который колоссально повлиял на русскую историю XX в. И я дальше коснусь этой стороны и этого загадочного соединения предопределенности и волевого усилия именно в связи с марксизмом.

Я начал с того, что сам прервал себя этой цитатой, говоря, из каких компонентов складывается идеология возникшего на Западе индустриального промышленного общества. Один компонент – это протестантизм кальвинистского типа. Второй – это построение жизни на основе чистого рационализма, то, что потом стало называться научным мировоззрением. И третье – это агрессивное, волевое отношение ко всему миру как к объекту для завоевания, как к материалу для свободного своего творчества. Причем отношение не только к странам или народам, но и ко всей природе. «Победить природу» было тезисом, высказанным, когда это общество только начало складываться, Фрэнсисом Бэконом. Другими словами, отношение к природе как к врагу, которого надо в войне победить и подчинить, причем подчинить себе ради материального

использования. Лозунг «знание – сила» в моей молодости висел во всех школах и в трамваях. Он тоже принадлежит Бэкону и тоже сформулирован в XVII в. Все это вместе создавало, конечно, психологию крайней агрессивной нетерпимости, когда всякая другая, иначе построенная цивилизация, другая точка зрения воспринималась как кощунство, как нарушение Божественной воли. И до сих пор в Соединенных Штатах часто в высоком тоне говорят о своей стране: страна Самого Бога, собственная страна Бога, т. е. то, что препятствует осуществлению их тенденций, препятствует воле Самого Бога. И в результате это приводило к интеллектуальному, духовному оправданию геноцида и часто выражалось как физический геноцид – уничтожение целых народов. В то же время это была и чрезвычайная продуктивная цивилизация. Она привела к колоссальному накоплению научных знаний, которые немедленно реализовались в технических приложениях. Так приобреталась колоссальная, неслыханная власть над миром. К XX в. возникло то, что сейчас называется «технологической цивилизацией», принцип которой состоит в постепенном вытеснении природных элементов техникой. Как сказал один немецкий социолог, цель западного прогресса – уничтожить природу и заменить ее искусственной природой – техникой. Частным случаем взаимоотношения между природным и искусственным был конфликт между городом и деревней. Эта цивилизация основана была на уничтожении крестьянской жизни, в каком-то смысле она была духовно с ней несовместима. В Англии развитие этого общества началось с того, что крестьян массами сгоняли с их общинных земель. Они превращались в бродяг, заполняя собой всю Англию. Чтобы сдерживать толпы этих людей, правительство издавало жесточайшие законы против бродяг: их клеймили, вешали. Еще в начале этого процесса, в первой половине

XVI в., по-видимому, десятки тысяч человек таких крестьян, обращенных в бродяг, были казнены. Это очень странная цивилизация, как многие исследователи замечают, парадоксальная, если к ней приглядеться. Она связана с преодолением жизни и вообще реального мира, с заменой его чем-то искусственным и техническим, какими-то абстракциями, которые отгораживают человека от мира. Самой из них известной и действенной в этом направлении являлись деньги, которые сами по себе, конечно, никакой реальностью не являются, ничего в себе не содержат. И в то же время они становятся сущностью жизни.

Первым, кто сформулировал такого рода принцип, был один из творцов идеологии возникающего западного общества Бенджамин Франклин, который высказал знаменитый тезис «время – деньги». Но деньги стали заменять не только время, но и многое другое: сейчас типичный западный комплимент красивой женщине: «Ты выглядишь на миллион долларов». Деньги как бы заменяют жизнь, и видно, какое это поразительное явление, если сравнить его с идеологией XVIII в. – идеологией капиталистического, торгового общества, но еще гораздо более традиционного. В детстве все читали книгу «Жизнь и приключения Робинзона Крузо», написанную Дефо; но немногим известно, что этот Дефо был также популярным в свое время писателем, который писал нечто вроде руководств для преуспевающих деловых людей. И в одном из них он дает такой жизненный совет. В начале он спрашивает: сколько, до какого момента нужно накапливать капитал в своем предприятии? А затем говорит совершенно точно: до 20 тысячи фунтов, потому что, получив 20 тысяч фунтов, человек может приобрести поместье и начать жить помещиком. И этим он своих разумных целей достигнет, а продолжая дальше заниматься хозяйственной деятельностью, может потерять и то, что уже приобрел.

Были ли это высокие, одухотворенные идеалы или нет, но ставились какие-то нормальные человеческие цели, на которые была направлена хозяйственная деятельность. И вот на смену пришел совершенно другой строй, который заставлял людей работать не ради каких-то человеческих принципов. Зомбарт, который является наиболее тонким исследователем этого специфического характера западного общества, пишет: «Каков идеал, каковы центральные жизненные ценности, на которые современный экономический человек ориентируется? Живой человек с его счастьем и горем, с его потребностями и требованиями вытеснен из центра круга интересов, и место его заняли две абстракции: нажива и дело». Зомбарт высказывает чрезвычайно интересный тезис, подкрепляя его рядом конкретных аргументов: «Капитализм (западный капитализм) возник из ростовщичества». Ростовщичество является действительно парадоксальной формой деятельности: это чистая идея денег, не связанная с какими-нибудь реальными жизненными целями. Тут ничего не производится, в эту идею ничего не вкладывается, кроме денег. И Зомбарт подтверждает многими наблюдениями тезис, что принцип ростовщичества послужил источником для создания духа современного западного общества. Это подкрепляется и таким наблюдением: отчаянная ярость католической Церкви была направлена именно против ростовщичества. Конечно, и Православная Церковь не одобряла его, но никогда такой систематической, целенаправленной войны против него не вела. По-видимому, это не воспринималось как непосредственная опасность существовавшему жизненному укладу. А на Западе ростовщичество действительно воспринималось Церковью, говоря марксистским языком, как «могильщик» существовавшего тогда традиционного общества. Не только мирянин не допускаялся к причащению, если он замечался

в ростовщичестве, но и священник лишался сана. Существовал особый суд, рассматривавший дела о ростовщичестве, контролировались все возможные формы дачи в долг. Конечно, давать в долг не запрещалось, но это не должно было приводить к скрытой форме ростовщичества. Например, существовало правило, что в долг можно давать деньги или какой-нибудь продукт ровно на год, чтобы он возвращался в тот же самый день следующего года, чтобы, например, не оказалось, что он возвращается в другое время, когда этот продукт или эти деньги больше нужны: это была бы скрытая форма ростовщичества. Конечно, все это нарушалось даже самой католической Церковью. Но существовало чувство страха, предчувствие того, что здесь выступает какой-то враг.

Из ростовщичества возник вексель – это уже был отрыв долга от личных отношений. Раньше был долг одного человека по отношению к другому, а это уже был долг абстрагированный, превратившийся в чистую бумагу, которая могла продаваться и уже ни с какими личными отношениями никак не была связана. Отсюда возникли различные ценные бумаги и акции. И, наконец, возникла биржа, которая превратилась в центр, в сердце капиталистического общества. Возникает какое-то загадочное впечатление, будто в каком-то большом здании происходит продажа и покупка бумаг, растут или падают цены на них, и это и есть основная жизнь. А ее бледным отражением является то, что в результате открываются новые предприятия, или, наоборот, то, что миллионы рабочих выбрасываются на улицу как безработные. Плывут пароходы, идут поезда – все это результат того, что произошло на бирже.

Самый глубокий кризис, который пережил западный капиталистический мир, – это знаменитая «Великая депрессия» – кризис, разразившийся в Соединенных

Штатах и во всем западном мире. Начался он с так называемого черного четверга: это было 29 октября 1929 г., когда обвально понизились цены на большинство бумаг на Нью-Йоркской бирже. А уже в результате этого через некоторое время миллионы людей были выброшены на улицу как безработные. Сотни тысяч предприятий обанкротились, и десятки тысяч человек просто покончили самоубийством. Реально и теперь уже жизнь в капиталистических странах – в странах, следующих принципам западного капитализма, – подчиняется не жизненным интересам, даже и самым примитивным, не интересам человеческим, которые можно по-человечески понять; действующими лицами являются совершенно новые индивидуальности – корпорации, компании, тресты и т. д. Это как бы новые личности, которые уже не имеют никаких собственных интересов; единственный фактор, который увеличивает их устойчивость и в каком-то смысле определяет их цели, – это увеличение своего капитала.

III. Россия и Запад

Вопрос, с которым столкнулась Россия при возникновении такого совершенно нового уклада, стоял перед всем миром: как относиться к этой новой цивилизации, в аксиомах, основных принципах которой была заложена тенденция власти над всем миром. Покориться ей или нет? Причем речь шла вовсе не о властвовании старомодном, когда речь сводилась к обложению данью, но о навязывании всего своего духа или о превращении в питательный материал. На этот вопрос Россия должна была дать ответ. И она вырабатывала, нащупывала этот ответ в течение всех трех последних веков.

Тут я могу сослаться на концепцию английского историка Арнольда Тойнби, развитую в громадном про-

изведении под названием «Постижение истории», из 12 томов, которое он писал, постепенно издавая, несколько десятилетий подряд. Он ставит вопрос: что является движущей силой истории? Экономический принцип, как утверждает марксизм, или интеллектуальное развитие каких-то концепций, как говорят просветители, или религиозные течения. У Тойнби своя точка зрения. Он считает, что история движется тем, что каждое общество сталкивается с каким-то вызовом и должно дать ответ на этот вызов. Это его концепция «вызова и ответа», которые и являются движущей силой истории. Например, для спартанцев вызовом была жизнь среди населения, ими покоренного, гораздо более многочисленного, чем их народ. А ответ формулировался в создании чисто мужского военного общества, в котором были ослаблены семейные связи, где жизнь проходила в чисто мужских союзах с совместной едой, причем дети воспитывались в военизированных бандах молодежи. Был культ мужества, силы и самопожертвования ради общества. А для эскимосов вызов заключался в жизни в арктических условиях, ответ же заключался в особом образе жизни, связанном со строительством жилищ из льда, в изготовлении одежды из шкур, в охоте на крупных животных, живущих в арктических водах, и т. д. С такой точки зрения можно сказать, что последние 300 лет Россия жила, вырабатывая ответ на вызов западной цивилизации.

Какой же она выработала ответ? Конечно, в каком-то смысле вызов относился ко всем другим народам, не входившим непосредственно в эту западную цивилизацию или вошедшим туда не сразу. И ответы вырабатывались разные, и важно сравнить их, чтобы понять, как Россия на это реагировала. Важно сравнить российский ответ с другими вариантами. Центром, в котором сложилась западная цивилизация, была Англия. Франция,

по-видимому, пыталась в конце XVIII в. наметить свой путь развития, основывающийся на таких же элементах капитализма, но в другом направлении. Но она была разбита Англией в нескольких войнах, потеряла свои американские и индийские колонии и в результате пережила серию катастроф, начиная с революции XVIII в. В результате она в конце концов приняла этот тип жизни, но уже не в качестве одного из лидеров, а как второсортная держава. Примерно такая же судьба была и у Германии: роль попытки противостояния чуждому давлению там играл национал-социализм. И вообще, фашизм в Италии, Испании, Португалии, Австрии был формой несогласия, протеста этих стран против наступающих на них западной, по существу, англосаксонской цивилизации, но окончилось это для всех западноевропейских стран полным включением в круг этой цивилизации и принятием их основных принципов.

Противоположный пример можно наблюдать в Северной Америке. Ее населял громадный народ североамериканских индейцев, насчитывающий не менее миллиона человек (называются разные цифры, вплоть до 8 млн). Это народ с очень своеобразной, глубокой, развитой мифологией, которая давала ответы на фундаментальные вопросы бытия: о происхождении мира, человека, смысле жизни. Это народ со своими этическими нормами, с очень развитым представлением о чести, гордости, мужестве. И он не принял эту западную цивилизацию, принесенную туда английскими переселенцами, и в результате оказался просто уничтоженным. Против индейцев велись войны, за их головы платили вознаграждение. За скальп индейца англичане назначали цены: за мужской – 5 долл., за женский – 3, а за детский – 2. Индейцам подбрасывали муку, зараженную чумой или оспой. И в результате нескольких веков борьбы они как народ

перестали существовать. И конечно, в этом колоссальную роль для английских переселенцев играла кальвинистская идеология их избранности, согласно которой индейцы – это народ, не имевший права на существование, своим существованием как бы оскорбляющий Божественный Промысел. Колонизаторы сравнивали дикарей с дикими животными. Например, говорилось, что договор, заключенный с индейцами, дикарями, ни к чему не обязывает человека, как если бы он заключил договор с дикими животными.

В этом спектре возможных ответов на вызов западной цивилизации Россия выработала или пытается до сих пор выработать свой собственный, третий путь. Он заключается в том, чтобы усвоить некоторые продукты западной цивилизации, не теряя своей индивидуальности. Так, можно выучить немецкий или китайский язык, не становясь немцем или китайцем. Этот путь и развивался начиная с Петровских времен или даже немного раньше. Он далеко не был бесконфликтным и безболезненным для России. Он привел к расколу народа, при котором высший, образованный слой усвоил другой стиль жизни и мышления, чем остальная, большая часть народа. Но все же он обеспечил стране 200 лет устойчивого развития, страна достигла своих естественных географических пределов и избежала участи Индии или Китая. И в то же время была создана великая русская культура XIX века.

Но можно спросить: в чем же я вижу доказательства того, что Россия сохранила свою национальную идентичность? Мне кажется, есть несколько четких, безусловных признаков. Во-первых, она осталась православной, во-вторых, она осталась монархией, в-третьих, она сохранила свое отношение к крестьянству и деревне, принципиально противоположное тому, на котором основывалась западная цивилизация. И в XX век Россия вступила

крестьянской страной: более 80% населения были крестьяне. И это был не стихийный процесс, это было сознательное устремление русской мысли начиная с реформ 1861 года. Тогда была сохранена община – именно с той целью, чтобы препятствовать пролетаризации деревни, т. е. сгону крестьян с земли и превращению их в пролетариев. Но когда стало понятно, что община в какой-то мере ограничивает развитие крестьянского хозяйства, начались разрабатываться проекты реформ. Этим сначала занимался Бунге – самый, может быть, влиятельный министр Александра III; потом долгое время во главе комиссии, которая разрабатывала систему реформ, был Витте, и, наконец, реформа была реализована Столыпиным. Преобразования шли с 1861 до 1911 г. Это была систематическая деятельность, по крайней мере, с одной целью. Можно сказать, что эти попытки были в разной степени энергичными, волевыми, действенными, но все они имели одну и цель, одну ориентацию. Все же реформы происходили слишком медленно и боязливо, что и сказалось в революции.

И, наконец (я перечисляю пункты, по которым можно утверждать, что Россия не пошла по западному пути), последнее свидетельство – самого Запада. Запад всегда в течение XIX и XX вв. воспринимал Россию как нечто себе чуждое и даже враждебное. От либералов до крайних революционеров там Россию не любили. Для либералов Россия была препятствием на пути к прогрессу, для революционеров – на пути к революции. От Маркиза де Кюстина до Маркса и Энгельса Россию не принимали в европейский круг. Маркс и Энгельс писали о «сентиментальных фразах о братстве, обращенных к нам от имени контрреволюционных наций Европы» (хочу обратить внимание на поразительный термин «контрреволюционные нации» – классовый подход, который является столь

фундаментальным для их идеологии, в этом пункте даже отбрасывается). Так вот: в ответ на эти призывы, писали Маркс и Энгельс, «мы говорим: ненависть к русским была и продолжает еще быть для немцев их первой революционной страстью».

Данилевский в книге, о которой я буду подробно говорить позже, писал, что «вешатели, кинжальщики, поджигатели становятся героями, коль скоро их гнусные поступки обращены против России»¹. И так продолжалось вплоть до Первой мировой войны, когда в парламентах Франции и Англии правительство вынуждено было защищаться от упреков, что оно находится в союзе с «деспотической Россией», в то время как эти страны были бы раздавлены немцами, если бы не были принесены в жертву более полутора миллиона жизней русских солдат.

IV. Концепция прогресса

Вся острота противостояния Западу была связана с тем, что он обладал колоссальной мощности силами, прежде всего материальными, – в виде техники, развивавшейся с совершенно фантастической быстротой. Затем Запад обладал четкой и рационально сконструированной социальной организацией и, может быть, наиболее действенной силой-идеологией. Самым мощным идеологическим оружием Запада была концепция прогресса – идея, что история вся движется в одном направлении куда-то «к лучшему». Эта концепция сделалась настолько общепризнанной, общепринятой, что можно даже спросить: а как же иначе можно воспринимать историю? Разве это не само собой очевидно? Кажется, что это свойство человеческого мышления, по-другому и нель-

¹ Цит. по: Данилевский Н. Я. Россия и Европа. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – С. 64.

зя мыслить. Но это совсем не так. Существовали очень устойчивые и совершенно другие взгляды на историю. Например, историю понимали как циклический процесс, который возвращается к исходной точке через много тысяч лет. Этому взгляда придерживались такие известные мыслители, как Макиавелли или Вико вплоть до XVII в. Или точка зрения упадка: когда-то существовал золотой век, потом худший – серебряный, потом медный, и теперь мы живем в железном веке. Такого взгляда придерживалась практически вся античность, основные ее мыслители. И возникла эта точка зрения очень рано. Она отражена, например, в поэме «Работа и дни» греческого поэта Гесиода, написанной, по-видимому, в VII в. до Рождения Христова. Тогда философию излагали стихами. Вот отрывок из Гесиода:

Создали прежде всего поколение людей золотое,
Вечно живущие боги, владельцы жилищ олимпийских,
Жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душою,
Горя не зная, не зная трудов. И печальная старость
К ним приближаться не смела, всегда одинаково сильны
Были их руки и ноги. В пирах они жизнь проводили,
А умирали, как будто объятые сном.
После того поколение другое, уж много похуже
Из серебра сотворили великие боги Олимпа.
Были не схожи они с золотым ни обличьем, ни мыслью.
Сотню годов возрастал человек неразумным ребенком,
Дома, близ матери доброй, забавами детскими тешась.
А, наконец, возмужавши и зрелости полной достигнув,
Жили лишь малое время, на беды себя обрекая
Собственной глупостью, ибо от гордости дикой не в силах
Были они воздержаться, бессмертным служить не желали.
Третье родитель Кронид поколение людей говорящих
Медное создал, ни в чем с поколением не схожее с прежним.
С копыями. Были те люди могучи и страшны... хлеба не ели.

И наконец, Гесиод переходит к собственным его современникам и говорит:

О, если бы мог я не жить с поколением пятого века!
Раньше его умереть я хотел бы иль позже родиться.
Землю теперь населяют железные люди. Не будет
Им передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя,
И от несчастья. Заботы тяжелые боги дадут им.
Дети – с отцами, с детьми – их отцы сговориться не смогут,
Чуждыми станут товарищ – товарищу, гостю – хозяин.
Больше не будет меж братьев любви, как бывало когда-то.

Вот яркий пример концепции «антипрогресса». Но вы спросите: в чем же разница между двумя концепциями? И та, и другая исходят из того, что видят в истории осуществление некой единой тенденции. Только оценивают ее они по-разному. Одна считает, что все движется к лучшему, другая – к худшему. Но когда Гесиод говорит, в каком смысле жизнь становится хуже, то можно ему верить или нет, но то, что он говорит, понять можно вполне. Сначала люди жили долго, были здоровыми, счастливыми; потом возникли между ними раздоры, они перестали понимать друг друга, стали болеть и рано умирать. А какова точка зрения прогресса в собственном смысле? Жизнь становится «лучше» – это точка зрения в высшей степени неопределенная. Все зависит от оценки. Если мы оцениваем качество жизни по количеству киловатт/часов, вырабатываемых обществом, то оценка будет одна. А если оценивать по чистоте воздуха – оценка будет другая. С чьей точки зрения мы смотрим? Если с точки зрения английских переселенцев в Америку, оценка будет одна. Если с точки зрения аборигенов, индейцев, оценка будет другая. И разгадка чрезвычайно проста: нигде это прямо не формулируется, но из изложения ясно, что

«хорошим», благом является то, что приближает к современному западному обществу. Эта концепция является пропагандой того, что это общество является идеальным человеческим состоянием, к которому все человечество закономерно движется.

Только так возникают понятия «передовых» и «отсталых» наций. Нужно предположить, что история движется по какой-то одной линии, причем в одну и ту же сторону. И одни нации ушли дальше, другие от них отстали. Конечно, тогда мы можем сказать: вот эти – передовые, а эти – отсталые. Но если бы они двигались в плоскости в разные стороны, то эти оценки были бы бессмысленны. Вот в этом вся суть концепции прогресса. И, приняв такую концепцию, такую идеологию, народ становится духовным рабом стран западной цивилизации. Это идеология выработывалась долго, вероятно, начиная с гегелевской системы. И вопрос был основоположный для существования каждого народа: как глядеть на историю? Какое место себе в ней определить?

V. Концепция Данилевского

Опровержение вышеизложенной концепции прогресса и формулировка альтернативной точки зрения содержатся в книге Данилевского «Россия и Европа», изданной в 1869 г. Мне кажется, в ней есть идеи, основоположные для понимания истории.

Одна из первых глав так и начинается с вопроса, который мы обсуждали: почему Европа враждебна России? Автор приводит ряд конкретных, очень ярких и поразительных примеров, когда Европа по отношению к России и европейским странам применяет то, что сейчас называется двойным стандартом. Более того, Европа готова идти на какие-то для себя потери, если эти дей-

ствия каким-то образом повредят России. Данилевский дает ответ на вопрос: откуда это загадочное явление, какова его причина? «Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом... который можно бы формировать и отделять по образу и подобию своему... Как ни рыхл, ни мягок казался верхний, наружный, выветрившийся... слой, все же Европа понимает или, точнее сказать, интуитивно чувствует, что под этой поверхностью лежит крепкое, твердое ядро, которое не растолочь, не размолотить, не растворить, которое, следовательно, нельзя будет себе ассимилировать, превратить в свою плоть и кровь, которое имеет силу и притязания жить своей самобытной, независимой жизнью»¹.

После этого он ставит и вопрос: какой же смысл этого противостояния в аспекте истории? И говорит, что единая тенденция, проходящая через всю историю, является чистой фикцией. История, с его точки зрения, развивается как история отдельных цивилизаций или, как он говорит, «культурно-исторических типов», каждый из которых живет как целостный организм: имеет эпоху рождения, молодости, расцвета сил, упадка и гибели.

Сейчас наибольшую силу имеет один такой тип, как он называет романо-германский или европейский, и концепция единого прогресса есть лишь идеологическое оружие, отстаивающее право этого типа на власть над всем миром. И Данилевский формулирует, как мне кажется, чрезвычайно глубокую и красивую точку зрения на историю: «Прогресс... состоит вовсе не в том, чтобы идти все время в одном направлении... а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех

¹ Цит. по: Данилевский Н. Я. Указ. соч. – С. 65–66.

направлениях»¹. Иными словами, картина истории, укладываемая в одну линию, говоря математическим языком, «одномерная», заменяется гораздо более богатой картиной – «многомерной», движение идет по некоему полю – в плоскости или в пространстве.

Книга содержит две идеи: одна – фундаментальная, которую я сформулировал, о культурно-исторических типах. Эта идея при жизни Данилевского не получила признания, но потом приобрела колоссальную известность, когда независимо от Данилевского немецким автором Шпенглером была изложена в книге «Закат Европы», появившейся сразу после окончания Первой мировой войны. Шпенглер ни разу не упоминает Данилевского и, может быть, как немец действительно о нем не знал. Позже Арнольдом Тойнби, на которого я ссылался, еще раз была развита сходная концепция. Он гораздо подробнее развивает ее, насчитывает больше различных цивилизаций, чем Данилевский, многосторонне оценивает возможное их взаимодействие. Однако принцип у Тойнби тот же самый. Он ссылается на Данилевского, но, мне кажется, совершенно недостаточно: не как на человека, который первый высказал идею, которую он потом разрабатывал, а как на одного из людей, которые тоже на эту тему писали.

Я хочу сделать предупреждение, что в книге Данилевского есть и вторая идея, которую, видимо, история еще не подтвердила, – по крайней мере, в таком четком виде, в каком он ее формулирует. И благодаря этому она удобно используется для опровержения книги в целом. Их ни в коей мере не следует смешивать. Вторая идея заключается в том, что на смену германо-романскому типу приходит новый культурно-исторический тип – славянский и будущее принадлежит громадному славянскому

¹ Цит. по: *Данилевский Н. Я.* Указ. соч. – С. 135.

союзу, центром которого будет Россия, а столицей – Константинополь. Уже при жизни Данилевского указывали (например, Леонтьев), что те же поляки, будучи славянами, гораздо ближе к Западу и являются орудием западной цивилизации против России. Точно так же и чехи ближе к Западу, чем к России. И, может быть, наше время показывает, что возможна некая корректировка этой точки зрения. Некоторую общность и близость можно видеть, может быть, в славянско-православных странах. Например, в Сербии ожесточенная война велась даже не между славянскими народами, а между тремя ветвями одного и того же сербского народа – сербами, хорватами и боснийцами, различавшимися лишь тем, что они приняли разные религии: Православие, католицизм и ислам.

VI. Россия к началу XX века

Мне кажется, что точка зрения Данилевского дает правильный исходный пункт для оценки того, что происходило в России, и происходит, может быть, даже до сих пор. С чем Россия пришла к XX веку? Это действительно было противостоянием двух цивилизаций, причем Россия пошла не по пути полного отрицания, а по пути принятия продуктов западной цивилизации, которые не разрушают ее национальную идентичность. И, может быть, благодаря этому в России действовали как бы силы противоположного толка, которые приводили к конфликтам, и эти конфликты мы наблюдаем и сейчас.

Положение в России в начале XX в. было следующее. Это была крестьянская страна, больше 80% населения составляли крестьяне. Это была страна с колоссальным ростом населения и в этом смысле очень здоровая. Я думаю, что из всех вообще стран, которые тогда обладали статистикой, в России был самый быстрый рост населе-

ния. В то же время Россия, будучи крестьянской страной, входила в пятерку наиболее развитых промышленных стран. Она имела один из самых устойчивых в мире годовых бюджетов. Промышленность росла, и особенно значительно в том направлении, которое нужно было деревне. Например, за 20 лет до войны вдвое увеличилось производство сахара и производство кровельного железа. Это то, что нужно было деревне. Так же примерно вдвое увеличились крестьянские взносы в сберегательные кассы. Но с другой стороны, все время слышались жалобы крестьян на безземелье – явно объективные жалобы, потому что при небольшом неурожае уже начинались голод и крестьянские волнения (с 1902 г.). При этом средний урожай в России был в два-три раза меньше, чем во Франции, Англии, Германии, хотя в среднем почвы были у нас гораздо лучше. Причина заключалась, очевидно, в том, что само сельское хозяйство было менее интенсивно. Но большая интенсификация сельского хозяйства требовала развития промышленности и роста городов, хотя этого можно было достичь не тем путем, не теми темпами, как это когда-то произошло в Англии и вообще на Западе.

Осуществлялась очень большая деятельность для поддержки и оздоровления деревни. Например, начиная с эпохи столыпинских реформ, был очень сильно активизирован Крестьянский банк, который давал большие ссуды крестьянам для покупки земли и улучшения хозяйства. Громадного развития достигла кооперация, при которой крестьяне кооперировались по тому или иному виду деятельности, в основном не связанному непосредственно с производством. Например, кооперация осуществлялась по трепке льна, существовал Льноцентр, который был мировым монополистом по продаже льна. Или по сбиванию масла из сметаны был Маслоцентр, тоже практически монопольно владевший европейским

рынком. Существовали центры по закупке сельскохозяйственных товаров, по продаже и хранению урожая, по получению кредитов и т. д.

Один из крупнейших экономистов того времени Туган-Барановский уверяет, что Россия по уровню охвата кооперацией стояла на первом месте в мире, но другие говорят, что не на первом, а на втором – после Германии. Но, во всяком случае, кооперация была колоссально развита. Если учитывать членов семейства, то кооперацией было охвачено больше половины сельского населения. Также все время совершенствовалось рабочее законодательство. Юридическое положение рабочих России было лучше, чем рабочих США и Франции.

Но изменения эти все время не поспевали за требованиями жизни. И произошло то, что часто, по-видимому, происходит в истории. Верхний, образованный слой как бы не выдержал испытание своей властью, своим привилегированным положением. И начало этого можно увидеть гораздо раньше – в том, что освобождение дворян от их обязанностей перед государством, так называемое провозглашение дворянских вольностей, произошло почти ровно на сто лет раньше, чем освобождение крестьян от их крепостной зависимости. И когда произошло провозглашение дворянских вольностей, крестьяне стали ждать, что за этим должно произойти освобождение крестьян, а когда оно не произошло, то это вылилось в пугачевское движение. Так, по крайней мере, его причину толкует Ключевский (да и многие другие историки).

Мне кажется, что с этого момента и началось проникновение в Россию этой западной концепции – концепции прогресса, деления стран на передовые и отсталые, причем Россия оказывалась именно отсталой страной. Это как бы оправдывало такое пренебрежительное, если угодно, эксплуататорское отношение к стране. В среде выс-

шего, образованного слоя – дворянства, интеллигенции и т. д. – произошел некий раскол. Выделилось это движение западников, которое при противостоянии России и Запада оказывалось союзником не России, а Запада – вплоть до парадоксальных, крайних примеров. Например, была послана телеграмма с поздравлением японскому императору в связи с победой японского флота над русским при Цусиме. Данилевский пишет: «Взгляд... на Россию... как на весьма трудно преодолимое препятствие к развитию и распространению настоящей человеческой, то есть европейской... цивилизации... в сущности, очень распространен между корифеями нашего общественного мнения и их просвещенными последователями. С такой точки зрения становится понятным (и не только понятным, но и в некотором смысле законным и, пожалуй, благородным) сочувствие и стремление ко всему, что клонится к ослаблению русского начала на окраинах России»¹.

А Розанов писал уже в 1911 г.: «Дело было вовсе не в славянофильстве и западничестве. Это цензурные и удобные термины, покрывающие далеко не столь невинное явление. Шло дело о нашем Отечестве, которое целым рядом знаменитых писателей указывалось понимать как злейшего врага некоторого просвещения и культуры. И шло дело о Христианстве и Церкви, которое указывалось понимать как заслон мрака, темноты и невежества, заслон и, в сущности своей, ошибку истории, суеверие, пережиток, то, чего нет». (И надо заметить, что в том, что касается Христианства и Церкви, эта характеристика в значительной степени относится к произведениям самого Розанова. В этом и проявляется конфликтность жизни России в дореволюционную эпоху.) Дальше он очень ярко описывает западнический взгляд: «Россия не содержит в себе никакого здорового и ценного зерна.

¹ Цит. по: Данилевский Н. Я. Указ. соч. – С. 81.

России, собственно, нет, она кажется. Это ужасный кошмар, фантом, который давит душу всех просвещенных людей. От этого кошмара мы бежим за границу, эмигрируем, и если соглашаемся оставить себя в России, то ради того единственно, что находимся в полной уверенности, что скоро этого фантома не будет, и его рассеем мы».

Впрочем, как и во многих случаях, Пушкин намного раньше и намного короче эту мысль сформулировал:

Ты Просвещением свой разум осветил,
Ты Правды чистой свет увидел,
И нежно чуждые народы полюбил,
И мудро свой народ возненавидел.

В русском образованном ведущем слое общества образовался как бы авангард, заброшенный Западом в Россию. И всю историю того времени и невозможно понять иначе, если не рассматривать ее по Данилевскому – как некоторую борьбу, столкновение цивилизаций. Россия была препятствием на пути, но вовсе не трудноопределимого прогресса, а на пути западной цивилизации. И только это может объяснить тот загадочный факт, что русская революция в течение всей своей подготовки, развития финансировалась банкирами, в основном западными, но также находившимися в России. Хотя логически это кажется очевидным: а кто другой кроме банкиров может финансировать что бы то ни было? Ведь только у них деньги! И как может революция развиваться без финансирования? Кто-то сказал, что для революции нужны три вещи: во-первых, деньги, во-вторых, деньги и в-третьих, тоже деньги. Это подтверждается не только логикой, но и целым рядом поразительных фактов, впоследствии выплывших наружу. Например, американский банкир Шифф, который

в разговоре с Витте заявил, что, если евреям не будет предоставлено равноправия в России, они произведут революцию, которая утвердит республику, которая даст это равноправие. И он финансировал революцию, в частности революционную агитацию среди русских пленных в Японии во время войны. Существует поразительная книга на эту тему. Ее написал Сеттон – американский историк – по материалам Госдепартамента, которые через 50 лет рассекречиваются автоматически. Он опубликовал поразительные материалы. Книга переведена на русский язык и издана Михаилом Назаровым. Она называется «Уолл-стрит и большевистская революция» и показывает, например, что очень скоро после большевистского переворота один очень крупный американский финансист в Петрограде перевел правительству миллион долларов (а он был представителем банка Моргана). И целый ряд американских банков финансировали таким образом революцию и утвердившееся после революции правительство. У Советской России не было тогда представительства на Западе, потому что она не была признана западными странами. Но они организовывали некое неофициальное представительство, через которое оказывали давление на свои правительства ради того, чтобы они оказывали помощь большевикам. Или был такой факт. Некий старый большевик Валентинов, участвовавший в большевистской партии в период ее возникновения, потом отошел от нее. Он написал очень яркие воспоминания, где рассказывает, что работал в Киеве в начале века и деньги шли от Бродского – киевского миллионера, который, как он говорит, «был великим революционером». Как это банкир может быть великим революционером? Эта загадка может быть разрешена, только если смотреть на все это противостояние как на средство разрушить цивилиза-

цию, которая была препятствием для западной цивилизации. Тогда это становится понятным.

VII. Революция 1917 года

Эти силы и обеспечили победу революции, причем на обоих ее этапах – на февральском и на октябрьском. Я хочу обратить ваше внимание на тот факт, что и в Февральской, и в Октябрьской революциях победило «западническое» направление. Что касается Февральской революции, тут уже никаких сомнений нет, с этим согласны были и ее руководители. Все руководители оппозиции в Думе и те, кто были во Временном правительстве, исходили из концепции прогресса, по которой Россия оказывалась отсталой страной, будущее ее зависело от того, будет ли она догонять и копировать западные страны, перенимая их государственную систему, основанную на прямом, равном, тайном и общем голосовании, так называемой «четырёххвостке». Речь шла о парламентской системе, основанной на борьбе партий, на власти парламента утверждать правительство и т. д.

Деятели Февральской революции сами прокламировали, что они западники. Но и большевики, которые пришли к власти в Октябрьской революции, тоже были западниками, потому что марксизм, конечно, был чисто западным течением – радикальным западническим течением. Марксизм, прежде всего, исходил из той же самой концепции прогресса, которая только в нем формулировалась как смена разных экономических формаций. Пять их было или шесть – это вопрос сейчас мало кого интересует, хотя когда-то он вызывал бурные дискуссии. В любом случае марксизм исходил именно из концепции прогресса, в свете которой Россия оказывалась отсталой страной. Так считали не только Маркс или немец-

кие социал-демократы, так считал и Ленин. Даже после Октябрьской революции он писал, что да, у нас произошла социалистическая революция, и вот в этом смысле мы временно оказались передовой страной, но через несколько месяцев непременно произойдет революция в Европе, и мы тогда опять окажемся отсталой – только в другом, социалистическом смысле, страной.

Марксизм, будучи именно западным течением, впитал в себя внутреннюю враждебность к России. Например, Маркс писал: «Не в суровом героизме норманнской эпохи, а в кровавой трясине монгольского рабства зародилась Москва. А современная Россия является не чем иным, как преобразованной Московией». Эти высказывания Маркса были настолько яркими, что у нас их даже не печатали в собрании сочинений Маркса. Кардинальную близость к западной цивилизации можно видеть в марксизме – в его отношении к крестьянству. Например, согласно его основным принципам, в «Коммунистическом манифесте» можно прочесть: «Общество все более раскалывается на два больших враждебных лагеря, на два больших стоящих друг против друга класса: буржуазию и пролетариат». Крестьянству в этой картине вообще не остается места. Схема марксизма разворачивается только тогда, когда крестьянства нет, когда оно частично превратилось в пролетариев, а частично в мелкую буржуазию. Это соответствует и взгляду западной цивилизации: крестьянство там фактически уничтожается и даже рассматривается как посторонний элемент. Занятие сельским хозяйством играет такую же роль, как работа с опасными радиоактивными материалами. Например, в Соединенных Штатах на земле заняты 3–4% населения, но неверно, что на это тратится такая же часть усилий: от 25 до 30% экономики работает на сельское хозяйство – машиностроительная промышленность, химическая

промышленность и т. д. Но от этого «опасного» контакта с природой максимальное количество людей защищено. И в «Коммунистическом манифесте» написано, что первые меры, которые должны быть приняты после прихода к власти, после осуществления пролетарской революции, – это создание трудовых армий, причем именно в деревне. Это в точности тот рецепт, который был у нас осуществлен в «трудармиях» Троцкого, это крайняя форма пролетаризации деревни.

Крестьянство во всем марксизме воспринималось как враждебная помеха. Во-первых, и Маркс, и все его последователи вплоть до Ленина указывали, что неудачи всех ранних попыток пролетарской революции, включая Парижскую коммуну, были связаны с предательством «сельской буржуазии», т. е. крестьянства. Во-вторых, это был, в принципе, не укладывающийся в логику концепции класс. Маркс называет крестьянство «неправильным» или «неудобным» классом. Какие еще термины Маркс и Энгельс употребляют по отношению к крестьянству? Это «варвары среди цивилизации», «варварская раса», «озорная шутка всемирной истории», «непонятный иероглиф для цивилизованного мира». В их сочинениях говорится об «идиотизме деревенской жизни» и т. д.

С этой и других точек зрения марксизм является чисто западной теорией, радикальной ветвью идеологии западной цивилизации. Предполагалось, что в будущем революция победит в наиболее «развитой» стране – тогда это была Англия. Когда чартистское движение не привело к революции, то стали думать о революции в Германии; в Германии она не удалась – тогда речь зашла о революции во Франции – Парижской коммуне. Когда и она не удалась, Маркс с отчаяния попытался увидеть начало революционной деятельности в России. Но это никак не связывалось с общей концепцией. Таким образом,

революция была одним из этапов противостояния двух цивилизаций: складывающейся в России и западной. Она завершилась победой западнических начал.

VIII. Что такое социализм?

Существует такая точка зрения, что при выборах Учредительного Собрания пусть большевики получили четверть голосов, а эсеры – половину. Но все равно выходит, что подавляющая часть народа «голосовала за социализм». Я бы не придавал слишком большого значения голосованиям, подсчетам голосов в ту эпоху крайнего безвластия и насилия, разлившегося на всех уровнях, но, безусловно, верно, что шансы на успех тогда имела только партия социалистического направления. Если бы каким-то чудесным образом большевики были тогда из русской истории убраны, то, вероятно, вместо них захватили бы власть левые эсеры, которые какое-то время с ними власть и делили. Не было бы левых эсеров, другие эсеры захватили бы власть, и т. д. Марксизм, оформленный большевизмом, был только наиболее цельной и совершенной формой общего социалистического мировоззрения, которое вырабатывалось на Западе и сформулировалось в марксистско-большевистской форме к XX века.

Что же такое социализм и почему это учение победило в России? Чтобы ответить на этот вопрос, мне кажется, нужно прежде всего отказаться от таких формулировок, что социализм это есть «стремление к справедливости», к «равенству» или «к счастью человечества». Во-первых, такие слова гораздо больше говорят человеческому сердцу, и эти древние слова всем известны. Зачем для этих простых вещей выдумывать новое иностранное слово – «социализм»? Во-вторых, все те учения социализма, которые имели шанс на победу в России, предусматривали

победу через насилие, через эпоху гражданских войн. Только началась Первая мировая война, как Ленин уже сформулировал свой тезис: «Превращение войны империалистической в беспощадную гражданскую войну». Целый ряд ведущих лидеров большевизма утверждал, что гражданская война в эпоху пролетарской революции есть классовая война. Классовые войны – это та форма, которую классовая борьба, основа истории, согласно марксизму, принимает в эпоху пролетарской революции. Тухачевский даже написал книгу «Войны классов», где обосновывал этот тезис. Эта концепция восходит к самым основам марксизма: еще Маркс и Энгельс в начале своей деятельности писали, что пролетариату предстоит пережить пятнадцать, двадцать, пятьдесят лет классовых боев. И не для того только, чтобы удержать власть, но и чтобы быть ее достойной, т. е. гражданская война рассматривалась как одна из форм создания «нового человека».

Как же можно считать, что это учение есть какое-то стремление к счастью человечества, когда оно предполагает десятилетия гражданских войн, которые, как предполагалось, должны были захватить, по крайней мере, всю Европу? Мао Цзэдун, гораздо позже развивая ту же линию, сказал, что, по его мнению, не жалко было бы пожертвовать и половиной человечества, если бы другая половина потом жила при социализме. Какое же равенство может быть между той половиной человечества, которая погибнет в атомной войне, и той, которая будет потом жить?!

Но это «апофатическое» определение социализма в смысле того, чем он не является. А чем же он является? Прежде всего, это чрезвычайно древнее учение. Законченная, отточенная, полная формулировка основных принципов социализма была дана Платоном в IV в. до Р. Х. (прежде всего, в сочинении «Государство»).

Согласно общей концепции Платона, все существующее на Земле имеет прообраз в виде некоей идеи, которая существует не на Земле, а в «мире идей». И все, что существует на земле, – это искаженное отражение своей идеи. Такая идея существует и у общества. В этом сочинении он высказывает мысль, что общество тем ближе к своей идее, чем оно более едино. А единству препятствует то, что люди по-разному говорят «твое» и «мое». И вот это должно быть ради достижения единства уничтожено.

Здесь допускается один очень важный вопрос: к чему же относится это обращение «мое»? Можно говорить о «моей руке» или о «моем доме», который был построен еще моим отцом, в котором я родился, прожил много лет и т. д. Или можно говорить об акциях, которые я выиграл вчера, спекулируя на биржах. Главное состоит вот в чем: может ли человек говорить о себе как о чем-то «своем»? Является ли он хозяином себя, или он принадлежит каким-то внешним силам?

Платон радикально становится на точку зрения, что человеку не должно принадлежать ничего, вся его жизнь должна быть сконструирована в соответствии с интересами общества. Надо заметить, что Платон говорит о верхнем слое, элите общества, которое он обсуждает. Он называет их «стражами». Отец Сергей Булгаков говорит, что это слово, может быть, надо переводить как «святые», возможно, под влиянием того, как себя называли пуритане в Англии. И о них Платон говорит, что «у них не будет никакой собственности, кроме своего тела». Но ведь слово «мое» может употребляться и в других сочетаниях, как, например, «мой ребенок» или «моя жена». И это тоже, говорит Платон, ведет к разделению общества и должно быть уничтожено. Люди, стоящие на вершине иерархии общества, некоторым другим его членам дают разрешение соединиться на время ради произведения потомства,

но дети потом отбираются, так что дети не знают своих родителей, а родители – своих детей. Уничтожается семья и всякая национальная или духовная традиция: искусство, мифы. Платон говорит, что мы извиняемся перед великими поэтами Гесиодом и Гомером, но мы запретим большую часть их произведений. Это некий рационалистический монастырь, но не одухотворенный никаким религиозным духом, а построенный исключительно из соображений логики и пользы, устойчивости общества. Причем монастырь, распространенный на все общество.

И очень интересно, что в этом сочинении такое общество как бы строится перед нами – в беседе, которую Сократ ведет с несколькими друзьями. Это общество придумывается, логически конструируется. И это типично для всех формулировок социалистической идеи. Две с половиной тысячи лет спустя Бухарин писал: «Процесс строительства коммунизма является в значительной мере сознательным, то есть организованным». Что касается капитализма, то «его не строили, он сам строился». Фактически последнее относится не к одному капитализму, а вообще ко всей жизни, которая возникает по каким-то органическим законам. А социализм во всех разновидностях этой концепции всегда был продуктом «социальной инженерии». Он разрабатывался какими-то его конструкторами, как в каком-то конструкторском бюро придумывают нечто вроде паровоза или телефона. В концепции Платона эта идея была высказана с идеальной полнотой и логичностью. И впоследствии к ней в этом смысле было мало что добавлено. Иногда ее смягчали, чтобы сделать более приемлемой ее радикальную прямолинейность. Иногда как-то приспособляли к особенностям той или иной страны или эпохи. Иногда обдумывали планы, каким образом можно осуществить этот строй. Но сама система всегда сохранялась неизменной.

Это была идея государства, общества, построенного по типу машины, в которой люди являются ее покорно работающими частями, так, как это нужно для функционирования машины. Удивительно, что этот образ возникает в совершенно разных обстоятельствах, у совершенно разных людей. Например, Сталин в свое время провозгласил тост за «винтики», которые часто недооценивают, но которые играют в нашем государстве очень важную роль. Тогда этот тост был напечатан во всех газетах. Прошло много лет. Происходила культурная революция в Китае. И газеты в Китае прославляли некого Ли Фэна, который называл себя «нержавеющим винтиком председателя Мао». А Бухарин говорил, что коммунизм есть «трудовая кооперация людей, рассматриваемых как живые машины в пространстве и времени».

Этот дух механического восприятия общества был очень близок общему духу западноевропейской цивилизации – материалистической и механистической, которая стремилась все уподобить механизму. Декарт, например, утверждал, что всякие животные являются просто механизмами, устройство которых нам еще не до конца ясно. Человеческий организм он многократно сравнивал с часовым механизмом, но допускал, что у человека есть душа. Его последователь Ламетри уже через сто лет написал книгу «Человек-машина», в которой доказывал, что человек и в своей физической деятельности, и в духовной является просто некоторой сложно действующей машиной. А в биологии все время возникали концепции, одну из которых учебник биологии характеризует так: «Организм действует наподобие марионетки, каждое движение которой зависит от того, что какой-то внешний фактор потянет за соответствующую нитку». И это относилось не только к живым существам. Весь мир пытались осмыслить в виде некой машины. У Кеплера, одного из

создателей научной идеологии западного общества, есть такое высказывание: «Моя цель – показать, что мировая машина подобна не Божественному организму, но, скорее, часовому механизму». Этот термин «мировая машина» принадлежит не Кеплеру. Он еще глубже уходит в корни западной цивилизации. Например, встречается у Коперника и даже еще раньше – у Николая Кузанского.

И возникает вопрос: для кого же была привлекательна такая концепция? Кому нравилась идея, что общество – это машина, в которой люди являются только отдельными винтиками? А ведь каким-то образом эта концепция победила у нас в Гражданскую войну! Ответ очевиден. Такая концепция может нравиться тем, кто управляет машиной. Конечно, обществом очень трудно управлять, когда каждый человек верит, что у него есть бессмертная душа, о которой он должен думать. Народ имеет свои национальные цели. Если же это превращено в некое подобие машины, то управление государством превращается в одно удовольствие.

Всегда было так, что социализм – это элитарное учение, апеллирующее к правящему классу или к возможному правящему классу в некоем будущем обществе. Таким оно было у Платона, который писал только об этих «стражах». Так потом было в XIX в., когда начала появляться идея социализма в Западной Европе. Например, Сен-Симон говорил, что будущее за научным руководством мира – ученые будут руководить обществом. Во главе мира будет мировое правительство, которое будет состоять из десяти ученых во главе с математиком. Ленин, когда говорил о партии профессионалов-революционеров, имел в виду, что будет партия не связанных с остальной жизнью общества профессионалов-революционеров. Только они могут внести социализм в рабочее движение: рабочие могут сколько угодно бороться за свои права,

отстаивать большую зарплату и лучшие условия, но они никогда не дойдут до социалистической идеологии, которая должна быть внесена в рабочее движение извне.

Социализм – это долго разрабатывавшаяся, очень нетривиальная, тонкая идеология, которая не игнорировала трудные вопросы. Например, ясно, что руководители и руководимые – одни и те же люди. Почему же одни являются винтиками, а другие – правителями машины? Сложность концепции заключалась в том, что и сами члены правящего слоя тоже рассматривались как части машины – только наиболее совершенные части. Именно поняв себя в качестве части машины и усвоив ее ритм и потребности, можно было добиться необычайной власти над людьми и миром. Но для этого надо было отказаться от своей личности, своей индивидуальности. Предполагалось, что эта машина включает не только общество, но и весь мир является машиной. Люди чувствовали, что они становятся владыками мира, а не только одного определенного общества. Ведь постоянно во время революции возникали проекты переустройства всей природы, формулировались какие-то фантастические предсказания, что в ближайшее время будут открыты новые природные силы, которые предоставят человеку новые возможности. Этим объяснялось, например, то, что будет достаточно четырехчасового рабочего дня для достижения общего благополучия.

Иными словами, это была психология всемогущих людей, почти полубогов, демиургов. И она была необычайно привлекательна и сладостна для тех, кто в эту элиту входил или мечтал в нее войти. Она и давала им заряд какой-то сверхчеловеческой энергии, о которой говорили некоторые современники, и некоторого отчаянного мужества. Их отношения и жизненную позицию я мог случайно представить по такому разговору. Мой учитель

по математике, у которого я учился в университете, в свою очередь до революции учился с неким Шмидтом, который потом сделался известен как полярный исследователь. Но во время революции он примкнул к большевистской партии и вошел в ленинское правительство. Мой учитель после Гражданской войны с ним встретился, и они проговорили целую ночь. В частности Шмидт ему сказал: «А вот вы не представляете, что значит жить три года, все время чувствуя веревку на шее». А ведь это было положение, в котором находилась вся верхушка большевистской партии. И они на это шли ради этого восторга власти, совершенно особой власти, по глубине ни с какой из ранее существовавших не сравнимой, которую давала им их идеология, их программа.

Эта концепция была высказана в рассказе, который, как мне кажется, просто содержит всю философию истории XX в. По моему мнению, он должен фигурировать в каждом учебнике истории. Он объясняет, как же происходила революция. К сожалению, этот рассказ Пятакова далеко не так известен. Кто такой был Пятаков? Один из крупнейших деятелей большевистской партии. Ленин перед самой смертью написал так называемое «Завещание», где охарактеризовал основных лидеров, которые могут претендовать на руководство в партии. О ком он там говорил? О Троцком, Сталине, Зиновьеве, Каменеве, Бухарине и Пятакове. В дальнейшем Пятаков участвовал в оппозиции, был исключен из партии. А потом подал заявление, в котором отказывался от своих взглядов. Был восстановлен в партии, получил сравнительно высокий пост, и когда во Франции была открыта Советская промышленная выставка, он поехал ее открывать. Там Пятаков встретился со своим бывшим товарищем по партии Валентиновым, который давно отошел от партийных дел и жил спокойно во Франции.

И Пятаков пытался ему объяснить, как он отказывался от своих взглядов, почему соглашается сейчас вернуться в Советский Союз, предвидя, что с ним может случиться (а он был расстрелян, конечно).

Вот что он говорит: «Большевизм есть партия, несущая идею претворения в жизнь того, что считается невозможным, неосуществимым и недопустимым. Мы – партия, состоящая из людей, делающих из невозможно-го возможное. Но ради чести и счастья быть в ее рядах мы должны действительно пожертвовать и гордостью, и самолюбием, и всем прочим. Возвращаясь в партию, мы выбрасываем из головы все ею осужденные убеждения. Небольшевики, и вообще категория обыкновенных людей, не могут сделать изменения, переворота, ампутации своих убеждений. Легко ли насильственное выкидывание из головы того, что вчера еще считал правым? Отказ от жизни, выстрел в лоб из револьвера – такие пустяки перед тем проявлением воли, о котором я говорю. Такое насилие над самим собой ощущается остро и болезненно. Но в прибегании к этому насилую с целью сломить себя и быть в полном согласии с партией и сказывается суть настоящего идейного большевика-коммуниста». И, по-видимому, это насилие над собой, превращение себя в винтик партии давало внутреннюю мотивацию для осуществления насилия вовне в неограниченных масштабах.

Он же в этом разговоре цитирует знаменитое определение диктатуры пролетариата из статьи Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский»: диктатура пролетариата есть «власть, осуществляемая партией, опирающейся на насилие и не связанной никакими законами». И он разъясняет: «Закон – это есть запрещение, ограничение установления одного явления допустимым, другого – недопустимым, одного акта возможным, дру-

гого – невозможным. Все, на чем лежит печать человеческой воли, не должно, не может считаться неприкосновенным, связанным с какими-то непреодолимыми законами. Когда мысль держится за насилие принципиально и психологически свободна – не связана никакими законами, ограничениями или препонами, то тогда область возможного действия расширяется до гигантских размеров, а область невозможного сжимается до крайних пределов, до нуля». Вот поразительная концепция человека, полностью отдающего свою волю и за счет этого приобретающего какие-то сверхчеловеческие силы. Он это чувствует и прекрасно выражает. Здесь, возможно, мы видим объяснение загадочной связи между учением о полном предопределении и волевым порывом, которая встречается также в исламе и кальвинизме.

Мне обычно это приводит на мысль одну аналогию, которую я никогда не рисковал высказать, потому что меня просто подняли бы на смех. Я надеюсь, что в вашей аудитории это найдет какое-то понимание. Начиная с середины XVI в. Западную Европу, особенно Северную, охватила загадочная волна процессов над ведьмами. Было казнено колоссальное количество людей. В основном это были женщины. Все в основном были сожжены. В Северной Америке происходило то же самое, только там вешали. Сколько тогда погибло людей – подсчитать невозможно, оценки различаются от 100 тыс. до 2 млн. Причины этого явления никто не может назвать. Основные немецкие сочинения, очень обстоятельно, с привлечением большого количества документов обсуждающие его, называются «Хексен ванн». «Хексе» – это ведьма, а «ванн» – по-немецки «мания, ослепление», т. е. это «ведьмовское безумие». Ученые считают, что происходило что-то иррациональное. Очень многие показания были получены под страшными пытками. Но был целый

ряд показаний, полученный не под пытками. И показания эти во многих деталях сходятся. Мне кажется, что за этим было что-то общее, объективное, пусть хотя бы галлюцинации, но однотипные, у очень многих людей одинаковые. Почему-то в течение 200 лет, с середины XVI до середины XVIII в., эти явления не прекращались. И это – точно та же психология. Речь идет об отдаче своей личности полностью в руки какой-то другой, гораздо более могущественной силы, которая снабжает человека невероятными возможностями. Можно на кого-то навести порчу, околдовать человека, можно открыть клад и т. д. Чувство, которое испытываешь, читая документы того времени, – такое же, как когда читаешь рассказ Пятакова. Хотя, конечно, Пятаков был абсолютный рационалист и никакого договора с нечистым своей кровью не подписывал. Но это чувство каким-то другим образом реализовалось, и это важный элемент социальной психологии, потому что видно, что оно дает очень большие силы человеку. Надо сказать, не одному Пятакову принадлежат такие слова. Например, Троцкий, впервые возглавивший оппозиционное движение, на XIII съезде партии был разгромлен и в своем последнем выступлении сказал: «Я знаю, что быть правым против партии нельзя, правым можно быть только с партией, ибо других путей для реализации правоты история не создала». И поразительно, что ряд самых разных деятелей большевизма – такого рационального, материалистического движения – сравнивают большевистскую партию с религиозным орденом. Например, Сталин сказал, что большевики – это своеобразный орден меченосцев. А Бухарин прямо называет большевистскую партию революционным орденом. Противники большевиков не имели на вооружении ничего сопоставимого с этой необычайной идеологией. Она и определила победу большевистской революции, в част-

ности в гражданской войне. Она горела у последователей большевиков каким-то совершенно неугасимым огнем.

IX. Деревня и власть после 1917 года

Но то, что я говорил выше, относилось к элите и могло претендовать на объяснение психологии, например Ленина, Бухарина, Сталина. А как же обстояло дело с остальным народом? Пользовались ли большевики поддержкой народа? Народ тогда был более чем на 80% крестьянским. Крестьяне имели свой абсолютный, стандартный и укоренившийся идеал: жизнь индивидуально семейно-трудовым хозяйством. Их претензии к жизни заключались в том, что земли у них мало и нужно было бы поделить помещичью землю. Большевики стояли на совершенно другой точке зрения – национализации земли. Уже после Февральской революции, в апреле, на седьмой партийной конференции в ее постановлении говорится: «Означая передачу права собственности на все земли государству, национализация передает право распоряжаться землей в руки местных демократических учреждений». Уже после революции, явно чтобы обеспечить поддержку или хотя бы нейтралитет крестьянства, Ленин согласился на принцип «уравнительного землепользования», заимствованный из крестьянских наказов или из программы партии эсеров. Он писал: «Мы становимся таким образом в виде исключения и в силу особых исторических обстоятельств защитником мелкой собственности, но мы защищаем ее лишь в ее борьбе против того, что уцелело от старого режима». Теоретически большевиками было принято требование «уравнительного землепользования», но реальность жизни определялась продразверсткой. Продразверстка – это требование крестьянам отдавать часть своего урожая. Она была введена еще до Февральской

революции, еще при царской власти, но тогда она имела другой смысл: определенный процент урожая крестьяне должны были продавать на рынке и не могли хранить у себя дома весь урожай до поднятия цен. Временное правительство ввело монополию на хлебную торговлю; тем самым крестьяне обязаны были продавать этот хлеб государству, но по ценам, сопоставимым с теми, которые существовали и раньше. Особенность продразверстки, которая возникла в Гражданскую войну, заключалась в том, что продотряды фактически отбирали у крестьян весь хлеб, который могли найти. Они вторгались в деревню, проводили обыски, разрывали землю, амбары и все, что могли найти, уносили.

Ленин писал: «Мы берем у крестьян то, что можем отнять, давая им вместо бумажки, которые ничего не стоят. Ну пусть они поголодают ради спасения пролетарской революции». Свердлов формулировал цель в отношении деревни таким образом: «Расколоть деревню на два непримиримых враждебных лагеря. Разжечь там ту же гражданскую войну, которая шла не так давно в городах. Только в этом случае мы сможем сказать, что и по отношению к деревне сделали то, что смогли сделать для города». Другими словами, здесь было какое-то принципиальное противостояние. Хотя тогда в деревню вернулись миллионы – множество солдат, иногда несколько лет оторванных от хозяйства, – все же деревня очень крепко держалась за свои идеалы и с колоссальной жертвенностью за них боролась.

Есть понятие «крестьянской стихии», состоящее в том, что деревня превратилась в нечто хаотическое, что крестьяне отрицали всякую власть: ни белых, ни красных они не хотели, и нужно было эту стихию вместить в какие-то рамки. Жестокими методами, но большевики эту работу выполнили. Такую точку зрения высказывал и Ле-

нин. Ее приводит Горький в некрологе, написанном сразу после смерти Ленина: «Никакая Учредилка не могла бы сделать того, что мы, – обуздать 10 миллионов мужиков с винтовками в руках». Но факты этого не подтверждают. Политика prodразверстки столкнулась с множеством крестьянских восстаний, и все эти восстания формулировали свои требования, причем требования были совершенно не анархического характера, а весьма жизненного. Крестьяне заявляли, сколько они готовы дать хлеба, даже сколько людей согласятся дать на мобилизацию. Эти крестьянские требования приведены в сводках ЧК, которые составлялись тогда и раздавались высшему руководству, а сейчас опубликованы. Конечно, это не значит, что крестьяне массой своей сочувствовали тем или иным белым правительствам. Безусловно, были крестьянские восстания и на территории, контролируемой белыми. И они тоже были вызваны очень конкретными причинами. У Колчака – в основном попыткой мобилизовать всех крестьян в армию. Под властью Деникина – попытками отобрать землю разделенных помещичьих усадеб. И они тоже подавлялись вооруженным путем; возникает проблема сравнения «белого» и «красного» террора.

Но существенным историческим фактором является, по-моему, «красный террор». И вот по какой причине. Во-первых, их масштабы, я думаю, различны. Фактического, объективного сравнения я не видел, не видел и того, чтобы это кому-то удалось или кто-то ставил себе эту цель. Но мне кажется, что из общих соображений масштабы должны быть несопоставимыми, потому что белые таких террористических актов стыдились, они пытались уменьшить их масштабы или отрицали их, пытались скрыть: ведь это было нарушением их нравственных норм. А у большевиков это была идеологическая программа: концепция террора входила в доктрину,

например Пятакова, о ничем не ограниченном насилии. Именно у большевиков была концепция массового террора, направленного, как тогда говорилось, против эксплуататоров и кулаков. Вся деревня тогда называлась термином «кулаки». Такое снятие психологического сопротивления всегда играет громадную роль, поэтому я думаю, вряд ли эти действия с двух сторон сопоставимы. Но второй аргумент совсем другого типа: нас же не интересует сейчас, чуть ли не век спустя, кто тогда был хорошим, а кто – плохим.

Существенно то, как развивалась история, а история развивалась в результате того, что победили большевики; поэтому существенным историческим фактором является отношения большевиков и деревни. По этой причине я об этом и буду говорить.

Характер большевистской продрозверстки можно обрисовать несколькими конкретными примерами. Скажем, в Борисоглебской области ее осуществлял гражданин Маголин. Приходя в деревню с отрядом, он говорил: «Я вам, мерзавцам, принес смерть, смотрите: у каждого моего красноармейца по сто двадцать свинцовых смертей для вас, негодяев». Или, например, была издана «Директива о расказачивании». Издана она была Оргбюро наравне с Политбюро – одним из центральных, высших органов большевистской партии. И там говорилось: «Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно». Подробнее об этом сказано в переписке Свердлова, который был главой государства и в каком-то смысле партии – единственным ее секретарем, с Френкелем. Френкель был членом Донбюро, но главой Донбюро был Сырцов, хотя переписка Свердлова в основном происходила с Френкелем. По-видимому, Френкель – какое-то доверенное лицо Свердлова. И вот там ставится вопрос о трудной задаче уничтожения каза-

чества как сословия. И множество примеров такого типа показывают, что это было столкновение цивилизаций, которые чувствовали свою несовместимость.

С одной стороны, это была по существу западная цивилизация, которая включала и марксизм как одно из разветвлений. Суть ее – идея общества как машины. С другой стороны, была крестьянская цивилизация. Особенность ее заключалась в том, что крестьянин в процессе своего труда сам решал, на каком клочке своей земли, когда и что он начинает сеять, когда он начинает жать, когда свозить. Его труд был творческим, в том же смысле как труд поэта или математика является творческим. Но разница состоит в том, что крестьянский труд – это сейчас единственная форма труда, при которой он носит творческий характер и в то же время является массовым, может относиться к большей части населения, а не быть уделом некоторых избранных. Сейчас, в последнее десятилетие, крестьянство вызывает все больший интерес, осознается особая его роль, возникла даже некая область знания под названием «крестьяноведение». Например, выяснилось, что крестьянство не связано с конкретной исторической эпохой, «формацией» – феодализмом или античностью. Это форма существования людей, которая наблюдается в течение тысячелетий – скорее, типа семьи.

Эти две принципиально разные цивилизации, два похода к жизни оказались несовместимыми, хотя формальной причиной была именно продразверстка и другие меры власти. Шла борьба на истребление, как Ленин говорил: «Кто кого?». Шла борьба на уничтожение крестьянства как класса, и вспыхнуло множество, тысячи крестьянских восстаний, в течение трех лет охватывавших Россию от Украины до Сибири. По существу, шла некая Крестьянская война. Инструкции, которые дава-

лись, например, Лениным и другими членами руководства, были такого сорта: «беспощадное подавление», «действуйте беспощадно», «берите заложников и расстреливайте их», «при обнаружении оружия – расстрел вместе со всей семьей», «заклЮчить всех мужчин от семнадцати до пятидесяти лет в концентрационные лагеря» и т. д. В одном случае собрали 80 заложников и потребовали, чтобы они выдали родственников повстанцев (это было в период антоновского восстания); за отказ всех немедленно расстреляли. Потом взяли еще вторую порцию; те, как говорится в донесении, «без принуждения все сказали». Пошли в другую деревню, там уже знали о происшедшем. И, как говорится в сводке, «население само пошло навстречу». Один старик привел даже своего сына со словами: «Нате еще одного бандита». Это была борьба, питавшаяся чувством взаимного антагонизма, несовместимости жизни на одной земле и совершенно не вызванная потребностями гражданской войны. Для власти это было скорее пагубно. Например, «Декрет о расказачивании» проводился в жизнь и вызвал так называемое Верхнедонское или Вешенское восстание, которое описано в «Тихом Доне». В руки восставших попал даже этот документ – «Инструкция о расказачивании». Он распространялся как агитационный материал. В результате восстание развалило весь южный фронт большевиков и открыло путь Деникину почти до самой Москвы: он взял Курск и уже подходил к Туле. Все это не только не было вызвано военной необходимостью, но даже прямо ей противоречило, это было чисто идейное действие.

Никогда за всю историю этих восстаний крестьянам не удавалось мобилизовать хоть приблизительно столько же сил, сколько мог выставить против них центр. Против выставлялись и артиллерия, и бронепоезда, и броневики, и удушающие газы. Но в целом они все же устояли, хотя,

по-видимому, с колоссальными жертвами. Это, насколько мне известно, во всей истории единственный случай, когда Крестьянская война не была подавлена. И Пугачевское восстание, и знаменитая Крестьянская война в Германии в XVI в., и Жакерия во Франции, и восстание Уота Тайлера в Англии – все они, в конце концов, были подавлены. Но здесь, конечно, нельзя сказать, что крестьяне победили в том смысле, что они поставили свое правительство: у них и не было ни соответствующих механизмов, ни четко сформулированной идеологии. Но они отбились. Ленин, который писал в 1918 г., что мы скорее все «ляжем костями», чем разрешим свободную продажу хлеба, в 1921 г. уже признал, что «продолжение этой политики означало бы крах советской власти и диктатуры пролетариата». И была введена политика нэпа, которая содержала ряд уступок как раз требованиям крестьянских восстаний. Нэп продолжался с 1921 по 1929 г.; в это время деревня спокойно жила своим индивидуальным семейно-трудовым хозяйством.

Х. «Построить социализм» или «догнать капитализм»

Но партия как раз в это время бурлила, почти каждый год происходили съезды. И на каждом съезде возникала новая оппозиция. Позиции отдельных людей менялись: например, на XIII съезде оппозицию возглавлял Троцкий, а громил эту оппозицию Зиновьев. На XIV съезде уже Зиновьев и Каменев возглавляли оппозицию, и т. д.

Но если посмотреть на тезисы, которые защищали эти оппозиционеры, то они очень похожи – это на самом деле единая идеология. В основе ее лежит требование усиленной индустриализации за счет деревни. Троцкий назвал ее сверхиндустриализацией. Была сформулиро-

вана такая концепция, что капитализм возник за счет колоний. Называлось это «первоначальное накопление» по Марксу, а социализм должен строиться так, что роль колоний будет играть деревня, что называлось «социалистическое первоначальное накопление». При этом предполагалось подавление сопротивления деревни. Это формулировалось как усиление борьбы против «кулака». Утверждалось, что для такого переворота, изменения политики нужна и смена руководящих кадров – в частности, за счет привлечения более молодых руководителей. Эта цельная концепция передавалась от одной оппозиции к другой, из рук в руки. И такое постоянное выдвижение одних и тех же по духу требований показывало, что у активной части партии просто не было другой программы. Программы разных оппозиций были разными, постепенно уточнявшимися и конкретизировавшимися вариантами единственной программы, которая была у партии – собственно, у активной части партии, у тех людей, которые заседали на съездах, выбирали этих делегатов, заседали на разных партконференциях и т. д.

Это было требованием возврата к политике гражданской войны, а по существу – к основным принципам социализма и марксизма, сформулированным еще в «Коммунистическом манифесте». С введением нэпа партия смирилась с большим трудом: тогда был распространен лозунг «За что боролись?!». Разочарование вызвало волну самоубийств, в том числе и среди руководящих деятелей партии. И вот теперь партия требовала реванша за уступку в Крестьянской войне. Верхушка партии сначала достаточно настороженно относилась к таким требованиям, помня уроки Крестьянской войны и заветы Ленина, но постепенно часть этой верхушки, включая Сталина, осознала, что это единственная программа, на базе которой можно партию сплотить. Тогда эта группа,

и в частности Сталин, стала во главе преобразований, осуществляющих волю партии.

Но как же понять, что происходило на этих бурных съездах – тринадцатом, четырнадцатом, пятнадцатом? Была ли это тривиальная борьба отдельных личностей за власть? Я думаю, что их можно характеризовать так: партия искала своего лидера, который сможет лучше других сформулировать ощущаемую всеми ими тенденцию и реальнее провести ее в жизнь. Пользуясь современной терминологией, был поиск лидера на «конкурсной основе». В этой борьбе оппозициями и определялось, кто же в конце концов сможет таким лидером стать. Правда, в условия конкурса входило, что проигравший платит головой. Но такова была тогда жизнь. Борясь с оппозицией, Сталин обвинял ее в том, что она «хочет устроить революцию в партии», «внести классовую борьбу в деревню», «провести раскулачивание и начать гражданскую войну». Позже он практически этими же словами характеризовал свою собственную позицию. Но здесь, по-моему, нет какого-то особенного коварства или двуличия Сталина. Сначала он опасался очень резких изменений, считал, что они нереальны. У него есть такое высказывание: «Мы бы провалились, если бы тогда пошли на поводу у оппозиционных деятелей». Потом он понял, что реализоваться сможет только через одну силу – через партию, с которой он с молодости был связан, а партия может двигаться только в одном направлении, а у нее есть только одна программа. И осуществление этой программы он и возглавил. Троцкий говорил: «Правым можно быть только с партией». И Сталин это понял.

Собственно, такова обычная позиция политиков, и мы все с вами тоже это пережили. Когда у нас происходил крах коммунистического режима и начинались реформы в конце 1980-х – начале 1990-х гг., то если бы существова-

ла какая-то мощная сила, выступавшая за сохранение государства, за сохранение экономики, то, возможно, какие-то руководители государства опирались бы на нее и ее бы тенденции осуществляли. Но вместо этого оказалось, что существуют другие очень мощные силы, заинтересованные в распаде страны, в растаскивании экономики. И тогдашняя верхушка примкнула бы к этим силам. Такой принцип функционирования политической системы всегда существует, и необходимо об этом помнить.

Возвращаясь к нашей истории, надо сказать, что коллективизация и раскулачивание были грандиозной катастрофой для деревни. Погибли неподсчитанные миллионы мужиков. Они были высланы в Сибирь, в тайгу, частично заключены в лагеря. В 1942 г. во время Сталинградской битвы Сталин, беседуя с Черчиллем, сказал, что сравнительно с войной коллективизация была «чудовишна», т. е. более страшна, чем война с Гитлером. И число жертв, «кулаков», он определил как 10 миллионов – так Черчиллю руками и показал. А на вопрос об их судьбе сказал, что «большая часть их оказалась непопулярной и была убита своими батраками». Колхоз был несравненно более мощным средством для выжимания всего хлеба из деревни, даже если деревня при этом обрекалась на голод. Голод действительно возник в 1933 г. Историки, занимающиеся этим сейчас, не в состоянии оценить масштабы жертв голода. По крайней мере, население за несколько лет уменьшилось, по крайней мере, на 7 млн человек, хотя рождаемость была тогда высокая. Однако еще важнее то, что был разрушен уклад, которым деревня жила веками. Колхозники уже не были крестьянами – колхоз был государственным предприятием, он имел план, включавший дату посевной, и следовал указаниям, что именно сеять, сколько и когда сдавать государству. И невыполнение плана по хлебозаготовкам или

по количеству трудодней каралось уголовно. В 1933 г. по всей стране были введены паспорта. Колхозники их не получили. Они не имели права свободно выехать из деревни. Колхоз мог быть одним распоряжением из центра превращен в совхоз и т. д.

Коллективизация была полной победой социалистической идеи над деревней. Крестьяне частично физически погибли в ее процессе, частично бежали на стройки, где у человека не спрашивали наличия паспорта, частично набирались туда официально – был тогда такой «спецнабор». А часть их осталась в деревне, превратившись в сельскохозяйственных пролетариев. Именно в этом столкновении идей, в победе одной идеи над другой и заключен роковой смысл центрального явления нашей истории XX в. – коллективизации, которую поэтому правильно называют «великим переломом».

И крестьянский поэт Клюев о ней написал такие слова, являющиеся как бы голосом деревни:

К нам вести горькие пришли,
Что больше нет родной земли.

Официально коллективизация обосновывалась ее необходимостью для индустриализации. Я хочу этот тезис обсудить, это очень существенно. Мне кажется, факты, известные сейчас, этого не подтверждают. Индустриализация быстрыми темпами шла, начиная с середины 1920-х гг. Был очень сильно превзойден уровень довоенной продукции – на одну четверть во всей промышленности и на одну треть в тяжелой промышленности. Начали строиться ДнепрогЭС, Керченский металлургический завод, Сталинградский, Кузнецкий комбинаты и многие другие. В этом же духе был спланирован и первый пятилетний план с 1928 по 1932 г. Он не предполагал массовой

коллективизации, но предполагал очень быстрые темпы развития экономики, особенно тяжелой промышленности. И большинство современных историков сходятся в том, что цифры его задания были реальными, выполнимыми. Но с 1929 г. началась гонка «перевыполнения планов» – со знаменитого лозунга «Пятилетку в четыре года!». Она вызвала дисбаланс различных частей экономики и в результате – резкий ее спад. Почти все задания первого пятилетнего плана не были выполнены. Дальше были приняты второй и третий пятилетние планы: хотя их задания были скромнее, но и они шли волнообразно, со спадами и небольшими подъемами. Вот конкретный пример. По первому пятилетнему плану выплавка чугуна была запланирована в 10 млн т, потом Политбюро категорически потребовало от Совета народных комиссаров увеличить ее до 17 млн т. В результате к концу пятилетки было выплавлено реально 6,2 млн т. В 1937, 1938, 1939 гг. выплавка чугуна то увеличивалась в год то на один процент, то на долю процента, то на такую же долю уменьшалась. Фактически это была уже стагнация. Но зато победили идеи «Коммунистического манифеста» и те идеи, которые приняла революция. Это была не вынужденная какими-то жизненными требованиями политика, а обусловленная политически, чисто идеологическая.

Более того, это была победа основного принципа западной цивилизации – уничтожения крестьянства и построения на его основе индустриального общества. Различие было лишь в том, что, например, в Англии раскрестьянивание заняло около 200 лет, а у нас – около пяти, поэтому весь процесс был несравнимо драматичней. Но в то же время есть некоторые поразительные параллели в деталях. Например, в Англии был принят закон, по которому за кражу булки карался виселицей даже ребенок. У нас был принят закон «семь восьмых»

от 7 августа 1932 г., по которому хищение социалистической собственности каралось расстрелом, и только в особых смягчающих обстоятельствах можно было заменить его 10 годами заключения. А в народе он был назван «законом о колосках», поскольку в основном был направлен против того, чтобы, как правило, женщины ходили по полю и срезали оставшиеся несжатыми колоски, чтобы накормить детей. Интересно, что в собрании сочинений Сталина, изданном уже в конце его жизни и под его явным присмотром, есть сводка основных действий в его жизни. Там написано, что такого-то числа он написал этот закон, хотя формально он за него и не нес ответственности: закон провозглашался ВЦИКом и Советом народных комиссаров. Это считалось, по-видимому, принципиально важным действием.

Именно в этот момент, около 1930 г., Россия и приняла путь развития западной цивилизации, начавшийся в Англии, потом захвативший Западную Европу и Америку. Это ясно понимали и тогдашние руководители СССР, о чем говорит и господствовавший лозунг того времени: «Догнать и перегнать!». Все время подсчитывали, на сколько лет мы отстали: на десять, на пятьдесят, сколько лет у нас есть, чтобы догнать. Эта тенденция движения по одному пути, по которому мы должны «догнать», тогда господствовала в идеологии. Я помню, меня, подростка, тогда поражала эта противоречивость: зачем перегонять какой-то строй, который по этой же самой концепции летит в пропасть? Но на это была ориентирована вся идеология. Последствия для России были трагическими, она приняла чужой путь развития, отказавшись от поисков своего. Но в культурной, духовной области «догнать» вообще невозможно: тот, кто впереди, всегда идейно сильнее – это и есть самый трагический аспект «Великого перелома».

Россию столкнули на чужой путь, а русский народ в некотором смысле идеологический: мы можем жить, понимая, что жизнь наша идет к какой-то цели, имеет какой-то смысл. А «перегнать кого-то» – таким смысл жизни быть, конечно, не может. Когда Россия была поставлена в положение догоняющего, она таким образом признала отказ от поиска своего пути и себя признала «отстающей», а западные страны – «передовыми», что автоматически из этого следует. Это была духовная капитуляция перед Западом, перед всей западной цивилизацией, потеря своей духовной независимости. И из этого потом вытекала, хотя, конечно, с задержкой в несколько десятилетий, потеря экономической независимости, независимого положения в мире, что мы пережили в последние десятилетия. В государственном, геополитическом и экономическом отношении то, что произошло в 1930-е гг., предопределило ту катастрофу, которая происходила в 1990-е гг.

XI. Революция 90-х годов

Произошло явление, никем не предсказанное, – крах коммунистической власти, которая, казалось, стоит каменной стеной, – власти с колоссальной репрессивной системой, с монопольной идеологией, которая охватывала человека чуть ли не с рождения (она навязывалась ребенку с песнями, которые он учил в детском саду). Те взгляды, которые я излагал, естественно применить для объяснения этого переворота. Я думаю, переворот настолько драматический, что долго в истории, по крайней мере, русской, он будет притягательным центром для любого мыслящего человека.

Прежде всего, нужно откинуть аргумент внешнего влияния – представление, что этот переворот совершен

какими-то внешними силами. Эта точка зрения очень простая и потому соблазнительная, но уводящая в сторону. Ее многие придерживаются благодаря ее простоте. Она сводится к тому, что переворот совершен какими-то агентами влияния, идеологическим воздействием со стороны Запада и т. д. Ввиду важности этого аргумента я посвятил ему специальную работу с названием «Была ли перестройка акцией ЦРУ?» (она напечатана в «Нашем современнике»). Центральный аргумент статьи: если считать, что какие-то внешние силы смогли произвести такой переворот в нашей стране, то спрашивается: почему такие же силы, которыми располагал Советский Союз и которые были никак не меньше, а может быть, и больше западных, не произвели такого же переворота на Западе? Это действительно поразительно, потому что можно указать сейчас на громадные возможности влияния, которыми обладал Советский Союз на Западе: и агентами влияния, и идеологическим воздействием на интеллигенцию, которая в основном была левая, и т. д. Этот аргумент можно, детально разобрав, отбросить в сторону. Но тот взгляд, который я перед вами развивал, вполне согласуется с произошедшими событиями. Переворот, который произошел, в свете его не является таким загадочным. Этот взгляд заключался в том, что победившая у нас идеология социализма, коммунизма и в самой отточенной форме марксизма является идеологией элиты, властвующего слоя. Она, по существу, нечто обещает только ему и ничего не говорит другим, если отвлечься от чисто агитационных лозунгов.

Идеология заключается в том, что общество может быть построено по принципу машины. Для кого это действительно привлекательно, кроме машинистов, которые будут этой машиной управлять? С другой стороны, эта идеология дополнялась, поддерживалась более широкой

концепцией, что мир весь устроен как некая машина. И благодаря этому знающие устройство машины могут править миром. Это была психология почти полубогов, но имеющая некую оговорку, которая была связана с ее действием. Для того чтобы ее сделать действенной, люди, исповедующие ее, должны выступать не индивидуально, а слившись в некий новый «сверхорганизм» – в партию, отдав себя ей, пожертвовав ей своей индивидуальностью, воспринимая себя как мелкую клеточку в новом организме этой партии. Я цитировал чрезвычайно проникновенное изложение этих взглядов Пятаковым.

С этой точки зрения понятно, что идеология действительно могла и среди властвующего класса иметь успех, но только в критический момент, в момент опасности, когда стояла на карте жизнь и всего этого слоя, и всей системы, и каждого из них в отдельности. Тогда они были готовы идти на все эти жертвы. Но когда власть сделалась более устойчивой и стало казаться, что жизнь и сама будет дальше так катиться, то охота к жертвам постепенно испарилась. На власть они были вполне согласны, а вот на жертвы ради власти становились все менее и менее готовыми.

Второй момент заключается в элитарности этой системы – в том, что она апеллирует к правящему классу, и в результате она не встречает поддержки более широкой части народа. И это, как мне кажется, было ярко продемонстрировано на наших глазах почти последним действием этой власти, уже гибнущей, – так называемым эпизодом ГКЧП 1991 года. Тогда произошло противостояние: с одной стороны – Ельцина, с другой стороны – ГКЧП. Сторонники Ельцина собрались в Доме Союзов, который они по своим проамериканским симпатиям называли Белым домом. И туда сбежалось сколько-то народу – как говорилось, на защиту Белого дома. Я не знаю социального

состава этих людей. Что это были за люди? Что их туда привело? Угрожало ли реально что-то этому Белому дому и нужно ли было что-то там защищать? Но факт безусловный, что туда какое-то количество людей сбежалось. А на поддержку ГКЧП не выступил ни один человек. Это тоже является потрясающим фактом. Хотя в принципе симпатии тогда можно было мобилизовать, потому что очень широко уже было распространено чувство, что в стране разрушаются какие-то основы ее существования, она катится в какой-то провал. И ведь в руках у ГКЧП была такая колоссальная сила, как средства информации, включая телевидение. Но никакого обращения к народу, никакого призыва к поддержке не было. Человек, который хотел бы поддержать ГКЧП, не знал, что ему реально нужно делать. Никакого центра, вроде Белого дома, не существовало. По-видимому, с точки зрения этой элитарной, обкомовской, номенклатурной идеологии, призыв к поддержке широких масс был бы нарушением каких-то основных принципов соответствующего мировоззрения. Это было бы в системе этих взглядов чем-то вроде кощунства. И эти люди предпочли погибнуть, но не совершить этого ужасного поступка – выпустить народ в качестве действующего лица на арену истории.

Это был последний период драмы XX века, но начиная с его первого кризиса 1917 года это был сложный путь, который для власти состоял и из неожиданных побед, и из поражений, отступлений; но в целом сейчас видно, что он выстраивается в некоторую систему при всех поворотах, которые приходилось делать, идя навстречу жизненным обстоятельствам. И в результате мы видим, к чему он привел – к подчинению России принципам западной цивилизации. И даже, как я уже не раз говорил, именно эта тенденция многократно проявлялась во всем процессе. Например, возьмем внедрение

лозунгов «Догнать...». Догнать можно только того, кого считаешь своим лидером, с которым стремишься сравняться. И хотя словесное оформление, конечно, было совершенно другим, речь шла об уничтожении капитализма, о победе пролетарской революции, об уничтожении классов и т. д., но реально-то происходило уничтожение тех факторов жизни, которые препятствовали внедрению стиля западной цивилизации в России. По существу, уничтожалась русская традиция: Православие, монархия, дворянство, более крепкое крестьянство, а потом вообще семейно-трудовое крестьянское хозяйство. И как это ни парадоксально, но строй, который выступал как бы с одной идеологической системой, привел к реализации совсем другой. Однако это никакое не исключение, такие ситуации встречаются в истории не раз.

В качестве ближайшего примера можно указать на возникновение именно западноевропейского капитализма, который развился в результате громадного переворота в Европе – Реформации, в ходе двух столетий: сначала в XVI в. в Германии и во Франции, потом был XVII в. – Тридцатилетняя война в Германии, Английская революция. Сама Реформация никаких капиталистических лозунгов не выдвигала. То основное, к чему были направлены тогда мысли людей, – идея спасения человеческой души. Основная идея Лютера заключалась в том, что в результате падения Адама человек стал так греховен, что помочь ему не могут никакие его добрые дела. Только вера может дать ему это спасение – вера в благодать Бога.

Конечно, такая точка зрения, казалось бы, отвращала человека от всех конкретных, реальных действий, от того, что составляет как бы ядро капиталистического промышленного общества. Но, тем не менее, Реформация разрушала традиционное средневековое общество,

которое сложилось в Европе. И таким образом она действительно прокладывала путь капитализму, хотя были и другие, более тесные идейные параллели, которые были вскрыты только Максом Вебером.

Так же было и в России: в результате всего этого периода были сломаны те препятствия, которые в течение 300–400 лет не давали возможности Западу подчинить Россию своим идеалам, своей идеологии. Вот Индию, Китай подчинили, а Россия не подчинялась. Только в результате такого сложного, обходного пути это стало возможным. Но это можно и конкретно себе представить, если взять период перед Первой мировой войной, перед революцией. Россия состояла из 16 млн мелких крестьянских хозяйств. Как могло их ухватить в свои щупальца капиталистическое общество? Нужно было, чтобы крестьянское население сократилось раза в три, чтобы оно было выброшено на стройки, сгруппировано на больших заводах, вокруг больших предприятий. Тогда, как мы видим в наши дни, появилась возможность приватизации этих предприятий и капитализации экономики. А сейчас уже речь идет о продаже и приватизации земли, т. е. основы самого крестьянского хозяйства.

ХII. Судьбы города и деревни

В свете вышеизложенного возникает кардинальный вопрос. Одной из главнейших причин прочности России по отношению к давлению Запада был, как я его назвал, «третий путь», который выбрала Россия: ни полного отрицания, ни полного приятия западной цивилизации, а усвоение некоторых ее продуктов в то же время со стремлением сохранить свою национальную индивидуальность. Как это оценивать в свете того, что в результате произошло?

Можно ли сказать, что произошедший переворот показывает, что это был неверный, ошибочный путь, что, в конце концов, все пришло к тому же самому, что нечего было мудрить и других путей искать? Другими словами, вопрос заключается в том, был ли этот путь заведомо обречен на поражение? Мне кажется, здесь мы видим еще более драматическую картину. Россия, особенно в XX в., оказалась эпицентром столкновения совершенно разных линий развития человечества. Одна линия была представлена западной цивилизацией; ранее мы ее подробно охарактеризовали. Конечно, такой путь прямо противоположен духу земледельца, он требует отрыва от земли и вытеснения сельского хозяйства в качестве третьестепенного и невлиятельного фактора жизни. А другой, противостоящий ему путь – путь общества, которое в своей большей части является земледельческим, а в какой-то части – городским. Города как бы вкраплены в земледельческое население и являются центрами его культуры. Один из крупнейших экономистов XX в., исследовавший, в частности, экономику сельского хозяйства, Кондратьев, называл это аграрно-индустриальным типом развития. Этот тип прямо противоположен типу развития, который реализуется в западном капиталистическом обществе. Возьмем, например, быть может, самое яркое явление человеческой истории – то, что называют «греческим чудом», когда буквально в течение одного или двух веков появилось изумительное греческое искусство, греческая наука, новые формы жизни, новые формы общества. Для кого же писались драмы Эсхила, Софокла, Еврипида, комедии Аристофана? Для кого строился Акрополь? Для кого на улицах Афин воздвигались статуи Праксителя?

Наиболее конкретно это описано в комедии, и в ней мы очень ясно видим, что когда представлялась какая-

нибудь трагедия Эсхила или Софокла – а представлялась она к празднику, посвященному богу Дионису, – то амфитеатр, который до сих пор сохранился, заполняли мужички, пришедшие по этому случаю в город из окружающих Афины деревень. И Народное собрание, которое решало судьбы страны, – это тоже были те же самые крестьяне, собравшиеся в город из соседних деревень.

Эти два совершенно противоположные по духу пути развития столкнулись. Возникает вопрос: второй путь, связанный с земледелием, с землей, с непосредственным единством человека с миром, мог ли в принципе продолжать свое развитие? Может, он уже исчерпал себя? Такие точки зрения и высказывались. Например, таково постановление I Интернационала от 1869 года, где очень четко сказано: «Мелкое крестьянское хозяйство наукой, капитализмом и самой жизнью приговорено к исчезновению, без права на апелляцию и снисхождение». Но верно ли это? Или это есть некий пропагандистский лозунг, который используется в борьбе, когда противника стараются победить психологически, доказав, что его дело обречено? По крайней мере, можно указать на один проект развития современной жизни на основе крестьянско-городского хозяйства. Этот проект был очень глубоко разработан целыми поколениями ученых и практических деятелей и в значительной мере воплощен в жизнь у нас в России. Я о нем вскользь упоминал, он был связан с идеей кооперации. Это целое море очень глубоких идей, конкретных исследований, исследования отдельных географических областей, отдельных областей хозяйства. И началось это течение с начала XX в., хотя предшественником его можно считать даже и Менделеева, который высказывал аналогичные мысли. Один из его создателей – Чупров – говорил, что, по его мнению, кооперация для земледелия имеет примерно такое же значение, как

техника для промышленности: она таким же образом в десятки, сотни раз увеличивает интенсивность этой деятельности. Но это не было предтечей идеи колхозов, т. к. вся эта система взглядов не затрагивала самого производства и не меняла характера труда.

Сформулировать последовательную и наиболее полную концепцию, по-видимому, было делом Александра Васильевича Чаянова. Сейчас я изложу вкратце эту теорию. Чаянов был ученым колоссального трудолюбия и таланта, написавшим большое количество книг и статей. Но в то же время он обладал замечательным литературным слогом, и поэтому я разрешу себе привести из него довольно длинную цитату: «Что, в самом деле, замечательного в том, что крестьянка, отдоив свою корову, чисто моет свой бидон и относит в нем молоко в соседнюю деревню, в молочное товарищество, или в том, что сычевский крестьянин-льновод свое волокно вывез не на базар, а на приемный пункт своего кооператива? На самом деле эта крестьянка со своим ничтожным бидоном молока соединяется с двумя миллионами таких же крестьянок и крестьян и образует свою кооперативную систему Маслоцентра, являющуюся крупнейшей в мире молочной фирмой. А сычевский льновод, обладающий уже достаточной кооперативной выдержкой, является частицей кооперативной системы Льноцентра, являющегося одним из крупнейших факторов, слагающихся в мировой рынок льна».

В других местах Чаянов подчеркивает особую ценность фактора крестьянской жизни, связанности ее с индивидуальным творчеством крестьянина и связи ее с землей. Например, он говорит: «Деятельность сельского хозяина настолько индивидуальна и носит настолько индивидуальный местный характер, что никакая руководящая извне воля не сможет вести хозяйства». Иными

словами, работник может эффективно вести хозяйство только в одном случае: если он родился и вырос на этой земле. Можно этому противопоставить точку зрения Зомбарта на капиталистическое хозяйство, о котором он говорит, что для капиталистического производства наиболее пригоден именно переселенец, не связанный со страной, – тот, для кого эта страна является не родной землей, а «недвижимостью». Зомбарт приводит ряд примеров. Идеальным примером, конечно, являются Соединенные Штаты, но также та колоссальная роль, которую в капиталистическом развитии Германии играли переселившиеся туда из Франции протестанты, гугеноты или евреи в ряде стран.

Если перейти на более конкретный, прозаический язык, то концепция Чаянова заключается в следующем. Он берет то, что называется трудовым планом сельского хозяйства, и разбивает его на определенные звенья. При этом он выясняет, что есть ряд звеньев вроде тех, которые он упоминает, которые могут быть с успехом кооперированы. После этого в результате большого количества частных исследований, собирания громадного количества фактов он строит так называемую теорию «дифференциальных оптимумов». Это означает, что для каждого звена производства, например сбивания молока или получения кредитов, он выясняет, сколько хозяйств нужно объединить вместе в этой деятельности, чтобы она была наиболее эффективна. При малом их числе она еще недостаточно эффективна, при большом она становится слишком громоздкой и т. д. И он выясняет, что разброс здесь колоссальный, поэтому эффективность кооперации может быть достигнута только за счет того, что деревня покрыта сетью кооперативов и каждый крестьянин состоит во множестве кооперативов. Это он называет горизонтальной кооперацией. Если же некоторые группы

крестьян объединят всю свою деятельность во всех областях, то в каждом отдельном звене этот оптимум, как правило, будет нарушен и система перестанет быть эффективной. Яркий пример этого дает колхоз. Концепция эта была разработана и до революции. Во время военного коммунизма для деятелей этого направления жизнь была сложна. А во время НЭПа опять возник период «мирного сосуществования», мирного взаимодействия с властью, когда эти люди могли писать, публиковаться и организовывать кооперативы. Эта система была изложена во множестве статей, книг и конкретных исследованиях в конкретных географических или хозяйственных областях.

Хочу обратить ваше внимание на одно ее изложение, по-моему, очень ярко передающее ее дух. Это полуфантастическое сочинение Чайнова, которое называется «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии». По форме это действительно фантастическое произведение: из того времени, когда оно написано (1921 г.), герой загадочным путем переносится для него – в будущее, а для нас – в прошлое (в 1984 г.) и попадает в удивительную для него страну – Россию того времени. Некий его спутник показывает эту страну и объясняет ее особенности. И он ему говорит: что был принят закон, ограничивающий размеры городов, так что сейчас не существует городов с населением больше ста тысяч. «Если хотите, городов у нас нет. Есть место приложения узла социальных связей». Прямо как античные Афины. «В основе нашего хозяйственного строя лежит индивидуальное крестьянское хозяйство. Мы считаем его совершеннейшим типом хозяйственной деятельности. В нем человек приходит в соприкосновение со всеми силами космоса и создает новые формы бытия. Каждый работник – творец, каждое проявление его индивидуальности – искусство труда». Дальше тот же спутник рас-

сказывает кое-что об их истории. «В социалистический период нашей истории крестьянское хозяйство почитали за нечто низшее. Социализм был зачат как антитеза капитализму. Рожденный в застенках германской капиталистической фабрики, выношенный психологией измученного подневольной работой пролетария, он мог мыслить новый строй только как отражение строя, окружающего его. Будучи наемником, рабочий, строя свою идеологию, ввел наемничество как “символ веры” будущего строя. Для нас же совершенно ясно, что с социальной точки зрения промышленный капитализм есть не более чем болезненный припадок, поразивший обрабатывающую промышленность в силу особенности ее природы, а во все не этап в развитии всего народного хозяйства».

Мне кажется, здесь чрезвычайно много глубоких наблюдений и мыслей. Совершенно, конечно, правильно замечание, что социализм не является диаметральной противоположностью капитализма, а является его отражением – тем, что капитализм видит, глядя в зеркало. Во-вторых, верно, что западное капиталистическое общество, включая и его социалистическое отражение, есть какой-то болезненный этап в развитии человечества, связанный, может быть, с потерей веры в Бога, с утратой чувства красоты мира и со стремлением построить жизнь в каких-то изолированных от всего мира формах, которые в принципе не могут быть осуществлены и приходят в противоречие с самим фактом жизни.

Эта система кооперации была разработана и даже в какой-то мере внедрялась в жизнь. Было несколько миллионов такого типа кооперативов в нэповской России и 10–20 млн кооперативов дореволюционных. Но все это развитие было, конечно, прервано коллективизацией 1930 года. Все крупнейшие деятели, включая и Чайнова, были арестованы одновременно в 1930 г. Они были

осуждены на 10 лет тюрьмы, но в 1937 или 1938 г. были все, за одним или двумя исключениями, расстреляны. И Чаянов тоже был расстрелян. Насколько я знаю, сейчас эта система привлекает большое внимание и используется в Индии и в Китае. В Китае, например, в дискуссиях по организации крестьянского хозяйства ссылки на работы Чаянова встречаются очень часто.

Я вовсе не считаю изложенное неким планом, который человечество теперь может использовать. Конечно, этот план был создан для своего времени, и он пригоден только для него. Я его изложил как модель возможных вариантов, пример многообразия путей, среди которых человечество должно выбирать. И тогда, конечно, шанс на реализацию именно этого пути, мне кажется, был минимальным, потому что реальной физической силы, на которую при этом могли опереться, не было. В сводках ГПУ того времени постоянно с тревогой сообщалось, что среди крестьян распространены разговоры о создании, как тогда говорилось, «крестсоветов», т. е. некой крестьянской организации, но это были только тенденции, которые еще никак не реализовались. При некотором очень специфическом раскладе событий, может быть, маленький шанс реализации этой системы был, но она, тем не менее, не была воплощена в жизнь. Она была подкреплена чрезвычайно сильным интеллектуальным и духовным фундаментом очень глубоких исследований, которые и до сих пор в экономике играют большую роль. Например, другой столь же значительный представитель этого направления – Кондратьев – руководил институтом, который занимался изучением связей планирования индивидуального хозяйства и рынка. Кондратьев обнаружил, в частности, некоторые периодичности в истории экономики, примерно 50-летние, которые он назвал «длинные волны»; сейчас

они являются общепризнанным экономическим фактом и фигурируют под названием «циклы Кондратьева». Но не было политика этого направления, хотя бы сравнимого с масштабом Кондратьева или Чайнова. Здесь, мне кажется, проявляется то существенное обстоятельство, что в критические моменты истории наиболее яростная борьба обычно происходит между двумя путями развития, которые на проверку оказываются не так уж далеки друг от друга. Но всем под большим, колоссальным давлением внушается, что выбор существует только между ними: или – или. Так, несколько лет назад на всех экранах телевизоров раздавался вопль: «Выбирай, или проиграешь!». Всегда именно такой призыв и бывает. И истинная интеллектуальная смелость требуется как раз для отказа от этого навязываемого выбора. В этом смысле концепция «аграрников», которую развивал Чайнов, к которой примыкал Кондратьев и многие другие, была примером глубокого интеллектуально-революционного мышления, в то время как политика, принятая партией, оказалась более стандартной, поскольку использовала путь, уже пройденный на Западе. И в целом этот путь в итоге приводил Россию к тем же самым системам ценностей западной идеологии. Это был как бы некий обходный путь, который сейчас завершился. Леса все сняты, и сейчас уже все видно как на ладони. И какой же в результате может быть подведен итог?

ХIII. Запад в XXI веке

Для конкретности напомним, что в день окончания Великой Отечественной войны Сталин, выступая по радио, сказал: «Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость закончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой

тиранией». Вероятно, Сталин имел в виду не этнических немцев, а именно Запад, противостоящий России. К сожалению, сейчас видно, что это его предсказание не сбылось. Вековая борьба не закончилась победой. Но вот можно ли сказать – и это есть фундаментальнейший вопрос, – что все произошло прямо наоборот, что сейчас вековая борьба Запада с Россией закончилась окончательной победой Запада?

Мне кажется, что это не так. Ряд конкретных обстоятельств, признаков указывает, что западная цивилизация вступила в состояние очень глубокого кризиса, но не видно, чтобы у нее были шансы из него выйти. Собственно говоря, это и была точка зрения Данилевского, который утверждал, что данный культурно-исторический тип находится в состоянии упадка и близится его разложение. Эта же точка зрения независимо от Данилевского была высказана Шпенглером в книге «Закат Европы». Книга была написана в 1918 г., как раз когда Германия потерпела трагическое для нее поражение. Поэтому атмосфера заката, как бы «гибели богов», в ней выражена очень выпукло. Это чрезвычайно яркая книга.

То, что Данилевский называет «культурно-историческим типом», Шпенглер называл «культурой». Эпоху же упадка «культуры» он именует «цивилизацией».

«Цивилизация, – говорит он, – это есть завершение, она следует за культурой, как смерть за жизнью». «Она – неотвратимый конец». Вот ее признаки: «Вместо мира – город, отдельный пункт, в котором сосредотачивается вся жизнь обширных областей, тогда как все остальное засыхает». На арену истории выходит «обитатель больших городов, лишенный традиций, выступающий бесформенной текучей массой, неверующий, бесплодный, с глубокой антипатией к крестьянству». «Мировой город означает космополитизм вместо Родины». Он населен не

народом, а массой. Духовную жизнь заменяет культ зрелищ и спортивных состязаний. Типический знак конца – империализм. Возникает идея мирового господства, но она есть не проявление собственной силы, а использование слабости других. Империализм – это агрессивное отношение к тем, кто слабее, в то время как в героический период войны ведутся с более сильным противником и выигрываются за счет большей жертвенности и духовного подъема. «Империализм есть неизбежная судьба Запада», – говорит Шпенглер. Он как будто просто рисует современную картину: например, Соединенные Штаты и их действия в Ираке или Сербии.

Другой фактор: «Для западноевропейского человечества уже нечего ожидать великой живописи или музыки». Все силы угасающей культуры сосредотачиваются в одной сфере деятельности, в технике. И опять это сейчас совершенно точно воспроизводится в Соединенных Штатах. «Пора уяснить себе, – говорит Шпенглер, – что в XIX–XX вв. эту мнимую вершину прямолинейно прогрессирующей человеческой истории фактически можно отыскать в каждой клонящейся к концу культуре... Через несколько столетий не будет больше западноевропейской культуры, не будет больше немцев, англичан и французов».

Но хотя Шпенглер не называет даты, к которой его пророчество относится, оно было высказано со столь большой интенсивностью, что воспринималось как адресованное к какому-то ближайшему будущему; так всеми оно тогда и было воспринято. И когда в ближайшее десятилетие оно не реализовалось, то интерес к этой книге ослаб. Мне кажется, что он описывает очень реальную, яркую картину того развития, которое дальше происходило и сейчас происходит, но только с некоторым запаздыванием. Когда мы идем куда-то, дом нам кажется близ-

ким. Потом видишь, что идти надо дальше. Подходишь, видишь там болотце, нужно искать дорогу; потом речка, через нее брод надо поискать, потом крутой подъем, на который долго подниматься. Идешь часа два-три. А дом-то – на том же месте, где вы его правильно увидели!

И действительно, сейчас можно назвать целый ряд дополнительных факторов, указывающих на безусловные признаки упадка западной цивилизации. Прежде всего, надо отметить то, на что отчасти указывал и Шпенглер. Это угасание духовного творчества. Шпенглер говорит, что больше нечего ожидать великой живописи и музыки. Но не только Рафаэль и Моцарт, но и Сервантес, и Гете, и Шекспир, и Диккенс уже находятся в прошлом западной цивилизации. Западная цивилизация создала грандиозное здание науки – прежде всего, естественной науки, в центре которой была физика, – связанное с видением колоссального масштаба. Может быть, для представителей других цивилизаций это видение вообще не будет видением, вообще не будет убедительным. Но для западной цивилизации это был выход в колоссальные просторы: от далеких галактик до мельчайших элементарных частиц. Это развитие науки было одним из крупнейших достижений западной цивилизации. Оно продолжалось еще и в XX в. Все знают если не по содержанию, то хотя бы по названию такие колоссальные новые области, которые действительно изменили характер человеческого представления о мире и о взаимодействии человека с миром. Это квантовая механика, теория относительности и генетика. Были выявлены материальные носители наследственности – гены, которые расположены линейно в хромосоме, и выяснен порядок их расположения. Эти области развивались в первой половине XX в., но во второй половине XX в. уже никакого нового революционного переворота в науке не произошло. Сейчас очень лю-

бят говорить о величайших достижениях человечества, но что при этом упоминают? Компьютеры, спутники... но это ни в коей мере не наука. Наука открывает законы природы. А техника – это использование уже известных законов природы. И в этом смысле современность только поддерживает точку зрения Шпенглера, что в период упадка угасающая цивилизация сосредотачивает все свои силы в одной области, именно – в технике.

Я помню, как лет тридцать назад в Академии наук был отчетный доклад за какой-то период деятельности, и потом я докладчику сказал: «Вы не заметили, что в качестве главных достижений упомянули, что был построен колоссальный ускоритель и запущен спутник. Ведь это же достижения не науки, а техники!» А он воскликнул: «А вы, Игорь Ростиславович, разве не заметили, что это и есть новая эпоха, в которую мы вступили. Наука кончилась, законов природы не так уж много, они в основном открыты. Остается перед человечеством совершенно новая деятельность – свободное творчество на основании известных законов природы». Итак, с разных точек зрения эта концепция конца науки, по-видимому, уже тогда осознавалась.

Это первый признак, который я описал, – угасание духовного творчества. Второй признак – это терроризм, причем терроризм не как проявление протеста угнетенных, не в нищих, ограбленных странах – где-нибудь в Латинской Америке (это было бы понятно), а в самых процветающих странах, например в Германии. Я помню лет 12 назад в Германии я видел стены, сплошь испианные лозунгами: «Да здравствует Красная армия!». А «Красной армией» называется банда Баадер-Майнхоф – террористическая организация, тогда свирепствовавшая. Членами этой банды были представители отнюдь не бедных слоев – чуть ли не сын канцлера был замешан. Или

сейчас в Соединенных Штатах все время происходят такие события: в школу приходит с винтовкой школьник младших классов, какой-нибудь восьмилетний малыш, начинает стрелять и шестью выстрелами убивает шесть своих соучеников. Бросается расследовать полиция, которую прежде всего поражает, откуда у ребенка такая меткость. Оказывается, есть объяснение: причина – в тех детских компьютерных играх, которые повсюду продаются. Все дети, начиная с 5–6 лет, имеют такие игры, где есть нечто вроде пистолета. Его нужно нацелить на экран; если он нацелен в правильную точку и нажата какая-то кнопка, то на экране льется кровь, разлетается голова, мозги брызжут – полное «удовольствие». И вот так они оттачивают свою меткость! При этом оказалось, что это настолько экономически выгодный способ обучения прицельной стрельбе, что полиция начала в массовом порядке закупать эти детские игры, чтобы на них обучать прицельной стрельбе полицейских. Или вот наркотики, влекущие за собой детскую преступность в таких масштабах, что рядовым явлением в американской школе является военизированная охрана, и т. д. Это второй признак – терроризм, который носит характер протеста против всей этой жизни – не в ее самых тяжелых проявлениях, а в сущности.

В-третьих, это тот факт, что такой громадный переворот всегда имеет нечто вроде репетиции. Вроде как наша революция 1917 года имела репетицией революцию 1905 года, которая, правда, полностью не развернулась, но все же тогда были отработаны некоторые силы и приемы. Вот такая репетиция на Западе уже произошла. Это были кризисные явления, которые происходили в конце 1960-х и в 1970-е гг., когда беспорядками был захвачен весь Запад – Соединенные Штаты и Западная Европа. Это были беспорядки студенческие, волнения

«цветных», т. е. негров, в основном в Америке, протесты против войны во Вьетнаме и яростная озлобленность интеллигенции. Я сталкивался со своими американскими коллегами: они все были яростными врагами своего отечества. В то время возник термин, который у нас позже был в ходу во время, например, первой чеченской кампании. Я тогда все время слышал, что Америка обладает имперскими амбициями и их надо сломить.

Идеологи высказывали такую точку зрения, что у них началась революция, она происходит, но это будет новая революция, другого типа, чем раньше, которая коснется не одной какой-то области жизни, а многих – пяти. Будет пять революций, а именно: экономическая – уничтожение капитализма; политическая – уничтожение буржуазно-демократического строя; национальная – главным образом освобождение негров в Америке, создание нескольких независимых негритянских штатов на Юге; сексуальная, которая должна была уничтожить буржуазную семью, и «психоделическая», что означает переход к массовой культуре коллективного принятия наркотиков. Это объединялось, по-видимому, как явление того же духа с рок-музыкой и имело целью уничтожить репрессивную буржуазную индивидуальность. Все это движение было направлено против культуры, искусства, против образования, против государства. И оно тогда пользовалось почти единой поддержкой средств информации, которые не только сообщали о нем, но и интенсифицировали его. Потому что они представляли рупор даже не очень значительной группы, которая, попав в центр событий, имела возможность довести до очень широких масс свои лозунги, призывы. Это третий фактор.

Четвертый – размывание национальной основы государства. В большинстве западных государств уже

образуется громадный слой населения, состоящий из жителей не только не основной национальности, но выходцев из стран совершенно другого типа культуры. Например, это турки в Германии, или алжирцы и негры во Франции, или негры и латиноамериканцы в Америке, негры и пакистанцы в Англии и т. д. Они несут совершенно другой тип жизни, который разрушает тип жизни данной страны. Они сами, конечно, являются жертвой этой же западной цивилизации, они бегут из стран, жизнь в которых разрушена, которые эксплуатируются западными странами, но, массами собираясь в западных странах, они разрушают их тип жизни, национальные традиции. А так как западная цивилизация вообще по духу противоположна идее национальности, всему органичному, то она это поддерживает, и вся западная интеллигенция считает этот фактор таким, который нужно не только не регулировать, но и всячески стимулировать.

Наконец, пятый фактор упадка – то, что происходит с экономикой западной цивилизации. Западная цивилизация – «экономическая». Это очень остроумное наблюдение Зомбарта, что Маркс был прав, когда говорил об экономической базе, над которой происходит некая духовная надстройка. Но прав он был исключительно в отношении к западной цивилизации, а вовсе не всего человечества, и это очень типично для западной цивилизации – объявлять всеобщим человеческим явлением то, что происходит в рамках этой цивилизации. И поэтому очень важно посмотреть, что же там происходит в экономике.

Центром экономики становится биржа, т. е. экономика принимает все более спекулятивный характер. В 1971 г. уже доллар перестал быть обеспечен золотом. Выпуск денег производится некой группой частных банков под названием Федеральным Резервным фондом.

В 1979 г. его председатель Поль Волькер провозгласил политику, которая называется «постиндустриальное общество». Эту политику продолжал его преемник на этом посту и теперешний председатель (до последних месяцев) Алан Гриншпан. Реальный смысл заключается в подавлении реальной экономики, в перекачивании все больших денег в спекулятивную экономику. Конкретно это делается при помощи очень резкого роста процента, который нужно платить, когда получается заем, вкладываемый в реальную экономику. В результате сейчас основная часть капиталов вращается в спекулятивной сфере. И эти капиталы в десятки раз (а некоторые уверяют, что и в сотни раз) превышают те, которые действуют в реальной экономике. Такая политика дает совершенно искаженную картину экономической жизни. Например, по официальной статистике, валовой внутренний продукт Соединенных Штатов за последние 30 лет увеличился в 10 раз, но если рассчитывать это по так называемым «потребительским корзинам» (т. е. в среднем на человека, для его нужд: питания, одежды, жилья и в самом широком смысле всего, для этого необходимого — энергии, образования, медицины, разных инфраструктур), то оказывается, что, наоборот, происходит падение на 30%. Это неучтенная разница между реальной и спекулятивной экономикой. Например, если бы проституция и торговля наркотиками были бы легализованы и соответствующие акции вращались на бирже, то, вероятно, еще в десяток раз увеличились бы обороты, и можно было бы сказать о еще большем процветании американской экономической жизни.

Концепция «постиндустриального общества» есть логический итог развития всей западной цивилизации, которая началась с разрушения земледелия и построения индустриального общества на его костях. А пришла она,

в конце концов, к уничтожению вообще всякой реальной экономики. Сейчас группа финансистов Запада пишет: «Наши маги-финансисты превратили Америку с ее ценностями в гигантское казино, они сотворили бедствие». И этот термин «экономика казино» – совершенно стандартный и общеупотребительный для характеристики современной западной экономики. Иногда они используют термин «мыльный пузырь». Другими словами, это спекулятивная экономика, которая лишь на несколько процентов, а может быть, на долю процента только обеспечена какой-то реально действующей экономикой. Это то, что в нашей жизни фигурировало и известно под названием «пирамиды». Как правило, все такие явления обречены на один и тот же конец – на финансовый крах. И один из западных экономистов пишет: «Мы находимся в стадии, напоминающей смертельно больного человека, когда дата смерти неизвестна, но факт ее приближения не вызывает никакого сомнения». А сейчас, даже за прошедший год, видны стандартные признаки экономического краха. Например, происходит резкое падение стоимости ценных бумаг, что другая страна, может быть, и перенесла бы, но для Запада это катастрофа. Потери за прошедший год оцениваются примерно в триллион долларов. Соединенные Штаты имеют совершенно астрономический дефицит бюджета на каждый год, в десятки раз превосходящий весь бюджет нашего государства. И отношение к нему совершенно фаталистическое: ни одна из партий, претендующих на власть, даже и не предлагает никаких путей его преодоления. Поддержка американской экономики осуществляется за счет искусственного вливания в нее денег со всего мира в невероятном количестве, примерно одного миллиарда долларов каждый день. И все это вместе уже сейчас вызывает лихорадку, резкие скачки цен на энергию и на горючее. Например, за

последние месяцы в Калифорнии цены на горючее поднялись более чем в четыре раза. Это типичные предвестники экономического кризиса.

Я перечислил ряд признаков упадка этой цивилизации. И, наконец, самооценка самого Запада: как он себя ощущает? Я заметил, что начиная с конца войны господствует представление о какой-то надвигающейся гибели и о конце мира, человечества. Причины указываются разные: например, в первые годы после войны причиной считалась неизбежная атомная война, что человечество создало силы разрушения, которые совершенно несопоставимы с интеллектуальными силами для их контроля. Потом через некоторое время возникло другое такое же течение: оно предвидело гибель из-за перенаселения, то, что называется демографическим кризисом. Целый ряд крупнейших экономистов, биологов и других ученых писали, что критический момент уже перейден, процесс уже необратим. Население растет настолько быстрее производства, что производство уже никогда не сможет сделать большинство стран более или менее состоятельными, кризис будет все увеличиваться. И, наконец, последнее предвидение катастрофы – это экологический кризис, возникающий в результате исчерпывания ресурсов природы и воздействия промышленности на природу. Это, например, то, что из всех видов живого, если рассматривать вместе растения и животных, сейчас каждый час гибнет один вид. Это, по-видимому, просто объективный факт. В настоящий момент исчезла примерно половина лесов на земле, а лесами земля дышит. Земля похожа на животное, у которого одно легкое ампутировано. Или озонные дыры, или «парниковый эффект», который приведет к такому повышению температуры, которое было последний раз примерно 120 тыс. лет назад. Но оно осуществлялось на протяжении десятков тысяч лет, а сейчас

произойдет, как предсказывают, на протяжении десятков лет. Природа не будет иметь возможности приспособиться к этим изменениям.

Обычно такие эмоции, охватывающие целое общество, имеют под собой некоторые объективные основания, когда возникает представление о гибели по той или иной причине всего мира, что близится гибель какого-либо типа общества, завершение какого-то большого периода. Такой пример можно очень четко видеть в эпоху Реформации, когда были распространены ожидания разного рода катастроф, нашествия турок, но более всего – второго пришествия. Был удивительный случай, когда в немецком городке произошла паника, потому что услышали звук трубы, которую приняли за трубу Архангела, возвещающего о втором пришествии. А это была труба пастуха! Но, действительно, было ощущение, объективно совершенно верное, конца, именно – близящегося конца традиционного средневекового общества.

XIV. Наследник

Ранее я изложил ряд признаков, указывающих на приближающийся конец западной цивилизации. Если такие признаки игнорировать, то непонятно, как же ориентироваться в жизни. Поэтому, я считаю, есть все основания предполагать, что смертельный кризис западной цивилизации разразится уже в ближайшие десятилетия, может быть, даже годы. Она не более устойчива, чем был Советский Союз, и конец ее может быть столь же внезапным.

С этим связан последний пункт, который я хотел бы обсудить. В таких случаях при гибели какой-то лидирующей цивилизации возникает «проблема наследника». Конечно, сложится какая-то другая цивилизация, наибо-

лее творческая и активная. Может быть, она возникнет сразу на обломках разлагающейся западной, может быть, это займет много лет или веков: так, после упадка античности до начала формирования новой средневековой культуры с ее богатой духовной жизнью прошло около 500 лет, которые в истории называются «темными веками» в отличие от Средних веков. Так кто же может претендовать на включение в число наследников? Конечно, существует ряд сильных цивилизаций с большой традицией. Это и Китай, и Индия, и очень активный исламский мир, Латинская Америка и Россия, конечно.

И здесь я хочу обратить внимание на особую роль России. Благодаря тому «третьему пути», за который Россия боролась 300 или 400 лет, она все же впитала гораздо больше продуктов деятельности западной цивилизации, больше культурных ценностей, чем другие названные цивилизации, и если бы она оказалась такой лидирующей цивилизацией, это означало бы сохранение большего запаса культурных ценностей; и может быть, человечество избежало бы такого длинного периода новых «темных веков», о котором я говорил. Но для этого, конечно, и сама Россия должна пережить XXI век. И русский народ должен восстановить свое духовное и национальное самосознание.

Сейчас, конечно, кажется наивным обсуждать вопрос, может ли Россия стать мировым лидером – в нашем-то теперешнем катастрофическом положении, основные признаки которого были перечислены в начале работы. Но надо иметь в виду, что тысячелетняя традиция не может быть уничтожена ни за 10, ни за 70 лет. Сейчас основные силы и интересы, препятствующие оздоровлению России, связаны с Западом. Конечно, есть мощные внутренние силы – как материальные, так и духовные, но они существенно зависят от поддержки, исходящей

от Запада. Если же верно предвидение скорого краха западной цивилизации, то и воздействие этих сил в России значительно ослабеет. Тогда возможности самостоятельного развития, основанного на своей традиции, для России столь же значительно возрастут. Так, например, реальная возможность для Руси освободиться от монгольского ига возникла в связи с кризисом, начавшимся в Золотой Орде; в наших летописях его называли «замятня», когда и началось «розмирие с тотары».

В истории можно заметить, что возможность народа влиять на свою судьбу не одинакова в различные периоды. Иногда инерция исторических сил столь важна, что не подчиниться ей исключительно трудно. В другие же периоды выпадение каких-то мощных исторических факторов создает большой простор для инициативы. Это бывают периоды освободительных войн, реформ, революций. Такая ситуация может возникнуть для России, когда созреет кризис, новая «замятня», в западной цивилизации. Истинный трагизм положения России заключается, как мне кажется, в том, что она может оказаться к этому моменту совершенно не готовой. Могут еще не сложиться психологические и духовные предпосылки для принятия нужных решений. Создание таких предпосылок – та реальная цель, над которой можно уже сегодня работать.

Но здесь мы вступаем в область суждений о судьбах человеческих, о которых Достоевский сказал, что они «в руках Божиих и человек в них почти ничего угадать не может, хотя и может предчувствовать». Вот такие свои предчувствия я тут и изложил.

ТРЕХТЫСЯЧЕЛЕТНЯЯ ЗАГАДКА

*История еврейства
из перспективы
современной России*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Значительная часть этой книги была написана более 25 лет тому назад. Тогда я писал работу (конечно, для Самиздата), в предчувствии надвигающегося кризиса, посвященную положению в Советском Союзе в то время (т. е. до «перестройки»). В ней я говорил о некоторых тенденциях, проявившихся тогда, опасных, по моему мнению, для будущего страны. Причем не мог не обратить внимания на исключительное, бросающееся в глаза участие, которое принимали в развитии этих тенденций еврейские публицисты и писатели. По ходу обсуждения всех разбиравшихся вопросов мне приходили в голову некоторые исторические параллели, которые я и излагал. Постепенно стало заметно, что обилие таких исторических экскурсов затемняет основную мысль работы. Один мой друг, сейчас уже покойный, посоветовал мне лучше собрать все исторические экскурсы в одно Приложение к работе. Мысль показалась мне разумной, и я начал писать такое Приложение. По ходу дела я знакомился с новыми для меня работами и извлеченные из них мысли и факты тоже включал в Приложение. В результате появился некий текст, или даже два (один был специально посвящен русской истории), вместе превышавшие первоначальную работу. Как «Приложение» они уже потеряли смысл и тогда в работе никак не отразились. Работа появилась в Самиздате под названием «Русофобия» и стала жить своей жизнью, а «исторический» текст остался лежать в «ящике».

Публикация моей работы «Русофобия» вызвала множество откликов как в нашей стране, так и за ее границами. К моему сожалению, они почти исключительно были реакцией на упоминание еврейских публицистов в обсуждавшемся мною течении, да еще слова о роли еврейских революционеров в революции 1917 г., хотя это не было основной темой работы, что видно, например, по ее названию, да и не раз в ней подчеркивалось. Впрочем, и в этом узком аспекте обычно полностью игнорировалась моя аргументация и задаваемые мною вопросы (например, что подразумевается под термином «антисемитизм»), все это множество статей или отдельных высказываний, скорее, отражало чувство возмущения нарушением некоторого запрета, обсуждением вопроса, признанного необсуждаемым. Такая реакция показалась мне поразительной, особенно сейчас, когда все, кажется, признают плодотворность открытого обсуждения любой темы. Парадоксальность ситуации привлекла мое внимание к этому вопросу, занимающему, видимо, совершенно исключительное положение в современном сознании. Вопрос заинтересовал меня в различных его аспектах. Тем самым еще расширился текст несостоявшегося некогда «Приложения к “Русофобии”». Может быть, его публикация устранил некоторые недоразумения, возникшие из-за вынужденной краткости (специфика Самиздата) первоначальной работы.

С тех пор прошло много лет. Соображения, высказанные мною в опубликованной после этого в печати работе, как мне кажется, полностью подтвердились, к великому моему огорчению. Тенденции, наблюдавшиеся мною как еле заметные трещинки в монолите тогдашнего государства, теперь превратились в пропасти и обвалы, почти разрушившие страну. И, в частности, опять

возникло явление очевидного сверхактивного участия каких-то еврейских течений в этой работе разрушения.

Сейчас опять, как 25 лет назад, возникает потребность осмыслить произошедшие события. Мы живем в совершенно новой ситуации, созданной драматическими изменениями последних 12–15 лет. Но эти изменения дают также и обильный материал для размышлений, даже совершенно новую точку зрения, из перспективы которой мы можем смотреть на всю историю.

Настоящая работа содержит и старый текст, более чем 25-летней давности (иногда переработанный), и новые наблюдения и соображения. Содержание работы, мне кажется, раскрывается ее названием. Это рассуждения на тему, которая, иногда очень неопределенно, называется «еврейский вопрос».

Хочу сразу определить свою позицию: моим стимулом при написании работы было сопереживание истории собственного народа и, даже еще в большей степени, обсуждение его возможного будущего. Это определяет ориентацию работы: история отношений между евреями и другими народами полезна как собрание примеров для уяснения русско-еврейских взаимоотношений. Мне представляется неправдоподобным, что можно обсуждать такой вопрос, отвлекшись от собственной национальности, как бы сверху, подобно тому, как у Гомера Зевс беспристрастно взвешивает на весах судьбы «доли» Гектора и Ахилла. Для этого надо быть бессмертным Громовержцем. Но человечески ангажированная точка зрения не предполагает предвзятости, тем более враждебности: хотя бы потому, что злоба – плохой советчик. Цель работы – привести некоторые факты и соображения, которые помогли бы выработать русскую точку зрения на трудный и важный, особенно для русских, «еврейский вопрос».

Но сначала надо, конечно, обсудить: существует ли такой «вопрос», есть ли здесь разумный предмет для размышлений. С этого работа и начинается.

При подготовке рукописи неоценимую помощь мне оказал С. П. Демущкин. Без его содействия книга несомненно не увидела бы свет.

Я очень благодарен М. В. Назарову, прочитавшему работу в рукописи и внесшему ряд весьма ценных для меня замечаний.

Я также благодарю всех прочитавших рукопись (или ее части) за сделанные ими замечания.

Я глубоко благодарен всем, кто помог мне доставать нужную для книги литературу – как в нашей стране, так и за ее пределами.

Автор

Глава 1 Существует ли «еврейский вопрос»?

Евреи не раз играли судьбоносную роль в истории нашей страны: в революционном движении, экономике и прессе до революции 1917 г.; в аппарате власти после революции (в партии, ЧК-ОГПУ-НКВД, руководстве основных наркоматов). Их роль колоссальна в современной жизни: в партии, аппарате пропаганды и культуры, в формировании отношения Запада к СССР, в управлении общественным мнением. И несомненно, их влияние будет не меньше в предвидимом будущем. (Через лет 20 после того, как этот текст был написан, события конца 1980-х – 1990-х годов, мне кажется, полностью подтвердили эту мысль.)

Казалось бы, к этому поразительному и важному явлению независимая мысль в нашей стране должна была

бы постоянно возвращаться. По многим причинам этого, однако, не произошло – и не только сейчас, так было и в прошлом. Среди небольшого числа исключений Достоевский, вообще замечавший многое, скрытое еще от других, посвятил «еврейскому вопросу» более ста лет назад несколько глубоких статей. Он начинал так:

«О, не думайте, что я действительно затеваю поднимать “еврейский вопрос”. Я написал это заглавие в шутку. Поднять такой величины вопрос, как положение еврея в России и о положении России, имеющей в числе сынов своих три миллиона евреев – я не в силах. Вопрос этот не в моих размерах».

Конечно, эти слова не являются выражением авторского кокетства; очевидно, Достоевский чувствовал, что современность еще не давала ему ни нужных фактов, ни точек зрения, чтобы приблизиться к пониманию истинных корней затронутого им вопроса (такие намеки в его статьях есть). Протекший век снабдил нас массой новых фактов на эту тему. Боюсь, однако, что положение со времен Достоевского не стало более благоприятным, потому что, кроме фактов, время принесло с собой и множество мифов, табу, да и прямой лжи, – и все это забаррикадировало и самые подступы к «еврейскому вопросу». Так что и в этой работе я не ставлю себе цели «поднять еврейский вопрос», уж тем более он и «не в моих размерах». Но я хотел бы попытаться хоть подготовить почву к его обсуждению в свете всего нашего громадного опыта XX века, хоть помочь расчищать путь к пониманию того, что он значит для русских (т. е. в рамках «русского вопроса»).

Прежде всего, нам преграждает дорогу заявление, что этот вопрос вообще нельзя обсуждать. «Не гуман-

но оперировать такой абстракцией, как “еврейский вопрос” или “еврейство”: этим игнорируется человеческая индивидуальность, одни люди признаются ответственными за действия других. Отсюда всего шаг до отправки в лагеря или газовые камеры по классовому или расовому признаку» – подобные возражения приходится часто слышать. Однако «обсуждение» любого социального или исторического явления невозможно без введения каких-то общих категорий: государств, наций, сословий. Это очень важный компонент социального или исторического анализа и в других случаях никаких возражений не вызывает. Почему можно говорить о влиянии, которое эмигрировавшие из Франции гугеноты оказали на развитие капитализма в Германии, но неморально ставить вопрос об аналогичном влиянии евреев? Можно обратить внимание на то, какую роль играл многонациональный характер России в русской революции, но «не интеллигентно» интересоваться тем, какова, в частности, была роль евреев? Вряд ли можно ответить на подобные вопросы, если только не принять, что к евреям и другим народам следует прилагать разные мерки. Надо лишь иметь в виду, что мы оперируем некоторой абстракцией, и не абсолютизировать ее.

Более убедительно на первый взгляд выглядит другое возражение – утверждение, что никакого вопроса вообще не существует, что понятие «еврей» или «еврейский народ» есть пустая абстракция, не отвечающая никакой реальности. Так, современный (XX в.) французский философ Раймон Арон спрашивает: что общего между йеменским и американским евреями, даже если оба живут в Израиле? Гораздо раньше и Сталин задавал тот же вопрос: что общего между кавказским и американским евреями? Но ответ, оказывается, хо-

рошо известен многим евреям-авторам, выступающим с позиций еврейского национализма. Вот суждение на эту тему виднейшего вождя еврейского национализма в XIX веке Гретца, написавшего (первую полную) 11-томную «Историю еврейского народа». «К середине XIX в., – пишет он в последнем томе этой “Истории”, – некоторые еврейские националисты начали жаловаться, что под влиянием контактов с европейской культурой, в результате предоставления им равноправия, евреи стали терять свою надгосударственную сплоченность. Но вот в 1840 г. в Сирии, в Дамаске, возникло дело по обвинению нескольких евреев в ритуальном убийстве католического монаха. И сразу обнаружилось:

«Какая чудесная взаимосвязь нерасторжимо соединяет члены еврейского мира, как еще прочны узы невидимо, бессознательно стягивающие их, как первая же угроза еврейству заставляет биться в патриотическом порыве сердца всех евреев на земном шаре: любых партийных толков, вольнодумца-реформатора совершенно так же, как несгибаемого ортодокса, государственного деятеля, по видимости, отошедшего от еврейства, так же, как погруженного в Каббалу и Талмуд начетчика, в веселой Франции так же, как в задумчивой Азии».

Во главе движения за освобождение арестованных в Дамаске евреев стали: французский политический деятель Адольф Кремье и живущие в Англии барон Натаниэль Ротшильд и сэр Мозес Монтефиоре. Они поехали в Турцию, добились освобождения задержанных евреев и заставили даже убрать гробницу убитого монаха из церкви капуцинского монастыря. Казалось бы, действительно, что общего у барона Ротшильда и сэра Монтефиоре с сирийскими евреями? Но какая-то «нерасторжи-

мая связь» существует. И существует она не с прошлого века. Вот свидетельство, относящееся еще к античности (оно принадлежит известному историку Моммзену):

«Как многочисленно было даже в Риме еврейское население еще до Цезаря и как стойко держались уже в то время в племенном отношении Евреи, указывает нам замечание одного из современных писателей, — что для наместника бывает опасно слишком вмешиваться в дела Евреев своей провинции, так как по возвращении в Рим ему предстоит быть освиственным столичной чернью».

Вот таким — как единый живой организм, немедленно реагирующий на болезненное раздражение любой его части — проходит еврейство через всю историю, вплоть до наших дней. Любой острый для еврейства вопрос немедленно подхватывается прессой всего мира, — как было, например, с «делом Дрейфуса», «делом Бейлиса» или «делом врачей». С начала этого, т. е. XX века, переговоры русского правительства о займах наталкивались в Англии, Франции, Америке на сопротивление еврейских банкирских домов, ставивших условием изменение положения евреев в России. То есть интересы русских евреев были, например, для английских Ротшильдов важнее их собственных финансовых интересов! Дело доходило до организованного международного бойкота, причем банки, пытавшиеся его нарушить, подвергались давлению и наказаниям. Президент Тафт в 1911 г. аннулировал русско-американский торговый договор 1832 г. под давлением еврейских кругов Америки, возмущенных положением евреев в России и, в частности, тем, что по русским законам туда был ограничен въезд евреев. Симметричная ситуация, когда торговый

договор не был заключен из-за того, что евреям не разрешался выезд из СССР, сложилась на наших глазах (закон «Джексона – Вэника»).

И еще недавно можно было прочитать в газетах или услышать по радио о демонстрациях и петициях, скажем, бельгийских евреев в защиту, по их мнению, притесняемых советских евреев. Ведь это поразительно: если бы они встретились – советский еврей и его европейский защитник, то скорее всего не смогли даже объясниться. Что же их связывает? Не язык, не территория или любовь к родному ландшафту, не государство, не культура, теперь даже, как правило, не религия. По-видимому, и сами евреи часто только ощущают эту связующую их силу, но не могут дать ей рационального объяснения. Например, в статье, напечатанной в современном журнале, издающемся на русском языке в Израиле, автор, американский еврей, пишет:

«Для большинства американских евреев, которые образуют сейчас верхушку американского среднего класса, то, что выделяет их как евреев, – это определенно-го рода ощущение близости (...). Пожалуй, точнее всего было бы сказать, что они “чувствуют что-то такое”... Вот это “что-то такое” и составляет основу их ощущения еврейскости. Такое маленькое “что-то...” (...). И это, оказывается, весьма специфическая вещь – быть выделенным, принадлежать к этой группе. Настолько специфическая, что люди не хотят отдавать ощущение этой принадлежности и выделенности, не хотят “обменивать” его на что-либо иное».

А Фрейд, обращаясь к современному «бунтарю», говорил: «Если бы у него спросили, что есть в тебе иудейского, когда ты покинул все, что имел общего

с соотечественниками, он бы ответил: еще многое, вероятно, самое главное».

Эти высказывания, на которые я обратил внимание еще давно, подтверждаются другими, более поздними. Например, публицист, живущий в Германии, представительница уже «третьей волны» эмиграции, С. Марголина пишет:

«Еврей – не фантастическая выдумка. Его самосознание начинается с ощущения “отличности”. Оно коренится в традиции избранности, которая, потеряв религиозную непосредственность, реализуется в мирской форме чувства превосходства и нарциссизма».

Тут часто выдвигается другое возражение: если в какой-то степени и существует самосознание евреев всего мира как единого целого, то причина его лежит не в евреях, а в той ситуации, в которой они оказались – это общее свойство рассеянных и гонимых народов. Заметим, что это возражение все же признает существование того явления, которое мы обсуждаем, предлагая лишь его объяснение. Но и объяснение не кажется убедительным. Оно есть отражение общей концепции, согласно которой деятельность организма, человека, общества направляется не внутренними стимулами, а влиянием окружающей среды. Концепция эта заимствована из биологии (дарвинизм, бихевиоризм), но и там, кажется, перестает быть популярной. В интересующем же нас случае вопрос, можно сказать, доступен экспериментальной проверке, так как, кроме евреев, было столько народов, терявших свое государство! – но судьба их всех была совсем иной, чем у евреев. Государство вандалов было разрушено Византией, и о вандалах больше никто ничего не слышал, а еврей-

ское государство разрушали и Ассирия, и Вавилон, и Рим, но в конце концов разрушились-то они, а евреи существуют до сих пор! Русская революция выплеснула за границу многочисленную эмиграцию, в большинстве своем накаленную патриотическими чувствами, всеми силами стремившуюся сохранить связь с Россией, и уже внуки эмигрантов еле говорят по-русски и испытывают к России в лучшем случае сентиментальный интерес; а влияние на политическую жизнь мира или тех стран, где она обитала, эмиграция не оказывала просто никакого. Поразительный пример дает Америка. Почти все ее жители в том или ином поколении – эмигранты, но, за одним-единственным исключением, их национальные интересы оказывают очень маленькое влияние на политику США. Там много немцев, но это не помешало Америке в двух последних войнах воевать против Германии. Зато интересы еврейской части населения США просто доминируют в политике: им приносятся в жертву и торговые сделки с СССР, и проблема снабжения нефтью с Ближнего Востока. Дальше мы приведем и другие примеры.

Многие обращали внимание на это поразительное явление. Например, М. О. Гершензон писал:

«История евреев (...) слишком странна своим разительным несходством с историей прочих народов...»

Он привлекает такой образ:

«Сравнительно с большинством растений, прикрепленных к месту, растение, скитающееся по морю, ненормально... Оно (еврейство. – И. Ш.) похоже на те растения, блуждающие по морю, которых корни не вырастают в дно».

Надо, наконец, признать, что жизнь человечества управляется не тривиальной логикой, что в ней есть общие правила, но есть и исключения из них, и что судьба евреев – один из примеров этого. Такое признание принесет неоценимую пользу тем, что предостережет от веры в примитивные, тривиальные решения: например, в то, что еврейский вопрос, бывший 30 веков загадкой для человечества, разрешится в результате ассимиляции или издания особых законов, регулирующих положение евреев.

Вполне понятно нежелание расстаться с простыми, привычными взглядами. Так не хочется отказываться от «разумной», «логичной» точки зрения: еврей-де – народ как другие; только крайние еврейские националисты да крайние ненавистники евреев представляют их (сходясь в своей крайности) либо посланцами небес, либо исчадием ада; конечно, они народ с трудной историей, удивительно сплоченный, но поставь других в те же условия – и результат был бы похожим. Отказавшись от такой точки зрения, попадаешь, как кажется, в область каких-то фантазий, мистики (да и обидно даже признавать за другими какие-то особенные, уникальные черты). Автор по себе знает, как трудно расстаться с таким взглядом, как долго приносишь ради этого в жертву и логику, и факты – до тех пор, пока не осознаешь совершенно ясно, что борешься с очевидностью. Не только евреи не такой же народ, как все, но между ними и другими народами нет промежуточных ступеней, здесь какое-то нарушение непрерывности. А когда другие народы попадают в положение, похожее на то, в котором находятся евреи, то это только подчеркивает их различие. Нельзя отрицать существование этой силы, которую Гретц назвал «чудесной взаимосвязью», соединяющей евре-

ев мира: слишком часто и слишком мощно она воздействует на жизнь человечества. То, что ни мы, ни, вероятно, сами евреи, не понимают, при помощи каких факторов эта сила действует, не ставит под сомнение ее существование: не станет же физик, наблюдающий какое-то явление, отрицать его только потому, что пока не может его объяснить. Дальше мы и будем исходить из такой точки зрения, т. е. существования некоей социальной силы, действующей как единое целое, которую можно назвать «еврейским влиянием в мире» или «еврейством». Мы не будем пытаться анализировать внутренние стимулы, движущие эту силу и направляющие ее в ту или иную сторону. Не будем даже задаваться вопросом, все ли евреи или только некоторые подчиняются действию этой силы; те, которые ей подчиняются, те и образуют «еврейство». Нас будет интересовать, на что эта сила реагирует, как меняется ее точка приложения. Только в этом смысле мы будем говорить о ее «целях».

Существование этой силы собственно и составляет «еврейский вопрос». На протяжении работы мы попытаемся указать ее проявления в самых различных исторических ситуациях – от седой древности до наших дней. Но в чем же, собственно говоря, «вопрос»? – почему наличие этой силы (если допустить, что наши аргументы, доказывающие, что она существует, убедительны) – почему этот факт важен, воспринимается как вопрос, обращенный к нам от имени истории? Причина, видимо, в том, что сила эта чаще всего проявляется, когда рушатся некоторые традиционные жизненные уклады – и является фактором, способствующим их радикальному и безжалостному разрушению. Вся история демонстрирует как бы сосуществование двух трудно соединимых, разнородных сущностей. Сосуще-

ствование выливается в конфликты, в которых страдает то одна, то другая сторона. Резня, произведенная казаками Хмельницкого в еврейском местечке Немиров, как бы воскресает в резне арабов в палестинской деревне Дейр Ясин, в лагерях беженцев Шабра и Сатила в Ливане. Примеры проходят через всю историю, мы встретим их во множестве и в этой работе. В конфликтных ситуациях такого масштаба поиски «виновника» вряд ли продуктивны. Важнее осознание самой ситуации. Именно исключительность, необычность истории еврейства и объясняет то, что она так постоянно привлекала к себе человеческую мысль, воспринималась как Загадка.

Как мы уже говорили, интересующая нас сила проявляется на очень большом отрезке Истории. Поэтому, чтобы подметить какие-то ее черты, надо и рассматривать ее на всем этом промежутке. Здесь мы приведем очень краткую ее характеристику, самое сжатое описание ее за тот исторический период, когда ее можно наблюдать. Это подготовительная работа для тех, кто в будущем попытается глубже осмыслить ее воздействие на судьбу нашего народа или всего человечества, как бы исторический фон, на котором эту проблему, как мне кажется, следует рассматривать.

Мы сталкиваемся тут с областью, которой посвящена громадная литература. Мы же в этой работе будем опираться лишь на небольшую часть этих источников. Здесь играет роль не только очевидная причина – неспособность автора охватить всю литературу (часто невозможность достать источники, кажущиеся интересными), но (что существеннее) и то, что литература эта в большей своей части исключительно тенденциозна и вызывает мало доверия. Те возражения против обсуждения «еврейского вопроса», кото-

рые приводились в начале главы, являются не просто укоренившимися стереотипами мышления – это почти догматы некоторого мировоззрения, и неподчинение им вызывает иррациональную ярость. Силу пылающих тут чувств показывает диапазон аргументов, выходящих далеко за рамки интеллектуальной дискуссии. Достаточно напомнить, что сейчас в ряде стран Запада даже публичное выражение сомнения в цифре 6 млн евреев, погибших от рук нацистов, уголовно наказуемо тюремным заключением. По этой статье ряд лиц и наказаны: одни отсидели свой срок, другие скрываются, третьи уволены без надежды найти работу и без права на пенсию. Да и я сам, в период как раз расцветавшей в нашей стране свободы и либерализма, лишь попытался коснуться печатно «вопроса», сразу встретился с публичным требованием, чтобы моими произведениями занялась КГБ (тогда оно еще так называлось). И это со стороны публициста, прокламировавшего преданность демократии! Тогда я впервые обнаружил, что одно другому не противоречит. А это у многих порождает осторожность, самоцензуру – того самого внутреннего редактора, которого все помнят по временам коммунистического строя.

Естественно, что такое пристрастное и одностороннее освещение важного вопроса вызывало, в качестве реакции, появление многих произведений противоположного направления, столь же тенденциозных. В частности, за последнее десятилетие в нашей стране. И они полны мыслями или сообщаемыми фактами, которые именно из-за крайнего полемического стиля работ внушают сомнение. Тут я сошлюсь на последнюю, по-видимому, работу В. В. Кожина, опубликованную еще при его жизни. Она напечатана в выходящем в Минске журнале «Святая Русь» и посвящена разбору

недавно вышедшей также в Минске книги «Война по законам подлости». Как говорится в статье Кожина, книга посвящена в основном «еврейскому вопросу», но в ней свалены в одну кучу вопрос, как он говорит, «чрезвычайно существенный и чрезвычайно острый», и множество предвзятых мнений, непроверенных слухов и мифов, сложившихся вокруг него. К числу их Кожин относит внушаемый книгой взгляд, что «все зло в мире исходит только от одних евреев», а также что «все евреи всех времен – злейшие враги России и всего мира». К той же области он относит множество непроверенных и неправдоподобных «фактов», содержащихся в книге, например, «Завещание Сталина», и вообще представление о Сталине как принципиальном и последовательном борце с еврейским влиянием («сионизмом»), а в особенности длиннейший список политических деятелей, не симпатичных авторам, а потому скопом зачисляемых в евреи, с указанием их «истинных» фамилий, неизвестно откуда взятых, например: Хрущев, Суслов, Горбачев, Ельцин, Черномырдин, даже Геринг и Геббельс. Я привел указание на эту книгу лишь как один пример. Как же тогда извлекать из литературы те или иные факты, как ориентироваться в человеческих взаимоотношениях, составляющих в целом этот «вопрос»? Надо было бы ограничиться источниками, заслуживающими доверия, но «заслуживающими доверия» с чьей стороны? С какой точки зрения?

И все же мне кажется, что существует ряд признаков, дающих возможность отобрать источники (или определенные части их), которым можно доверять, хоть в какой-то степени. Я перечислю эти признаки. На протяжении работы я буду именно такими источниками пользоваться.

Во-первых, это те, которые можно назвать «первоисточниками». Например, Ветхий Завет. Переводы его, за исключением некоторых деталей, не вызывают, видимо, сомнений, так что по нему можно достаточно надежно судить о духе иудаизма. К той же группе источников можно отнести Талмуд и различные комментарии к нему (например, «Шулхан Арух»). Вопрос о том, какими переводами здесь пользоваться, более сложный, мы к нему в своем месте вернемся.

Другой группой источников являются работы еврейских авторов. Например, книги очень скрупулезного еврейского историка Гершона Шолема или высказывания таких влиятельных еврейских мыслителей, как Ахад-Хаам или М. Бубер, книга основателя сионизма Герцля, воспоминания одного из вождей этого движения Х. Вейцмана, председателя Всемирного Еврейского конгресса Нахума Гольдмана и, конечно, классическая «История евреев» Гретца.

К третьей группе можно отнести работы еврейских авторов, выступающих как евреи, но противников господствующей в некоторых еврейских кругах тенденции. Примером является книга «Россия и евреи», изданная в 1923 г. шестью евреями, находившимися в эмиграции. Они ни в коей мере не отрекаются от своего еврейства. Но всю книгу пронизывает убеждение, что живущие в России евреи должны прежде всего мыслить себя гражданами России. И эта точка зрения приводит их к совершенно новым выводам по таким вопросам, как участие евреев в подготовке революции, в утверждении большевистской власти в Гражданской войне и т. д. – вплоть до неожиданной в устах еврейских авторов оценки еврейских жертв в еврейских погромах времен Гражданской войны. Другой

пример – С. Марголина, которую мы уже цитировали. Она пишет, например:

«Вопрос о роли и месте евреев в советской истории – один из важнейших, хотя одновременно один из наиболее табуизированных вопросов нашего времени».

Еще одной книгой такого типа является «Еврейская история – еврейская религия. Тяжесть трех тысячелетий» Израиля Шахака (опубликована по-английски в 1994 г.). Автор является еврейским патриотом и патриотом государства Израиль. Он родился в Польше в 1933 г., получил еврейское религиозное образование, переселился в Израиль в 1945 г., служил там в армии. Именно исходя из своей патриотической еврейской позиции, автор считает губительной средневековую раввинистическую идеологию, господствующую, по его мнению, сейчас в Израиле. Он призывает:

«...приступить к честной оценке еврейского прошлого, осознать, что еврейский шовинизм и чувство избранности существуют, и открыто пересмотреть отношение иудаизма к неевреям».

К четвертой группе источников я отнесу высказывания, содержащиеся в исторических сочинениях, которые в других, широко известных вопросах зарекомендовали себя объективно. Или утверждений авторов, репутация которых общепризнана – таких, как социологи М. Вебер и В. Зомбарт.

Пятой группой являются, по-моему, утверждения, снабженные четко проверяемой ссылкой. В качестве примера приведу книгу Д. Рида «Спор о Сионе». Книга довольно четко делится на две части. В одной из них

излагается точка зрения автора, согласно которой в течение нескольких тысячелетий маленькое племя (или каста) левитов планомерно устанавливает власть над миром. Им руководит тайное правительство, находящееся то в Палестине, то в Персии, то в Испании, то в Польше. Его орудием являлся, в частности, тайный орден иллюминатов, совершивший Французскую революцию. Эта линия продолжается, как утверждает автор, приблизительно до 1950-х годов, когда была написана книга. Я не берусь поддерживать или опровергать такую картину. Но заметно, что когда автор говорит о конце XIX в. или о XX веке, характер изложения резко меняется. Он приводит множество ссылок на книги и газеты, которыми можно пользоваться, необязательно принимая набросанную выше картину. Автор был, видимо, крупным журналистом-международником, сохранил в своем архиве вырезки из газет по интересовавшему его вопросу. Некоторые книги, на которые он ссылается, я достал, они полностью соответствуют тому их изложению, которое дается в книге. (Например, пользуясь библиографией этой книги, я ознакомился с потрясающей историей преследования христианства в Мексике в 1920-е гг. Об этом же написал несколько ярких книг писатель Г. Грин.) Если в этой книге приводится текст, взятый в кавычки и сопровождаемый ссылкой (например, «Нью-Йорк таймс», 11 октября 1956 г.), то трудно представить себе, что автор его попросту выдумал. Общая концепция автора как раз плохо подтверждается последующими событиями: он утверждает, например, что еврейское господство над миром осуществляется путем подчинения Запада Советскому Союзу! Но множество конкретных фактов, снабженных точными ссылками, очень полезно. То же можно сказать о книге современного американского автора Д. Дюка «Еврейский вопрос глазами амери-

канца». Его суждения о русских делах часто вызывают сомнения. Например, уже в предисловии он сообщает, что «в первом правительстве Коммунистической России было только 13 этнических русских и свыше 300 евреев из общего количества 384 комиссаров». О каком правительстве и каких комиссарах говорит автор? Совнарком был несравненно малочисленнее, комиссары же были в каждой армии, полку, роте. Их были тысячи. Судя по другим источникам, цифра в «384 комиссара» восходит к журналисту Вильтону, который был корреспондентом газеты «Таймс» в России во время революции. Возможно, что Вильтон имел в виду определенный список фамилий, зная который, мы могли бы судить, насколько убедительную картину он дает. Но без такого списка это утверждение превращается в типичный пример высказывания, которое невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть, так как сам смысл его непонятен. Но хуже того, по чисто американскому вопросу Дюк пишет о «сотнях тысяч американских солдат», погибших во Вьетнаме. Стандартная цифра американских потерь во Вьетнаме, которую обычно приводят, 50 тысяч. Если у автора есть основания сомневаться в этой цифре, то было бы очень важно (для самих американцев), чтобы они были приведены, чего в книге нет. Но, с другой стороны, в книге имеется большое число цитат из конкретных книг, которые мне удалось достать и проверить, что цитаты точны. Поэтому я считаю возможным привести цитату из этой книги (снабженную точной ссылкой), которую я сам проверить был не в состоянии. Другим такого же типа источником являются личные впечатления. Их можно найти и в книге Д. Рида. Особенно много их в книге Шульгина, свидетеля многих драматических событий нашей истории – и одновременно острого наблюдателя. В его книге, посвященной русско-еврейским отношени-

ям, проявляется распространенный недостаток его поколения: он не выверяет тщательно приводимые им факты. Например, в книге есть список псевдонимов некоторых революционных деятелей. Уже в 1929 г., когда Шульгин писал свою книгу, существовало много справочников, по которым он мог бы установить, что истинная фамилия Зиновьева – Радомысльский, а не Апфельбаум, Урицкий – не псевдоним. И подлинная фамилия Мартынова – Пиккер, а не Зибар. Хотя более аккуратная проверка подтверждает его главное утверждение, что громадное число большевистских вождей еврейского происхождения имело русские псевдонимы. Но личные впечатления и наблюдения Шульгина от этого не менее интересны.

Наконец, шестой группой источников можно называть такие, которые в «доверии» просто не нуждаются, это умозаключения, об убедительности которых каждый может судить сам.

Таким образом, все же можно набрать достаточное количество источников, на которые возможно опираться.

В настоящей работе каждая цитата не будет сопровождаться ссылкой, чтобы не загромождать текст. Но в конце книги приводится литература, в которой интересующиеся могут найти приводимые в этой главе факты, а также много интересного на ту же тему.

Глава 2 **Античность**

Внешне история Иудеи и иудеев в эпоху античности ничем не отличается от истории любого небольшого государства Ближнего Востока и одного из многих народов, населявших Средиземноморье. Одно время

Иудея входила в сферу влияния Египта. Потом была завоевана (ее северная часть) Ассирией, потом (остальная часть) – Ново-Вавилонским царством. Большие империи того времени часто решали национальные проблемы путем переселения входивших в них народов (как в 1940-е годы в Советском Союзе или в Польше и Чехословакии, где немцы были выселены из плотно заселенных ими областей). Такова же была участь иудеев («Вавилонское пленение»). Подобные переселения способствовали созданию многочисленной диаспоры. После подчинения Ближнего Востока Персидской империей часть иудеев, пожелавших вернуться на родину, получила разрешение это сделать. Иудея, как часть Персидского царства, была завоевана во время походов Александра Македонского и вошла в его империю. После его смерти она стала предметом споров для двух эллинистических монархий: Птолемеев в Египте и Селевкидов в Азии. Она не раз переходила из рук в руки, что сопровождалось опять значительными переселениями иудейского населения в победившую страну. Но, в конце концов, Иудея стала частью империи Селевкидов. Воспользовавшись ослаблением этой империи и опираясь на поддержку Рима, все более влиявшего на все Средиземноморье, Иудея на время опять добилась независимости, под управлением сначала первосвященника, потом – царя. Однако она все более подпадала под влияние Рима и в 6-м году I в. после Р. Х. стала римской провинцией. Римское господство вызывало восстания, сурово подавлявшиеся (что бывало и в других провинциях). После восстания 66–70 гг. I в. после Р. Х., подавленного императорами Веспасианом и Титом, был разрушен Иерусалимский храм и упразднено звание первосвященника, но иудаизм как религия в Империи не притеснялся, надолго сохранилась власть Синедриона (духовный суд), патриарха.

Однако за этим фасадом, довольно стандартным для античной истории, скрываются некоторые принципиальные отличия. Два фактора кардинально отличают античных иудеев от других народов Средиземноморья: это их религия, т. е. Ветхий Завет с содержащимся в нем учением об избранном народе, и необычная солидарность и влиятельность иудейской диаспоры.

Ветхий Завет создал мировоззрение избранного богом народа, которому предназначена роль руководителя и властителя человечества, которому все другие народы предназначены служить, ради которого весь мир, может быть, только и создан. Мы соприкасаемся здесь с самым ядром интересующего нас явления. Это поразительное, больше нигде не возникавшее мировоззрение в течение тысячелетий определяло отношение еврейства к остальному человечеству. Поэтому мы попытаемся сейчас по возможности охарактеризовать его рядом цитат из Ветхого Завета, даже рискуя, быть может, утомить читателя обилием этих цитат.

«Так говорит Господь Саваоф: будет в те дни, возьмутся десять человек из всех разноязычных народов, возьмутся за полу Иудея и будут говорить: мы пойдём с тобою, ибо мы слышали, что с вами Бог». (Зах 8:23)

«Тогда сыновья иноземцев будут строить стены твои, и цари их служить тебе; ибо во гневе Моем Я поражал тебя, но в благоволении Моем буду милостив к тебе. И будут всегда открыты врата твои, не будут затворяться ни днем ни ночью, чтобы приносимо было к тебе достояние народов и приводимы были цари их. Ибо народ и царства, которые не захотят служить тебе, – погибнут, и такие народы совершенно истребятся». (Ис 60:10–12)

«И будут цари питателями твоими, и царицы их кормилицами твоими; лицом до земли будут кланяться тебе

и лизать прах ног твоих, и узнаешь, что Я Господь, что надеющиеся на Меня не постыдятся». (Ис 49:23)

«...ибо ты распространишься направо и налево, и потомство твое завладеет народами и населит опустошенные города». (Ис 54:3)

«И возьмут их народы, и приведут на место их, и дом Израиля усвоит их себе на земле Господней рабами и рабынями, и возьмет в плен пленивших его, и будет господствовать над угнетателями своими». (Ис 14:2)

«И придут иноземцы и будут пасти стада ваши; и сыновья чужестранцев будут вашими земледельцами и вашими виноградарями. А вы будете называться священниками Господа, служителями Бога нашего будут именовать вас; будете пользоваться достоянием народов и славиться славою их». (Ис 61:5–6)

Другие народы воспринимались как поклонники ложных богов, опасные соблазнитель, способные отклонить Израиль от служения истинному Богу. По отношению к ним внушалась подозрительность, враждебность и жестокость, необычная даже для тех времен. Утверждалась двойная мораль – отношение к язычникам как существам иного сорта, на которых не распространяются законы, данные Израилю, над которыми Израилю предназначено властвовать не просто по праву сильного, не в силу принадлежности к высшей культуре (как, например, понимали греки противопоставление эллинов варварам), а по воле высшей силы, не нуждающейся ни в оправдании, ни в аргументах.

«Не вступай в союз с жителями той земли, чтобы, когда они будут блудодействовать вслед богов своих и приносить жертвы богам своим, не пригласили и тебя, и ты бы не вкусил жертвы их; и не бери из дочерей их

жен сынам своим, дабы дочери их, блудодействуя вслед богов своих, не ввели и сынов твоих в блужение вслед богов своих». (Ис 34:15–16)

«А в городах сих народов, которых Господь Бог твой дает тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души, но предай их заклятию: Хеттеев и Аморреев, и Хананеев, и Ферезеев, и Евеев, и Иевусеев, как повелел тебе Господь, Бог твой, дабы они не научили вас делать такие же мерзости, какие они делали для богов своих, и дабы вы не грешили пред Господом Богом вашим». (Втор 20:16–18)

«...потому что они – Мои рабы, которых Я вывел из земли Египетской; не должно продавать их, как продают рабов, не господствуй над ними с жестокостью и боясь Бога твоего. А чтобы раб твой и рабыня твоя были у тебя, то покупайте себе раба и рабыню у народов, которые вокруг вас; также и из детей поселенцев, поселившихся у вас, можете покупать, и из племени их, которое у вас, которое у них родилось в земле вашей, и они могут быть вашей собственностью; можете передавать их в наследство и сынам вашим по себе, как имение; вечно владейте ими как рабами. А над братьями вашими, сынами Израилевыми, друг над другом, не господствуйте с жестокостью». (Лев 25:42–46)

«...с иноземца взыскивай, а что будет твое у брата твоего, прости». (Втор 15:3)

«...иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост...». (Втор 23:20)

«...и сказал им Моисей: [для чего] вы оставили в живых всех женщин? вот они, по совету Валаамову, были для сынов Израилевых поводом к отступлению от Господа... Итак убейте всех детей мужеского пола, и всех женщин, познавших мужа на мужеском ложе, убейте». (Чис 31:15–17)

«...и взяли в то время все города его, и предали заклятию все города, мужчин и женщин и детей, не оставили никого в живых...». (Втор 2:34)

«И предали заклятию все, что в городе, и мужей и жен, и молодых и старых, и волов, и овец, и ослов, [все] истребили мечом». (Нав 6:20)

«Господь сказал: «от Васана возвращу, выведу из глыбины морской, чтобы ты погрузил ногу твою, как и псы твои язык свой, в крови врагов». (Пс 67:23–24)

Второй фактор – рассеяние – почти столь же древнего происхождения. На протяжении грандиозного исторического периода – от середины I тысячелетия до Р. Х. до наших дней – большая часть еврейского народа жила вне своей родины, среди других народов, не смешиваясь с ними и не теряя своего национального лица. В частности, так было и в период, о котором идет речь сейчас: между серединой I тысячелетия до Р. Х. и серединой I тысячелетия после Р. Х. «Еврейский народ распространен по всей земле, рассеянный среди жителей множества стран». «Нет ни одного города эллинов и ни одного варварского народа, куда бы не проник наш обычай празднования субботы, пост и возжигание свечей», – пишет Иосиф Флавий. Действительно, свидетельства античных авторов и данные раскопок показывают, что евреи были распространены по всему античному миру: от Испании до Евфрата, от Эфиопии до Галлии, от Мавритании до Крыма. «Трудно указать место в мире, где этот народ не нашел бы себе места и не стал хозяином», – говорит Страбон. Среди населения второго по значению города Римской империи – Александрии – евреи одно время составляли едва ли не большинство. Их общее число в Римской империи оценивается в 5–7 миллионов – от 10 до 12% всего населения.

Смешение национальностей было характерно для древнего мира: ассирийского и персидского царств, эллинистических монархий и Римской империи. Но рассеяние евреев имело несколько черт, благодаря которым оно стало совершенно уникальным явлением. Прежде всего то, что большая часть евреев проживала вне своей исторической родины, Иудеи. Советский историк С. Я. Лурье относит начало этого явления к эпохе «Вавилонского пленения» (586–538 гг. до Р. Х.), когда большинство населения Иудеи сначала было переселено во внутренние области Месопотамии, а потом получило разрешение вернуться на родину – или даже к еще более раннему времени. Лурье пишет:

«В эпоху Вавилонского пленения, а вероятно, даже и раньше, евреи были по преимуществу народом рассеяния. Палестина была только религиозным и отчасти культурным центром».

Послепленный Иерусалим сам был искусственным образованием диаспоры с центром в Вавилоне. Еще ярче высказывает эту мысль Т. Моммзен:

«История иудейской страны была также мало историей иудейского народа, как история папских владений была историей католицизма.

Но жители Палестины составляли только часть, и не самую значительную часть, иудейского народа. (Речь идет об эпохе эллинизма.) Иудейские общины – вавилонские, сирийские, малоазиатские, египетские – были и гораздо значительнее палестинских. (...) Эти последние не играли такой важной роли, какую играла во времена империи иудейская диаспора, которая была чрезвычайно своеобразным явлением».

Второй особенной чертой еврейской диаспоры была сплоченность, ощущение принадлежности к единой организации и часто противопоставления евреев окружающему их миру. «Их столица – это святой город Иерусалим, а как граждане они принадлежат тому городу, в котором родились и были воспитаны», – пишет Филон. Каждый еврей, достигший двадцати лет, должен был платить дань в пользу Иерусалимского храма и хотя бы раз в жизни посетить его. Яркую картину рисуют Деяния святых апостолов:

«В Иерусалиме же находились Иудеи, люди набожные, из всякого народа под небесами (...). Парфяне, и Мидяне, и Еламиты, и жители Месопотамии, Иудеи и Капподокии, Понта и Асии, Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилежащих к Киринее, и пришедшие из Рима, Иудеи и прозелиты, критяне и аравитяне». (Деян 2:5, 9–11)

Филон приводит письмо царя Иудеи Агриппы императору Калигуле. Он просит о предоставлении некоторых привилегий и обещает за это императору поддержку. Но интересно, что он выступает при этом как представитель всей диаспоры. Например, перечисляет, в каких местностях евреи влиятельны: Египет, Финикия, Сирия, Памфилия, Киликия и большая часть других провинций Азии вплоть до Вифинии. И в Европе: Фессалия, Беотия, Македония, Аттика, Этолия, Коринф и Пеллопонес. Также Евбея, Кипр и Крит и земли за Евфратом.

Флавий приводит рескрипт Юлия Цезаря, в котором тот признает Гиркана II с его потомками «иудейскими этнархами», причем из контекста можно заключить, что речь идет о власти над иудеями диаспоры. Восстания в Иудее вызывали волнения по всей Рим-

ской империи. Дион Кассий утверждает даже, что во время осады римлянами Иерусалима помощь осажденным приходила не только от евреев империи, но и из областей к востоку от Евфрата.

В предыдущей главе приведена цитата из Моммзена, показывающая, как отношение римского чиновника к евреям в провинции неожиданно отражалось на его карьере в Риме. Цицерон говорил:

«Ты знаешь, Лелий, что это за шайка, как они держатся вместе, какое влияние оказывают на собраниях. Поэтому я буду говорить тихим голосом, чтобы меня могли слышать только судьи, потому что найдется много людей, готовых натравить эту толпу на меня и на каждого порядочного человека, а мы не хотим этого облегчить...» (Перевод С. Я. Лурье)

Такое ощущение единства в рассеянии поддерживалось силами, которые мешали раствориться в окружающей национальной и культурной среде, поддерживали изолированность еврейства. Такую роль играли сложные, досконально разработанные ритуалы, выполнение которых было необходимым условием принадлежности к иудаизму: обрезание, многочисленные ограничения в пище, посты, соблюдение субботы и т. д. Но и просто идеология отчуждения, для которой столь обильную пищу давал Ветхий Завет.

Так, книги Ездры и Неемии описывают грех, в который впали евреи, остававшиеся в Палестине в период «пленения», взяв иноплеменных жен и произведя от них детей-полукровок, а также и очищение от этого греха. Ездра пишет:

«По окончании сего, подошли ко мне начальствующие и сказали: народ Израилев и священники и левиты

не отделились от народов иноплеменных с мерзостями их, от Хананеев, Хеттеев, Ферезеев, Иевусеев, Аммонитян, Моавитян, Египтян и Аморреев, потому что взяли дочерей их за себя и за сыновей своих, и смешалось семя святое с народами иноплеменными...

Услышав это слово, я разодрал нижнюю и верхнюю одежду мою, и рвал волосы на голове моей, на бороде моей, и сидел печальный». (1 Езд 9:1–3)

Также и Неемия:

«Еще в те дни я видел Иудеев, которые взяли себе жен из Азотянок, Аммонитянок и Моавитянок; и оттого сыновья их в половину говорят по-азотски, или языком других народов, и не умеют говорить по-иудейски. Я сделал за это выговор и проклинал их, и некоторых из мужей бил, рвал у них волосы и заклинал их Богом, чтобы они не отдавали дочерей своих за сыновей их и не брали дочерей их за сыновей своих». (Неем 13:23–25)

Было принято радикальное решение:

«...мы сделали преступление пред Богом нашим, что взяли себе жен иноплеменных из народов земли; но есть еще надежда для Израиля в этом деле; заключим теперь завет с Богом нашим, что, по совету господина моего и благоговеющих перед заповедями Бога нашего, мы отпустим от себя всех жен и детей, рожденных ими, – и да будет по закону!» (1 Езд 10:2–3)

«И встал Ездра священник, и сказал им: вы сделали преступление, взявши себе жен иноплеменных, и тем увеличили вину Израиля. Итак покайтесь в сем пред Господом Богом отцов ваших, и исполните волю Его, и отлучите себя от народов земли и от жен иноплеменных.

И отвечало все собрание, и сказало громким голосом: как ты сказал, так и сделаем». (1 Езд 10:10–12)

В первые века до Р. Х. и после Р. Х. возникла большая литература иудейского происхождения, иногда ориентированная на еврейского читателя, усвоившего греческую культуру. Часть этих произведений позже получила название «апокрифов». Например, в Третьей книге Ездры говорится:

«О прочих же народах, происшедших от Адама, Ты сказал, что они ничто, но подобны слюне, и все множество их Ты уподобил каплям, каплющим из сосуда». (3 Езд 6:56)

Книга Юбилеев (апокрифическое иудаистическое сочинение, написанное в II в. до Р.Х.) даже грозит смертью за смешанный брак. Там говорится также:

«Ты же, сын мой, чуждайся иных народов, не ешь с ними, не следуй их обычаям, не заводи среди них товарищей. Ибо дела их не чисты, а пути мерзостны».

В исходящем из еврейской среды «Письме Аристея» читаем:

«Законодатель, которому Бог дал познания всех вещей, окружил нас непроницаемой оградой и гранитной стеной, чтобы мы не имели общности ни с одним народом, оставаясь чистыми душой и телом, чуждыми бессмысленных ложных учений».

И более конкретно, в Талмуде, созданном в первых столетиях после Р. Х., приводятся запреты приглашать иноплеменника (гоя) в свой дом, оказывать ему

любое гостеприимство, одалживать ему свое поле или свою баню и т. д. и т. д.

Но, пожалуй, самой поразительной чертой античного еврейства было то, что эта тенденция к изоляции мирно уживалась со стремлением к ассимиляции (хотя бы и внешней), к вхождению в окружающую культурную среду и влиянию на окружающую жизнь.

Так, евреи часто занимали высокое положение в городском самоуправлении, в управлении финансами и войском в эллинистических государствах. Многие еврейские авторы писали по-гречески или по-латыни, обращаясь к широкой, нееврейской аудитории. Евреи перенимали все внешние признаки греко-латинской культуры, часто меняя даже имена иногда по принципу созвучия (например, Эсфирь – Астер, Моисей – Мусий), иногда – по переводу (например, Цадок – Юстус – справедливый, Соломон – Ириней – мир). Но это никак не было признаком полного включения в общую жизнь античного мира. Евреи, занимавшие высокие посты, энергично отстаивали интересы евреев своего города или провинции, а иногда и других провинций. Интересы писавших по-гречески и по-латыни еврейских авторов вращались вокруг положения евреев, их роли в мире. Многие из них стремились убедить своих читателей в преимуществе еврейского Закона, в том, что и античная культура имеет своим источником законы Моисея. Флавий писал, например:

«От нас восприняли законы и другие люди, беря их все более и более за образец. Первыми же – греческие философы, хоть они, по видимости, и держались своих отечественных законов в своих делах, в своей философии все более следовали ему (Моисею)».

Или Аристобул:

«Как известно, Платон взял наши законы за образец и, очевидно, знал их в подробностях. Он ведь был очень жаден до знания, как и Пифагор, многое в своем учении почерпнувший у нас. Я думаю, что Пифагор, Сократ и Платон, когда они все исследовали, под конец стали следовать этим (Моисеевым) законам».

В другом же месте он утверждает, что «Гомер и Гесиод уважали святой праздник субботы».

С этой же тенденцией проникновения евреев в общество связано и выработанное в то время положение, согласно которому сын еврейки от смешанного брака являлся полноправным евреем. Как оно уживалось с отрицательным отношением к смешанным бракам, примеры которого мы приводили, по-видимому, никто этого не смог объяснить!

Более того, евреи вели исключительно интенсивную пропаганду, вербуя прозелитов среди окружающего населения. Как говорит Евангелие:

«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас». (Мф 23:15)

Флавий не раз сообщает, как во время войн иудеи принуждали побежденных соседей принять иудаизм, например:

«Гиркан взял идумейские города Адару и Мариссу и, подчинив своей власти всех идумеян, позволил им оставаться в стране, но лишь с условием, чтобы они приня-

ли обрезание и построили вообще свою жизнь по иудейскому образцу».

Он оказал большие услуги своему отечеству, ведя войну с Итуреей и присоединив значительную часть этой страны к Иудее, причем принудил тех из итурейцев, которые захотели остаться в своей области, принять обрезание и жить по законам иудейским.

Евреи привлекали к своему богослужению множество эллинов и включали их, в некотором роде, в число своих.

Такой прозелиткой была, например, жена императора Нерона Пoppея, двоюродные брат и сестра императора Домициана.

Ориентированная на прозелитов литература подчеркивала «философский», «нравственный» смысл еврейских обрядов, отодвигая на задний план ритуальную сторону иудаизма. По-видимому, прозелиты не были полноправными членами еврейских общин, освобождались от многих обрядов, образуя слой «сочувствующих» или клиентов вокруг ядра собственно иудейства. Они имели даже особое название – «Чтущие истинного Бога». Обращаясь к прозелитам (или вербуя их), еврейские авторы часто выставляли иудаизм как родоначальника «языческих религий». С. Я. Лурье называет это «товаром на продажу». Какой же смысл, спрашивает он, в таких прозелитах, которые даже не уловили, что единобожие – основа иудаизма? Объяснение Лурье заключается в том, что «народ, живущий в рассеянии, не должен пренебрегать никаким союзником».

Таким образом, еврейская диаспора в античности была, по-видимому, каким-то совершенно особенным явлением, в принципе отличным от греческих или сирийских кварталов любого тогдашнего города.

Ее необычность должна была тем более привлекать внимание современников, что евреи оказывали значительное влияние на жизнь окружающего общества. Так, при царе Птолемее III Эвергете, Иосиф, сын Товия, взял на откуп все налоги египетской Сирии на 22 года. Во время правления Птолемея Филоматера и его сестры Клеопатры высшая власть в Египте находилась в основном в руках евреев. Например, командовали войсками Ония и Досифей. Дочь Птолемея VI, Клеопатра, назначила полководцами Анания, сына Онии, и Халика. «Без их совета она ничего не предпринимала», – говорит Флавий. Яркую картину рисует так называемый «Оксирингский папирус», изображающий трения между евреями и греками в Александрии и посольство тех и других к Траяну в Рим. Под впечатлением явного благоволения императора евреям (на приветствие греков он даже не ответил) глава греческой делегации воскликнул: «Больно нам, что городской совет заполнен евреями».

Влияние евреев всегда возрастало в период образования «мировых монархий», объединявших много национальностей в одном государстве. Моммзен объясняет это тем, что создатели таких монархий видели в евреях опору при подавлении национальных стремлений покоренных народов. Создатель персидского царства Кир разрешил желающим евреям репатриироваться из Месопотамии в Палестину. Как сообщает Иосиф Флавий, Александр Македонский при основании Александрии дал евреям равные права с македонцами (т. е. завоевателями). Ряд привилегий в Римской империи евреи получили от Цезаря, эти привилегии подтверждены Августом. Один историк называет их «настоящей Великой Хартией Вольностей». Евреи были освобождены от подати, была разрешена посылка дани в Иерусалимский храм (в то время как вообще вывоз золота воспрещался), их собра-

ния контролировались их самоуправлением, они имели юридическую автономию, в то время как римское право считалось одним из основных средств унификации империи. Фактически это была экстерриториальность.

Велико было и экономическое влияние еврейства. В Александрии, самом богатом городе империи, самые богатые купцы были евреи. В их руках находилась торговля зерном, жизненно важная для всего государства.

Силу и сплоченность еврейской диаспоры продемонстрировали два восстания, вспыхнувшие в Римской империи во II в. после Р. Х. Первое произошло примерно в 118 г., когда император Траян был вовлечен в войну с парфянами. Оно охватило ряд провинций: Киренаику, Египет, Кипр, Месопотамию. Как пишет Моммзен, целью было «изгнание как Римлян, так и Эллинов и, кажется, имелось в виду основание особого иудейского государства». Судя по размаху волнений, это было бы государство, объединяющее всю восточную часть Средиземноморья. Историки пишут о жестокостях, которыми сопровождалось восстание. Например, Дион Кассий уверяет, что во время восстания, поднятого евреями в Кирене, они не только перебили всех греков и римлян (220 000 человек), но и увенчивались их кишками, омывались их кровью, покрывались их кожами. Орозий пишет, что, взяв город Сапамис в Кипре, они истребили всех жителей, город уничтожили.

Конечно, численные данные, приводимые античными авторами, обычно не претендуют на точность. Подобные высказывания лишь показывают, что авторы, жившие во время, близкое к происходившим событиям, считали число жертв очень большим, а жестокости – выходящими за рамки обычных.

Восстание было подавлено, но для этого были использованы войска, предназначавшиеся для войны с

парфянами. Траян был вынужден войну (и вообще экспансию на восток) прекратить.

Второе восстание произошло примерно в 130 г. в Палестине при императоре Адриане. Во главе восставших стоял священник Элеазар и вождь боевых отрядов Симон по прозвищу Бар Кохба (Сын Звезды). Возможно, последний объявил себя Мессией. Восстание было тоже очень ожесточенным, но было подавлено. Вместо Иерусалима была основана римская колония Элия Капитолина, куда иудеям въезд был запрещен под страхом смерти. Имя Иудеи тоже было устранено – провинция стала называться Сирией Филистимлян, или Палестиной. Некоторые историки считают, что оба восстания планировались как одно единое, но этот план не удалось осуществить.

Неудивительно, что античные авторы много писали о евреях, их истории, обычаях и влиянии на жизнь. Их суждения производят очень странное впечатление: они удивительно единодушны в отрицательном отношении к «еврейству», хотя конкретные обвинения столь разнородны, что нелегко угадать их общую причину. Здесь есть и совершенно бессмысленные выдумки. Например, Диодор утверждает, что евреи произошли от части египетского населения, страдающей какой-то кожной болезнью и за это изгнанной из страны. Ту же версию приводит Манефон.

Некоторые авторы исходят из отрицательной оценки религии евреев, считая, что она «враждебна человечеству». Тацит говорит о религии евреев, что они почитают все, что презирается другими народами, и презирают все, что у них свято. Похожую мысль высказывает Диодор:

«Они исповедуют законы ненависти против человечества. Ибо из всех народов им одним запрещено

общение с другими. Моисей дал им эти человеконенавистнические законы».

Гекатей Абдерский, живший при Птолемеи I в III в. до Р. Х., писал о Моисее:

«...в отместку за собственное изгнание (из Египта) он научил своих чуждаться людей и ненавидеть иностранцев».

Он называет законы Моисея «враждебными к иностранцам». Учитель Цицерона – Аполлоний с Родоса – написал полемическое сочинение против евреев, где упрекает их в отрицании греческих богов, человеконенавистничестве и обособленности от всех, кто верует иначе.

Упрекали евреев и в отчужденности, враждебности к другим, проявлявшейся даже в обыденной жизни. Ювенал пишет:

«Чужому они не укажут дорогу, лишь своего проводят к прохладному источнику».

Поэт Рутилий Наматиан говорит:

«Сердце же их холодней самой религии их».

Наконец, часто высказывались опасения, что евреи подчиняют себе жизнь других народов: тот же Наматиан, например, писал:

Пусть бы несущее ужас оружие Помпея и Тита
Не покорило нам вовсе страны Иудейской!
Вырвав из почвы, заразу по свету пустили,
И победитель с тех пор стонет под игом раба.

(Перевод С. Я. Лурье)

Эта мысль, по-видимому, была распространена. Например, Блаженный Августин цитирует слова Сенеки:

«Так побежденные предписывают законы победителям».

У всех этих выдумок, преувеличений, огульных обвинений теологических, социальных и психологических наблюдений можно все же выделить нечто общее. Они рисуют еврейство как единое сплоченное целое, чужеродное окружающей жизни, античному обществу в целом. Можно представить себе антипатию, раздражение, а иногда и страх, который вызывало это странное образование, рассеянное, но духовно сплоченное; проникающее в политическую, экономическую и культурную жизнь и одновременно исповедующее религию крайнего отчуждения («отлучите себя от народов земли»), вербующее прозелитов, которые не постигают даже центрального догмата их религии, но уже перестают быть эллинами, римлянами, египтянами, вырываются из своей национальной и культурной среды.

В разных странах античного мира и в различные эпохи античной истории засвидетельствованы столкновения местного населения с евреями диаспоры. Еще в V веке до Р. Х. такие столкновения отмечены в Элефантине на юге Египта – они связаны с персидским завоеванием и покровительством, которое персы оказывают евреям. Во время правления императора Калигулы ожесточенная распря разразилась в Александрии. Калигула высказался было против евреев, не желавших поклоняться его статуе, но тут его сменил Клавдий и отменил решение. Два главных противника евреев были осуждены на смерть.

С. Я. Лурье в книге «Антисемитизм в древнем мире» объясняет эту необычную для античности «несовместимость» евреев с другим населением тем, что евреи составляют «особую» нацию, не сосредоточенную на одной территории, а живущую среди других, но тем не менее обладающую национально-государственным чувством, которое, однако, находит у них выражение не через язык или государство. Если прибавить, что эта нация активно влияла на жизнь стран, в которых она обитала, подчиняя себе некоторые стороны их жизни и разрушая другие, то это отчасти и даст объяснение антиеврейским настроениям античного общества.

Приведем мнения трех крупнейших историков:

Эдуард Майер:

«Вместе с еврейством в мир пришел и его вечный спутник – ненависть к евреям (Judenhass) или, может быть, еврейская ненависть? (Оба перевода возможны. – И. Ш.) В корне неправильно, как это делают теперь, считать его продуктом новейшего времени или христианства. Уже в псалмах все время говорится о нем. Не их Бог и религия сама по себе были причиной насмешек, презрения и преследований евреев со стороны язычников, но высокомерное убеждение в своем превосходстве, с которым они как единственные исповедники истинного Бога, противопоставляли себя всем остальным народам, отрицали всякое соприкосновение с ними как с нечистыми, считали себя выше и лучше их, предназначенными над ними господствовать. Кто не стал через откровение прозелитом, тому евреи представлялись столь же нечистыми и отталкивающими, как и он им. Евреи воспринимали это противоречие с тем большей горечью, что оно казалось им обращением естественного порядка вещей, – поэтому все повторяющиеся требования Суда, Расплаты с

грешниками, призывы дня Ягве. Движущей силой являлась здесь жажда мести, а не стремление к постижению тайны Божества. Ненависть к язычникам была обратной стороной стремления их обратить. Поэтому в бессилии современности фантазия все ярче рисовала картины истребления язычников».

Макс Вебер:

«Всеобщее распространение “антисемитизма” в античности – факт. Также бесспорно, что это постепенно растущее отрицательное отношение к евреям развивалось параллельно с ростом отрицательного отношения евреев к общению с иноверцами. Античное отрицательное отношение к евреям было в корне отлично от “расовой антипатии”: это показывает, например, грандиозный размах иудейского прозелитизма. Как раз отрицательное отношение самих евреев определяло то, как складывались взаимоотношения. Непривычных и кажущихся абсурдными обычаев было в античности более чем достаточно: не в этом, конечно, была причина. Подчеркнутый отказ в почтении к богам того полуса, гостями которого они были, конечно, воспринимался как оскорбление и безбожие. Но и это не было решающим. “Человеконенавистничество” евреев – это и был, если смотреть в корень, решающий и последний упрек, отрицание совместной жизни, сближения и товарищеского отношения какого-либо рода, даже на деловой почве.

Нельзя недооценивать и исключительно сильно-го отталкивания каждого, стоящего на почве фари-сейства, от сотрудничества с иноверцами – момента, экономическое действие которого не могли не заметить их языческие конкуренты. Социальная изоляция евреев, это «гетто» в самом глубоком смысле слова, первоначально было избрано и создано исключитель-

но по собственной инициативе – и со временем все в большей и большей степени... И рука об руку с безоговорочной изоляцией от ритуально нечистых шла страстная работа по вербовке прозелитов».

Т. Моммзен относит возникновение отчуждения между иудейской диаспорой и остальным населением античного мира уже к I в. после Р.Х. Он пишет об этой эпохе:

«Чужеземцами Иудеи всегда были и хотели быть; но чувство отчуждения усилилось и в них самих и против них, до крайности, и из него обе стороны стали упорно извлекать его гнусные вредные последствия. От легких насмешек Горация над навязчивыми Иудеями из Римского Гетто был велик шаг до безусловной ненависти Тацита к этим извергам рода человеческого, для которых все чистое нечисто, а все нечистое – чисто...

Жизнь Иудеев рядом с не-Иудеями становилась все более и более неизбежной и при данных условиях все более и более невозможной; противоположность в верованиях, в законах, в нравах обострялись, и как обоюдное презрение, так и обоюдная ненависть оказывали в обе стороны губительное влияние на нравственность... Это ожесточение, это высокомерие и эта ненависть, в том виде, в каком они возникли в ту пору, конечно, были лишь неизбежным всходом, быть может, не менее неизбежного посева; но оставленное теми временами наследие до сих пор лежит тяжелым бременем на человечестве».

С закатом античности влияние еврейства резко падает. Тут несомненно сыграло роль и уменьшение значения городов (а евреи были в значительной мере городскими жителями), и уменьшение роли торговли и финансов (а это были те занятия евреев, которые зада-

вали их вес в обществе). Но основной причиной было возникновение христианства и его победа как организующей силы жизни, возникло христианское общество, и стало невозможно активно участвовать в его жизни, в то же время принадлежа другому – еврейскому обществу. Еврейство вынуждено было сделать выбор, и оно выбрало изоляцию – теперь уже полную, уход в гетто.

Роль христианства в этом изменении положения евреев очень ясно чувствует, например, Гретц. В I томе «Истории еврейского народа», говоря о возникновении христианства, он пишет:

«Этому выродку с маской смерти было суждено нанести впоследствии много болезненных ран еврейству».

И произошел этот переворот, по мнению Гретца, как раз в тот момент, когда еврейство было близко к достижению своей цели: «стать учителем человечества».

Античность во взаимоотношениях с евреями демонстрирует нам черты, иногда удивительно напоминающие новое время, даже последний век или последние десятилетия. Но в некоторых отношениях это как бы уменьшенная модель, «репетиция», какие часто предшествуют крупным историческим явлениям, вроде того как наша революция 1917 г. имела «репетицию» в 1905 г. Это прежде всего относится к реальному политическому господству. Хотя мы встречаем очень влиятельных евреев – полководцев или финансистов, нельзя указать на что-либо, аналогичное еврейской верхушке Советского Союза в первые десятилетия коммунистической власти или верхушке финансового мира и руководства СМИ на современном Западе. И то, что особенно болезненно запоминается, руководство террористическими действиями против нееврейских народов. Такие фигуры, как Ро-

залия Самойловна Землячка или Мадлен Олбрайт, не описаны античными авторами. Когда Цицерон намекает на еврейское влияние на римском Форуме, это вполне можно оценить как ораторский прием. К тому же, взаимоотношения с евреями обсуждались свободно, не видно проявлений цензуры в этой области, так характерной для современной жизни.

Но принципиальные факторы, определяющие и сейчас ситуацию «еврейства», уже налицо в античности. Это – загадочное соединение строжайших ветхозаветных, а также талмудических заповедей с активным вхождением в общую для античности эллинистическую культуру. Как говорит Моммзен:

«Несмотря на то, что большая часть Иудеев расселялась по чужим странам и в их сферу проникали массы чужеземцев и даже разрушительные эллинские элементы, все Иудеи вместе взятые оставались в самой глубине своего сознания в таком единении, которому в настоящее время предоставляет некоторую аналогию Ватикан и Кааба».

В современном мире это единство, с одной стороны, раввинистической и талмудической идеологии, господствующей в Израиле, а с другой – «эмансипированного» или «реформированного» еврейства других стран. Это та «чудесная взаимосвязь», которую еще в неокрепшем виде наблюдал Гретц в XIX в. (ср. цитату в гл.1).

Глава 3 Средние века

История еврейства в Средние века полна трагизма и драматических контрастов. Часто евреи подвергались

ограничениям и жестоким притеснениям. Но затем наступали периоды благополучия, когда они пользовались многими привилегиями, они влияли на важнейшие стороны жизни других народов. Однако неизменно эти периоды кончались новыми преследованиями, изгнанием всех евреев, а иногда и физическим истреблением целых общин, тысяч человек.

Вся картина жизни средневекового еврейства не будет понятной, если не иметь постоянно в виду этого ее фона – периодических жестоких гонений. Поэтому начнем с того, что приведем несколько примеров.

В 1096 г., во время подготовки к I Крестовому походу, царившее тогда религиозное возбуждение часто выражалось в том, что большие группы крестоносцев врываются в еврейские кварталы и требуют, чтобы евреи, под страхом смерти, крестились. Большей частью это заканчивалось избиением целых общин, иногда – массовым самоубийством евреев. Редкие общины спасались, принимая крещение. В Вормсе было убито 800 человек, в Майнце – 1000, разгрому подверглись общины Трира, Метца, Кельна. Всего за май–июль 1096 г. погибло от 4 до 8 тысяч человек. В меньшем масштабе то же повторилось в связи со II Крестовым походом 1146 г.

В 1189 г. в Лондоне начался мятеж, вылившийся в массовые убийства евреев. Он перекинулся на всю Англию. В Йорке, например, было истреблено все еврейское население.

В связи с обвинениями в осквернении святых даров в Белитце, близ Бранденбурга, было сожжено почти все еврейское население.

В 1251 г. попытка организовать «крестовый поход пастухов» вылилась в народное восстание, известное под именем восстания «пастушков» (Pastorelli). Второе восстание «пастушков» относится к 1320 г. Неизменным

объектом ненависти восставших были евреи, которых они безжалостно истребляли. Во время II восстания евреи, изгнанные тогда из королевских французских владений, жили только в английских владениях. Но и там они были истреблены почти полностью.

Обвинения в похищении и убийстве христианских детей в Роттенгеме (1298 г.) привели к убийствам евреев во Франконии, Баварии и Австрии.

В 1348–1349 гг. в Западной Европе разразилась страшная эпидемия чумы: «Черная смерть». Погибло около $\frac{1}{3}$ населения Западной Европы, гораздо больший процент, чем во время I и II мировых войн, вместе взятых. В народе было распространено убеждение, что это бедствие – результат заговора евреев, отравляющих колодцы с целью уничтожить всех христиан. Следствием были восстания и массовые убийства евреев – самые жестокие в Средние века. Их убивали и сжигали в их домах и синагогах от Средиземноморского побережья до Северной Германии. Во Франкфурте-на-Майне и в Майнце в 1349 г. были перебиты все евреи. Массовые избиения произошли в Брюсселе (погибло 600 человек), Кельне, в Нидерландах. В Германии и Нидерландах осталось очень мало евреев.

В Севилье в 1391 г. было убито около 4000 человек. Антиеврейские восстания захватили и другие города Испании.

К тому же кругу явлений относятся избиения евреев, которые происходили во время антипольских восстаний на Украине. Например, еврейское население Немирова в 1648 г. было истреблено казаками Хмельницкого, причем, по словам еврейского хрониста, казаков впустило в город и им помогало местное население «из ненависти к евреям». Как пишет Еврейская энциклопедия: «Еврей – арендатор сталкивался постоянно с крестьянином,

взыскивая с него оброк, заставляя его нести барщину». Одним из требований Хмельницкого, за которое он воевал с польскими властями, заключалось в том, что еврей не имеет прав быть откупщиком.

В середине XVIII в. часть Украины, остававшуюся под властью Польши, охватили восстания, получившие название Гайдамащины. Их жертвами тоже в большом числе становились евреи. Особенно знаменита резня в Умани в 1768 г. Еврейский историк Дубнов пишет о ней:

«Поляки и евреи дружно работали на городской стене, стреляя в осаждавших из пушек и ружей; но отстоять город не удалось. Когда гайдамаки ворвались в город, они прежде всего бросились на евреев... Масса евреев, числом до трех тысяч человек, заперлась в большой синагоге. Гайдамаки приставили к дверям пушку, двери были взорваны, разбойники проникли в синагогу и превратили ее в бойню. Покончив с евреями, гайдамаки принялись за поляков...»

По данным Краткой еврейской энциклопедии, в Умани было убито около 20 000 человек, по большей части – евреев.

Другой формой преследований, с которой евреям приходилось сталкиваться, было их изгнание из определенных государств или отдельных городов. Вот очень неполный список таких изгнаний.

Еще в античности из Рима: при Тиберии, Клавдии.

В VI в. из Франкского королевства королем Дагобертом.

В 1119 г. из Сент-Эдмонда (Англия).

В 1182 г. из королевских владений во Франции.

В 1239 г. из Бретани.

В 1234 г. из Ньюкастля.

- В 1236 г. из Саутгемптона.
- В 1249 г. из Франции.
- В 1290 г. из Англии при Эдуарде I (указ был отменен только Кромвелем в XVII в.).
- В 1306 г. из Франции при Филиппе Красивом.
- В 1348 г. из Берлина.
- В 1426 г. из Кёльна.
- В 1430 г. из Саксонии.
- В 1450 г. из Баварии.
- В 1475 г. из Бамберга.
- В 1499 г. из Ульма и из Нюрнберга.
- В 1501 г. из Франции при Людовике XII.
- В 1267 г. из Моравии.
- В 1454 г. из Брно.
- Из Франкфурга-на-Майне в 1241, 1349, 1618 гг.
- В 1439–1440 гг. из Аугсбурга.
- В 1438 г. из Страсбурга.
- В 1458 г. из Эрфурга.
- В 1519 г. из Регенсбурга.
- В 1455 и 1670 гг. из Вены.
- В конце XV в. из наследственных владений Габсбургов.
- В начале XVI в. из Пруссии.
- В 1492 г. из Испании и Сицилии.
- В 1496 г. из Португалии.
- В 1498 г. из Навары.
- В 1510 г. из Неаполя.
- В 1550 г. из Генуи.
- Многokrатно из Венеции, например в 1550 г.
- В 1629 г. Из Аахена.

Еврейская энциклопедия приводит такие цифры: из Англии в XIII в. было изгнано 16 000 евреев, из Франции в XIV в. – 100 000, из Испании в XV в. – 200 000.

Неверно было бы заключить из этих фактов, что евреи были предметом ненависти всего средневекового общества. Как еврейские, так и христианские хронисты утверждают, что гонителями почти всегда был народ, «грубая чернь» и низшее духовенство – иногда еще и мелкие феодалы. Но папы, императоры, короли, епископы и крупные феодалы неизменно пытались защитить евреев от гонений. Изгнания часто происходили под влиянием народных волнений, с которыми власти не могли справиться.

Еще в V в. император Феодосии издал эдикт, запрещающий разрушение синагог, и пытался даже заставить отстроить разрушенную синагогу. Правда, безуспешно: духовенство высказалось за то, что строительство синагоги для христиан невозможно по религиозным соображениям.

Еврейский историк еврейства Рот пишет:

«Вплоть до современности самая грубая клевета против евреев встречала опровержение со стороны папства (или даже запрещалась). Под эгидой Пап община Рима оказалась единственной в Европе, просуществовавшей с классического периода до наших дней».

Действительно, еще Григорий Великий (590–604) требовал, чтобы евреям были гарантированы их законные права. Эта точка зрения была принята католической Церковью. Начиная с Каллиста II (1119–1124) и до XVI в. тянется серия папских булл, грозящих христианам отлучением за насильственное обращение евреев в христианство, насилие, ограбление, помехи богослужению. Булла папы Григория X в 1272 г., например, подтверждает, что свидетельство христианина против еврея не имеет силы, если оно не подтверждено пока-

занием еврейского свидетеля... Начиная с буллы Иннокентия IV в 1247 г. до буллы Климента XIII в 1763 г. папы запрещают возводить на евреев обвинения в ритуальных убийствах, грозя ослушникам отлучением. Возводящие ложные обвинения сами должны рассматриваться как убийцы.

Во время гонений, связанных с I Крестовым походом, епископы Кельна и Шпейера сумели спасти многих евреев. Епископ Шпейера казнил нескольких христиан, участвовавших в убийствах. Против преследований евреев в связи со II Крестовым походом в Германии выступил Бернар Клервосский. Во время восстания «пастушков» евреи находили убежище в папских владениях в Авиньоне. Папа отлучил участников восстания от Церкви. В 1308 г. герцог Брабантский, защищая евреев, разогнал толпу «пастушков» и многих убил. Папа одобрил его действия.

Краткая еврейская энциклопедия пишет:

«В странах средневековой Европы (...) евреи находились б. ч. под прямым покровительством монарха и часто освобождались от юрисдикции местных властей».

Во многих странах евреи обладали самоуправлением, собственным судом, имевшим право налагать любые наказания. Таково было положение, например, в мавританской Испании. В Португалии с XIV в. существовал единый глава общины для всего государства. Аналогично было положение евреев во Франции, Италии, Германии, Польше, Литве. В Англии, согласно указу короля Генриха I (XII в.), евреи должны были находиться во всем государстве под защитой и покровительством короля. Должны быть судимы своими единоверцами и присягать на Пятикнижии. Его сын, Генрих II, издал так

называемую «Иудейскую Хартию» (Харта Иудеум). Согласно этим законам, например, в тяжбе между иудеем и христианином необходимы были показания двух свидетелей: одного иудея и одного христианина. Во Франции наследник Карла Великого, Людовик Благочестивый, учредил для защиты евреев особую должность «Магистер юдеорум». Эдиктом короля было запрещено крестить рабов, принадлежавших евреям.

В XIII веке король Польши Болеслав издал регламент, регулирующий положение евреев. На очень близких принципах основывается хартия, данная Австрийским герцогом в 1244 г., законы в Богемии, Силезии и Литве. Согласно этим положениям христианин не мог обвинять еврея в суде, если не выставит еврейского свидетеля. Евреи находились не в юрисдикции местных судей, а подчинялись только королевскому или герцогскому суду. Между собой они судились в синагоге. Христианин, убивший еврея, наказывался смертью с конфискацией всего имущества. Если христианин подымет руку на еврея, то ему отрубят руку. Христианин, не поспешивший на помощь еврею, на которого напали, наказывался штрафом. Евреям гарантировалась беспошлинная торговля. Их ростовщические операции допускали до 173% роста. Запрещались любые нарушения религиозной деятельности евреев. За оскорбление еврейского богослужения налагался штраф, за осквернение кладбища – смертная казнь. Обвинение в убийстве евреем христианского ребенка допускалось лишь при наличии трех христианских и трех еврейских свидетелей. Если суд признавал еврея невиновным, то обвинитель подлежал тому же наказанию, которому подвергся бы виновный еврей. Король Сигизмунд II объявил в 1551 г., что всякий еврей, не считающийся с «приговором и запретом, наложен-

ным на него раввином, судьей или прочими еврейскими старейшинами... будет обезглавлен».

В 1616 г., после того как толпа разгромила гетто во Франкфурте-на-Майне, властью императора вожак возмущения Феттмильх и еще шесть зачинщиков были казнены. Император добился наложения пени в 175 919 флоринов на христианское население города. Гетто было поставлено под непосредственную охрану императора, в знак чего на воротах был выставлен щит с гербом императора. И в других имперских городах изгнание евреев обычно вскоре отменялось императорским указом.

Периоды преследований вообще чередовались с периодами, когда евреи, защищенные властями, занимали высокое положение в обществе и оказывали большое влияние на его жизнь. Основа этого влияния всегда была одна и та же: наличие капитала. Как говорит Рот, в XI–XII вв. евреи были почти единственными владельцами капитала. Чаще всего источником еврейских капиталов называют ростовщичество. Л. Н. Гумилев, ссылаясь на работу И. Шипера, указывает на другой источник – работорговлю. Это утверждение поддерживается и в более поздних исследованиях, например, в книге Х. Тревор-Ропера, где говорится, что долгое время евреи были основными поставщиками рабов из средневековой Европы в исламский мир. Две основные формы деятельности тогдашнего государства – война и строительство – почти целиком зависели от них. Так, I Крестовый поход в значительной степени стал возможным благодаря их поддержке. Аарон из Линкольна – крупнейший англо-еврейский финансист XII в. – финансировал строительство девяти цистерцианских монастырей и большого аббатства в Сент-Альбансе. Во времена Ричарда I современники сравнивали дворцы евреев в Лондоне по богатству с королевскими.

Имеются сообщения современников, что во Франции в XII в. при Филиппе-Августе евреи были столь богаты, что им принадлежало более половины Парижа. Периодом расцвета еврейских общин во Франции было царствование Людовика Благочестивого. Они были освобождены от пошлин, им было разрешено иметь рабов-христиан. Евреи монополизировали торговлю вином и мясом, из-за них рыночные дни перенесли с субботы на воскресенье. В Тулузе в XIII в. евреи в правовом отношении были приравнены к христианам. В XIV в. во Франции им было разрешено принимать любой залог под ссуду, кроме земельных участков. Судить их могли только королевские судьи. В суде их клятва принималась как доказательство. Карл VI запретил на десять лет принимать жалобы на злоупотребления еврейских ростовщиков. При его правлении во Франции евреям был разрешен арест должников, телесные наказания их и продажа всего имущества. Старый закон воспрещал христианину продаваться в рабство еврею в качестве залога. Карл VI отменил его и только под влиянием сильного народного возмущения должен был восстановить.

С другой стороны, жалобы на всевластие еврейских ростовщиков переполняют средневековые хроники. Сообщается о колоссальных процентах, которые брали ростовщики (и это еще официально) – 80, 100, 170 процентов годовых. Во время II Крестового похода Петр из Клуни писал: «...не простым земледельческим трудом, не честным и полезным занятием наполняют евреи свои амбары – плодами, погреба – винами, кошельки – монетой, сундуки – золотом и серебром... закон разрешает им не возвращать приобретенную или похищенную церковную утварь. Что христианину стоило бы жизни, служит еврею к обогащению». Во Франции жалуются, что

недавно прибывшие в Париж евреи владеют половиной города. Крестьянин часто, говорится, должен отдать весь урожай как процент за заем. Немецкий хронист объясняет многочисленные привилегии евреев тем, что дворянство находится в долгу у них. Статья из Еврейской энциклопедии цитирует такой отрывок:

«Разве бедным христианам не приходится делать для проклятых евреев почти все, что они потребуют? И это по той лишь причине, что они так задолжали евреям с обременительными ростовщическими процентами и процентами на проценты, что часто ничего или очень немногое из своего имущества могут назвать своим».

Возражая, его современник пишет:

«Как могли бы евреи причинить столько несчастий и вреда ростовщичеством и другими финансовыми операциями, если бы христиане не содействовали им, если бы вследствие лени, неумеренной роскоши и расточительности христиане не нуждались в них?»

В «Хронике деяний Филиппа Августа» (XII в.) говорится, что многие попали в такую зависимость к евреям, что вынуждены были расстаться со всем своим имуществом, а некоторых они держат в качестве должников в тюрьме.

Часто в руках евреев оказывался сбор налогов. В Испании это стало общим правилом – причем как в ее мавританской, так и в христианской части. Так, казначеем короля Альфонсо X (1221–1284) был дон Меир. В Кастилии дон Фернандо назначил в 1300 г. начальником сбора всех налогов дону Самуэлю. Такой же пост в Севилье занимал Иуда Абарбанель. Альфон-

со XI учредил в 1332 г. систему управления финансами, находившуюся целиком в руках евреев. В 1348 г. им была поручена и чеканка монеты. Его наследник Педро I Жестокий отдал пост казначея дону Самуэлю Ха-Леви: он собирал налоги, опираясь на сеть своих замков, разбросанных по всей стране.

Судьба евреев в Испании вообще может служить моделью их жизни в средневековой Европе. Еврейские колонии появились в Испании еще во времена Римской империи. В Вестготском королевстве жизнь евреев регламентировалась все более жестокими законами (VI в.). Фактически они имели целью уничтожение евреев как религиозной общины. Например, еврей, не принявший христианства со своей семьей в течение года, присуждался к 100 ударам плетью и сдиранию кожи с головы. Неудивительно, что хроники сообщают о «заговорах иудеев». Во всяком случае, когда началось арабское завоевание Испании (VIII в.), то оно опиралось на поддержку еврейской части населения. Как говорится в статье Еврейской энциклопедии, «надвигавшимся арабам приходилось искать опору, и они ее находили в лице евреев». В захваченных городах арабы оставляли еврейские гарнизоны. Такой гарнизон стоял и в столице (Толедо). Основная часть евреев сконцентрировалась в завоеванной арабами части Испании. Сначала жизнь здесь была им благоприятна. Они часто занимали высокие должности при халифах: например, Хасдай ибн-Шапрут и Самуил Галеви. К этой эпохе относится жизнь известнейшего еврейского поэта Иегуды Галеви и толкователя Талмуда Маймонида. Но и здесь начались еврейские гонения, а в результате большое число евреев переселилось в христианские государства Испании. Здесь они сначала пользовались покровительством католических королей, во многих отношениях

были приравнены к дворянам, имели судебную автономию до конца XIV в.

В еврейской литературе того времени говорится с гордостью, что самые влиятельные люди в государстве: Иосиф д'Эсия, Самуэль Абен-Хуакар, Самуэль-Бениас, Мозес Абудиа, Самуэль Леви – происходят из дома Давидова, что дом Давида занял в Испании место выше, чем когда-либо в изгнании. Про главу налогового ведомства Иосифа, сына Эфраима, писалось, что он первый среди евреев и второй в королевстве. Его свиту (как и свиту других влиятельных евреев) составляла кастильская знать. При Генрихе II и Иоанне I финансами управлял Иосиф Писоне, при Яго I – Иегуда де Каваллерия, при Педро II – Иосиф и Моссе Равайя и т. д.

В конце XIV в. эта атмосфера покровительства постепенно стала заменяться разного рода ограничениями. Начались и погромы. Началом была резня в Севилье 1391 г. Народ, возбужденный монахом, ворвался в еврейский квартал, предлагая на выбор: крещение или смерть. Подобные преследования прокатились по всей Испании, несмотря на защиту, оказанную евреям знатью. Тогда среди еврейства все шире стало распространяться крещение и одновременно появился слой принявших христианство, но тайно исповедующих иудаизм – марранов. «Обращенные» (конвертитос) быстро заняли высокое положение в обществе. Испанский историк Амадор де Лос Риос пишет, что благодаря бракам они быстро проникли в «высшую курию, как и в частные покои, королевские актовые залы и канцелярии, государственные органы, верхи управления финансовыми делами». Например, Шломо Ха-Леви, приняв при крещении имя Пабло де Санта Мария, стал великим канцлером, потом папа сделал

его легатом для всего полуострова. Под конец жизни он стал епископом Бургоса. Его брат стал прокурором Бургоса, другой брат был душеприказчиком короля Генриха III, еще один брат – членом королевского совета, старший сын представлял королевство Арагонии на Констанцском соборе. Уже в XV в. множество дворянских семей, вплоть до высшей знати, имели в своих жилах еврейскую кровь.

Но и сохранившие свою религию евреи играли значительную роль. Так, в конце XV в. королевскими финансами управляли Абарбанель и Абрахам Сениор – оба исповедовавшие иудаизм. Слияние высшей испанской знати и верхов еврейской общины зашло так далеко, что когда в 1492 г. евреи были изгнаны из Испании, во главе изгнанных находился племянник короля.

Высшая точка еврейского влияния приходится на царствование Педро I Жестокого (XIV в.), его двор называли «еврейским двором». Но постепенно еврейское влияние стало перемежаться периодами антиеврейских мер, а потом и кровавых гонений, как Севильская резня 1391 г. Все кончилось изгнанием евреев, исповедовавших иудаизм, из Испании в 1492 г. и созданием инквизиции (в 1480 г.), направленной в основном против марранов.

Другим типичным примером является Польша. Евреи стали там селиться в небольших количествах еще с X или XI в. О более позднем периоде еврейский историк Дубнов пишет:

«XVI столетие считается “золотым веком”, или временем процветания евреев в Польше. После того, как Испания потеряла свое главенство в еврейском мире, Польша приобрела это главенство».

Поселения евреев в Польше приобрели заметные размеры при Казимире Великом в XIV в. При нем евреи приобрели ряд привилегий. Местный судья мог разбирать дела евреев только в присутствии раввинов и старост общин. Евреи приобрели право владеть землей и брать в аренду имения дворян. Благоприятное положение евреев при Казимире Великом связывают с влиянием его любовницы Эстерки. Однако она была убита во время гонения на евреев, возникшего при его наследнике Людовике. Крепкая государственная власть, сложившаяся при Казимире, все более расшатывалась в течение следующих двух веков. К XVI в., о котором Дубнов говорит как о «золотом», Польша была уже дворянской республикой с выборным королем, имеющим лишь номинальную власть. Как говорит Дубнов, «польские короли покровительствовали евреям». Более подробно:

«Евреи составляли в Польше особое сословие, управлявшееся во внутренней жизни своими выборными представителями, светскими и духовными. Делами еврейских общин заведовали кагалы, то есть общинные советы».

Существовало единое еврейское управление, «Совет четырех стран», в частности собиравшее все налоги с евреев.

К XVI в. в Польше относится развитие талмудической традиции Моисеем Пссерлисом и Соломоном Лурье.

Ослабление королевской власти и усиление власти шляхты привело к закрепощению крестьян, раньше бывших свободными.

Как говорит Шахак, «крепостное право было неотлично от рабства в чистом виде... Но хуже всего положение было в восточных землях Польши (Белоруссия и

Украина), населенных и возделываемых недавно закрепощенными крестьянами».

Шахак подробно говорит об экономическом положении евреев:

«Во всей Речи Посполитой дворяне использовали евреев, чтобы подорвать роль и влияние, и до того весьма относительное, королевских городов. (...) По большей части аристократы ставили в городах своих еврейских посредников, тем искусственно создавая конфликты.

Но хуже всего положение было в восточных областях Польши (...). На этой громадной территории почти не было королевских городов. Города основывались землевладельцами и были населены почти исключительно евреями. Вне городов большинство евреев, конечно, и во всей Польше, но особенно на Востоке, использовалось как непосредственные властители и угнетатели закрепощенных крестьян: они были арендаторами (распорядителями имений, наделенными полнотой власти). Короче говоря, во всей Польше при власти помещиков (и феодальной Церкви, пополнявшейся исключительно дворянами) евреи были одновременно и непосредственными эксплуататорами крестьян и почти единственными горожанами.

...крестьяне подвергались особенно тяжелому угнетению под двойной властью землевладельцев и евреев; и можно предполагать, что последние полностью пользовались религиозными еврейскими законами об отношении к язычникам. Как мы увидим в следующей главе, применение этих законов отменяется или смягчается, если можно думать, что оно вызовет опасную вражду к евреям».

К числу привилегий, которыми в это время пользовались евреи, можно отнести также то, что в случае

крещения они приобретали дворянство, часто высокого ранга. Все кончилось, однако, кровавыми восстаниями времен Хмельницкого и Гайдамащины.

В обоих случаях – Испании и Польши – периоды процветания и влияния заканчивались особенно жестокими гонениями.

Почему или хотя бы как это происходило? Можно надеяться приблизиться к ответу на этот вопрос, рассмотрев обвинения, которые выдвигались против евреев в Средние века. Для нас одни из них звучат рационально, другие – совершенно фантастично, но для современников все они, по-видимому, были одинаково весомыми.

Типичными для средневекового духа были высказывания Лютера о евреях. Встречая иногда цитаты из его произведения «О евреях и их обманах», я долго считал их искажениями в злобном антиеврейском духе (такой ненавистью они дышат), пока, наконец, не прочел всю работу в собрании сочинений Лютера. Там есть, например, «Семь верных советов» немецким князьям, где Лютер предлагает разрушить все синагоги и залить развалины смолой, сжечь «еврейские книги», заставить евреев заниматься только физическим трудом и прибавляет, что советует он это лишь по своему христианскому милосердию, ибо можно было бы полностью изгнать их из Германии, «как в XV в. их изгнали из Испании, в XIV в. – из Франции и в XIII в. – из Англии».

Конкретнее, прежде всего, мы встречаем обвинения в ограблении населения при помощи ростовщичества под колоссальный процент. Надо иметь в виду, что в Средние века католическая Церковь запрещала христианам ростовщичество под угрозой отлучения от причастия для мирян и лишения сана для священников, так что евреи были единственными, кто мог законно давать день-

ги в долг под процент. И что еще важнее, эти деньги у них были. Примеры обвинений в громадных ростовщических процентах мы приводили выше.

Обвиняли евреев и в продаже христиан в рабство маврам. В VII в. хронист Луитпранд, епископ Агобард, синод в Шалоне на Марне 630 г. утверждают, что евреи оскопляют христианских детей и продают их сарацинам. Из новейших историков об этой стороне хозяйственной деятельности евреев говорит Тревор-Ропер.

Далее следуют обвинения в помощи врагам государства. Рот и сам говорит, что ввиду гонений, которым евреи подвергались в визиготском государстве в Испании, вряд ли надо удивляться, что они горячо симпатизировали арабскому вторжению, если только прямо не призвали арабов. Испанские хронисты утверждают последнее. Завоевая Испанию, мавры оставляли в городах еврейские гарнизоны. Евреев обвиняли в том, что в 965 г. они впустили мавров в Толедо и участвовали вместе с ними в избиении христиан, или в том, что они предали Бордо северным пиратам.

Наряду с этими обвинениями, которые можно характеризовать как рациональные (оставляя в стороне вопрос об их справедливости), большую роль играли и совершенно фантастические: прежде всего, в заговоре с целью истребления христиан и для этого отравлении колодцев в годы «черной смерти». Но чаще всего повторялись два обвинения: похищение христианских младенцев и их *ритуальное* убийство и похищение Святых Даров с целью их осквернения, которые тоже кажутся совершенно неправдоподобными, когда адресуются к целому народу. По этим обвинениям было проведено несколько судебных процессов, но еще гораздо больше произошло самосудов, народных возмущений, кончавшихся убийством множества евреев.

Одно из ранних обвинений в ритуальном убийстве (чаще всего утверждалось, что оно происходило на Страстную пятницу и было пародией на распятие Христа) касается убийства св. Вильяма из Норвича в Англии в 1144 г. Аналогичное обвинение возникает в 1171 г. в Блуа. Гуго из Линкольна в Англии, якобы распятый евреями в 1255 г., стал даже героем народных баллад. Другие примеры: обвинение в убийствах ребенка в Берне в 1249 г. и тогда же в Диссенгофене на Рейне, а также в других городах Швейцарии – Шафхаузене, Винтертурре. В Испании в 1450 г. Эммануил, сын врача Соломона, желая креститься, описал епископу в подробностях, как присутствовал при ритуальном убийстве. Льоренте в «Истории инквизиции» приводит четыре случая, когда суд инквизиции признал факт ритуального убийства. В Триесте в 1474 г. суд рассматривал дело о ритуальном убийстве ребенка. В Германии XV в. такие обвинения возникали неоднократно.

Обвинения в осквернении Святых Даров начинают встречаться с XIV в. Связанные с ними преследования евреев имели место, например, в Пассау в 1478 г., в Бранденбурге в XV в., в Каринтии в 1421 г. и т. д.

Подавляющее число современных историков считает эти обвинения полностью вымышленными. В пользу такого суждения говорит, во всяком случае, то, что признания на процессах обычно давались под пытками столь чудовищными, что очень немногие люди были бы способны их выдержать. Но, например, современный историк Эузебио Колометц указывает на «некоторые темные кощунственные действия» как на одну из причин, приведших к тому, что в XV в. отношения между евреями и христианами в Испании были на грани гражданской войны. В книге Саббатини «Торквемада и Инквизиция» приводится реферат опубликованных в

1877 г. работ испанского историка Фиделя Фита по документам инквизиции о ритуальном убийстве в 1491 г. в Испании. Автор считает, что доказательства, бывшие в руках инквизиции, были получены без помощи пыток: посредством «подсадных уток» и перекрестных допросов. Показания обвиняемых, допрошенных в разных городах, сходятся в деталях. Трудно объяснить, почему все эти истории следует относить исключительно на счет религиозного фанатизма католиков. Фанатизм был с обеих сторон, и он мог приводить к самым крайним эксцессам. Почему следует считать, что религиозный фанатизм может быть распространен только среди христиан? В других случаях это допускается. Например, слухи о ритуальных убийствах в секте хлыстов воспроизводились в художественной литературе (Мережковский) и не вызывали обвинения автора в фанатизме.

Но для наших целей совершенно несущественно, были ли подобные обвинения хоть в некоторых случаях оправданными. Нам важно себе представить при помощи них, каков был образ еврейства в глазах окружающего населения. И здесь, как и в античности, все эти пестрые обвинения можно свести к одному: еврейство воспринималось как чужеродное, враждебное и опасное тело внутри средневекового общества. Такое утверждение имеет под собой веские основания. Можно себе представить, что восприятие окружающей жизни средневековым еврейством в значительной степени характеризовалось теми же чертами: как чуждого и враждебного мира. Евреи жили в отдельных кварталах, так называемых гетто, юденгассе или иудериях. Распространено представление, что они были загнаны туда насильно. Мы уже приводили в предшествующей главе противоположное мнение Макса Вебера, того же взгляда

придерживается большинство историков, в том числе еврейских. Например, в Испании в XIII в. король Фердинанд предоставил евреям в Севилье для жительства три прихода. Тогда это была привилегия, которой добивались. Как правило, евреи концентрировались в гетто, чтобы контакты с окружающим миром не нарушали особого характера их жизни, не помешали выполнению сложной системы запретов и обрядов. Один из вождей еврейского национализма, президент Всемирной сионистской организации Нахум Гольдман говорит:

«Гетто исторически было еврейским изобретением...

И до сих пор евреи имеют тенденцию селиться в своих кварталах, в окружении, которое облегчает жизнь в общине».

Еврейские кварталы образовывались, например, благодаря тому, что евреи селились вокруг синагоги. Но позже встречаются и предписания властей селиться евреям лишь в уже возникших кварталах.

Вся жизнь евреев была подчинена сложной системе религиозных запретов и правил. Громадное число предметов и действий считались «трефными», т. е. нечистыми, греховными. Внешний мир таил рассеянные всюду опасности заражения «трефным», а жизнь в гетто помогала их избежать. Запреты были столь многочисленны и сложны, что часто приходилось обращаться к знатокам Талмуда, чтобы выбрать правильную, безопасную линию поведения. Вот один из примеров. От Средневековья сохранилась еврейская литература «Респонза», составленная из ответов особенно знаменитых раввинов на запросы верующих. Там большое место уделяется вопросам такого рода: работники-христиане перевозили для хозяина-еврея бочку с вином; когда ее

грузили на воз, немного вина выплеснулось на руки перевозчика, и несколько капель стекло обратно в бочку. Стало ли вино «запретным»? Раввин указывает считать его запретным. Еврей не только не имел право пить «запретное» вино, но в некоторых случаях и иметь от него доход, т. е. продавать. В той же литературе подчеркивается запрет еврею вступать в деловое партнерство с неевреем. Позже, в XX веке, когда еврейские авторы более открыто высказывали свое отношение к этому миру язычников, появился ряд свидетельств о том отталкивании и даже ненависти, которую он вызывал (позже мы некоторые из них приведем). Трудно себе представить, чтобы жизнь в Средние века побуждала к большей терпимости. Идеологический аспект жизни европейского еврейства в Средние века мы подробнее обсудим в следующей главе.

Как и неоднократно в истории еврейства, перед нами сложный процесс, в котором невозможно обнаружить «зачинщиков», разделить их на «правых» и «виноватых» или, как сейчас формулируют, описать при помощи схемы «виновник – жертва». Но его можно представить себе конкретнее.

Глава 4 Классический иудаизм

В Средние века внутри еврейства выработалась система взглядов, регламентирующая как отношения с нееврейским миром, так и поведение евреев в частной жизни и в еврейской общине. Она может помочь конкретнее представить себе взаимоотношения между еврейской и нееврейской частью средневекового общества. В этих принципах невозможно отделить выска-

звания религиозного характера и конкретные правила поведения. Большая их часть содержится в Талмуде и комментариях к нему. Шахак пишет, что если в вопросах веры имеется широкий простор для интерпретаций, то предписания, касающиеся конкретных действий, жестко зафиксированы в Талмуде. При этом классическая (и современная ортодоксальная) точка зрения заключается в том, что, если возникает расхождение с Торой, то приоритет имеет талмудический текст. Согласно еврейскому преданию, Моисей сообщил евреям на горе Синай кроме Торы – Закона, записанного по велению Бога, еще некоторые разъяснения и дополнения, которые должны были передавать изустно. После разрушения Храма, когда исчез центр религиозной жизни еврейства, раввины приступили к записи этой устной традиции (со II по VI в. после Р.Х.). Эти записи и составили Талмуд. Ввиду его обширности и несистематичности несколько раз делались попытки создать более компактные своды. Таковыми являются: Кодекс Маймонида – XII век, Кодекс Якова Ашера – XIII век и Кодекс Иосифа Каро под названием «Шулхан Арух» – XVI век. По-видимому, мировоззрение ортодоксального еврейства в большей мере определяется Талмудом, чем Библией, хотя бы потому, что Талмуд предписывает понимать Библию только так, как он ее толкует. Для нового же времени такую роль играет «Шулхан Арух». Как говорит Гретц, «Каро (автор “Шулхан Аруха”) дал иудаизму тот образ, который он прочно сохранил до наших дней».

Многими авторами и много раз приводились выдержки из Талмуда и «Шулхан Аруха», фанатически враждебные по отношению к неевреям («гоям» или «акумам»). Вот несколько примеров. «Говорится, вы – овцы Мои, овцы паствы Моей, вы – человеки; вас на-

зывают человеками; акумы же таковыми не являются». «Деньги акумов суть как добро никому не принадлежащее, и каждый, кто пришел первым, завладевает им». «Сожительство с акумами – то же что сожительство со скотом». «Все народы, кроме евреев, произошли от нечистого духа и должны называться скотами». «Солнце освещает, дождь оплодотворяет землю только ради иудеев». «Иудею разрешается совершать беззаконие по отношению к гою, так как написано: ты не должен творить беззакония по отношению к ближнему твоему, и гой не подразумевается». «Запрещается иудеям освободить акумов от какой-либо опасности, которой подвергается их жизнь, ибо спасти акума – значит увеличить число им подобных». «Откуда ненависть иудеев ко всем прочим народам? Она произошла с горы Синай» (игра слов: одно из значений слова Синай – ненависть; ненависть вместе с Законом дана на горе Синай).

Ряд авторов, настроенных апологетически по отношению к иудаизму, отрицали подлинность этих цитат. Самостоятельная проверка здесь для большинства из нас невозможна: надо было бы иметь доступ к экземпляру Талмуда или «Шулхан Аруха» и владеть языком, на котором они написаны. В крайнем случае, надо иметь в руках перевод, в добросовестности которого имеется уверенность. Шахак подтверждает многократно высказывавшиеся слухи, что Талмуд содержит также ряд чрезвычайно оскорбительных высказываний в адрес Христа, христиан и вообще иноверцев. В частности, предписание уничтожить по возможности все экземпляры Евангелия. В Средние века в связи с этим не раз провозглашались требования уничтожить все экземпляры Талмуда. Тогда, говорит Шахак, подобные места стали из талмудической литературы изыматься, начиная с изданий XVI в. и слова «язычник», «нееврей», «гой»

стали заменяться чем-нибудь вроде «самаритянин», «египтянин» или даже «индус». Но одновременно распространялись списки подобных «изыятий». Теперь, как пишет Шахак, эти высказывания восстановлены в издающейся на древнееврейском литературе в Израиле. Но он приводит ряд примеров, когда английский перевод смягчает или полностью искажает такой текст.

С другой стороны, ряд авторов, симпатизирующих евреям, утверждают, что все цитаты подобного типа из талмудической литературы – подделки антисемитов. Наиболее известный из высказывавшихся в критическом духе – В. Соловьев. Он посвятил этому вопросу отдельную статью: «Талмуд и новейшая полемическая литература о нем в Австрии и Германии». Его аргументы естественно разобрать в первую очередь. Подробнее всего в статье Соловьева разбирается книга Юстуса «Зерцало еврейства». В ней приводится около ста цитат из Талмуда и «Шулхан Аруха», характеризующих, по мнению Юстуса, враждебное отношение составителей этих книг к неевреям. Книга была издана в Германии и там же против автора еврейской общиной был возбужден процесс по обвинению в клевете. В качестве эксперта был привлечен гебраист д-р Эккер, и под влиянием его показаний автор был оправдан. Потом Эккер опубликовал книгу «Зерцало еврейства в свете истины», на эту книгу Соловьев и опирается. Дело в том, что Эккер упрекает Юстуса в некорректности цитирования: например, тот соединяет две разные цитаты в одну. Однако Эккер как раз приходит к выводу, что по существу Юстус правильно передает дух положений, имеющих в Талмуде. Соловьев приводит критические замечания Эккера, но добавляет: «Все, что затем говорит критик, не мешает беспристрастному читателю составить правильное суждение по всем пунктам», –

не информируя своего читателя, что же дальше говорит Эккер. Соловьев утверждает, что если устранить из книги Юстуса «все подложное, неверное и несообразное», то «останутся семь или восемь законов, которыми антисемиты могли с некоторой видимостью воспользоваться для своих целей».

Кроме того, Соловьев приводит большое число цитат из Талмуда, проникнутых гуманными и возвышенными чувствами. Но ведь критики Талмуда как раз и утверждают, что гуманные положения Талмуда в основном относятся к евреям и часто сопровождаются разъяснениями, что «ближний» или даже «человек», о котором говорится – это только еврей, остальные же из этого высказывания «исключаются», ибо они «не люди» и т. д. Уже в Ветхом Завете формулируется подобный «двойной стандарт» – мы привели несколько примеров в гл. 2.

Именно такие цитаты из Талмуда и приводятся его критиками, что ряд мест Библии надо толковать именно таким образом. Например, заповедь «Не обижай ближнего твоего и не грабительствуй. Плата наемнику не должна оставаться у тебя до утра» (Лев 19:13) не относится к гоям, ибо «гой не есть ближний». Утверждается, что именно таков смысл слов «делать добро» в большинстве талмудических текстов. Так, в литературе «Респонза» раннего Средневековья обсуждается обычай делать подарки беднякам, которые с этой целью обходили богатые дома в праздник Пурим. При этом иногда подарки получали и слуги-неевреи. Раввин Калоним это запрещает, говоря, что беспорядочно распределять подарки – хуже, чем вообще их не давать.

Статья Соловьева заканчивается мыслью, вложенной в уста некоего мысленного иудея: «Одно из двух: или ваша религия действительно неосуществима, она

есть лишь пустая и произвольная фантазия; или же она осуществима и, значит, вы лишь по своей дурной воле не осуществляете ее; в таком случае, прежде чем звать других к себе, раскайтесь и исправьтесь сами». (Мысль для Соловьева старая – он высказывал ее еще в статье «Еврейство и христианский вопрос».) Но трудно поверить, что жизнь можно уложить в такую краткую схему. Христианство приближается тем самым к учению Льва Толстого о «непротивлении злу силою». Однако сам Соловьев, в своем произведении «Три разговора», когда, полемизируя с этим учением Л. Толстого, описывает войну с турками, совсем такой схемой не пользуется («Одно из двух...»), а с явным сочувствием описывает, как русские солдаты картечью разогнали башибузуков, громивших армянскую деревню.

Самое же, пожалуй, поразительное, что Соловьев уклоняется от главного вопроса: обсуждения подлинности тех или иных цитат из Талмуда. О нем было известно, что он владеет древнееврейским языком (даже умирая прочел молитву на древнееврейском), и он вполне мог высказать по этому вопросу свое мнение. Но он этого не делает, ограничиваясь обсуждением не Талмуда, а книг Юстуса и Эккера.

Мне кажется, однако, что и для человека, не владеющего древнееврейским, возможно составить довольно надежное мнение о подлинности многих цитат из Талмуда. В качестве примера приведу один источник цитат из Талмуда – старинную книгу Эйзенменгера, изданную в 1700 году. (Автор сообщает, что в течение 40 лет издание книги было под запретом в Австрийской империи благодаря давлению влиятельных еврейских финансистов. В конце концов книгу удалось издать в Пруссии.) Весь спектр приведенных выше высказываний там имеется. Книга Эйзенменгера не есть пере-

вод Талмуда – это сборник цитат типа: «Талмуд о христианстве», «Талмуд о других народах» и т. д. Однако каждое высказывание сопровождается точной ссылкой, приводится на одной странице по-древнееврейски и на противоположной переводится по-немецки. В юдофильской литературе перевод Эйзенменгера обычно третируется как «ненаучный».

Однако автор нигде не встречал каких-либо конкретных претензий к этой книге: утверждений, что приведенный в ней отрывок в Талмуде не содержится или что приведенный его перевод не верен.

Но имеется и вполне авторитетное подтверждение цитат Эйзенменгера. Это книга Я. Каца, почетного профессора еврейского университета в Иерусалиме, «От предрассудка к уничтожению. Антисемитизм, 1700–1933». Она как раз начинается с обсуждения книги Эйзенменгера. Автор признает точность цитат из Талмуда, приведенных в этой книге. При этом подбор цитат он называет тенденциозным. Последнее верно – по необходимости. Эйзенменгер был миссионером, стремился обратить евреев в христианство. Поэтому он выбрал именно цитаты, наиболее нетерпимые и фанатичные, которые должны были бы оттолкнуть читателя от иудаизма.

Другим подтверждением подлинности цитат Эйзенменгера можно считать то, что основные положения повторяются в книге Шахака, написанной с еврейско-патриотической позиции (причем автор получил религиозное образование и цитирует большое количество источников). Как считает Шахак, после крушения античного общества вплоть до 800 года после Р. Х. нет источников, характеризующих жизнь европейского еврейства. Источники очень редки даже в X веке и дают некоторую общую картину лишь с XII века.

Тогда и сложился кодекс законов, называемый Галахой, которому следовало подавляющее число еврейских общин вплоть до XIX века. Шахак называет эту систему законов «Классическим Иудаизмом». Он отмечает три основные черты европейских еврейских общин в эпоху, когда это мировоззрение сложилось. 1. Полностью исчезло еврейское земледельческое население. Соответственно, как он говорит, литература классического иудаизма исполнена, по отношению к земледелию и крестьянам, еще большей ненавистью и презрением, чем к язычникам. 2. Еврейские общины служили власти и входили в привилегированный слой населения. Он не отрицает распространенной среди евреев бедности и антиеврейских гонений. Но несмотря на это, «самый бедный еврейский ремесленник, разносчик, арендатор, приказчик жил несопоставимо лучше, чем крепостной. Особенно в европейских странах, где крепостное право сохранилось частично или полностью до XIX века: Пруссия, Австрия (включая Венгрию), Польша и польские территории, аннексированные Россией». 3. Тотальное противостояние окружающему населению (исключая королей). Он предлагает и гонения на евреев рассматривать наравне с другими движениями низов, вызванными эксплуатацией.

Все правила Талмуда, цитированные выше, мы можем найти и в книге Шахака. И сверх того, цитаты, например, из составителя первого талмудического свода Маймонида, согласно которым врач (иудей) не должен лечить язычника, даже за плату. Но есть и исключение (сам Маймонид был врачом султана Саладина): если отказ может вызвать враждебность язычников, но тогда можно лечить лишь за плату. Или утверждение, что если еврей имел половые сношения с женщиной, хотя бы это была девочка трех лет, то жен-

щина должна быть убита как животное, ибо она была причиной того, что еврей совершил дурное дело; еврея же надо наказать кнутом. Утверждение, что все неевреи являются органами Сатаны. Предложения, касающиеся евреев, в которых оговаривается, что «язычники и собаки исключаются». В частности, описание обряда ежемесячного очистительного купания, после которого ортодоксальная еврейка должна прийти домой и совершить ритуальный половой акт с мужем. Но если по дороге ей встретится одно из дьявольских существ – собака, свинья, осел или язычник – она должна вернуться. Маймонид утверждает, что часть турок, северные кочевники и черные, а также «похожие на них» не являются человеческими существами, но ближе к животным. Указание, проходя мимо нееврейского кладбища, проклинать мать умерших. Особенно Шахак выделяет постоянную враждебность еврейских источников к христианству. Так, имя Христа пишется обычно с прибавлением: да исчезнет имя нечестивца. Шахак суммирует: «Правоверный иудей с первой молодости, из своих благочестивых занятий, узнавал, что язычники подобны собакам, что делать им добро – грех и т. д.» Все это поразительно совпадает с другими свидетельствами, например, крещеного еврея, ставшего священником, А. Алексева (Шахновича) о его молодости: «Прежде, нежели еврейский юноша выйдет из училища и узнает христианина, он уже становится неисправимым врагом его». «Стоит христианину подойти к дому еврея, как дети закричат: агой! агой! – т. е. христианин, а жена еще добавит: агой ахезер, т. е. христианская свинья тебя спрашивает». «Мы не могли пройти мимо церкви христианской без отвращения и считали непременно обязанностью плевать на нее, произнося слова: да будет это место попрано, ибо оно нечисто».

Шахак характеризует средневековое еврейское общество как «одно из самых “замкнутых” и тоталитарных в человеческой истории». Оно было основано на абсолютном подчинении общины (кагала) его верхушке.

Таким образом, кажется убедительным, что положения, вроде приведенных выше, передают дух Талмуда, а вместе с тем и мировоззрение ортодоксального еврейства, как оно сложилось в Средние века. Этот дух страха, ненависти и высокомерного презрения к окружающим народам не мог не сказываться в поведении, во всей жизненной установке средневекового еврейства.

Шахак определяет эпоху господства классического иудаизма в еврейских общинах, начиная с IX века до Французской революции, для Восточной Европы – до XIX века, а например, для Саудовской Аравии – вплоть до момента написания его книги (XX в.).

Основываясь на наблюдении Шахака, что в Восточной Европе евреи еще в XIX веке жили согласно средневековому укладу, мы можем конкретнее представить себе систему ценностей и социальное устройство средневекового еврейства. Как раз по поводу образа жизни евреев в XVIII и XIX веках в «черте оседлости» России сохранились детальные свидетельства. Прежде всего я имею в виду книгу Якова Брафмана, которая во многих отношениях согласуется, но также и дополняет и конкретизирует точки зрения Шахака. Книга привлекает очень большой фактический материал. Автор (в отличие от Шахака) – христианин (по его словам, крестился в 34 года), но в книге чувствуется теплое отношение к еврейской традиции и судьбе евреев, например, при описании еврейских национальных праздников и обычаев: чтении Пятикнижия (Алии), праздновании нового года (Рош гашана), свадьбы и т. д. Подобно Шахаку, автор видит осно-

ву, разделяющую евреев и христиан, в особом характере кагальной организации: «тоталитарное общество» (по словам Шахака) или «власть еврея над евреем» (по словам Брафмана).

Мы приведем некоторые сведения о «внутреннем замкнутом быте евреев» из книги Брафмана. Напомним, что Шахак считает, что тип жизни средневекового еврейства определяется не предписаниями Талмуда, но сложился позже написания Талмуда – не раньше VIII века. Аналогичную точку зрения высказывает Брафман. В Талмуде можно найти разноречивые предписания, а в кагальной организации они приобретают четкий и однозначный характер. Например, по важному вопросу о том, насколько обязателен для евреев закон государства, в котором они живут, Талмуд содержит разные суждения: а) «царский закон обязателен для еврея»; б) «это постановление относится исключительно к вопросам, касающимся личных выгод Государя, но решения судебных мест никоим образом не могут быть обязательными для еврея» и, в заключение, в) «равнины – это государи». В то время, как постановления кагалов обрисовывают совершенно четкий взгляд на этот вопрос. Вот несколько примеров.

«Воспрещено (еврею) судиться в суде нееврейском и в нееврейских судебных учреждениях. Это запрещение не теряет своей силы даже при таких вопросах, по которым нееврейские законы сходны с еврейскими, и если бы даже обе стороны желали предложить свое дело суду нееврейскому. Нарушающий это запрещение есть злодей. Этот поступок признается равным хулению, поношению и наложению руки на весь закон Моисея.

(При выборах, на основании государственных законов, представителей еврейской общины в государствен-

ное судебное место, совершается их тайный выбор комиссией из 30 представителей кагала.)

По совершении такого, так сказать, предварительного-неофициального выбора всем избирателям вменяется в непрременную обязанность баллотировать при законном выборе в пользу тех двух кандидатов, на стороне которых оказалось большинство голосов в предварительном выборе».

Пункты, составленные для предохранения талмудического суда от ослабления, которое вследствие наших грехов сделалось заметным. Они установлены на законном основании для того, чтобы, Боже упаси, не допустить врагов наших судьями (чтобы евреи не представляли дела свои на разбирательство в суд нееврейский в скобках, – видимо, комментарий Брафмана), чтобы в дугу согнуть дерзкого ослушника и заставить всякого еврея быть покорным талмудическому суду и закону.

Наконец, одно свое постановление кагал заключает словами:

«Сделать раскладку и учредить упомянутый сбор помимо согласия губернатора».

Постановления кагалов, приведенные в книге Брафмана, рисуют совершенно необычную форму отношения евреев к собственности окружающего населения. Этот общий принцип называется Хезкат ишуб. Он заключается в том, что собственность окружающих христиан распределяется кагалом (продается) подчиненным ему евреям.

Приводится много актов продаж (или перепродаж). Получаемое таким образом право собственности называется хазака. Иногда такой собственностью может оказать-

ся определенный человек – это право называется меропие. Примеры санкционирования кагалом права хазаки:

«...постановлено продать раввину Михелю, с.р. Исаака, право на владение плацем и строениями христианина немца-столяра Иоанна, которые он построил на новой улице напротив домов архитектора Крамера.

По поводу тяжбы между представителями кагала и сыновьями покойного Ария относительно права на владение каменными лавками архиерея представителями кагала постановлено...

Общим решением представителей кагала продано было Исааку, с.р. Зева Вольфа, право на владение каменными лавками, находящимися на малом базаре и принадлежащими ксендзам Бонифатского ордена».

Иногда предоставление права хазаки на некоторую собственность сопровождается словами «от центра Земли до высоты небес». Как пишет Брафман:

«Нееврейские жители кагального района со всем своим имуществом являются здесь территорией, составляющей, так сказать, государственную или казенную собственность кагала, которую он по частям продает своим еврейским жителям».

Брафман видит источник такого взгляда в талмудическом принципе: имущество неевреев все равно что пустыня свободная. Он цитирует «одного из крупнейших знатоков талмудического законодательства», раввина Иосифа Клуни, полагающего, что эта территория подобна свободному озеру, в котором только тот еврей может ставить сети, который приобрел это право от кагала.

В реальности приобретатель права хазаки, скажем, на определенный дом, получает исключительное пра-

во стараться овладеть этим домом, причем «какими бы то ни было средствами». До того, как он добьется этого, он имеет исключительное право снимать дом у его хозяина (считающегося таковым в окружающем обществе) и производить любые связанные с этим домом хозяйственные операции. Слова же «от центра Земли до высоты неба» означают, что если этот хозяин надстроит над домом еще один этаж, то право хазаки будет распространяться и на надстройку. Точно так же право меропие означает монопольное право любых экономических сделок с определенным человеком (меропие буквально означает отстранение «настоящего» владельца от его имущества). Закон о меропие гласит:

«Если человек (еврей) имеет в своей эксплуатации нееврея, то в определенных местах запрещается другим евреям входить в сношения с этим субъектом и делать подрывы первому; но в других местах вольно каждому еврею иметь дело с этим субъектом: давать ему деньги в заем, подкуп и обирать его, ибо имущество нееврея все равно что гефкер (свободное), и, кто им раньше овладеет, тому оно принадлежит».

Кагал жестко и детально регламентировал жизнь возглавляемой им общины. (То, что Шахак называет «тоталитарным обществом».) Это касалось и религиозных предписаний, например, соблюдения субботы. Причем Шахак сообщает, что иногда надзор брала на себя администрация соответствующего государства, например в Испании, Польше, Австрии. Так, раввин Моше Зофер из Пресбурга (теперь – Братислава, тогда – в Австрии) писал: «Если у себя в Пресбурге я узнаю, что еврейский торговец дерзнул в праздник открыть лавку, я посылаю жандарма отвести его

в тюрьму». В гл. III был приведен указ польского короля XV века.

Регламентировались кагалом и право хзаки и меропие. Но также и многие детали более обыденной жизни, например, кого можно пригласить на пир. Так, согласно Брафману, по случаю обрезания кагал разрешал пригласить

«по два соседа с обеих сторон и трое живущих на противоположной стороне улицы...»

Или:

«Кто, женив сына или выдавая дочь замуж, устроит свадьбу вне нашего города, тому совершенно запрещается приглашать на пир кого бы то ни было, и всем жителям города воспрещается в подобных случаях посылать новобрачным дроше гешенке (свадебные подарки)».

Более того, под каноническим херемом (проклятие – см. ниже; *И. III*) воспрещается шамошим (синагогальным служителям) призывать на пир обрезания или свадебный по реестру, который предварительно не будет пересмотрен эход мешамошей гакгила (одним из городских нотариусов) и не удостоверен его подписью, что список составлен по вышеизложенным правилам.

И множество предписаний, касающихся того, кого чем можно угощать, о приглашении музыкантов и т. д.

Кагал разрешал или запрещал тому или иному еврею поселиться в определенном городе. Он мог даже, в качестве наказания, воспретить определенному еврею сожителство с его женой (для этого надо было не допустить жену к ритуальному ежемесячному омовению, без сего супружеские отношения становились незаконными).

Кагал устанавливал определенные налоги (например, так называемый коробочный сбор, связанный с продажей кошерного мяса). Другие доходы происходили от продажи права хазаки или меропие. Таким образом, в руках кагала сосредотачивались крупные средства, которые шли на подкуп администрации и на помощь подчиненным кагалу евреям (о чем будет сказано ниже).

Выполнение всех предписаний кагала обеспечивалось талмудическим судом, который назывался бет-дин. В своде талмудических законов о нем говорится:

«Всякий бет-дин, даже не получивший подтверждения от властей земли Израиля, если он замечает, что народ предаётся распутству, имеет право приговаривать к смертной казни, подвергать денежным взысканиям и другим разным наказаниям».

Бет-дин может провозгласить виноватому херем (проклятие), «исключить его из всего Израиля», то есть обратиться к другим кагалам с призывом ежедневно объявлять публично,

«что хлеб его есть хлеб нееврея, вино его – вино “несех” идолослужения, овощи (ему принадлежащие) осквернены, книги его считаются книгами волшебников».

Далее следуют призывы:

«Отрежьте ему цецес (нити, привязанные к камзолу на основании изречения Пятикнижия). Оторвите ему мезузу (свиток, прибиваемый к двери); вы не должны кушать или пить с ним; не должны совершать обрезания его сына, не обучать детей его закону, не хоронить умерших из его семейства, не при-

нимать его в братства ни в благотворительные, ни в другие; чашу, которую он опорожнит, должны вы-полоскать и вообще обращаться с ним как с каждым (нахри) неевреем».

Сама формула херема содержит призывы:

«Будь он проклят устами Бога великого, сильного и страшного. Да поспешит к нему несчастье Божие. Создатель, истреби и уничтожь его; Боже Создатель! Со-круши его; Боже Создатель! Покори его».

Конкретнее, перечисляется ряд мер, чтобы «согнуть в дугу» еврея, непокорного бет-дину, в частности:

«Отступник совершенно исключается из общества и братства.

Если кто-либо заключил с ослушником обручатель-ный договор, то другая сторона освобождается от это-го обязательства.

Если ослушник – ремесленник, то заказывать у него работу воспрещается под тяжким херемом».

Позволяется опубликовать в синагоге, что отступ-ник кушал трэф (т. е. пищу, запрещенную для еврея со-гласно Талмуду) или нарушил пост и т. п., подтверж-дать это ложными свидетелями и подвергать его за это наказанию.

И само собой разумеется, что в роковой час разра-зится над ним его несчастье.

Для реализации подобных мер избирается так назы-ваемый «тайный преследователь», о котором говорится:

«Тайный преследователь должен утвердить тор-жественнейшей присягой, что он никого на свете

шадить не будет, а будет поддерживать суд талмудический всевозможными средствами и мерами по данной ему инструкции».

Кроме того, тайный преследователь утверждает торжественной присягой, что он никогда и никому на свете не откроет, что он был когда-то тайным преследователем. Как сообщает Краткая еврейская энциклопедия, сейчас сеть судов бет-дин покрывает Израиль.

Шахак пишет, что в Польше кагал мог приговорить преступника к смерти, причем особенно мучительной: запороть до смерти.

Он сам считает Николая I «антисемитом», издавшим ряд законов «против евреев». Но, пишет он, поддерживая «порядок» в своей империи, он препятствовал казням евреев по приказу раввинов – в то время как в Польше до 1795 года это считалось «допустимым». «Официальная» еврейская история осуждает этого царя по двум пунктам, например, в конце 1830-х годов один «святой раввин» (цадик) в местечке на Украине приговорил казнить еретика, сварив его в кипятке. Еврейский современник событий, излагая их, сообщает с недоумением и ужасом, что попытка «дать на лапу» чиновникам не достигла цели и не только исполнители, но и сам святой человек были сурово наказаны.

Все общество, как его описывает Брафман, крайне иерархично. Брафман делит его на два слоя, которые называет «патрициями» и «плебеями».

Все постановления и законы проникнуты крайним пренебрежением к «плебейам». Иерархически организованы и «патриции». Принадлежность к этому сословию и место в нем определяется, в основном, богатством. Об этом говорит, например, постановление:

«В члены асифа (общего собрания) избираются лица, участвующие в расходах города. Из среды этих членов избираются представители, старшины и прочие члены в кагальное управление».

И мы встречаем ряд постановлений о предоставлении определенного привилегированного статуса некоторому лицу, называемому «богачом», или даже за точно указанную плату кагалу. Однако существует и другой путь изменения своего места в иерархии: изучение Торы и Талмуда. Во многих ситуациях «талмуд хахам», то есть «знаток талмуда», занимает привилегированное положение.

Администрация кагала создается на основании выборов, так что Брафман оправданно говорит о «талмудической муниципальной республике». Но избирательное право очень узкое, иногда ограничено несколькими десятками человек – это видно из ряда документов. Фактически это была «патрицианская республика».

Из сводки документов Брафмана трудно установить, какова связь между разными кагалами. Во всяком случае, в некоторых документах содержатся решения о делах, касающихся целой губернии. Пожалуй, был один случай, в котором можно говорить об объединенном действии всех кагалов России. Речь идет о расследовании положения крестьян и евреев в Белоруссии, предпринятом Державиным при Павле I и Александре I (лишь незадолго до того Россия столкнулась с тем, что в числе ее подданных оказалось большое количество евреев). В связи со сделанными Державиным предложениями Гессен пишет о «чрезвычайном собрании депутатов кагалов в Минске в 1802 году». Сам же Державин пишет, что он получил сведения, согласно которым «все кагалы» собрали для противодействия его пред-

ложениям 1 млн руб. и даже «хотят посягнуть на его жизнь», – что опять свидетельствует о некоторой организации. Но это сторона деятельности «талмудической республики», по-видимому, неизвестна.

В заключение нужно упомянуть о том, что, хотя кагал жестко и детально контролировал жизнь общины, он и заботился о нуждах ее членов. В документах, собранных Брафманом, говорится о ссудах, которые выдавал кагал отдельным лицам; о повивальных бабках, которых он содержал; о выдаче приданого бедным невестам; о «выкупе еврейских узников» (видимо, освобождении нелегальным путем евреев, арестованных властями); о сборе подаяния для бедных в Палестине. Это действительно было тоталитарное общество (как его характеризует Шахак), причем «патерналистского типа» – разумеется, если иметь в виду только отношения между членами общин.

Основываясь на замечании Шахака, можно предположить, что книга Брафмана рисует, в общих чертах, картину жизни средневекового еврейства в эпоху господства «классического иудаизма». Гессен обвиняет книгу в том, что она враждебна еврейству. У меня не создалось такого впечатления. Хотя Брафман и принял христианство, он явно с теплым чувством описывает многие черты еврейского быта. Но книга исполнена протестом против власти кагала (точнее верхушки, состоящей из «патрициев»), «власти еврея над евреем». В немецком переводе Вавилонского Талмуда, принадлежащем Гольдшмидту, содержится такой рассказ:

«Один из учеников спросил рабби Кахане: “Не слышал ли ты, что значит “Гора Синай”? Тот ответил: “Гора, на которой совершилось чудо”. “Тогда она должна была бы называться Гора Низай”. “Скорее, гора, ставшая до-

брым знаком для Израиля”. “Тогда она должна была бы называться Нора Симнай”. Тогда он отослал ученика к другим раввинам. Те сказали: “Что значит Гора Синай? Гора, на которой снизошла ненависть к другим народам”. Это сказал и рабби Иозе бен Ханина: “Она имеет пять имен: пустыня Цин, где были даны примеры; пустыня Кадеш, в которой Израиль был освящен; пустыня Кедемот, где ему были поведаны начала; пустыня Паран, где они расплодились; пустыня Синай, где снизошла ненависть к народам мира”. “Как же он на самом деле называется?” “Хороб”. В этом противоречит р. Абаху, ибо р. Абаху сказал, что настоящее имя – гора Синай, а Хороб она называется лишь потому, что через нее снизошло опустошение (Хорба) на народы мира”.

Цепь подобных поучений Талмуда и комментариев к нему, а также и дошедшие до нас сведения о реальной жизни еврейских общин (кагалов), намечают одну концепцию, характеризующую отношение к иноверцам и иноплеменникам. Например, утверждается, что в мире имеется 17 «народов», каждый из которых управляется особым «ангелом». Этот «ангел» является «богом» соответствующего народа, но в то же время это «дьявол» или «ангел смерти». Над всеми ими властвует главный ангел смерти – Самаэль, являющийся в то же время «богом» сынов Эдома (христиан). Христос называется «Мертвым», одежда священника – «одежда смерти» и т. д. Иными словами, евреи – единственные живые среди мира мертвых, они живут в окружении мертвецов или нечистой силы («народы мира происходят от нечистого духа»). Картина похожа на «Вий» Гоголя, где Хома Брут тоже окружен нечистой силой, пытающейся его утащить, причем строгие предписания Закона и Талмуда образуют нечто вроде волшебного круга, которым Хома Брут пытался оградить себя от рвавшейся к нему нечисти. Такое

жизнеощущение не могло не вызвать в какой-то мере симметричной реакции в окружающем населении.

А ведь так часто судьба ремесленника или крестьянина оказывалась в руках еврейского ростовщика. Саббатини, например, говорит, что в Португалии до настоящего времени (XX в.) слово «еврей» применялось как обозначение жестокости: если ребенок бил собаку, родители кричали: «Не будь евреем!». Те же переживания сохранились и в произведениях великих писателей: в образе Шейлока у Шекспира и «Мальтийского еврея» у Марлоу. Все это делает более понятной враждебность коренного населения по отношению к еврейским общинам, те гонения, которые описаны выше, какими бы фантастическими, с нашей точки зрения, причинами не объясняли их в то время. Возникало какое-то чувство несовместимости еврейства и христианского общества. Взаимное их отталкивание все более обособляло два эти мира. Но в то же время им невозможно было полностью замкнуться друг для друга, так как они были связаны нерасторжимой цепью финансовых и экономических отношений. По-видимому, этот процесс взаимного отталкивания, озлобления и изоляции усиливался в течение всех Средних веков и достиг максимума как раз к тому времени, когда неожиданно евреи начали играть все большую роль в жизни европейских народов.

Глава 5 Хазария

Еврейская диаспора как фактор, влияющий на другие цивилизации, возникла в античности. С тех пор она проявила себя в громадном диапазоне: в Византии, Западной Европе, исламском мире, Латинской Америке и

т. д. (даже в Китае). Мы отобрали в нашем изложении те эпизоды, которые, хотя бы косвенно, оказали влияние на нашу страну. Здесь мы дадим сводку взглядов историков на один такой эпизод, который с нашей историей несомненно был связан. А вот насколько существенно – лишь затронул историю Древней Руси или был в свое время одним из ключевых ее моментов – об этом историки спорят. Речь идет о Хазарском каганате в эпоху от VII до X века от Р. Х. Л. Н. Гумилев называет сложившуюся тогда историческую ситуацию «зигзагом истории». Действительно, она не имеет аналогов в истории, как-то выбивается из общей картины. Но ведь она может и повториться, а тогда «зигзаг» превратится в «закономерность».

Об истории Хазарии писали много. Поскольку история эта разворачивалась в пределах нынешней России, то большая часть исторических сочинений в России и создана. Если говорить об общих обзорах, то это книги М. И. Артамонова, С. А. Плетневой, А. Н. Гумилева и работы многих других авторов. Большинство из писавших на эту тему отмечают капитальный характер труда М. И. Артамонова «История Хазар». Мы и начнем с изложения основных положений этой книги.

Хазары – народ тюркского происхождения. Хазарское государство возникло в VII веке в результате распада Восточно-Тюркского каганата. Но о хазарах источники упоминают начиная с VI века. Территорию Хазарии составляли тогда степи от Урала до дельты Волги и далее до Кавказа, северное Причерноморье и часть Крыма. Претендовала она одно время и на Закавказье. В первую половину VIII века Хазария воевала с арабами. Арабы покорили было хазар и принудили их царя принять ислам. Но в результате смут внутри исламского мира (замена халифата Омайядов на Аббасидов) арабы не смогли

удержать господства над Хазарией. Установилось равновесие: арабы не пытались больше завоевывать хазар, а хазары – Закавказье. Это вообще была эпоха стабилизации (конец экспансии) ислама. В VIII веке столицей Хазарии стал Итиль, расположенный в дельте Волги. Население страны состояло в большей части из кочевников, в нее входила вся Причерноморская степь до Днепра. Но заметное место занимали земледельцы: жители Тамани, низовьев Кубани и Дона, берегов Азовского моря, земель между Донцом и средним Доном.

Населенные пункты Хазарии, в особенности Итиль, были удобными перевалочными базами для караванной торговли между Дальним Востоком и Ирано-Арабским миром и дальше – Европой. Начиная с VI века в Хазарии происходила интенсивная еврейская иммиграция. Первым толчком послужило удивительное событие – охватившая Иран грандиозная революция радикального «коммунистического» характера. Это движение «маздакитов», последователей Маздака, проповедовало общность имущества и жен. Одно время поддерживал учение и царь Кавад I. Только при его наследнике Хосрое I оно было побеждено. Еврейская община Ирана (одна из влиятельнейших в мире) примкнула к маздакитам. В результате, после поражений движения, иранские иудеи подверглись преследованиям наряду с другими маздакитами. Экзарх (духовный глава) евреев в Иране Матр Зутра был казнен, а множество евреев бежало на Кавказ, в области, принадлежавшие тогда хазарам. К этой первой волне эмиграции присоединились потом и другие, вызванные преследованиями евреев в Византии, в царствование Ираклия в VII веке и Льва Исавра в VIII веке, а также, вероятно, и экономическими интересами.

На грани VIII и IX веков в Хазарии произошел переворот, в результате которого иудаизм стал «госу-

дарственной религией». Но это не значит, что все население приняло эту религию. Наоборот, подавляющая часть местного населения сохранила прежние верования. Но власть перешла в руки правящего слоя, состоявшего из потомков иммигрировавших в Хазарию евреев и обращенной в иудаизм хазарской знати (а также, видимо, детей от смешанных браков). Сначала иудаизм принял бек, или царь, Обадия и его ближайшее окружение. Потом, как говорит арабский историк, «стали к нему стекаться иудеи из разных исламских стран и из Рима» (т. е. Византии).

Хазарский источник рассказывает:

«Он поправил царство и утвердил веру надлежащим образом и по правилу. Он выстроил дома собрания и дома учения и собрал мудрецов израильских, дал им серебро и золото, и они объяснили ему 24 книги Священного писания, Мишну, Талмуд и сборники праздничных молитв».

Установилась система правления, иногда называемая «двоевластием».

Номинально во главе страны стоял каган из древнего тюркютского рода Ашина (волк), исповедовавший иудаизм. Но его власть была номинальной, его лишь показывали народу раз в году. Фактически страной правил царь (бек) еврейского происхождения. Его титул передавался от отца к сыну.

Эта система власти установилась после эпохи гражданских войн, продолжавшейся несколько десятилетий. Константин Багрянородный пишет об этой эпохе:

«Когда у них произошло отделение от их власти и возгорелась междоусобная война, первая часть одержжа-

ла верх и одни из них (восставших) были перебиты, другие убежали и поселились с турками (венграми) в нынешней печенежской земле».

В борьбе, по-видимому, погиб и сам Обадия, и оба его сына – Езекия и Манасия. Власть перешла к брату Обадии Ханукке.

Все более значительной частью бюджета Хазарии становились торговые пошлины. Этими капиталами оплачивалось наемное войско, на котором держалась власть. Войско состояло в основном из тюркских воинов, но возглавлялось иудейским военачальником. В случае поражения воины подлежали казни, военачальник – конфискации имущества. Именно это наемное войско и обеспечило победу в гражданской войне: «Иудейское правительство обзавелось наемной армией и стало независимым от народа». «Значительная часть хазарского населения была истреблена». Новая власть утвердилась к середине IX века.

В IX веке власть Хазарии распространялась на Восточно-Европейские степи и прилегающие северные области, занятые славянами. «Повесть временных лет» сообщает под 884 годом, что хазарам платили дань поляне, северяне, вятичи, родимичи. В первой половине X века хазарский вельможа Песах, согласно еврейскому источнику, разбил войско русов и начал войну против русского князя Хельги. Он принудил русов выступить против Византии. В том же документе говорится: «Тогда-то стали русы подчинены власти хазар». Артамонов считает, что «выступление против Византии» подразумевает поход Игоря на Константинополь, окончившийся неудачей. Однако он отрицает «подчинение Руси хазарам», считая, что речь идет о союзе, обеспечивавшем тылы русов на время похода.

В этом эпизоде история Хазарии скрещивается с историей нашей страны. Здесь более радикальную позицию занимает Л. Н. Гумилев (бывший учеником Артамонова). Он считает поход Песаха началом длительного подчинения Руси хазарам. Поскольку в X веке Хазария боролась с Византией за влияние в Восточной Европе, то походы Олега и Игоря на Константинополь он объясняет как результат более общего союза викингов и еврейских общин, имевшего общеевропейский характер. С его точки зрения, походы викингов и в Западной Европе, и на Востоке финансировались еврейскими купцами. Им же викинги сбывали захваченных рабов. Гумилев пишет:

«Тогда изолированное княжество киевских варягов стало вассалом общины хазарских иудеев, которая использовала русов и славян в войнах с христианами и мусульманами-шиитами.

Уже в начале X века русский флот оперировал в Каспийском море против врагов хазарского царя. Очевидно, киевские князья стали поставлять хазарскому царю «дань кровью».

Например, он приводит такой аргумент: хазары в качестве монеты использовали арабские диргемы. После 900 года диргемы появляются в кладах Русской земли. Причем это не военная добыча, так как ни о каких победах летописи не говорят.

Это плата за кровь славяно-русских богатырей, пролитую ради чужих интересов.

Переворот в отношении Руси с Хазарией произошел после убийства славянами Игоря, когда к власти пришли славяне или ослабявшие скандинавы из окружения псковитянки Ольги. Это произошло в 944 году. Такая

концепция предполагает очень важную эпоху хазарского господства над Русью, предшествовавшую перевороту. Только после убийства Игоря вновь усилилось распространение христианства на Руси (это было равнозначно усилению влияния Византии). Хазарский царь Иосиф не мог ничего предпринять в ответ на этот переворот, так как ряд кризисных явлений – от Китая до Франции – нанесли тяжелый удар хазарской торговле и подорвали основу власти. В 957 году Ольга приняла крещение в Константинополе, что означало открытый переход Руси на сторону Византии против хазар. В 964 году Святослав начал военные действия против хазар. Возможно, союз с Византией помог нейтрализовать на это время постоянных врагов – печенегов. В то время, как хазарское войско ожидало его в степях, Святослав двинулся к Оке, русы срубили ладьи, спустились по Волге и в 965 г. взяли штурмом столицу Хазарии Итиль.

Политическое господство хазар было сломлено, но Хазария, видимо, еще долго оставалась опасным соперником Руси. Уже сын Святослава, Владимир, предпринял поход на хазар и обложил их данью, по мнению Артамонова, в 985 году. Еще в следующем поколении сын Владимира Ярослав Мудрый в первой половине XI века воевал со своим братом Мстиславом, опиравшимся на войско, состоявшее из хазар и касогов. Но, как рассказывает Гумилев, экономически влиятельная еврейская община в Киеве сохранилась еще на полтора века. Ее влияние стало расти, когда в нее влилось множество евреев западного происхождения, переселившихся из Германии через Польшу. В руках этой общины находилась интенсивная торговля рабами. Рабы добывались в набегах половцев и продавались в Египетский халифат через Крым, где была другая сильная еврейская община в Херсонесе (Корсуни). Именно тогда был убит канонизи-

рованный Православной Церковью мученик св. Евстрат. Как пишет Гумилев, в Киеве «торговля и ремесла постепенно переходили в руки евреев, так как каждому из них помогала община, тогда как русские купцы и ремесленники действовали каждый на свой страх и риск».

Но после смерти в 1113 году князя Святополка II в Киеве вспыхнули беспорядки. Народ сначала разграбил дома ближайшего окружения покойного князя, а потом – еврейскую колонию. Такую картину рисует Татищев. Ипатьевская летопись говорит, что были разграблены дома евреев. Бояре просили Владимира Мономаха принять княжеский престол. Мономах выслал всех евреев из Русской земли. В случае возвращения закон отказывался обеспечить их жизнь и имущество.

Эту картину длительного подчинения Руси иудейской Хазарии и еврейскому экономическому влиянию поддержал В. В. Кожин, опираясь на совсем другие аргументы, связанные с историей русского эпоса и литературы Древней Руси.

Анализируя как содержание, так и ареал распространения былин, он приходит к выводу, что они отражают не противостояние монгольскому игу (отнесенное к эпохе св. Владимира), не борьбу со степью (половцами или печенегами), но борьбу с господством хазар. Наиболее ярким аргументом оказывается здесь былина «Илья Муромец и Жидовин». Другим краеугольным камнем его аргументации является апелляция к «Слову о Законе и Благодати» Илариона Киевского. Это, вероятно, древнейшее (поразительно сильное) произведение русской литературы действительно представляет собой некоторую загадку. Пафос, пронизывающий его, – это противопоставление Ветхого и Нового Завета, иудаизма и христианства, Благодати Нового Завета, отменяющей Закон Ветхого Завета. Действительно непонятно,

почему бы именно эта проблема оказалась столь жгуче актуальной в Киеве XI века. Обычно (хотя на эту тему писали вообще мало) давалось то объяснение, что противопоставление Ветхого и Нового Завета в «Слове» есть лишь аллегория, выражающая противопоставление давно христианского Константинополя и недавно крестившейся Руси, что это есть борьба Руси за духовную независимость от греческой Церкви. Но совершенно непонятно, зачем Илариону надо было прибегать к этому эзопову языку, почему он не мог выразить свою мысль более прямыми словами (обычно предполагается, что он опирался на поддержку князя Ярослава Мудрого). Кожинов предлагает более простое решение: здесь нет никакого эзопова языка, речь идет совершенно буквально о противостоянии Руси, принявшей религию Нового Завета, некоей силе, опирающейся на Ветхий Завет. Эта сила – хазары, еще не так давно имевшие свой гарнизон в Киеве, и современная, экономически мощная, иудейская община Киева. Это он подтверждает такой, например, цитатой:

«И доколе стоит мир, не наводи на нас напасти искушения, не предай нас в руки чуждых, да не прозовется град твой плененным».

Кожинов обращает внимание и на то, что «Слово» Илариона истолковывал как отражение противостояния Руси и Хазарии один из крупнейших русских историков М. Н. Тихомиров. В работе «Философия в Древней Руси» он решительно возражает против интерпретации «Слова» как завуалированной полемики с Константинопольской патриархией, приводя ряд мест, где подчеркивается дочерняя роль русской Церкви, ее преимущество из Византии. Далее, приведя цитату

из «Слова» «И Закона озеро пересохло, евангельский же источник наводнился, и всю землю покрыв, до нас разлился», Тихомиров пишет:

«В этих словах Илариона заключается противопоставление Хазарского царства Киевской Руси. Иссохшее озеро – это Хазарское царство, наводнившийся источник – Русская земля».

А комментируя цитату: «Отошел свет луны, когда воссияло солнце... И ночной холод исчез, когда солнечная теплота согрела землю», Тихомиров говорит:

«Для современника были понятны намеки Илариона, что он считает ночным холодом и солнечной теплотой... Это намек на то, что Ярослав, опиравшийся на христианскую Русь, победил Мстислава, действовавшего с помощью печенегов и хазар, среди которых была распространена иудейская вера».

При скудости источников, сохранившихся от той эпохи, около 1000 лет назад, толкование их по необходимости произвольно. Оно носит характер «версий» и фактов, их подтверждающих. Я изложил одну такую «версию» – условно говоря, версию «хазарского ига». Разумеется, она не общепринята. Например, в статье В. В. Кожина, на которую мы ссылались, цитируются и авторы, возражавшие против этой концепции.

Так или иначе, но история Хазарии оказалась связанной с судьбой нашей страны, хотя бы ввиду параллелей между Советским Союзом в первые послереволюционные десятилетия и древней Хазарией. Власть иудейской верхушки над аборигенами, как она сложилась в Хазарии, – ведь это как раз то обвинение, которое

бросали коммунистическому режиму его враги. (И, к сожалению, такие параллели иногда развивались на очень примитивном и тенденциозном уровне.) Во всяком случае, хазарская тема в Советском Союзе долго была «неудобной», если не прямо опасной. Например, Л. Н. Гумилев рассказывал мне, что книга М. И. Артамонова, на которую мы не раз ссылались, более десяти лет не могла быть опубликована (краткое ее изложение удалось опубликовать на 25 лет раньше полного текста). В этой книге Хазария впервые была показана как одна из «сверхдержав» Восточной Европы IX–X веков. Из-за связи с хазарской «проблемой» или непосредственно из-за антииудаистской его направленности «неудобным» почти все время коммунистического режима было и «Слово» Илариона. Например, многотомное издание «Памятники литературы Древней Руси» начинается вступительной статьей акад. Лихачева «Величие древней литературы». В этой статье «Слово» Илариона упоминается как одно из самых значительных и «одно из первых произведений русской литературы». Но в самом издании «Слово» опубликовано не было. Да и вообще, видимо, не переиздавалось от 1917 года до середины 80-х годов. Помню, что сам я познакомился с этим произведением по изданию с зашифрованным названием «Философское наследие Илариона Киевского» (по которому нельзя догадаться, что речь идет о публикации источника). Позже известный философ А. Гулыга признавался, что вообще узнал о существовании «Слова» от одного немецкого слависта и впервые познакомился с произведением по его немецкому переводу! Помню, как в 80-е годы за статью, посвященную лишь философски-литературоведческому разбору «Слова», радиостанция «Свобода» обвинила В. В. Кожина в «антисемитизме». Так переплетаются в нашей истории разные века и разные тысячелетия.

Глава 6

Роль в развитии капитализма

Генезис современного капитализма (и, в частности, роль в нем евреев) был предметом детального исследования Вернера Зомбарта. Капитализм предполагает капитал, а капитал, утверждает Зомбарт, в позднее Средневековье и в начале Нового времени, был в значительной степени в руках евреев. Он приводит свидетельства множества авторитетов.

Кромвель, Кольбер, бургомистр Антверпена, городской старшина Бордо, сенат Венеции – все сходятся на том, что у евреев большие богатства, привлечение евреев способствует росту экономики в эпоху складывающегося капитализма, их изгнание – упадку. Изгнание евреев с Пиренейского полуострова характеризовалось современниками как «исход капиталов». Современники часто говорят, что «евреи ввозят деньги в страну», – а это было первой предпосылкой развития капитализма.

И действительно, как считает Зомбарт, богатства евреев были исключительно велики, гораздо больше, чем обычно полагают. Мы приводили в одном из предшествующих параграфов ряд свидетельств, касавшихся эпохи Средних веков. Но то же верно и для более позднего времени. В XVII–XVIII веках голландские евреи, в основном выходцы с Пиренейского полуострова, были знамениты своим богатством. Барон Бельмонте, хеер де Пинто, хеер д'Акоста принадлежали к числу богатейших купцов и финансистов Голландии. Они владели блистательнейшими дворцами Гааги и Амстердама, особенно поражавшими воображение при сравнении с домами бережливых голландцев. Во Франции говорили «богат, как еврей». Особенно богатый материал Зомбарт приводит

по Германии. Например, во Франкфурте-на-Майне среди богатых людей, обладавших доходом более 15 000 флоринов, евреи составляли в 1593 году 7,5%, в 1607 – 17,5%, в 1618 году – 20%.

Но гораздо оригинальнее мысли Зомбарта по поводу того, какой характер участие евреев придало развитию западноевропейского капитализма. Он считает, что евреи создавали предпосылки для развития капитализма современного типа путем разрушения патриархальных принципов «традиционного» общества. По мере увеличения их роли в хозяйственной жизни на них со всех сторон раздается все больше и больше жалоб. Их обвиняют в том, что они «лишают пропитания жителей страны». Жалобы поразительно стереотипны и многочисленны: из Англии, Франции, Германии, Швеции, Польши... Обычно евреев обвиняют в «обмане». Но, главным образом, подразумеваются не формальные правонарушения, а разрушение обычаев, норм морали в области торговли – традиций, сложившихся в христианском обществе.

Здесь необходимо изложить сводку общих взглядов Зомбарта на развитие капитализма. Собственно, «капитализм» – весьма расплывчатое понятие. Ряд выдающихся историков – Эдуард Мейер, Макс Вебер, М. И. Ростовцев – уверяют, что основные элементы, составляющие капитализм: капитал, наемные рабочие, рынок, производство на продажу и т. д. – существовали в самых разных обществах: Вавилоне, античной Греции, Риме и т. д. Они, в принципе, могли создавать самые разные комбинации, и только в Западной Европе и США они сложились в некоторое совершенно особенное, ни на что другое, бывшее в истории, не похожее общество. Вот его-то происхождением и анализом и занимался Зомбарт. Он делит развитие капитализма на две

фазы, которые называет «ранним капитализмом» и «высокоразвитым капитализмом». Последний его и интересуется, и в его развитии в очень специфическом направлении, как он считает, решающую роль играли евреи. Он стал доминировать с XIX в., но за несколько столетий до этого вырабатываются определенные его черты.

Сущность «высокоразвитого капитализма» Зомбарт видит в том, что человек теряет свою роль как цель хозяйственного процесса, как «мера всех вещей». Создаются новые «индивидуальности» – тресты, предприятия, и их отношения, их интересы, а не отношения и интересы реальных людей, доминируют в экономической жизни. Например, при раннем капитализме предприниматель ставил себе вполне определенные жизненные цели: разбогатеть, обзавестись поместьем, домом и т. д., а достигнув этих целей, выходил из хозяйственной и экономической деятельности, причем именно такое поведение воспринималось всеми как «нормальное», «разумное». При развитом же капитализме единственной целью является рентабельность и доход предприятия, а эти цели не имеют предела, процесс становится бесконечным. Зомбарт приводит яркие высказывания крупнейших предпринимателей (Карнеги, Ратенау и др.), рассказывающих, как сама логика производства заставляла их беспрерывно расширять свои операции, хотя это не входило в их планы и не определялось их личными интересами.

Все увеличивающаяся скорость изменений хозяйственной жизни достигает в развитом капитализме такого предела, что традиция, нарушенная каждым конкретным изменением, не успевает восстанавливаться. В результате капиталистическому предприятию чуждо все органическое, естественно выросшее, основанное на опыте человечества. Оно чисто рационалистически

конструируется, является искусственным механизмом. Конкретно это осуществляется благодаря процессу, который Зомбарт называет «подчинением хозяйственной жизни торговым операциям». Вексель, ценные бумаги, биржа придают развитому капитализму анонимный, безличный характер. Если раньше, например, долг имел характер отношения двух конкретных людей, кроме денежной стороны включал в себя и чувство благодарности, то в форме векселя он отрывается от человеческих отношений, полностью теряет личный характер. А биржа, «рынок ценных бумаг», подчиняет этому новому духу всю хозяйственную жизнь в национальном и мировом масштабе.

Возникшее в Средние века и сохранившееся в раннем капитализме мировоззрение исходило, беря за модель земледелие, из представления об «участке», с которого человек имеет право «кормиться». Это могла быть и определенная сфера деятельности, которую охраняли, например, гильдии и цеха. В связи с этим считались морально недопустимыми все приемы, имевшие целью получить прибыль за счет другого – посягательство на его «участок». Например, реклама или конкуренция с понижением цен, тем более продажа ниже себестоимости для захвата рынков. Часто отвергалось применение машин, так как они могли многих лишиться работы. Все виды подобного поведения считались «нехристианскими» (unchristlich). Основой было представление о «справедливой цене», которая давала бы возможность производителю поддерживать традиционно сложившийся уровень жизни. Стремиться к большему, повышая цены или увеличивая размеры деятельности, считалось, как правило, неморальным и бессмысленным. В связи с этим рабочее время было ограничено, было много праздников (до $\frac{1}{3}$ года), люди не торопи-

лись. Традиционными чертами делового человека считалась медлительность, степенность; говорили, что топропятся и суетятся бездельники.

Высокоразвитый капитализм разрушает эти «патриархальные» черты. Более того, антитеза почти каждой из них относится к числу его самых характерных признаков, обеспечивающих его сказочную производительность: неограниченная конкуренция, свобода торговли, реклама, принцип «время – деньги»... За эту производительность приходится, однако, расплачиваться тем, что человек подчиняется интересам и логике развития «организаций», теряет чувство своей значительности, осмысленности своей жизни. «Капитализм – это деконкретизация мира, сведение его к абстрактному принципу денег; разрушение конкретности, многообразия», – формулирует Зомбарт. Капитализм добивается продуктивности, о которой люди предшествующих веков не могли и мечтать, заменяя живой человеческий труд и самого человека машиной, но зато человеческое общество он приспособливает к машине, делает его стандартизованным и механизированным.

Именно эти новые черты, как утверждает Зомбарт, евреи и приносили в хозяйственную жизнь. Он подробно анализирует те жалобы, которые раздаются в адрес евреев.

Все единообразно жалуются: они нарушают разграничение областей торговли по гильдиям. Далее следуют жалобы на искусственное понижение цен (торговля в убыток с целью захвата рынка, демпинг). Жалуются, наконец, на то, что евреи заманивают клиентов, ловят их за руку на улице, украшают витрины своих лавок – все это тогда считалось непорядочным и в то же время создавало основы свободной конкуренции, рекламы, «контакта с потребителем» – осно-

воположные черты современного капиталистического хозяйства. Зомбарт приводит множество примеров рекламных объявлений еврейских торговцев, что было в то время новшеством и вызовом моральным нормам. Еще в начале XIX века считалось «еврейским принципом», что быстрый оборот с меньшим доходом выгоднее более медленного, хотя бы и с большим доходом. Было распространено мнение, что христиане не могут этот принцип применять. В то же время он и составляет экономическую основу все растущего темпа жизни, характерного для нашей эпохи.

Зомбарт полагает, что евреи заложили также основу для подчинения хозяйственной жизни торговым операциям, что он считает одной из основных черт развитого капитализма. Евреи создали вексель и биржу. Внедрение векселя в хозяйственную жизнь Зомбарт связывает с необходимостью тайны, анонимности в финансовых операциях евреев, часто подвергавшихся преследованиям. И действительно, при изгнании евреев из Испании и Португалии им было запрещено брать с собой золото и деньги, но вскоре выходцы с Пиренейского полуострова оказались среди первых богачей Европы. Первый известный в истории вексель был выдан, как говорит Зомбарт, в 1207 году Симоном Рубеном. Но гораздо важнее, что во многих городах (например, в Венеции в XVI в.) вексельное дело находилось целиком в руках евреев.

Зомбарт приводит массу свидетельств о ведущей роли евреев на биржах Голландии, Лондона, Германии (например, в начале XIX века в Берлине из четырех председателей биржи два были евреи, а из 23 старшин – 10, не считая крещеных). Даже первое и самое яркое описание биржи принадлежит Исааку Пинто – еврейскому финансисту из Франции (XVIII в.).

Наконец, благодаря своим интернациональным связям евреи способствовали денационализации хозяйственной жизни: интересы не только конкретных людей, но и государств стали подчиняться интересам международных трестов и банковских домов. Типичным примером такого интернационального банковского дома являлся банк, созданный Амшелем Ротшильдом. В XIX веке его сыновья возглавили банки в крупнейших городах Европы: Натан – в Лондоне, Джеймс – в Париже, Соломон – в Вене, Карл – в Неаполе, Ансельм – во Франкфурте.

Конечно, рассеяние евреев содействовало интернационализации хозяйственной деятельности. Их изоляция внутри страны, в которой они обитали, делала для них чуждыми и непонятными моральные нормы «традиционного» общества и облегчала их разрушение. Оторванность от «конкретности» национальной жизни этой страны толкала их на развитие хозяйства в направлении, не опирающемся на традиции, на придание капиталистическому предприятию характера «искусственного механизма». Но все эти причины Зомбарт считает неосновными. Основную же причину того, что евреи способствовали выработке всех этих черт, характерных для хозяйства развитого капитализма, он видит в их религии.

Сама изолированность евреев, по мнению Зомбарта, конечно, была связана с отношением к ним окружающих их народов, но она была не следствием этого отношения, а причиной. Он приводит примеры ряда эпох, когда положение евреев было очень благоприятным (подобные примеры приводились нами в предшествующих главах). Но это несколько не уменьшало изолированность еврейских общин. Например, в арабской Испании христиане очень сильно поддавались влиянию

ислама и исламской культуры, а евреи были особенно сплоченно-националистичны. Настроения этой среды отразил вышедший из нее Иуда Галеви – один из самых националистических еврейских поэтов.

Особую роль в развитии капитализма Зомбарт видит в ростовщичестве. Он говорит: «Из ростовщичества возник основной дух капитализма». Действительно, в нем устраняется всякий конкретный элемент, вся качественная, хозяйственная деятельность принимает чисто коммерческий характер. Это не физическая и не духовная, осмысленная сама по себе деятельность, ее смысл перенесен на ее конечный результат – деньги. Грандиозной реализацией духа ростовщичества является биржа – сердце капиталистической экономики. Уже она становится причиной, а реальная экономика – следствием. Высокая активность биржи влечет увеличение производства, падение цен на акции, упадок, безработицу. В наши дни эта ситуация приобретает всеобъемлющий характер, современную мировую экономику часто называют «экономикой казино», в спекуляции вложено во много раз больше средств, чем в реальную экономику.

Этот взгляд на роль ростовщичества можно подтвердить совершенно особым отношением к нему католической Церкви. Она боролась с ним яростно, как бы предвидя в нем разрушителя того общества, основой которого была. Мало того, что существовал особый суд, ведавший ростовщичеством, причем уличенный священник лишался сана, а мирянин не допускался к причастию. Но целый ряд правил должен был бороться со скрытыми формами роста. Например, долг должен был отдаваться ровно через год, день в день, чтобы взятый продукт не отдавался в то время, когда он ценился больше; или должнику запрещалось оказы-

вать заимодавцу какие-либо услуги (скрытая форма процента) и т. д.

А ведь в период, когда складывался капитализм на Западе, образы еврея и ростовщика отождествлялись (хотя бы у Шекспира, это отразил и Пушкин).

Занятие евреев ростовщицеством, сыгравшее столь важную роль в характере того влияния, которое они оказали на развитие капитализма, Зомбарт также не считает возможным отнести в основном за счет внешних причин. (Обычное объяснение заключается в том, что в Средние века Церковь запрещала христианам давать деньги под процент, для евреев же многие другие сферы деятельности были закрыты.)

Все эти причины более внешнего характера Зомбарт считает неопределяющими, вторичными, основу же особого отношения евреев к хозяйственной жизни видит в их религии, как она зафиксирована в Библии и Талмуде.

Еще в Библии ростовщицеству уделяется особое место. Одно из обетований Иеговы избранному народу гласит:

«...ибо Господь, Бог твой, благословит тебя, как Он говорил тебе, и ты будешь давать займы многим народам, а сам не будешь брать займы; и господствовать будешь над многими народами, а они над тобою господствовать не будут». (Втор 15:6)

Повсюду в древности ссуда предполагалась бескорыстной. Но уже Пятикнижие относит это требование лишь к своим: с чужих процент брать разрешается. Однако в конце Средневековья, по мнению Зомбарта, разрешение процента с ссуды иноверцу переходит в его обязательность (так называемая 798-я заповедь в Шул-

хан Арухе). Как говорит Шахак, беспроцентный заем в Галахе приравнивается к подарку; он рекомендуется по отношению к единоверцу и осуждается по отношению к иноверцу. Он говорит:

«Многочисленные раввинистические авторитеты (но не все) – и среди них Маймонид – считают обязательным требовать с нееврейского должника столь высокий ростовщический процент, как это возможно».

Уже книга Неемии (5:4–8) показывает существование влиятельного слоя ростовщиков. Но, конечно, лишь в диаспоре эта деятельность приобретает настоящий размах. Талмуд уделяет исключительно много места технике ростовщичества: только изучению Торы уделено больше места, говорит Зомбарт. Начиная со времени крестовых походов, ростовщичество, по мнению Зомбарта, становится основным занятием евреев.

Ростовщичество, как и вообще нарушения общепринятых моральных норм ради своей выгоды, принадлежит к числу распространенных человеческих грехов. Ростовщичеством, говорит Зомбарт, занимались и Дельфийский храм в Греции, и средневековые монастыри. Зомбарт приводит множество свидетельств современников о неблагоприятных поступках христианских торговцев. Так что реальный успех определяется здесь не наличием субъектов, готовых на такие поступки идти, а возможностью добиться успеха. Успех, выпавший на долю евреев, Зомбарт объясняет тем, что для них речь вообще не шла о нарушении норм деловой морали. С их точки зрения, это и была «разумная», «деловая» мораль, «настоящее право», подчиняющее хозяйственную деятельность приросту «дела», дохода. Поэтому среди них в этом направлении успех имели не слабые, уступающие соблазну, а

сильные, проникнутые и воодушевленные древними и освященными авторитетом принципами.

Речь шла, по мнению Зомбарта, о столкновении двух диаметрально противоположных систем моральных и правовых норм. В Римском или германском праве все обязательства рассматривались как имеющие исключительно личный характер, а цена определялась, исходя из имеющей личный характер категории «справедливой цены». В Талмуде же представление об обязательстве абстрагировано от человека, может передаваться, становится «требованием на предъявителя». Если понятие о «справедливой цене» там и существует, то лишь в отношении к своим, в применении к чужим представление о «справедливой цене» отсутствует, цена такова, какую реально можно получить. В качестве одного из примеров, иллюстрирующих противоположность этих двух моральных систем, Зомбарт приводит отношение к собственности. В римском праве и праве многих средневековых народов собственность понимается гораздо более лично, больше рассматривается как «продолжение человека», чем теперь. В связи с этим ее отчуждение воспринимается как нечто неестественное, и право обычно стремится его затруднить. В Талмуде же прямо противоположное отношение. Так, если по германскому средневековому праву украденная и потом купленная у вора вещь должна быть безвозмездно возвращена первоначальному владельцу, то Талмуд считает ее собственностью купившего, а первоначальный владелец может ее только выкупить обратно, то есть в первом случае между хозяином и вещью предполагается некая связь, которая не исчезает из-за того, что кто-то другой заплатил за нее какую-то сумму (мы могли бы это сравнить с нашим отношением к похищенному ребенку), во втором же случае это отношение исчерпывается уплатой цены вещи.

Коренное различие в хозяйственной морали евреев и христианского общества отмечает и Гретц. В «Истории евреев» он пишет по поводу польских евреев:

«Нееврейский мир должен был, на свою беду, убедиться в преимуществе талмудического закона польского еврейства».

И надо признать, что в общемировом масштабе этот закон действительно победил. «Индустриальное общество», охватывающее теперь практически весь мир, основывается именно на этой талмудической, как уверяет Зомбарт, хозяйственной морали.

Связь между укреплением нового образа жизни и еврейским влиянием чувствовалась широкими слоями населения. Весь процесс шел очень болезненно, он встречал широкое сопротивление народа. Общеизвестным примером является то движение, которое во Флоренции возглавил Савонарола. Однако тогда же, в конце XV века, подобные движения захватили всю Италию. Почти во всех крупных городах – Генуе, Падуе, Лукке, Болонье, Кремоне, Флоренции – появились проповедники, протестовавшие против того разложения устоев старого общества, которое захватило Италию. Они увлекали за собой толпы народа. Требования, выставленные этими движениями, были очень однородны. И почти всегда среди них фигурировало требование о запрете ростовщичества за высокий процент (доходивший до 100%), издании законов, ограничивающих еврейских ростовщиков, или даже об изгнании евреев. Историк еврейства С. Рот говорит, что, по-видимому, в Италии тогда не было ни одного крупного города, в котором дело обошлось бы без антиеврейских выступлений. Монах Варавва Интермензис выдвинул идею

ломбарда, основанного на пожертвования и дающего ссуды под минимальный процент (5%) или даже безвозмездно. Этот вид ломбарда назывался Монте де Пиета. Особенно энергично боролся за его внедрение другой монах – Бернардино да Фельтро. Он сталкивался с ожесточенным сопротивлением богачей, – из одних городов его изгоняли, в других он побеждал. В частности, во Флоренции под его влиянием в 1487 году было принято постановление о создании такого банка, но, как считали некоторые современники, евреи за взятку в 20 000 гульденов добились от Лоренцо Медичи отмены постановления и изгнания да Фельтро. Такую меру провел потом Савонарола, но и его успех был недолговечен. Интересно отметить, что низвержение и казнь Саванароллы были делом рук папы Александра VI Борджиа, происходившего из крестившихся испанских евреев, враги обвиняли его даже в том, что он был марраном, то есть тайно исповедовал иудаизм. (Это обвинение исходило от будущего папы Юлия II и приведено в хронике Сигизмунда Тацио за 1492 г.)

Так, ломая сопротивление, в мир входили две силы – капитализм и еврейское влияние.

Глава 7

Эмансипация и борьба за равноправие

В XVIII–XIX веках происходит резкий перелом в положении европейского еврейства, а именно: среди евреев возникает быстро растущее движение за выход из изоляции, за усвоение образа жизни окружающих народов, их культуры. Это течение придает совершенно

новый характер европейским еврейским общинам. Параллельно усиливается борьба и за юридическое равноправие евреев, которого они и добиваются в XIX веке в подавляющей части европейских стран. Принятие евреями образа жизни европейских народов в среде этих народов часто называют «эмансипацией», в еврейской же среде это течение называли «Хаскала», а сторонников его – «маскилим». Этот переворот, несомненно, связан с увеличением хозяйственного влияния евреев. Так, уже с XVI века, а систематически – с XVII века еврейские дельцы осваивают совершенно новую сферу деятельности – колонии европейских стран. В Бразилии евреи скоро стали господствующим слоем, в частности, держали в своих руках сахарные плантации, бывшие основой экономики страны. Так же и на Ямайке они заняли господствующее положение, и христианские купцы жаловались, что евреи их вытесняют. В статье Еврейской энциклопедии говорится: «В колониях марраны больше всего содействовали развитию торговли. Их деятельность охватывала аграрный район и простиралась на весь международный район... Весьма часто марраны, забывая об испанском суверенитете, сбрасывали с себя маску и открыто возвращались к еврейству». В докладе инквизиции из Южной Америки в 1636 году говорится:

«Они стали хозяевами всей торговли в королевстве: от парчи до грубого холста, от алмазов до тминных зерен – все проходит через их руки».

В XVII веке Голландия начала войну с Португалией за обладание Бразилией. При этом голландцы опираются на поддержку местных евреев. После того как они захватили Ресиф,

«...в Ресифе стало вдвое больше евреев, чем христиан». «Евреи вели крупную торговлю, владели сахарными заводами, домами; самым крупным богачом считался Гаспер Диас Перейра».

Но в конце концов победили португальцы, и это привело к гонениям на евреев. Тогда центр тяжести еврейской общины переместился в Северную Америку, где их влияние стало еще сильнее. Характерен в этом отношении эпизод с основанием еврейской общины в Нью-Йорке (он был тогда голландской колонией). В 1635 году к Гудзону прибыл корабль, имевший на борту еврейских переселенцев из Бразилии. Губернатор Стювейсанд сначала не хотел разрешить им поселиться в колонии, но получил распоряжение от Вест-Индской компании дать такое разрешение «ввиду больших капиталов, вложенных ими (евреями) в компанию». Точно так же на сопротивление натолкнулись первые попытки евреев получить права гражданства в Массачусетсе (Аарон Лопец в 1762 г.) и Нью-Йорке (Исаак Элизер в 1763 г.). Трудности возникали в связи с принятой тогда формулой присяги: «по истинной христианской вере...». Но в конце концов текст присяги был так изменен, что он стал приемлемым для евреев.

В XVII и XVIII веках финансовое влияние евреев становится столь значительным, что оказывается важным фактором тогдашней европейской политики. Они финансировали в широком масштабе монархов многих тогдашних европейских государств (в особенности германских), давая им тем самым возможность быть более независимыми в своей политике от дворянства и горожан, усиливая тенденции абсолютизма. Особенно сильна была роль евреев в финансировании армии: в поставках оружия, амуниции, продовольствия. В немец-

ких государствах типичной комбинацией были «князь и еврей» (Furst und Jud), причем в руках последнего находились финансы государства. Так, больше ста лет придворными банкирами императорского двора в Вене был дом Оппенгеймеров. В Пруссии «Великий курфюрст» Фридрих-Вильгельм пользовался услугами финансистов Гумперца, Фейта, Риса, Аарона и Бронда Вульф. Его сын Фридрих I поручил финансовые дела Либману, Фридрих Великий – Ефраиму.

Естественно, что богатые евреи все более оказывались связанными с жизнью той страны, в которой они обитали, от них многое зависело, они имели связи и влияние, нередко были случаи, когда им жаловалось дворянство. Ряд факторов толкал их на выход из изоляции также и в политической и культурной жизни.

Одновременно с импульсами, исходящими из среды еврейства, и в европейском обществе, начиная с середины XVIII века возникает течение, ставящее себе целью коренной пересмотр положения евреев. Центром его являлась Германия, где тогда жило большинство еврейского населения Западной Европы. Одна за другой выходят книги, ставятся пьесы, доказывающие бессмысленность предрассудков против евреев, высоту их моральных принципов, часто превосходство в этом отношении над христианами.

Наиболее яркой фигурой этого течения был Лессинг. Еще 23 лет, начинающим писателем, он создал пьесу «Евреи». В ней повествуется, как некий путешественник спасает некоего барона от разбойников. Хозяин подозрительного кабака распускает слух, что разбойники – это евреи, заметил и якобы даже их типичные бороды. Но все тот же путешественник извлекает у него из кармана фальшивую бороду, разоблачая его самого и его приятеля как разбойников. Барон пред-

лагает путешественнику половину своего состояния и руку дочери. Но тот сообщает, что «Бог его отцов достаточно оделил его средствами» и что сам он – еврей. «О, если бы все евреи были подобны Вам!» – восклицает барон. «О, если бы все христиане были подобны Вам!» – парирует путешественник. Это произведение было типичным: подобная ситуация обыгрывалась во многих вариантах. Газеты сообщали о благородной благотворительности евреев. Вершиной была знаменитая пьеса Лессинга «Натан Мудрый». В ней действие происходит при дворе турецкого султана Саладина, где сталкиваются представители трех религий: иудаизма, ислама и христианства. Очевидная цель автора – пропаганда религиозной терпимости, стремление показать, что на любом из этих путей человек равным успехом может искать Бога. Но наименее способными к этому оказываются христиане, особенно злобным фанатиком изображен патриарх Иерусалима. Самым же глубоким и гуманным – герой пьесы, Натан Мудрый, который, например, несмотря на то, что христиане убили у него семь сыновей, одаряет всех христианских паломников ко Гробу Господню подарками (что отдает уже чрезмерностью). Кульминацией является рассказ Натаном знаменитого сказания о трех кольцах. В одной семье по традиции древнее кольцо переходило от отца к сыну. Но однажды, не желая обидеть ни одного из трех своих сыновей, отец заказал две точные копии и оставил каждому по кольцу. Сыновья до сих пор спорят, чье же кольцо истинное... На первый взгляд, смысл сказания – в призыве к религиозной терпимости, а кольца символизируют иудаизм, ислам и христианство. Но в нем можно заметить и подтекст: ведь все же лишь одно кольцо действительно подлинное – самое древнее, очевидно, символизирующее иудаизм.

С еврейской стороны столь же влиятельной фигурой этого направления был Мозес Мендельсон – близкий друг и ровесник Лессинга, которого тот и изобразил под видом Натана Мудрого. 14-летним подростком он бросил еврейскую духовную школу и ушел в Берлин. По совету своего наставника рабби Хиршеля Френкеля, Мендельсон изучает немецкий язык, что было тогда редкостью среди евреев. Он устанавливает связи с деятелями просвещения, такими, как президент Берлинской Академии Мопертюи и Лессинг, и начинает публицистическую деятельность.

Мендельсон был создателем и вождем того движения в еврействе, которое ставило себе целью вхождение в европейскую культуру и приобретение равноправия в европейском обществе. В качестве первого шага – овладение немецким языком, усвоение немецкого образа жизни. Мендельсон пропагандировал смелую мысль, что древняя иудейская традиция не противоречит идеям Просвещения и может с ними сочетаться. Он стоял во главе общества «Передовые евреи», объединенного этой идеей. В идеале виделась ассимиляция, когда евреи не будут отличаться от других немцев, будут «немцами, исповедующими Моисеев закон». Естественно, что Мендельсон был врагом всех планов возвращения в Палестину, он предостерегает от финансирования любых подобных проектов, убеждая, что одно золото не может обеспечить возвращения. С замечательным предвидением он писал:

«Мне кажется, такой проект будет выполнен, только когда великие державы Европы будут вовлечены во всеобщую войну».

Мендельсон встретил горячую поддержку в кругах немецких просветителей. Хотя немецкий язык он

выучил не в детстве и сам признавался, что особенно грамота давалась ему всегда с трудом, Мендельсон выступал как критик по вопросам немецкой литературы в журналах Лессинга и Николаи. Он поддерживал Лессинга в его борьбе за религиозную терпимость, за признание высоких духовных достоинств иудаизма. Однако их позиции отличались существенными оттенками. Например, Лессинг в своем масонском диалоге «Эрнст и Фальк» предупреждает о предрассудках патриотизма, в «Воспитании человеческого рода» утверждает, что в евреях Бог воспитал будущих воспитателей человечества. Мендельсон же выступает страстным еврейским патриотом, сразу откликаясь на любые обвинения, высказываемые против евреев (например, на брошюру о еврейском ростовщичестве во французском Эльзасе). Он писал, что если надо было бы выбирать между равноправием евреев и разрывом с религиозной традицией, то евреи, хоть и с прискорбием, должны были бы отказаться от равноправия. Лессинг, пропагандируя равноценность всех религий, публикует в своем журнале антихристианские статьи. Мендельсон же всегда восторженно отзывался об иудаизме, но о христианстве он иногда высказывается весьма бесцеремонно. Например, в ответ на довольно неумный аргумент одного пастора, что чудеса Христа истинны, ибо засвидетельствованы современниками, он приводит пример разоблаченного еврейского лжечудотворца и мошенника, сидевшего тогда в тюрьме. Конечно, адепты просвещения рукоплескали ему за то, что он так ловко «срезал попа».

Лессинг был только самым ярким представителем этого направления. Монтескье в «Духе законов» говорит, что отношение христиан к евреям останется навсегда позором для этого века. Мирабо, побывавший в Пруссии с тайным, не то правительственным, не то масонским

поручением, написал памфлет «О Мозесе Мендельсоне и изменении положения евреев». Крупный прусский чиновник Кригсрат фон Дом опубликовал работу, в которой призывал к предоставлению евреям равноправия. Когда император Иосиф II снял некоторые ограничения для евреев, то знаменитый тогда поэт Клопшток почтил его одой, в которой ставил его поступок в пример другим князьям. Академии объявляли конкурсы на сочинения об эмансипации евреев. Появились произведения и противоположного направления, они вызывали, в свою очередь, возражения как с немецкой, так и с еврейской стороны. Во множестве выходили брошюры «За евреев», «Против евреев». Вся эта литература, по словам Гретца, «лилась, как водопад».

Чем же объяснить, что еврейский вопрос привлек к себе именно тогда такое необычайное внимание? Конечно, обособленные в гетто евреи находились в странном для окружающих европейцев положении, унижающем человеческое достоинство, и это вызывало совершенно естественный протест. Не могло не играть роли и то, что проникающий всюду дух нового, буржуазного общества и просвещения ломал устои старого иерархического уклада жизни, заставлял смотреть на всех людей с единой точки зрения.

Но вот что поразительно: в то же время подавляющая часть немецкого крестьянства и многие горожане были крепостными – и это не вызывало того «водопада», о котором пишет Гретц. А ведь они исповедовали ту же религию, говорили на том же языке и во многих других отношениях были для немецких (да и французских) просветителей гораздо ближе евреям, так что и тяжести их жизни должны были бы ярче и острее восприниматься. Таким образом, кроме указанных общих причин действовали и какие-то другие, определявшие именно этот

особый объект сочувствия. Одна из них очевидна: все усиливающееся влияние евреев на финансы и экономику страны и их стремление упрочить это влияние, добившись одинаковых прав с остальным населением. Возможности их были действительно велики. В сочинении «Прусская монархия» Мирабо пишет:

«Единственные торговцы и фабриканты, располагающие в прусских провинциях большими состояниями, — евреи. Среди них есть миллионеры».

И Гретц подтверждает, что богатства евреев в Берлине далеко превосходили богатства христианских бюргеров. Поэтому можно не удивляться, что Мирабо, ненадолго посетив Пруссию, так чутко воспринял проблему еврейского равноправия: он был кругом в долгу у еврейских ростовщиков. Также и Лессинг, написав пьесу «Евреи», вскоре получил доходное место в считавшемся малочистоплотным деле по чеканке монеты, находившемся в руках у банкиров Эфраим. Когда же он писал своего «Натана», ему выдал аванс еврейский купец Мозес Весели из Гамбурга. По этим отдельным штрихам можно представить себе ситуацию в более широком масштабе. «Лица свободных профессий» — писатели, журналисты, актеры были тогда очень мало обеспечены, и финансовая поддержка для них значила чрезвычайно много. Да и владельцы князья тоже были восприимчивы к подобным аргументам. Например, в начале XIX века банкир из Франкфурта-на-Майне Амшель Ротшильд уплатил великому герцогу Дальберту 400 000 гульденов, за что тот предоставил франкфуртским евреям равные права с остальным населением.

Но можно увидеть и другую причину, вызывавшую все это движение. Всякий раз, как выступает

идеология, враждебная традиционной, стремящаяся ее развенчать и основать понимание жизни, исходя не из исторических корней народа (а, например, на логике, разуме, как в эпоху Просвещения), ей естественно искать союзника в том мировоззрении, которое никак, ни одной ниточкой с этими корнями не связано, скорее им враждебно. Его и находят в иудаизме и еврейской традиции. Так и во время пуританской революции в Англии возникает какое-то загадочное тяготение к иудаизму – чисто идеологическое, так как евреи были изгнаны из Англии в XIII веке. Кромвель мечтал о слиянии Ветхого и Нового Завета, еврейского избранного народа и пуританской общины. Пуританский проповедник Натаниэль Хомезиус провозгласил, что хотел бы, как раб, служить Израилю. Члены крайнего течения того времени – левеллеры – называли себя иудеями. Офицеры Кромвеля предложили ему составить Государственный Совет из 70 членов, в подражание Синедриону. В парламент был внесен проект о переносе праздничного дня с воскресенья на субботу, а член парламента анабаптист Гарриссон со своей группой требовал введения Моисеева Закона в Англии.

Если в Англии XVII века это течение не было связано с реальными еврейскими интересами (попытку еврейского банкира из Амстердама Монассии Израэля добиться переселения в Англию большой группы евреев, Кромвель отклонил), то в Европе XVIII века (и особенно в Германии) оба стимула действовали одновременно. Европейские «свободомыслящие» видели в евреях союзников в своей борьбе против «предрассудков старого общества», «мрака христианства», «засилия попов». В Германии начинается «эпоха салонов». Богатые еврейские дома превращаются в центры, притягивающие представителей аристократии, писателей, философов, актеров,

проникнутые идеями просвещения. Самыми влиятельными были берлинские салоны Генриетты Герц и Рахель Левиной. Салоны Доротеи Фейт, Марианны Меир и др. пользовались несколько меньшим успехом. Здесь бывали аристократы, члены королевского дома, даже кронпринц, государственные деятели, дипломаты, ученые, писатели, философы: Шлейермахер, Фуке, Шамиссо, Шлегель, Александр и Вильгельм Гумбольдты. В Вене таким был салон Фанни Итциг, дочери банкира Итцига и жены произведенного в бароны Натана Аронштейна. Во время Венского конгресса у нее собирались дипломаты всех стран. В салонах возникла лаборатория, выработывавшая общественное мнение: тот, кто был своим человеком в этих салонах, мог рассчитывать на теплые отзывы прессы; когда он ехал в другой город, его снабжали рекомендательными письмами. Здесь создавались репутации и устраивались карьеры. Например, из этих салонов пошла слава молодых Гейне и Берне. Уже в конце «эпохи салонов» Берне писал:

«Удивительно, что здесь действительно только евреи или крещеные евреи держат открытые дома, а христиане – нет. Богатых христиан мало, а чиновники для этого не имеют денег».

Успех этой деятельности сказался прежде всего не в завоевании евреями политических прав, а в быстром росте их влияния на культурную жизнь и идеологию общества. Немецкие школы и университеты стали открывать свои двери евреям. Появилась и еврейская (написанная для еврейского читателя) литература на немецком языке. Влияние евреев в образованном немецком обществе характеризует, например, то, что в 1788 году при исполнении «Венецианского купца» знаменитый

тогда актер Алек начал с пролога, в котором заверял публику, что актеры отнюдь не хотят давать пищу старым предрассудкам. Фихте писал и 1793 году:

«Я знаю, что во многих ученых обществах считается возможным нападать и на нравственность, и на религию – только не на еврейскую нацию».

Действительно, отрицательные высказывания в адрес евреев стали уже и не безопасны. Так, в 1803 году Вильгельм Гратенауер опубликовал брошюру «Против евреев. Слово предостережения всем нашим христианским согражданам», в которой высказывался против предоставления евреям равноправия. Конечно, появилось несколько возражений. Государственный канцлер пишет премьер-министру, что, по его мнению, брошюру Гратенауера не следовало публиковать. И вот в сентябре 1803 года появляется указ короля Фридриха Вильгельма III, запрещающий обсуждать еврейский вопрос в печати. Тем самым Гратенауер лишается возможности ответить на нападки, которым он подвергся. Все его просьбы разрешить ему опубликовать ответ остаются безрезультатными. Премьер пишет канцлеру, что, по его мнению, статья Гратенауера была отвратительной. В 1804 году его увольняют из суда, где он служил. С большой семьей Гратенауер остается без всяких средств к существованию, и одновременно все его кредиторы предъявляют ему иск. В заключение его избili на улице...

Дело с предоставлением евреям политического равноправия двигалось медленнее. В Англии в 1753 году парламент принял закон, разрешающий евреям (т. е. лицам иудейского вероисповедания) натурализоваться в Англии и приобретать английское гражданство.

Однако это решение вызвало столь многочисленные и бурные протесты, что правительство, опасаясь исхода предстоящих выборов, провело через парламент новый билль, отменяющий только что принятый. Французская революция с ее принципами равенства и братства, естественно, породила у евреев надежды на приобретение равноправия. В основных провинциях Франции число евреев было очень не велико – около 10 тысяч, но в примыкающих к Германии Эльзасе и Лотарингии их проживало около 40 тысяч. Обращенная в Национальное Собрание просьба евреев о предоставлении им равноправия натолкнулась на сопротивление депутатов от Эльзаса и Лотарингии, наказания которых требовали от них бороться против этой меры. Обсуждения возобновлялись несколько раз и были очень бурными. Статья Еврейской энциклопедии сообщает об особых наказаниях от городов Эльзаса и Лотарингии. Так, наказ от граждан Метца содержал жалобы на «вред, происходящий от евреев»; Страсбург требовал особых правил для еврейской торговли; Гаген – законов против еврейских ростовщиков; Нанси, Номени, Диез и Миркур – ограничения числа евреев в области и т. д. В 1789 году решение о предоставлении равноправия не прошло одним голосом. В прениях аббат Мори говорил: «Евреи – люди и, следовательно, наши братья. Пусть же им покровительствуют, как людям вообще, но не как французам». Вопрос опять дебатировался в 1790 году, и предоставление равноправия опять было отклонено. Предоставление равноправия поддерживал клуб якобинцев и Коммуна. Оно было провозглашено декретом от 27 сентября 1791 года, хотя одновременно был принят и декрет о пересмотре долгов еврейским ростовщикам. То же положение сохранилось и в Конституции эпохи консульства и в начале Империи. Во время

революционных и наполеоновских войн эмансипация распространялась и на другие завоеванные Францией или находящиеся под ее влиянием территории. Так, она охватила всю Германию, закон об эмансипации евреев в Пруссии, в частности, был принят в 1812 году. Идею предоставления евреям полного равноправия поддерживал влиятельный канцлер Гарденберг.

Такие бурные изменения, как всегда, вызвали и реакцию – как идейную, так и политическую. Например, Фихте писал в 1793 году: «Почти все страны Европы охватывает мощное, враждебно настроенное государство, находящееся в состоянии войны со всеми остальными государствами, и в некоторых из них чудовищно угнетающее граждан... Это государство основано на ненависти ко всему человеческому роду». Такой идеологической реакции на эмансипацию параллельна позиция практического и прагматического деятеля Наполеона. В 1806 году он созвал заседание Государственного Совета для обсуждения вопроса о положении евреев во Франции. Поводом были жалобы на то, что в Эльзасе еврейские ростовщики и спекулянты оказались хозяевами почти всех земель и скота (даже Гретц допускает, что «некоторые еврейские ростовщики, возможно, проявили большую жесткость»). Наполеон сказал:

«Французское правительство не может быть равнодушным к тому, что нация, способная на любые низости, стала безраздельно господствовать над двумя прекрасными департаментами Эльзаса... Целые деревни обращены евреями в свою собственность, они заменили феодалов... Они рискуют однажды быть перебитыми возмущенным населением Эльзаса, как это уже столь часто случалось, и почти всегда по их вине.

Опасно оставлять ключи к Франции: Эльзас и Страсбург в руках нации шпионов, нисколько не связанной к этой стране.

Это нация внутри нации... Евреи не относятся к той же категории, что протестанты и католики. Они должны быть подчинены политическому праву, а не гражданскому праву, так как они не граждане».

В результате права евреев во Франции были ограничены законом от 30 мая 1806 года. Евреи, не жившие в департаменте Верхнего и Нижнего Рейна, не могли в них селиться. В других департаментах они могли селиться, только если приобретали землю и занимались земледелием. Они лишались права выставлять заместителей по рекрутскому набору. Статья 18 говорила:

«Настоящий декрет имеет силу в течение 10 лет, так как мы надеемся, что по истечении этого срока не будет разницы между евреями и другими гражданами. Если же наша надежда нас обманет, то срок действия декрета будет продлен на столько, на сколько мы найдем нужным».

Поражение Наполеона привело к тому, что права, предоставленные евреям в других странах, были взяты назад почти повсюду. Но это была попытка бороться с общей тенденцией истории. С каждой революцией (1830, 1848 гг.) права евреев увеличивались – и это было связано с тем, что евреи революции энергично поддерживали. В Англии равноправие было предоставлено в 1825 году, тогда же в Португалии, в Бельгии – в 1830, в Канаде – 1832 году. В Германии революционный франкфуртский парламент принял закон об эмансипации в 1848 году (он был распространен в том же году на Кас-

сау и ГанOVER, в 1861 г. – на Вюртемберг, 1862 г. – на Баден, 1868 г. – Саксонию и с образованием в 1870 г. Германской империи – на всю нее). В Дании равноправие было дано евреям в 1849 году, Норвегии – 1851, Швеции и Швейцарии – 1865, Испании – 1858, Австро-Венгрии – 1867, Италии – 1870, Болгарии – 1878, Турции – 1908, России – в феврале 1917 года.

Еврейская эмансипация является поразительным историческим явлением. В исторически очень короткий срок (один век) большой слой европейского еврейства отказался от своего образа жизни, как бы специально созданного, чтобы отгородить его от других народов, и принял образ жизни окружающего европейского населения. Создается впечатление, что история сжимала пружину отчуждения вокруг еврейства, чтобы тем сильнее дать ей распрямиться. Это был переломный момент в истории взаимоотношений евреев с другими народами. Может ли такой внезапный переворот быть полностью объяснен ростом экономического влияния и более тесными экономическими связями, на которые мы указывали в начале параграфа? Вряд ли! Богатым, а особенно богатейшим евреям эмансипация не очень-то была нужна. Например, основатель банкирского дома Ротшильдов, Амшель Ротшильд, был принят при дворе в Вене, при этом подчеркивая свою верность всем ортодоксальным ритуалам – и это вызывало некоторое любопытство, но и уважение. От эмансипации выиграли, скорее, бедные евреи типа Мендельсона.

Очень скрупулезный исследователь духовной жизни еврейства Гершом Шолем положил начало изучению другого, религиозного и духовного, аспекта этого движения. Он связан с одним религиозным движением того времени, с так называемым саббатизмом. В 1665 году еврей из Малой Азии Саббатай Цви объявил себя Мес-

сией и имел довольно большой успех, вызвал значительное движение, причем не только в Османской империи, но и в Европе. Многие евреи в Амстердаме и Гамбурге продавали свое имущество, чтобы отправиться на Восток и примкнуть к новому Мессии. Были распространены различные ожидания, связанные с 1666 годом. Но существовало течение, которое, основываясь на книге Зогар, предсказывало появление Мессии в 1648 году – время успеха Саббатая Цви. Это было время всеобщих религиозных исканий: в Германии только что кончилась 30-летняя война, в Англии начиналась революция, в России назревал раскол. Мистические течения разных стран и народов влияли друг на друга. Секретарь Лондонского Королевского Общества Ольденбург писал Спинозе: «Здесь все говорят о возможности возвращения евреев на свою родину... Если эти надежды сбудутся, то это произведет переворот». На волне этого возбуждения Саббатай Цви направился в Турцию, чтобы обратиться к своему веру султана. Но там он был схвачен турецкими властями, посажен в тюрьму, в результате отрекся от своих притязаний и даже перешел в ислам, приняв имя Мухамед Эфенди. Новое направление всему течению дал известный тогда молодой талмудист Натан из Газы. Он выдвинул мистическую концепцию, согласно которой Мессия, прежде окончательного торжества, должен совершить труднейший из своих подвигов: сойти в царство Зла и Нечистоты, чтобы извлечь плененные там божественные «искры». Этот подвиг совершил, по его мнению, Саббатай Цви, не только не опровергнув этим, но именно подтвердив свое избранничество. Более радикальные выводы из этого учения заключались в том, что все евреи должны стать марранами (марраны – испанские евреи, внешне принявшие христианство, но тайно продолжавшие следовать иудаистическому Закону).

Все должны спуститься в бездну Зла, чтобы преодолеть его изнутри. Последователем этого учения был еврей из Салоник Яков Франк, переселившийся в часть Польши, принадлежавшую Австрийской империи, основатель секты «франкистов». (Франками назывались в Турции евреи из Салоник, так что его имя собственно означает «Яков из франков».) Следуя примеру Цви, Франк принял католицизм вместе с большой группой последователей, которые все получили польское дворянство высокого ранга. Он учил, что теперь отменяется старая Тора, грех может быть свят, приобретает новый смысл высказывание Мишны, что Бога надо почитать и «дурными страстями». Каждый должен взять на себя грех марранства, сердце и уста не должны говорить одно и то же. Франк учил: как праотец Иаков обманул своего отца, надев звериную шкуру, так и мы должны надеть одежду христианина, чтобы быть успешнее в нашем обмане. То, что в учении саббатиан называется «бездной Зла и Нечистоты», вполне соответствует представлению ортодоксального еврейства об окружающем мире и населяющих его народах. Тогда «погружение в Бездну» представляется мистическим аналогом эмансипации, ее духовным предвидением. Или, наоборот, эмансипация – практической реализацией мистического видения.

Близкую мысль высказывает Гершом Шолем. Он считает, что саббатианство сыграло большую роль в подготовке реформы иудейства и приобщения его к идеям просвещения в XIX веке. Шолем пишет: «Теперь стремление к революционизированию не должно было искать выхода в практике “святого греха”, но могло найти выход в перестройке жизни».

Сам Франк известен только как пророк или идеолог. Приняв католичество, он продолжал проповедовать свое учение, имел последователей, тайно следовавших

его доктрине, но принадлежавших и к ортодоксальному иудаизму. Его учение было смесью иудейской мистики с нигилизмом: предсказаниями и призывами к уничтожению, нисхождению в бездну так, чтобы ниже уже нельзя было опускаться. Он учил, что пути вверх и вниз сходятся, святое и грешное не различаются (в частности, это выражалось в нарушении сексуальных норм). Хотя сам Франк периодически посещал мессу, его учения всплыли наружу, и он был приговорен к заключению в крепость в Ченстохове. Оттуда его освободила война, и после очередного раздела Польши он переселился в местечко Офенбах в Австрии. Он умер в 1788 году и еще перед смертью говорил: «Я пришел, чтобы освободить мир от всех законов и заповедей. Все должно быть разрушено, чтобы бог явился». Уже поколение младших последователей Франка принимало участие в движении эмансипации. Это, как говорят исследователи, является сильным затруднением при исследовании всего течения. Именно желая быть настоящими «просвещенными» (в принятом тогда смысле этого слова) европейцами, они не только стремились всячески скрыть свои франкистские истоки, но и даже уничтожили ряд франкистских документов, стыдясь их мистического радикализма.

Шолем детально восстановил биографию одного такого выходца из франкистской среды Мозеса Добрушка. Он родился в 1753 году от родителей, связанных с франкистской средой (или даже прямо принадлежавших к секте). Он, во всяком случае, приходился родственником Франку. В 1775 году он крестился вместе с несколькими братьями и сестрами (может быть, под влиянием франкистских идей). При этом он принял имя Франца Томаса Шенфельда (а его жена Элька – Вильгельмины). Крещение, видимо, не нарушило его тесных связей с франкистами. Он играл видную роль в поставках в австрий-

скую армию, что говорит о его значительном состоянии. Состоятелен был и его отец, вместе с Франком, Поппером и Хенигсбергером имевший монополию на всю табачную торговлю в Австрии. На период после крещения приходится активная деятельность Шенфельда-Добрушки в распространенном тогда масонском ордене «Азиатских братьев». Видимо, благодаря ему был открыт доступ евреям в этот орден (в то время как раньше германское масонство было закрыто для евреев). В те времена участие в масонских ложах было очень существенным этапом при вхождении в «просвещенную» европейскую среду. Другим активным деятелем того же ордена был Гиршфельд. С другой стороны, под их влиянием орден воспринял такие иудаистские элементы символики, как шестиконечная звезда и семисвечник.

Тут наступает некоторый оставшийся загадочным эпизод. В 1788 году умирает Франк. В кругах его сторонников распространяется слух, что его наследником будет Добрушка. Неясно, то ли ему это положение предлагали, но он отказался, то ли он его добивался и не получил. В любом случае его судьба радикально меняется: он уезжает во Францию и принимает опять новое имя – Юниуса Фрея. Там он отдается революционным идеям (но и спекуляциям). Он держит дом на широкую ногу, его сестра выходит замуж за ближайшего соратника Дантона – Шабо. Но когда кружок Дантона был разгромлен, с ними погиб и Добрушка. Он был гильотинирован в 1794 году. Во избежание недоразумений следует заметить, что это был единственный еврей, про которого известно, что он играл активную роль во Французской революции. Но символическую тонкую нить можно проследить: классический иудаизм – саббатрианство – идеология европейского Просвещения – Французская революция.

Глава 8
Золотой век ассимиляции
(От наполеоновских войн
до Первой мировой войны)

XIX век (а точнее, период, указанный в заголовке этой главы) является периодом массового вхождения западноевропейского еврейства (а к концу века – восточно-европейского) в европейскую культуру. Это эпоха усвоения подавляющим большинством еврейства европейского образа жизни, в основном, еще ничем не омраченного вхождения евреев и все растущего их влияния почти во всех сферах деятельности европейского общества. Казалось, что изолированности еврейства в европейском обществе приходит конец, хотя предвестники заложенных в этом процессе трудностей появились тогда же.

Можно все же выделить несколько областей, в которых еврейское влияние становится особенно заметно и эффективно. Особенно важно, что к традиционной сфере приложения еврейских сил – финансам – присоединяются новые: искусство (особенно литература) и пресса. Благодаря этому еврейское влияние перестает быть внешним, центр тяжести переносится на идеологию, точкой приложения этого влияния становится не столько материальная, сколько духовная жизнь европейских народов.

О большом количественном участии евреев в западноевропейском искусстве можно судить по знаменитым, всем известным именам. Таким, например, как композиторы Мейербер, Мендельсон, Малер. В более легком и доходчивом стиле по всей Европе гремел Оффенбах (а либретто его опереток писал Галеви). Мировой славой пользовались великие актрисы Сара Бернар и Рашель. Но, пожалуй, наиболее сильным было влияние евреев

в литературе, и наиболее ярким эпизодом – их участие в течении немецкой литературы, сложившемся в 20-е годы и получившем название «Молодой Германии». Историк немецкой литературы Бартельс говорит о нем:

«“Молодая Германия” – это по существу берлинско-еврейский продукт, возникший в салоне Рахель Левин».

Самыми известными деятелями этого течения были Генрих Гейне и Людвиг Берне (Леб Барух).

В Гейне особенно ярко проявились те противоречия, с которыми приходилось сталкиваться европейским писателям-евреям. С одной стороны, был вынужден творить и добиваться успеха в немецком национальном искусстве как немецкий поэт, пишущий на немецком языке. Его яркий талант мог проявиться только в этой форме, а талантливость его несомненна – недаром его переводили и Лермонтов, и Тютчев. Но, с другой стороны, он был продуктом еврейского духовного мира, и еврейские традиции не только мешали ему стать выразителем немецкого мироощущения, но и отталкивали от него. Не обладая непосредственными чувствами, открывающими красоту немецкой природы, языка и культуры, он вынужден был воспринимать их через других. Так, он писал своему другу Мозеру:

«Я могу передавать только восприятие прекрасного другими людьми».

Благодаря этому его стихи лишались непосредственности, были часто подражательными. Даже знаменитая «Лорелея» по фабуле, образам, ритму почти точная копия стихотворения Brentano. Те же причины

приводили к тому, что в стихах Гейне такое место занимает высмеивание, переходящее в ругань, часто мало чистоплотную, – элемент, совершенно чуждый поэзии. Его поэмы «Аттатроль», «Германия. Зимняя Сказка» и др. – лишь зарифмованные фельетоны. Этот фельетонный стиль он первый внес в поэзию.

Гейне были присущи очень сильные еврейские национальные чувства, а в то же время он мог реализовать свой яркий талант только как немецкий национальный поэт. Это порождало в его душе раздвоенность и конфликт. Все это накладывалось на страстный и раздражительный темперамент и было источником чувства ненависти, все более подчинявшего себе поэта.

Два предмета ненависти всю жизнь мучили Гейне: немцы и христианство. Он упражнялся, придумывая для немцев клички пообиднее, которые приставали бы, как плевков, вроде «народ-лакей» или «народ-пудель» (Bedientenvolk, Pudelvolk). Он писал, например:

*«Геттингенские жители разделяются на студентов,
профессоров, филистеров и скотов. Все они не многим
отличаются друг от друга».*

Ведь это лишь другой способ сказать, что немцы – скоты. По существу – что в этом остроумного? Одно из его последних произведений, поэма «Германия. Зимняя Сказка» – кончается тем, что богиня города Гамбурга предлагает ему открыть будущее Германии, но вместо кофейной чашки гадает на ночном горшке. Не в силах выдержать этот «запах немецкого будущего», Гейне бежит. Не раз он высказывает мысль, что все его несчастья произошли из-за того, что борьба Германии за освобождение от Наполеона увенчивается успехом. Ватерлоо – вообще всемирно-историческая катастро-

фа: «Куда лучше, если бы поколотили нас». В письме к своему другу Сете он говорит:

«Все немецкое мне противно, а ты, к сожалению, немец. Все немецкое действует на меня как рвотное. Моим ушам отвратителен немецкий язык. Мои стихи противны мне, потому что они написаны по-немецки. Даже писание этого письма мне тяжело, ибо написание немецких букв болезненно действует на мои нервы».

Гейне крестился, как он говорит, «чтобы получить входной билет в европейскую культуру», и это сделало его положение еще более двусмысленным. Он писал своему другу Мозеру:

«Уверяю тебя, если бы закон не преследовал кражу серебряных ложек, я бы не крестился».

В дневнике он записал стихи:

«И ты приполз к кресту, который ты презирал, который еще несколько недель назад надеялся втоптать в грязь».

Его первая же трагедия «Альманзор» была, по его собственным словам, неудачной, так как уж слишком проникнута ненавистью к христианам. Первая попытка ее поставить кончилась скандалом. В письме Мозеру он говорит:

«Меня одновременно преследуют христиане и евреи. Последние за то, что я не отстаиваю их равноправие в Бадене, Нассау и других дырах. О, близорукие! Лишь у ворот Рима можно защищать Карфаген».

Кто же этот «Рим», от которого он хочет спасти «Карфаген»? Историк Трейчке приводит слова Гейне:

«Есть такие разновидности идей-насекомых, которые долго смердят, если их раздавить. Таково христианство. Этот духовный клоп был раздавлен 1800 лет назад (распятие Христа?!), а до сих пор отравляет нам, бедным евреям, воздух».

Национально-еврейские чувства так часто прорывались в течение всей его жизни, что, несомненно, некоторые презрительные выпады против еврейства (обязательно уравнивавшиеся такими же выпадами против христианства, вроде: «Раввин и капуцин одинаково воняют») не были искренними. Он писал, например:

«О Моисей, рабби Мойше, великий борец с рабством, дай мне гвозди и молоток, чтобы я смог прибить уши наших уютных рабов в черно-красно-золотой ливрее к Бранденбургским воротам».

Или уверял, что если бы на свете остался только один еврей, то каждый должен был бы почесть за счастье ехать 100 часов, чтобы только пожать ему руку. Он пишет другу:

«Любовь к строгому и последовательному раввинистическому духу уже много лет таится во мне».

Незадолго до смерти Гейне сказал: «Я вернулся к Иегове». Краткая еврейская энциклопедия так характеризует Гейне:

«Его произведения меньше всего представляют собой воплощение немецкого национального характера или духа».

Против этого трудно что-либо возразить, но мы сталкиваемся с загадкой, столь часто потом встречающейся, что сейчас уже и не кажется загадочной: как, какими методами и силами удалось выдать черное за белое? Убедить немцев, да и все человечество, что Гейне, враг всего того, что (правильно или неправильно) было дорого немецкому национальному сознанию, по его собственным словам, ненавидевший все немецкое, – был величайшим, да еще именно немецким поэтом?

Берне сейчас почти забыт, но тогда его имя проносилось наравне с именем Гейне (и оба были смертельными врагами, раздраженно понося друг друга, вытаскивая на всеобщее обозрение неприглядные подробности личной жизни соперника). Лишь с несколькими иными оттенками, Берне мучили те же проблемы, что и Гейне. Один из представителей «Молодой Германии» Вольфганг Менцель писал о нем:

«Для него оправдано все, что действительно как разлагающий Германию элемент. Он не говорит нам, что же он хочет основать, когда он все разрушит. Он думает, что об этом позаботятся французы. Нужно лишь сломать эту стену, сделать немцам все немецкое ненавистным, презренным, смешным, все французское желанным и помочь чем только возможно тому, чтобы французы стали господами Германии, сначала путем братания, потом – вторжения».

И действительно, Берне, например, всю жизнь ненавидел Гёте. Он писал:

«С тех пор как я себя помню, я ненавижу Гёте».

Он цитирует одно письмо, якобы полученное им:

«Этот Гёте – раковая опухоль на германском теле, а что всего хуже, все считают болезнь за высшее здоровье».

Берне комментирует:

«Как это все справедливо! (...) Гёте – король своего народа: свергнув его, легко справиться с народом».

С другой стороны, он делится своими мыслями:

«Дурные евреи не хуже дурных христиан (...). Они даже имеют то преимущество, что умнее их (...). У них есть кровь или нет ее, но у них нет водянистого сока улиток. Одним словом, они не филистеры. О, горе филистерам...»

В одном письме Берне рассказываете о юношеском переживании, по-видимому, сильно повлиявшем на его жизнь. Во время оккупации Германии французами он должен был куда-то ехать из родного Франкфурта и для этого получить паспорт. Французский офицер, взглянув на него, написал «еврей из Франкфурта».

«Кровь моя остановилась (...). Тогда я поклялся в сердце своем. Погодите! Когда-нибудь я вам пропишу паспорт, и вам, и всем прочим! И не правда ли, не правда ли, я свою клятву выполнил?»

В другом месте он пишет:

«Ничего не забыть, ничего не простить, никакого примирения, кладущего границу ненависти! Все наши мысли – с останками наших отцов. Лишь в будущем будем мы жить, лишь за будущее – умирать».

Поучительна оценка, которую Гретц дает в своей «Истории евреев» деятельности Гейне и Берне. Он сравнивает их с царями, пригоршнями бросающими золотые монеты – это их идеи.

«Они создали немцам элегантный язык, ясномудрый отточенный язык и открыли им храм свободы».

И это после Гёте, Шиллера и романтиков! Но еще своеобразнее характеризует он направление их деятельности:

«Правда, оба они внешне порвали с иудейством (крестились. – И. Ш.), но лишь как бойцы, схватившие оружие и знамя врага, чтобы его вернее поразить и уничтожить».

Кто же был этот враг: немецкий народ или христианство? Эпоха «Молодой Германии» породила самые знаменитые имена среди европейских писателей-евреев за весь XIX век. Но само еврейское влияние в литературе в последующие десятилетия не только не ослабло, но расширилось и углубилось. Бартельс, «Историю немецкой литературы» которого мы уже цитировали, относит за счет еврейского влияния создание «литературной индустрии», озабоченной лишь финансовым успехом и размерами тиражей, спекулирующей на низком вкусе широких кругов «высшей и средней черни»:

«Эту индустрию, тут не может быть сомнения, нам принесло современное еврейство, подчинившее себе немецкий театр и, в значительной степени, также прессу и создавшее в литературе мощную партию, с которой борьба просто невозможна».

Еврейское влияние в прессе возникло в эту же эпоху и позже оказывало (да и до сих пор оказывает) сильное влияние на жизнь. Уже после Мировой войны об этом писал (под псевдонимом Мейстер) экономический советник консервативной партии Германии Пауль Банг. Это влияние ярко обнаруживается уже в эпоху наполеоновских войн, когда в побежденной Германии появилась целая группа еврейских журналистов и издателей. Типичным примером может служить газета «Телеграф», которую в 1805 году издавал Ланге (Дэвидсон) – некогда близкий друг Лессинга. Позже он издавал «Немецкий Герольд» и «Новый Телеграф». В этих газетах высмеивались немецкие генералы и государственные деятели, даже королевский двор, включая королеву. Газеты эти отличались столь последовательной профранцузской ориентацией, что «Телеграф» считался почти французским официозом.

Другая группа немецко-еврейских журналистов во главе с Саулом Ашером и Эдуардом Итцигом была известна борьбой, которую они вели против немецких писателей-романтиков: Арнима, Brentано, Клейста. Их клеймили как реакционеров, мракобесов, лиц, неблагонадежных с точки зрения французских властей. Был даже пущен слух, что Клейст – душевнобольной. С каким раздражением говорит Гретц, описывая много лет спустя ту эпоху, об этих... (термин, вероятно, соответствующий «русопятам» в применении к русским) Арниме, Brentано, Фуке! Видно, как его возмущает, что они с симпатией относятся к немецкому Средневековью, христианству, Церкви.

Вот как возникла одна из влиятельнейших немецких газет «Франкфуртер цайтунг» (Франкфуртская газета). В 50-е годы банкир Розенталь начал издавать во Франкфурте «Деловое обозрение». Вскоре другой бан-

кир Леопольд (Леб) Зоннеман превратил его во «Франкфуртскую деловую газету». С 1866 года она стала называться «Франкфуртской газетой». Столь же влиятельная берлинская газета «Берлинер тагеблатт» была основана в 1871 году Рубеном Мозес. Орган демократической партии «Берлинер цайтунг» основал в 1877 году Ульштейн – еврейский предприниматель, разбогатевший на торговле и впоследствии создавший концерн «Ульштейн-прессе», которому принадлежали десятки газет – политических, рекламных, развлекательных.

До сих пор мы говорили в основном о Германии. Но и основатель агентства «Рейтер», которое у всех нас ассоциируется с Британией, родился в Германии, имел фамилию Иосафат и крестился уже взрослым. Одну из наиболее влиятельных газет Англии – «Дейли телеграф» – в 1855 году купил Иосиф Мозес Леви. Далее газетой владел его сын уже под фамилией Лоусон, а потом уже как барон Бернхам – до 1928 года. «Дейли экспресс» с 1904 года издавал Р. Д. Блюменфельд. В Италии до 1912 года редактором главного органа социалистической партии «Аванти» был еврей Тревес (в результате ожесточенной внутрипартийной борьбы в 1912–1914 гг. это место захватил Муссолини, но в 1914 г. Тревес опять его выжил). В США пресса еще больше, чем в Европе, находилась под еврейским влиянием. Например, одним из ведущих газетных боссов, создателем «желтой прессы» был Пулитцер, венгерский еврей, приехавший в Америку, не зная ни слова по-английски. (Теперь же его именем названа одна из наиболее престижных литературных премий). Адольф Охс владел газетой «Нью-Йорк таймс» с 1896 года, «Филадельфия таймс» – с 1901 года.

Весь мир испытал влияние таких идеологов, как Маркс и Фрейд. Множество евреев стало известно в на-

уке, например, физик Герц, экспериментально доказавший существование электромагнитных волн, ряд математиков – Якоби, Кантор, Кронекер и т. д.

Параллельно идеологическому непрерывно росло и экономическое влияние еврейства. Зомбарт приводит следующие цифры, относящиеся к Германии. В 1870-е годы в эпоху создания большого числа акционерных компаний из 25 самых больших кампаний 16 были еврейскими. В отдельных компаниях среди учредителей от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{4}$ составляли евреи. В 1911 году среди директоров наиболее крупных компаний евреи составляли $\frac{1}{8}$, среди членов наблюдательных советов – $\frac{1}{3}$. В населении же страны они составляли менее 1%. По данным о доходах, вычисленным на основании взимаемых налогов, доходы евреев примерно в 3–4 раза превосходили доходы христиан.

Неудивительно, что в области, где влияние евреев было особенно велико, – финансах – оно еще усилилось. Так, центральный немецкий банк – Райхсбанк – был частным предприятием, находящимся лишь под наблюдением Министерства финансов. Он был основан в 1873 г. 15 лицами, из которых 11 были евреями, а именно: Беренд, Мейер, Блейхредер, Гельпке, Мендельсон, Оппейнгейм, Плаут, Ротшильд, Штерн, Варшавер и Цвихер.

Конечно, все эти процессы были связаны с резким увеличением числа евреев в образованных слоях общества. Тот же Зомбарт сообщает, что, например, из христиан на каждые 10 000 человек населения высшие классы гимназии посещает 61 ученик, из евреев – 385 (по Пруссии). Он пишет:

«Этим цифрам соответствует и их реальное участие в нашей духовной и культурной жизни. Нечего и говорить, что наш художественный, литературный, музыкальный

рынок, наш театр, если еще не полностью в их руках, то находится под их существенным, можно смело сказать, решающим влиянием».

Громадный вес евреев в культуре, прессе, экономике, конечно, отражался на их общем положении и их влиянии на другие стороны жизни. Знаком этого было, например, торжественное празднование в 1905 году 250-летия поселения евреев в США. Президент Теодор Рузвельт обратился к комитету по празднованию с письмом, в котором он говорил:

«Я считаю, что можно с уверенностью сказать: очень немногие нации в нашей стране, а может быть, и ни одна другая – прямо или косвенно оказали столь сильное влияние на формирование американского образа жизни».

Вейцманн вспоминает, что перед Первой мировой войной в итальянском кабинете министров было четыре еврея: Лузатти (премьер), Оттолонги, Соннино и Титани. Кроме того, еврей был мэром Рима. Другой, не внешне торжественный, а обычно скрытый аспект этого влияния можно обнаружить, например, в мемуарах крупного немецкого дипломата эпохи перед Первой мировой войной фон Эккардштета. Он рассказывает, как, будучи немецким послом в Англии, сблизился с главой дома Ротшильдов – бароном Альфредом Ротшильдом. Последний был очень враждебно настроен против «москвитов» из-за «варварского обращения русских властей с евреями».

«Если речь шла о том, чтобы помешать тайным интригам русской дипломатии, то Альфред Ротшильд, с его большим влиянием, всегда был к услугам».

В частности, по словам автора, Япония очень колебалась перед вступлением в войну с Россией из-за своей финансовой слабости.

Английское правительство предпочитало сохранять нейтралитет и не покровительствовало крупным займам для Японии. Тогда Экардштет свел японского посла в Лондоне графа Хаяши с Ротшильдом. Последний заверил графа в своих симпатиях делу Японии и в том, что японское правительство может рассчитывать на поддержку дома Ротшильда. По мнению автора, это сыграло решающую роль в решении Японии начать войну.

Влияние евреев на политику США можно представить себе по эпизоду, о котором мы вскользь упоминали в гл. 1. В 1910 году в прессе США была поднята яростная кампания против русского правительства, ограничивающего въезд в Россию евреев – американских граждан. (Хотя в то же время пресса писала о бедственном положении евреев в России, и непонятно было, зачем же евреям туда стремиться.) В качестве ответной меры требовали расторжения русско-американского торгового договора. В начале 1911 года президента Тафта посетила делегация влиятельных евреев во главе с крупнейшим финансистом Яковом Шиффом, директором банка Кун, Леб и К°. Президент сообщил делегации, что согласно данным американского посла в России, русское правительство ограничивает въезд евреев, так как большей частью речь идет о недавно эмигрировавших из России евреях, которые хотят теперь вернуться в качестве американских граждан, чтобы не быть ограниченными чертой оседлости. По мнению президента, каждая страна имеет право сама формулировать свою иммиграционную политику. Возмущенный Шифф отказался на прощание пожать руку Тафту.

Уходя, он воскликнул: «Итак, это война!» Для победы в этой войне потребовалось 10 месяцев. В конце 1911 года обе палаты Конгресса предложили президенту расторгнуть русско-американский договор, и он подчинился. На следующий год организация еврейского масонства (или построенная по масонскому типу) в США – орден Бнай Брит – вручила президенту Тафту медаль «как человеку, сделавшему в прошедшем году больше всех для блага евреев». Все же в следующие выборы (1913 г.) Тафт не был переизбран.

Ситуацию в Англии характеризует долгий спор в связи с проблемой избрания евреев в парламент. Он тянулся с 1829 до 1858 год и был связан с тем, что евреи отказывались произносить присягу, содержащую слова «по истинной христианской вере». В результате текст присяги был изменен, чтобы быть приемлемым и для иудаистов, и барон Ротшильд занял место в парламенте.

И непосредственно среди руководителей политики большинства европейских государств роль евреев была значительна. Так, в Германии ряд руководителей либерального движения, начавшегося с революции в 1848 года, были евреи. Например, Габриэль Риссер участвовал в «Предпарламенте» и Учредительном собрании, позже – в Эрфуртском парламенте. Людвиг Бамбергер был одним из создателей либеральной партии, впоследствии они с Эдуардом Ласкером создали прогрессивную партию. Генрих Фридберг много лет был министром кайзера, Рудольф Фриденваль был одним из основателей свободной консервативной партии Пруссии.

Громадное влияние на политическую жизнь Англии оказал Д'Израэли, крещенный отцом в молодости. Он был не раз премьер-министром и министром

финансов. Долгое время он стоял во главе консервативной партии и движения «Молодая Англия». Под конец жизни королева пожаловала ему звание лорда Биконсфильда. Премьером Италии был Лузатти. Во Франции многократно министром был Кремье, в то же время крупный национальный еврейский деятель – создатель Всеобщего еврейского союза. Будучи министром внутренних дел, Кремье предоставил французское гражданство жившим в Алжире евреям в то время, как алжирские арабы его не получили. Это стало существенным фактором в отчуждении Алжира от Франции, которое в XX веке привело к кровопролитной войне и отделению Алжира.

Крупнейшие европейские страны поддерживали предоставление равноправия евреям в других государствах. Так, на Берлинском конгрессе 1878 года Франция и Германия поставили условием признания независимости Сербии, Болгарии и Румынии принятие «свободы вероисповеданий». От имени Англии Д'Израэли потребовал распространить этот принцип на все части Оттоманской империи, «требующие помощи от великих держав». По контексту ясно, что речь шла о правах именно евреев. Возражая, князь Горчаков говорил:

«В Сербии, Румынии, как и в России, евреи представляют опасность – они не похожи на парижских, лондонских, берлинских и венских евреев, и уравнивание их в правах вызовет вредные для страны последствия».

Требование Франции и Германии было принято конгрессом.

Как же сложились отношения между евреями и народами, среди которых они жили в этот век, когда

все пути в жизни оказались им открыты? Многие высказывали надежду, что «еврейский вопрос» перестал существовать, что ассимиляция евреев осуществлялась или же осуществится полностью в ближайшее время.

Действительно, росло число смешанных браков. Так, число еврейских смешанных браков в Пруссии составляло в 1880 году – 10%, в 1890 – 13%, в 1913 году – 20% от числа чисто еврейских. В книге о будущем евреев Зомбарт сообщает, что в 1905–1906 годах они составляли 22% от чисто еврейских браков. Появилось так называемое реформационное течение в иудаизме, определявшее принадлежность к еврейству как отношение к вероисповеданию, а не нации. Они провозглашали, что евреи – это граждане «моисеева вероисповедания» той или иной страны. На Франкфуртском съезде раввинов этого направления было постановлено, что еврей имеет право жениться на христианке, признающей единобожие. Многие евреи принимали христианство. Например, в Вене в 1868 году было 2 случая крещения евреев, в 1875 – 65, 1880 – 113, 1885 – 255, 1904 году – 617. В некоторых областях Австро-Венгрии еврейский язык (идиш) был признан государственным языком.

Но можно было увидеть и признаки того, что положение не столь идиллично. Так, известный немецкий историк Трейчке в своей «Истории Германии в XIX столетии» посвятил целый раздел еврейскому влиянию после освобождения Германии от Наполеона. Он говорит о «скороспелых еврейских талантах, верховодивших в ежедневной прессе»:

«Они гордо демонстрировали свою еврейскую оболоченность и одновременно претендовали на роль руководителей немецкого общественного мнения.

Разрушительное и озлобляющее действие радикального еврейства было тем опаснее, что немцы долгое время заблуждались по поводу духа этой новой литературной силы. Они безоговорочно принимали за немецкое просвещение то, что на самом деле было еврейской ненавистью к христианству и еврейским космополитизмом».

По-видимому, после революционных переворотов 1848 года, затронувших почти всю Европу, впервые стали говорить о *еврейском засилье в прессе*. Так, В. Эбеллинг в своей книге «О литературе и истории» пишет о венской прессе:

«Бросалось в глаза еврейское засилье. Из 80 литераторов, с которыми я встречался, 57 были “нашими”. Но такова была политическая жизнь во всей Европе в 1848 года».

В Германии образовалось широкое движение под лозунгами борьбы с «еврейским засильем» в прессе и финансах. Трейчке писал:

«Нынешняя агитация правильно уловила настроение общества, считающего евреев нашим национальным несчастьем».

Именно это движение и называло себя «антисемитским»; видимо, тогда этот термин впервые и возник. Движение было влиятельным, его активно поддерживал даже придворный проповедник Штекер. Была создана «Антисемитская лига», собравшая 250 000 подписей под петицией рейхстагу с требованием определенных ограничений евреев. Рейхстаг, однако, это требование не принял. Один из идеологов того времени

В. Марр написал брошюру «Победа еврейства над германством», где он утверждал, что мир уже завоеван еврейством, причем побежденным даже запрещается об этом говорить. Единственная еще непобежденная и борющаяся страна – Россия, но соотношение сил таково, говорит он, что исход борьбы предрешен. Против России будут брошены все силы, и из нее сделают архимедовскую точку опоры, чтобы перевернуть мир.

В Англии вплоть до начала XX века возникали антиеврейские народные волнения. Например, в 1911 году они захватили весь Уэллс, где были разгромлены многие еврейские предприятия и магазины.

Во Франции в 1881–1882 годах выходили журналы «Антиеврей» и «Антисемит». Прудон сказал по поводу революции 1848 года: «Мы поменяли евреев». В связи с «делом Дрейфуса» во Франции вспыхнула волна яростных антиеврейских настроений. Офицер генерального штаба Дрейфус был осужден в 1894 году по обвинению в передаче военных секретов Германии. Позже начались протесты и обвинения, что дело было сфабриковано. Общественное мнение раскололось. С одной стороны, раздавались обвинения в антипатриотизме, желании унижить армию, с другой – в милитаризме, реакционности и антисемитизме. Вопрос о виновности или невиновности Дрейфуса превратился в вопрос партийной борьбы. В конце концов победили «дрейфусары», Дрейфус сначала был помилован, потом реабилитирован, награжден орденом и получил чин майора. В результате сменился целый слой политической верхушки. Этот переворот нельзя рассматривать в отрыве от предшествовавшего ему «дела», тоже потрясшего Францию, – «Панамы». Акционерная компания для строительства Панамского канала распродавала акции на громадные, не обеспеченные суммы и за взятки до-

бивалась правительственной поддержки. Когда разразился скандал, выяснилось, что взятки брали министры, депутаты парламента, большая часть прессы. Одним из инициаторов разоблачения был журналист Дрюмон, издатель газеты «Свободное слово», в которой он также вел яростную антиеврейскую кампанию, и автор книги «Еврейская Франция». И оказалось так, что главными руководителями аферы были: барон Рейнах (родом из Гамбурга) и Эмиль Артон (Аарон), помощником которого был Исаак Бланк. Выяснилось, что за 8 лет компания вытянула из карманов обывателей более 1300 млн франков, $\frac{1}{2}$ млн человек были разорены. Основные виновники ушли от наказания (барон Рейнах загадочно скоропостижно скончался), но целый слой скомпрометированных политических деятелей, казалось, вынуждены были уйти из политики. Вот в результате победы в «деле Дрейфуса» большинство из них вернулось, наиболее известный из них Клемансо.

Но и с еврейской стороны высказывались иногда взгляды, дышащие духом Талмуда, зачеркивающие все достижения «века ассимиляции». В качестве примера, по-видимому, из числа самых крайних, приведем статью сиониста Клетцель, опубликованную незадолго до Первой мировой войны в журнале «Янус». Там говорится:

«Антисемитизму, ненависти к евреям, с еврейской стороны противостоит великая ненависть ко всему нееврейскому: как мы, евреи, о каждом нееврее знаем, что он где-нибудь в уголке души антисемит и должен им быть, так каждый еврей в глубочайшей основе своего существа ненавидит все нееврейское.

Эта великая “еврейская ненависть” один раз нашла в литературе воистину гениальное отражение: Шейлок

Шекспира. Сквозь все преувеличенное, соответствующее характеру комедии, мы видим главное: перед нами еврей и более того – ненавидящий еврей.

Конечно, никогда, может быть, не существовало еврея, жаждавшего куска мяса из груди Антонио. Наверняка, никакой еврей не одержим сейчас нероновскими мыслями: “Все бы нееврейское в одну шею – а нам бы нож в руки”. Наверняка, множество попыток “сближения”, “ассимиляции” столь же серьезно воспринимались с нашей стороны, как и трагические еврейские мысли – с другой стороны. Но несмотря на все это, ни для какого нееврея слово “еврей” не звучит безопасно, как и для каждого еврея слово “гой”, что не является оскорблением, но несомненным знаком разделения. Будем честны: нееврейство, как бы высоко мы ни ценили отдельного нееврея, как бы мы с ним ни дружили, нееврейство, как безличную массу, как дух, как сферу деятельности, культурное единство, каждый из нас ставит – кто может здесь возразить? – ниже еврейства! Я думаю, можно доказать, что в еврействе есть движение, являющееся зеркальным отражением антисемитизма. Это я и называю «великой еврейской ненавистью».

Я не уполномочен говорить от имени еврейства; возможно, на эти темы я еще ни словом не перекинулся ни с одним евреем; но это умолчание чисто юридического характера: на самом деле, ничто во мне так не живо, как эта уверенность, что если существует нечто, объединяющее евреев всего мира, так это вот эта великая, возвышенная ненависть.

Я думаю, я должен уточниться от того, чтобы указать научные основания, например, исторические или психологические. Я ощущаю эту ненависть, эту ненависть против чего-то безличного, неухватываемого, как часть моей природы, созревшую во мне, за развитие и рост которой я должен считать ответственным какой-то закон приро-

ды. Ибо это кажется мне ядром человеческого существа – осознать свою природу и стоять за нее.

Нас считают опасностью для Германии. Конечно, это так, это столь же достоверно, как и то, что немецкий дух – опасность для еврейского. Но можно ли от нас требовать, чтобы мы покончили самоубийством? В истине, что сильное еврейство опасно для всего нееврейского, никто не может сомневаться. Все попытки определенных еврейских кругов доказать обратное столь же трусливы, сколь и комичны! Но еще более странно выглядит, когда неевреи совершенно серьезно обращаются к нам с требованием отказаться от нашей естественной ненависти и ожидают от нас сдержанности, скромности и смирения».

Это, конечно, изолированное мнение. Но оно интересно как крайнее проявление разочарования в пути ассимиляции. Гораздо шире то же умонастроение проявилось в движении сионизма – стремлении создать свое, еврейское государство. Хотя идея возвращения в Палестину всегда бытовала в иудаизме, новое, всемирное движение создал Теодор (Вениамин Зев) Герцль. Он сам принадлежал как раз к типу ассимилированного еврея, был венским журналистом. Но во время дебатов по поводу «дела Дрейфуса» был парижским корреспондентом австрийской газеты «Нейе фрейе прессе», и увиденное им произвело переворот в его мировоззрении. В своей программной книге «Еврейское государство» он доказывает, что евреям никогда не удастся стать органичной частью европейского общества и единственный для них здоровый выход – создать собственное государство и жить, как другие народы. Он пишет:

«Никто не станет отрицать бедственное положение евреев. Во всех странах, где они живут в значительном

числе, их преследуют в большей или меньшей степени. Народы, среди которых мы живем, все вместе и каждый в отдельности – явные или скрытые антисемиты. После кратких периодов терпимости вражда против нас каждый раз снова просыпается.

С одной стороны, идет наша пролетаризация и обращение в революционеров, мы поставляем унтер-офицеров всех партий переворота, а с другой стороны, сверху, растет наша колоссальная денежная сила. Пусть нам дадут суверенитет над известным пространством земной поверхности, достаточным для удовлетворения справедливых потребностей нашего народа, обо всем остальном мы уже сами позаботимся».

Подходящим местом для такого государства он считал Палестину, но как возможный вариант рассматривал Аргентину или Уганду. Движение получило широкую поддержку и стало всемирным. 1-й международный сионистский конгресс собрался в 1897 году в Базеле, 2-й – там же в 1898 году. До Первой мировой войны уже состоялось 11 таких конгрессов. В 1897 году была создана Всемирная сионистская организация. Впрочем, уже с самого начала наметились разные формулировки целей движения. Так, влиятельный идеолог сионизма Ахад-Хаам (Гинцберг) писал:

«Неужели мы столько выстрадали... только затем, чтобы в конце концов основать крохотное государство? (...) Необходимо создать в Сионе духовный центр, который объединил бы духовными узами рассеянный народ. Для этого достаточно, если в Палестину переместится незначительная часть еврейского народа, хотя бы только один его процент...

...еврейская масса осуждена оставаться в рассеянии, и лишь избранные должны создать в Палести-

не культурный центр, из которого будет исходить свет ново-еврейского творчества».

Действительно, реальная сторона сионистской программы оставалась очень неопределенной. Если речь шла о помощи евреям, находящимся в наиболее тяжелом положении, то эмиграция, например, в США давала гораздо более реалистичный выход. Если же речь шла о том, чтобы собрать большую часть еврейского народа в Палестине в духе «исполнения обетования», то это была религиозная программа, связанная с явлением Мессии. Да и трудно себе представить (и до сих пор), как ее можно было бы реализовать. Палестина, безусловно, не могла пропитать такое число людей – это видно сейчас. Правда, в некоторых сионистских документах того времени говорилось о Палестине и прилегающих странах (например, азиатской Турции). В любом случае непонятно, как они могли бы жить, еврейские переселенцы, руководствуясь принципами иудаизма. Например, долгое время колонии в Палестине существовали на пожертвования барона Ротшильда – главы известного банкирского дома. Но что он сам-то стал бы делать в государстве, основанном на принципах иудаизма? Например, ввиду заповеди

«Не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что можно отдавать в рост».
(Втор 23:19).

Но, какими бы политическими целями ни руководствовались лидеры, для десятков и сотен тысяч простых евреев участие в этом движении означало признание, что с их точки зрения все грандиозное те-

чение эмансипации и ассимиляции, несмотря на его блистательные успехи, не удалось. Течение сионизма, созданное Герцлем, вызвало громадный всплеск чувств и мыслей в еврейской среде, но в рассматриваемый сейчас период имело очень слабый практический отклик: к началу Первой мировой войны переселенцев в Палестине насчитывалось лишь несколько десятков тысяч. Но в XIX веке восточноевропейское еврейство было охвачено несравненно более мощным движением – эмиграцией в капиталистически более развитые страны: Германию, Англию, но прежде всего – в Северную Америку. 80% эмигрантов направлялось в Америку, большинство из них – из России. За один этот век еврейское население Северной Америки выросло с 3 тысяч до 2 миллионов. Так начала создаваться громадная сила, впоследствии игравшая (и играющая до сих пор) решающую роль в мире.

Переселявшиеся в Америку евреи в основном происходили из районов, где они жили в рамках кагальной организации. Вряд ли эта организация полностью сохранилась при переселении за океан. Но, с другой стороны, трудно себе представить, чтобы выкованная веками существования в этой системе традиция полностью исчезла. Действительно, в Америке возникает ряд еврейских организаций – например, в 1906 году создается Американский еврейский комитет, руководителем которого был Яков Шиф, владелец одного из крупнейших американских банков «Кун, Леб и К^о». Большое число еврейских иммигрантов было объединено в организации, называемые «орденами». Что из себя представляли эти организации, не вполне ясно. Они строились из «лож» и «капитулов», что напоминает масонскую организацию. Но иногда утверждается, что сходство было чисто внешним – возможно, что

здесь проявилась какая-то другая традиция. В Еврейской энциклопедии приводятся следующие данные об этих орденах:

Орден	Год основания	Число членов на 1907 г.	Число лож
Брит Абрагам (независимый)	1887	104 796	446
Брит Абрагам	1859	55 957	331
Б'най Б'рит	1843	21 500	420
Сыны Венямина	1877	20 336	150
Сыны Иегуды	1890	19 000	118
Агават Израэль	1893	16 963	132
Свободные сыны Израиля	1849	10 920	105

Впоследствии наибольшим влиянием пользовался орден Б'най Б'рит. Он был основан 13 октября 1843 года в Нью-Йорке несколькими еврейскими иммигрантами из Германии. Сначала он назывался Бундес Брюдер, то есть Союз Братства, немецкое название отражало происхождение основателей. Принятое позже название Б'най Б'рит означает Союз Завета. В более поздней книге, посвященной истории ордена, говорится:

«Поскольку евреи, родившиеся в Соединенных Штатах, становились слишком американизированными и недостаточно еврейскими, еврейская община оказалась неспособной их интегрировать. Это и привело, в конце концов, к созданию Б'най Б'рита. Поскольку американская еврейская община оказалась неспособной решить встающую задачу, немецкая еврейская община создала необходимые структуры, заменив централизацию кагала и синагоги, существовавшую до того среди евреев Нью-Йорка».

Глава 9

Роль в развитии социалистического движения

Антагонизм капитализма и социализма столь подчеркнут, демонстративен, что невольно внушает сомнение: не маскирует ли он внутреннее единство? Не есть ли это два пути, ведущие к одной цели: создание индустриального общества или «технологической цивилизации»? По крайней мере, с точки зрения интересующего нас вопроса оба эти явления очень схожи: если, согласно Зомбарту, евреи сыграли значительную роль в создании капиталистического варианта современного индустриального общества, то их роль в создании идеологии социализма и организации социалистического движения бросается в глаза каждому.

В области идеологии капитализм и социализм проявились впервые как раз не в виде антагонистов. Наоборот, первое социалистическое учение, возникшее в XIX веке, вполне можно оценить и как радикальный вариант идеологии капитализма. И в то же время в его развитии очень значительную роль сыграли евреи. Речь идет о сенсимонизме.

В сен-симонизме идеология создающегося общества развитого капитализма и социалистическая идеология еще не разделились, еще не стали выступать как две противоположные друг другу тенденции, так что в нем их часто трудно и различить. Основу составляет ощущение того, что наступила какая-то новая, совсем необыкновенная эпоха: «Индустриальный век». На первый план выступает проблема организации. Организаторы общества, особенно его экономики, должны стать истинными лидерами государства, им должна быть подчинена жизнь. «Неопределенная и метафизическая»

идея свободы противоположна развитию цивилизации и планомерной организации общества. Общество – это настоящая машина, оно должно быть построено рационалистически, на основе научного плана. Вся жизнь должна быть перестроена так, чтобы служить одной цели – увеличению эффективности экономики. Для этого надо создать и подходящую религию, «так же, как в нормальной школе учат строить мосты или дороги». Надо добиться такого же совершенства в управлении психологией масс, с каким математика решает геометрические задачи. И собственности надо придать ту форму, которая будет более благоприятствовать развитию централизованного, управляемого государством, хозяйства (это, собственно, и есть единственный элемент учения Сен-Симона, который делает его «предшественником научного социализма»). Уже позже ученики Сен-Симона распространили эту идею и на семью.

Сен-симонизм – это было первое течение в Европе, в котором политический мессианизм, мечта о приходе «нового века» соединился с сильным еврейским влиянием. Сам Сен-Симон отождествлял будущую победу своего учения с еврейским «Царством Мессии», тем переворотом, который предсказывал Ветхий Завет и которого дожидались евреи.

Среди последователей Сен-Симона евреи играли выдающуюся роль. Он пользовался финансовой поддержкой нескольких еврейских финансистов. Среди ближайших его сотрудников евреями были финансист Олинд Родригес и его младший брат Евгений, Эмиль и Исаак Перейра, д'Эйхталь, поэт Леон Галеви, Моис Реноде, Фелисьен Давид. Ходил даже анекдот о дельце на парижской бирже, который на совет для успеха своего дела обзавестись партнером-евреем (интересный штрих для характеристики тогдашних финансовых кругов!) ответил: «Но у меня

есть два сен-симониста)! Даже столь часто потом возникавшее в правых кругах обвинение, что социализм есть еврейский заговор с целью разрушения христианского общества, было, по-видимому, впервые высказано в связи с сен-симонизмом (в произведении «Безбожная комедия» польского поэта Красиньского).

После смерти Сен-Симона еврейское влияние среди его последователей стало еще сильнее. Сен-симонисты (даже не евреи) посещали парижскую синагогу. Родригес писал, что его встреча с Сен-Симоном сделала возможным синтез иудаизма и христианства. На похоронах Сен-Симона он сказал: «В будущем Моисей будет создателем культа, Иисус Христос – догмы, а Сен-Симон – религии, папой». В своих мессианских исканиях сен-симонисты пришли к убеждению, что должен родиться Мессия, мать которого должна быть еврейкой. Они опубликовали воззвание «К еврейским женщинам», в котором говорилось: «Ваша раса – политическая и экономическая связь человечества». Для поисков матери нового Мессии некоторые из них отправились даже на Ближний Восток. Мессию, правда, они не нашли, но разработали план постройки Суэцкого канала, позже осуществленный.

Поразительно, что в сен-симонизме можно найти истоки как идеологии финансового капитализма, так и социализма. Часть его учеников стала вождями революционного движения во Франции, а часть – создателями банков, железных дорог (и не только во Франции). Но все они произошли из среды профессиональных ученых и инженеров, сложившейся в Париже вокруг Политехнической и Нормальной школ. Потом Базар, Бюше, Серкле стали руководителями тайных обществ, профессиональными революционерами. Анфантен стал организатором строительства железной дороги Париж–Лион, братья Пе-

рейра – железнодорожного строительства в Австрии, Швейцарии, Испании и России, Тальбо – в Италии. Причем в качестве инженеров привлекались и другие сен-симонисты. Ими же был основан ряд крупнейших французских банков. Вообще основоположники социализма XIX века многое сделали для капиталистического развития Европы, для придания ему характера «финансового капитализма». Например, в Германии видную роль в этом направлении играли Г. Мевиссен и А. Оппенгейм, находившиеся под влиянием Сен-Симона.

А с другой стороны, в сочинениях Сен-Симона впервые появляются такие понятия, как буржуазия, пролетариат, классовая борьба, организация труда.

Но, конечно, истинный свой размах социалистическое движение приобрело в Германии. У истоков его находится загадочная фигура Мозеса (или Морица) Гесса. Этот вышедший из ортодоксальной еврейской среды самоучка внешне производит впечатление неудачника: он не только не создал своей группы или партии, но не нашел даже хоть сколько-нибудь значительного числа последователей. И тем не менее его влияние на первые шаги социалистического движения в Германии громадно, ему принадлежит ряд концепций, которые потом легли в основу сложившейся социалистической идеологии, хотя те, кто вдохновился его идеями (прежде всего, Маркс и Энгельс), старались представить его как полукомическую фигуру, не заслуживающую серьезного отношения.

Гессу принадлежит мысль, что будущее Европы будет определяться союзом Германии как носительницы гегельянской философии, Франции – революционно-социализма и Англии – новой политической экономии (ср. «три источника марксизма»). Уже в 30-х годах XIX века он высказал мысль, что вся жизнь определя-

ется индустриальным развитием, которое ведет к прогрессирующему обнищанию трудящихся и «социальной катастрофе». Он развил идею отчуждения труда в форме денег, ему принадлежит критика прав человека как прав буржуазных. Критикуя Вейтлинга, он доказывал, что социализм не может осуществляться лишь как протест против материальных лишений, что он должен основываться на логике мысли, науке. Наконец, ему принадлежит взгляд, что реализацией в жизни фейербаховского атеизма является коммунизм. Именно он открыл Бакунину мир этих новых коммунистических концепций. Маркс пришел к этим взглядам на несколько лет позже, и ввиду близкого знакомства с Гессом – вероятно, чтобы не без его влияния. Бакунин писал (письмо Гильому от марта 1869 г.):

«Мориц Гесс такой же образованный, как и Маркс, но более практичный (?) и в известном смысле создавший последнего».

Об Энгельсе Гесс писал:

«Он покинул меня свехрешностным коммунистом. Так я сею опустошение». (Письмо Ауэрбаху от 19 апреля 1843 г.).

Но загадочно в Гессе то, что одновременно он был убежденным сионистом, неутомимым пропагандистом еврейских национальных идей. И поразительно, что это не было результатом кризиса, смены взглядов; нет, это происходило именно одновременно и в течение всей его жизни.

В первом своем произведении «Священная история человеческого рода» Гесс писал:

«Этот народ (евреи) был изначально призван, чтобы завоевать мир не так, как языческий Рим, силой своей мышцы, но через внутреннюю возвышенность своего духа. Он сам странствовал, как дух, по завоеванному им миру, и его враги не могли его уничтожить, ибо дух неуловим. Этот дух уже пронизал мир, уже чувствуется тоска по укладу, достойному древней Матери. Он появится, этот новый уклад, старый Закон вновь явится в просветленном виде».

Он считает еврейство двигателем современного западного прогресса, Россию – его главным врагом. Еврейство, говорит он, – это нация, а не религия. Гесс предсказывает, что даже после создания еврейского национального государства большинство евреев Запада останутся на своих местах, а переселятся туда, в основном, евреи из «восточных варварских стран». В более поздней книге «Рим и Иерусалим» Гесс говорит:

«Прежде всего расовая борьба, борьба классов второстепенна».

Он писал:

«Всякий, кто отрицает еврейский национализм, – не только отступник, изменник в религиозном смысле, но и предатель своего народа и своей семьи. Если окажется, что эмансипация евреев несовместима с еврейский национализмом, то еврей должен пожертвовать эмансипацией. Каждый еврей должен быть прежде всего еврейским патриотом».

И в то же время он участвовал в работе I Интернационала, выступал за интернациональную солидарность рабочих и классовую борьбу и даже критиковал Эрфурт-

скую программу немецкой социал-демократии за то, что в ней присутствует национальный душок.

Наконец, в статье «О сущности денег» Гесс высказывает и еще более сложную мысль:

«Евреи, которые в естественной истории мира должны были выполнить функцию превращения человека в дикого животного, исполнили это как профессиональную работу».

Ту форму, в которой социалистическое движение в Германии сыграло свою всемирно-историческую роль, оно приобрело в руках двух деятелей: Маркса (настоящее имя которого была даже не Карл, а Мардохей) и Лассаля. Оба они были под сильным влиянием английского экономиста еврейского происхождения Рикардо – не социалиста, но создавшего основоположную для ряда социалистических течений «трудовую теорию стоимости». Маркс и Лассаль враждовали, и в переписке Маркс любил называть Лассаля «жидком», а Лассаль, по-видимому, имея в виду Маркса, говаривал, что евреев надо держать подальше от социал-демократии. Но в юности Лассаль был ярким еврейским националистом, он мечтал встать во главе своего народа и повести его к освобождению «пролитием христианской крови», а такие чувства нелегко изживаются.

А вот как характеризовал Маркса и его окружение Бакунин (в рукописи «Мои отношения с Марксом»):

«Сам еврей, он имеет вокруг себя, как в Лондоне, так и во Франции, но особенно в Германии, целую кучу жидков, более или менее интеллигентных, интригующих, подвижных и спекулянтов, как все евреи, повсюду, торговых или банковских агентов, беллетристов, по-

литиканов, газетных корреспондентов всех направлений и оттенков, – одним словом литературных маклеров и, вместе с тем, биржевых маклеров, стоящих одной ногой в банковском мире, другой – в социалистическом движении и усевшихся на немецкой ежедневной прессе – они захватили в свои руки все газеты, и вы можете себе представить, какая из всего этого получается мерзкая литература. Так вот, весь этот еврейский мир, образующий эксплуататорскую секту, народ-кровопийцу, тощего прожорливого паразита, тесно и дружно организованного не только поверх всех государственных границ, но и поверх всех различий в политических учреждениях, – этот еврейский мир ныне большей частью служит, с одной стороны, Марксу, с другой – Ротшильду. Я убежден, что, с одной стороны, Ротшильды ценят заслуги Маркса, а с другой – Маркс чувствует инстинктивное влечение и глубокое уважение к Ротшильдам».

Конечно, это отзыв врага и человека до крайности пристрастного. Неожиданным образом более объективную информацию о национальных чувствах Маркса можно почерпнуть из воспоминаний князя Хлодвига Гогенлое. Он рассказывает о беседе с известным французским журналистом Максимом Дю Кам:

«Между прочим мы заговорили о евреях, и он сказал, что познакомился с Марксом и последний будто бы высказал ему мысль, что Интернационал и его партия не признают отдельных народностей, а только человечество. Дю Кам ответил, что, хотя патриотизм вещь второстепенная, однако, возведенный в принцип, он немало способствовал совершению важных дел. Маркс страстно возразил на это: «Как вы хотите, чтобы мы были патриотами, когда со времен Тита у нас нет отечества! Дю Кам вынес впечатление, что это и есть при-

чина возникновения Интернационала, обязанного своим возникновением евреям».

Так или иначе, наследство свое Маркс и Лассаль оставили почти исключительно евреям. Мы встречаемся еще с одной загадочной фигурой: Пауль (Пинхус) Зингер, еврейский миллионер (зингеровские швейные машины еще долго после революции были в большинстве семей у нас в стране), в то же время как меценат социал-демократии открывал партийные съезды и представлял партию в рейхстаге, а кроме того, был главой еврейской религиозной общины.

Первое социалистическое немецкое рабочее объединение «Рабочее братство» организовал в 1848 г. Буттермильх (взяв имя Стефан Борн). Уже позже Лассаль организовал «Немецкий рабочий союз», председателем которого после его смерти стал Зингер. Первую социал-демократическую газету на немецком языке начал издавать еврей Карл Хохбер. Центральным органом социал-демократии стал «Форвертс», которым по очереди руководили Бернштейн, К. Либкнехт (его отец – известный революционер В. Либкнехт был немцем, а мать – дочерью биржевого спекулянта из Польши Парадиза) и Курт Эйсер. Во время Первой мировой войны в немецкой социал-демократии произошел раскол, после чего редактором стал австрийский еврей Штампфер, потом его заменил Куттнер. Так же обстояло дело и с другими органами немецкой социал-демократии. Так, Каутский редактировал «Ди цукунфт» и «Ди нейе цайт». «Ди социалистише монатсхефте» финансировал мультимиллионер Аронс, а редактировал Блох.

В области теории ситуация была аналогичной. Когда марксизм ревизовал Бернштейн, то возражал ему Каутский. О роли евреев в руководстве немецкой

социал-демократией говорится в книге В. Зомбарта «Пролетарский социализм». Он приводит такие имена из числа руководящих: Зингер, Остадтхаген, Шенбанк, Аронс, Парвус (Гельфанд), Р. Люксембург, Каутский, Гаазе, К. Либкнехт, Бронштейн, Браун, Франк, Вурм, К. Цеткин, Гильфердинг, Леви, Кон... Аналогичную картину рисует Робер Михэльс в книге «Социология партий», называя примерно те же имена. Он добавляет, что и во главе местных организаций стояли почти исключительно евреи. В цитированной выше книге Зомбарт пишет:

«Во главе социал-демократии в Австрии стояли и стоят, по-видимому, одни евреи».

Михэльс же приводит имена евреев, входивших в руководство австрийской социал-демократии: Виктор Адлер, Элленбоген, Аустерлиц, Фритц Адлер, Отто Бауер, Макс Адлер, Гертц, Тереза Шленгнер и многие другие. Видный деятель международного социал-демократического движения Гендрик де Ман в своих воспоминаниях говорит по поводу положения социал-демократической партии Австро-Венгрии:

«При всем уважении, которое отдавали выдающимся способностям и качествам “отца партии” Виктора Адлера, ему ставили в упрек склонность замещать близкие к нему посты предпочтительно евреями.

Случай Виктора Адлера был не единственным в своем роде; в еще более абсолютной форме то же имело место и в связи с его сыном Фридрихом, который между 1933 и 1940 годами в качестве секретаря II Интернационала под конец был окружен исключительно еврейскими функционерами. Еще худшие последствия имела, по моему мнению, неудачная политика подбора кадров

Леона Блюма для руководимой им французской социалистической партии и имеет и по сей день».

Согласно Зомбарту, среди руководящих деятелей периода Парижской коммуны, евреями были: Леон Франкель, Симон Майер, Дакоста, Исидора де Франсуа, Гастон Кремье.

В Америке основателем социалистической партии в 1877 году был Даниэль де Леон. В 1905 году, когда Американская федерация труда разделилась на правую и левую фракции, во главе первой встал Самуил Гомперс, второй – Фостер.

В Англии в руководство Фабиановского социалистического общества входили также Леонард Вульф и Гарольд Ласки.

Михельс пишет, что организационный конгресс французской «Парти Увриер» в 1879 году был возможен исключительно благодаря денежной помощи Кремье. Издание «Юманите» в 1904 году было осуществлено благодаря финансовому вкладу еврейских банкиров. Среди наиболее влиятельных евреев – вождей французской социалистической партии он выделяет Мильерана (но, кажется, он происходит от смешанного брака) и уже встречавшегося нам Леона Блюма. Согласно тому же автору, положение в других странах не было существенно отличным. В США среди руководителей социалистической партии евреями были Хилквист, Симонс, Уотерман; в Голландии – Анри Поляк, Вайнкуп, Мендельс; в Италии – Лузатти, Тревес, Модильяни, Ламброзо. Михельс говорит:

«Во многих странах, например, России, Румынии и особенно в Польше и Венгрии руководство партий было почти без исключения в руках евреев, что было видно с первого взгляда на международных конгрессах».

Автор уверяет, что так же обстояло дело и среди анархистов. Важно отметить, что Михельс – социалист, даже лишившийся кафедры за свои социалистические выступления. В высказываниях по поводу евреев он очень осторожен, мягок. Например, он поздравляет немецкую социал-демократию с тем, что она сумела победить опасность антисемитизма, главным представителем которого в ней был Дюринг (когда и появился «анти-Дюринг»). Тем не менее он не может удержаться от наблюдения:

«Общая черта приспособляемости и духовной подвижности еврейства не может объяснить интенсивность количественного и качественного влияния евреев в рабочем движении».

И вот оказалось, что в XX веке, веке революционных потрясений, руководство революционных партий состояло в большинстве своем из евреев.

Прежде всего возникает вопрос: может быть, евреи, участвовавшие в социалистическом движении, были интернационалистами и атеистами, порвавшими со своими национальными корнями, и их влияние на это движение никак не отражало их еврейского происхождения? По крайней мере во многих случаях можно установить, что дело обстояло не так: даже в этой работе мы встречали примеры ведущих деятелей социалистического движения, которые в то же время явно были национально мыслящими евреями. Ярчайшим примером является Мозес Гесс. Нам меньше известно в этом отношении о Марксе и Лассале, но существуют прямые свидетельства о каких-то национальных элементах в их мировоззрении. Кремье сначала создал Всемирный Израильский Союз, а потом помогал организовать французскую рабо-

чую партию. Бернштейн был одним из вождей немецкой социал-демократии, а к концу жизни переселился в Палестину. Один из основателей российской партии социалистов-революционеров и редактор ее органа «Русский рабочий», Хаим Житловский был в то же время автором брошюры «Еврей к евреям», в которой призывал еврея вернуться к своему народу. Каутский, в его полемике с Троцким в книге «От демократии к государственному рабству», в качестве одной из самых страшных опасностей, проистекающих из красного террора, пугал «погромами против евреев и большевиков» (евреев на первом месте!).

Таких примеров можно привести много, но они только оправдывают постановку основного вопроса: каков же был характер еврейского влияния на развитие социалистического движения? — но никак не помогают ответить на него. Бросается в глаза, что евреи, мало связанные традицией и происхождением с окружающей жизнью, легче становились проповедниками ее разрушения. Она не внушала им любви, им ее не было жаль, и они легче приходили к убеждению, что она не годна ни на что, кроме полного уничтожения. К этому примешивались часто и воспоминания о прежних обидах и унижениях, а иногда и прямая ненависть, апеллировавшая к еще не преодоленному неравноправию. Таким образом, евреи радикализировали и революционизировали социалистическое движение.

Многие наблюдатели отмечали и более глубокую связь между еврейскими религиозными представлениями и идеологией социализма. Вера в грандиозный исторический и космический переворот, который разрушит старый, несправедливый мир, вера в избавителя-Мессию, призванного вернуть «избранному народу» принадлежащее ему главенство в мире

и установить новый, совершенный порядок, при котором найдут разрешение все мучающие человечество вопросы, – все это очень близко духу учения о грядущей мировой революции, победе пролетариата и новом строе, в котором найдут разрешение противоречия человеческого общества и даже противоречия человека и природы. И мы видим, что, например, последователи Сен-Симона действительно осуществили некий синтез еврейского мессианизма и социализма. В ряде интересных работ русский философ и богослов С. Булгаков прослеживает центральную роль идеологии еврейского мессианизма в марксизме. Он пишет, например:

«В этом смысле современный социализм представляет собой возрождение мессианских учений, и К. Маркс вместе с Лассалем суть новейшего покроя апокалиптики, провозвещающие мессианское царство».

Булгаков находит аналогии между литературой так называемой «иудейской апокалиптики» и «научным социализмом». Они обе исходят из некоторой общей картины исторического процесса. Обычно апокалиптические произведения описывают уже произошедшие события, но приписывается это какому-нибудь древнему автору (Адаму, Еноху, Баруху...) и излагается как пророчество. Но частично в них содержится и предсказание будущего в обычном смысле. Эта литература опирается, по мнению Булгакова, на очень абстрактную концепцию, согласно которой история детерминирована и ее закономерности доступны человеческому пониманию. Хотя и выражается это при помощи необычного для нас языка: символов мифологических зверей, эпох, мистики чисел. Но этот путь дает возможность предвидеть будущее, которое рисуется в виде грандиозной катастрофы, гибели врагов

Израиля, избиения великих мира сего и т. д. Но завершится воцарением в Иерусалиме Мессии и эрой всеобщего материального процветания. Булгаков сопоставляет картину борьбы исторических сил, символизируемых апокалиптическими зверями и детерминированной сменой эпох с идеологией «законов истории» и исторического прогресса, а грядущую катастрофу – с социалистической революцией. Царство Мессии соответствует наступлению социалистического или коммунистического строя. И действительно, такие предсказания, как:

«И будет земля в 10 000 раз давать плод свой, и на одной виноградной лозе будет 1000 ветвей, и на каждой ветви 1000 кистей, а каждая кисть будет приносить 1000 ягод, а каждая ягода даст кору вина», –

дышит тем же духом, что предсказание Троцкого (в статье «Литература и революция»), что в будущем коммунистическом обществе «средний человеческий уровень поднимется до уровня Аристотеля, Гёте и Маркса».

Эти наблюдения находят подтверждение с неожиданной стороны. А. Ландауэр, бывший в 1919 году одним из руководителей восстания в Мюнхене, до того проповедовал именно эту концепцию, что социалистический переворот воплотит в жизнь идеи еврейской веры в Мессию.

Но очевидны и возражения против слишком прямолинейного проведения подобных взглядов. Ведь не только еврейские последователи Сен-Симона, но и он сам чувствовал и провозглашал связь своего учения с еврейским мессианизмом. А Сен-Симон не только не был евреем, но происходил из древнего аристократического рода. Как и в случае с «высокоразвитым капитализмом» евреи играли громадную роль в создании социалистиче-

ского движения, но наряду с ними были и очень влиятельные неевреи, как Энгельс и Плеханов.

Глава 10

В России перед революцией

1. Финансы и печать

К моменту революции 1917 года в России проживало около 6 млн евреев, то есть в то время самая большая еврейская группа в пределах одного государства и в то же время около половины еврейского народа. Это обстоятельство сыграло и играет до сих пор громадную роль в истории России.

Главная масса евреев в России жила в XIX веке в так называемой черте оседлости, то есть в областях, отошедших к России в результате «разделов Польши», где они жили уже несколько веков. К этим землям было добавлено еще 15 губерний России (по теперешним разделениям, Белоруссии, Украины, Молдавии, России), как говорит Шульгин: земли, «по своим размерам превосходившие любое европейское государство». Вне черты оседлости имели право жить лишь некоторые евреи (точнее, лица иудейского вероисповедания): с высшим образованием, купцы I гильдии и т. д. Иногда эти права расширялись (включая, например, и тех, кто у них работал), иногда восстанавливались в первоначальном объеме.

Основная часть еврейского населения России была организована в религиозные общины (кагалы), находившиеся под жестким руководством богатой верхушки и раввинов. Их тип жизни в основном соответствовал укладу средневековых еврейских общин. Он был описан Брафманом (крещеным евреем) в «Книге Кагала».

Долгое время эта книга считалась в либеральном лагере «антисемитской клеветой». Но ее положения очень близки тем, которые описывает, например, Шахак, говоря о «тоталитарном укладе» еврейских средневековых общин (а большинство евреев России вплоть до XIX века жили в средневековой традиции). Так что, скорее всего, сообщаемые в книге факты соответствуют действительности. Мы описали этот тип жизни, какой вырисовывается по книге Брафмана и высказываниям Шахака, в гл. 4.

Политика русского правительства по отношению к евреям России была в XIX веке непоследовательна, в ней сменялись противоположные принципы. То правительство пыталось опереться на кагалы и их администрацию (в духе «поддержки народной традиции»), то старалось привить евреям стиль жизни остальной страны (в духе «насаждения просвещения»).

Как и в других странах, в XIX веке и начале XX века влияние евреев на жизнь России осуществлялось, прежде всего, через их роль в экономике, в основном в финансах.

Об экономическом положении евреев в черте оседлости, мне кажется, объективное представление может дать книга А. П. Субботина «В черте еврейской оседлости». С одной стороны, она написана с либеральных позиций, ставит себе цель, как говорит автор, опровергнуть утверждения, что евреи эксплуатируют остальное население, живут богаче его. С другой стороны, она содержит множество конкретных фактов. Так, автор сообщает: в Минской губ. среди купцов I и II гильдии евреи составляли в 1876 году – 90%, в 1880 – 98%, в 1884 – 83%, в 1886 – 88% (книга издана в 1888 г.). Среди всех купцов – 87,8%. Среди хозяев питейных заведений – 95%. Из 1297 табачных лавок не принадлежат евреям 4. В обороте купеческой торговли они занимают 91%.

В Виленской губернии евреи в населении составляют 15%. Среди купцов – 81%. За 25 лет число еврейских купцов увеличилось на 13%, а нееврейских – уменьшилось на 46%.

В Ковенской губернии доля евреев в населении – 20%, среди купцов I и II гильдии – 81,3%. Среди хозяев питейных заведений – 75%. Их доля в крупном обороте всей купеческой торговли – 95,5%. В Волынской губернии евреи составляют приблизительно $\frac{1}{7}$ часть населения. Среди купцов их – 91%, их доля в торговом обороте – 74%. Доля в табачной торговле – 94%.

В Киеве евреи составляют 10% населения. Среди купцов I и II гильдии – 43%, их доля в общем торговом обороте – 45%. Из 259 оптовых винных складов принадлежат неевреям 12. Из 5134 питейных заведений евреям принадлежит 5004, т. е. 97%.

С другой стороны, в своих статьях о «еврейском вопросе» Достоевский пишет:

«Наши оппоненты указывают, что евреи бедны, повсеместно даже бедны, а в России особенно, что только самая верхушка евреев богата, банкиры и цари бирж, а из остальных чуть ли не девять десятых их – буквально нищие, мечутся из-за куска хлеба, предлагают куртаж, ищут где бы урвать копейку на хлеб. Да, это, кажется, правда, но что же это обозначает... зато верхушка евреев воцаряется над человечеством все сильнее и тверже и стремится дать человечеству свой облик и свою суть».

Эту же мысль подтверждает Зомбарт примером Германии, где, как он говорит, евреи пока не добились богатства, как правило, живут беднее окружающего христианского населения, так как большую часть имеющих у них капиталов пускают в оборот, оставляя

себе меньше на удовлетворение более непосредственных потребностей.

Но крупные еврейские банкиры и «цари бирж» (как их назвал Достоевский) не были ограничены чертой оседлости и оказывали значительное влияние на жизнь всей России.

Как и повсюду, еврейское влияние в России было особенно сильно в банковском деле. Еще в XIX веке на юге были влиятельные банки Рафаловича и Ефрусса, в Варшаве – Френкеля. Витте пишет, что министр Вышнеградский был «как бы поверенным Блюха в Петербурге». Многие сферы жизни охватывал банкирский дом «Е. И. Гинцбург». В 1869 году он участвовал в создании Петербургского учетно-ссудного банка (директор-бухгалтер Гинцбурга А. И. Зак). В биографии, написанной Слизберггом, говорится, что дом Гинцбурга «находился в тесных дружеских отношениях с банками Варбурга (Гамбург), Мендельсона и Блейхредера (Берлин)... Гинцбург был в родстве с банкирами Варбургом, Гиршем, Герцфельдом (Будапешт), Ашкенази (Одесса), Розенберггом (Киев), Бродским (Киев). Гинцбург получил в 1879 году разрешение на занятие золотопромышленным делом в Сибири и основал предприятия в Забайкалье и Якутии. Центром его деятельности было “Ленское товарищество”, к которому был привлечен дом “Э. М. Мейер”, а с 1880 года – Рафалович и Ефрусси. В 1896 году основано а/о “Ленское золотопромышленное товарищество” с участием Гинца и Мейера. С 1906 года в нем стал участвовать английский капитал через брокерскую фирму “Л. Гирш и К°”. В 1908 году было основано общество “Лена Голд-филдс” с директорами Гинцбурггом, Бояновским, Мейером, Шампаннером. Именно на Ленских предприятиях Гинцбурга, как протест против тяжелых усло-

вий работы, начались рабочие волнения, усмиренные в 1912 году расстрелом (“Ленский расстрел”)).

Гинцбурги образовали мощный клан, несколько поколений игравший руководящую роль в финансах (и всей экономике) России. Другим таким кланом были Поляковы. Основатель клана Самуил Поляков разбогател на железнодорожном строительстве, субсидировавшемся (на льготных условиях) казной (для строительства Харьковско-Азовской железной дороги Поляков получил кредит в 8 млн руб.). Его сыновья Яков и Лазарь были уже крупнейшими банкирами: учредителями Донского земельного и Петербургско-Азовского банков. В руках семьи Поляковых находилось «Торгово-промышленное и ссудное общество в Персии». Его директорами были: Друри, Рафалович, Стефаница, Ландау, Рубинштейн. Лазарь Поляков был председателем Петербургско-Московского, учредителем и фактическим распорядителем Московского Международного торгового, Ярославско-Костромского, Южнорусского промышленного и других банков. Яков Поляков вел операции на юге через Азовско-Донской, а в столице – через Петербургско-Азовский банк.

В Одессе в 1910 году был учрежден банк «А. М. Бродский», а в 1911 году – Одесский купеческий банк с капиталом в 3 млн руб., учредителем которого был Л. А. Бродский, представлявший банк «А. М. Бродский».

В воспоминаниях одного банковского работника, опубликованных в 1915 году в журнале «Еврейская старина» (т. 8), говорится: «В выходцах из черты оседлости происходила полная метаморфоза: откупщик превращался в банкира, подрядчик – в предпринимателя высокого полета (...); образовалась фаланга биржевых маклеров, производивших колоссальные воздушные обороты. В Петербурге появилось новое культурное

ядро еврейского населения: возникла новая, упорядоченная община взамен прежней».

Весомая роль еврейского капитала сказывалась, прежде всего, в его влиянии на дореволюционную прессу. Так, официальным органом Конституционно-демократической партии была ежедневная газета «Речь». Редактором ее был Милюков, соредактором – И. В. Гессен. Тыркова-Вильямс в воспоминаниях пишет, что Гессен, вместе с А. И. Каминкой достал для газеты деньги от Азовско-Донского банка, где директором был другой Каминка. Главным пайщиком в газете был Ю. Б. Бак, разбогатевший на железнодорожных поставках. Последний заключил соглашение с торговым домом «Л. и Э. Метцель и К°», дававшее этому дому право объявлений в «Речи». Другое, «народное», издание той же партии, газета «Современное слово» публиковало те же материалы, было дешевле и имело больший тираж. Оно одновременно служило финансовой поддержкой «Речи», его финансировал банкир Г. Д. Лесин совместно (что очень характерно) с П. П. Рябушинским. Ее фактическим издателем был тот же Ю. Б. Бак, а официальным – И. М. Ганфман, а также В. А. Поляков, совладелец вышеназванного дома «Л. и Э. Метцель и К°» и его жена Ф. Н. Полякова.

Историк-марксист М. Н. Покровский рассказывает:

«Я знаю, что еще в 1907 году кадетская газета “Новь” в Москве субсидировалась некоторого рода синдикатом крупной еврейской буржуазии, которая больше всего заботилась о национальной стороне дела и, находя, что газета недостаточно защищает евреев, приходила к нашему большевистскому публицисту М. Г. Лунцу (псевдоним – М. Григорьевский) и предлагала ему стать редактором газеты. Он был крайне изумлен, говорит: как же – ведь

ваша газета кадетская, а я большевик. Ему говорят: это все равно. Мы думаем, что ваше отношение к национальному вопросу более четкое. Таким образом, кадетская газета была фактически на жалованье еврейского буржуазного синдиката, который, как видите, к кадетской программе был довольно равнодушен».

Существовала группа газет, рассчитанных на малообразованные городские слои. Типичный пример – газета «Копейка». Ее не раз обвиняли в «беспринципности» и «безыдейности», ходил анекдот, что ее политическая позиция выражается словами: «Торгуем, батюшка». Ее выпускало издательство «Копейка», основанное в 1897 году М. Б. Городецким, А. Э. Коганом и Б. А. Катловкером. Оно же издавало ряд газет такого же типа: «Журнал-копейка», «Листок-копейка», «Петербургская газета – копейка» и другие. Это была самая многотиражная пресса России. За кулисами ее стояли М. М. Гаккебуш-Горелов и Б. А. Катловкер.

Кроме того, был тип изданий, заявлявших о себе как независимые. Владельцем «Биржевых ведомостей» был С. М. Проппер, плохо владевший русским языком, приехавший без средств в Россию, но потом ставший гласным Городской думы в Петербурге и коммерции советником. Газета «День», имевшая слегка социалистический оттенок, основывалась при поддержке Г. Д. Лесина. Газету «Россия» финансировал М. О. Альберт. Она издавалась менее трех лет и была закрыта властями за нашумевший фельетон А. М. Амфитеатрова «Семья Обмановых» – под этим именем поносившего царствующий дом. На издании Альберт лично потерял 200 тыс. рублей.

Особое место в русской прессе занимало «Новое Время», благодаря его «антилиберальной» направлен-

ности. В частности, там регулярно печатались «Письма ближним» М. О. Меньшикова, чрезвычайно враждебные к евреям (за что он и был расстрелян в 1918 г.).

Ее издателем был А. С. Суворин, начиная с 1876 года. Но после его смерти паи в товариществе, руководившем газетой, перешли в руки еврейских финансистов. Об этом подробно рассказывает секретарь Распутина – Симанович, малодостоверный источник, но сам факт подтверждается мемуарами многих деятелей того времени. В частности, этот вопрос обсуждается в книге Т. Аронсона «Россия накануне революции».

В Государственной думе был известен случай, когда во время обсуждения какого-то вопроса, касавшегося черты оседлости, Пуришкевич, указав на «ложу прессы», воскликнул: «Да вот она, черта оседлости!» – и весь зал покатился со смеху. Мне об этом рассказывало несколько человек старшего поколения. В то время публиковались длинные списки еврейских корреспондентов русских газет, аккредитованных при Государственной думе. О масштабах еврейского участия по этим спискам судить трудно, так как в них приводятся только имена еврейских журналистов. Но какое-то особенное впечатление производят такие сочетания, как газета «Русь» (представлена Абилевичем Шльома Менделевичем и Стембо Авраамом Лазаревичем), «Русский голос» (представлен Столкиндоном Абрамом Янкелевичем) и так в большом числе случаев. Видимо, имея в виду подобные разговоры, Тыркова-Вильямс в воспоминаниях говорит, что среди журналистов, аккредитованных при I Гос. Думе, она знала нескольких русских: она запомнила Аркадакского («Русские ведомости»), Скворцова («Колокол») и Пиленко («Новое Время»).

В заключение был еще один фактор, от которого тогда, как и теперь, зависела финансовая поддержка

прессы – размещение объявлений. Крупнейшей конторой объявлений в России был торговый дом «Л. и Э. Метцель и К^о», учрежденный в 1878 году. К 1914 году он сконцентрировал в своих руках более половины всех публикационных контор в городах России и за границей. В начале XX века делами «Л. и Э. Метцель и К^о» управляли В. А. Поляков (директор-распорядитель фирмы) и член правления Азовско-Донского банка Э. П. Эпштейн. Правые источники оценивал и положение так: «Получить от этой фирмы объявления может лишь орган “прогрессивного” направления, и притом строго держащийся подобной окраски... Обороты фирмы, где вершителями являются гг. Поляков и Эпштейн, превышают уже 10 млн. рублей». Например, правая газета «Русское чтение» заключила соглашение с торговым домом «Л. и Э. Метцель и К^о», по которому должна была получать от этого дома 30 тыс. руб. в год, однако менее чем через год соглашение было расторгнуто. Но с кадетскими газетами «Речь» и «Русские ведомости» этот же дом имел постоянные соглашения и обеспечивал большую часть их доходов. Так, фирма гарантировала газете «Речь» 330 руб. за каждый номер, но лишь при условии, что газета не изменит своего направления и состав сотрудников останется тем же. В 1912 году было заключено новое соглашение, по которому фирма гарантировала газете доход: в 1912 году – 155 тыс. руб. в 1913 – 170 тыс. руб., в 1914 году – 185 тыс. руб. При этом «прогрессивная» пресса травила правую, укоряя ее за гораздо меньшие субсидии, получавшиеся иногда от правительства, и прочно приклеила к ней ярлык «рептильной».

Впрочем, правительственные субсидии были явно недостаточны, чтобы привлечь в «правую прессу» квалифицированных журналистов или хотя бы бойкие перья. Те номера «Земщины» или «Русского знамени», кото-

рые мне довелось видеть, производят впечатление очень низкого уровня. Главным врагом в них предстает «жид», причем все рассматривается на самом низком, примитивном уровне: «в Москве много еврейских аптек» и т. д. Я, по крайней мере, не увидел попыток осмысления уже очевидной трагической ситуации России. (За исключением того, когда в «Знамени» публиковался Розанов, статьи которого примитивными никак не назовешь).

Достоевский, который никогда не лавировал и с предельной резкостью говорил то, что думал, писал:

«Вы вот жалуетесь на жидов в Черниговской губернии, а у нас здесь в литературе уже множество изданий, газет и журналов издается на жидовские деньги жидами (которых прибывает в литературу все больше и больше), и только редакторы, нанятые жидами, подписывают газету или журнал русским именем – вот и все в них русского. Я думаю, что это только еще начало, но что жида захватят гораздо еще больший круг действия в литературе, а уж до жизни, до явлений текущей жизни я не касаюсь – жид распространяется с ужасающей быстротой».

Письмо написано 28 февраля 1878 года. Если убрать слово «жид», ставшее теперь бранным, то получится эмоциональное описание той же тенденции, на которую указывают сухие факты. Конечно, чуткий, глубокий мыслитель ощущал складывающуюся тенденцию на десятилетия вперед. Но это и есть особенность великих умов; а сосчитать национальный состав директоров банков или издателей газет – и каждый из нас может.

Уже в XX веке Розанов формулировал жестче:

«Вся литература (теперь) “захватана” евреями. Им мало кошелька: они пришли “по душу русскую”...»

2. Противостояние

В чем же выражалось влияние еврейского капитала на русскую прессу? Тут естественно сопоставить два факта: 1. Подавляющая часть прессы была «оппозиционной» («Новое Время» и несколько правых газет принадлежали к небольшому числу исключений). Собственно, понятие «прогрессивности» и включало в себя «оппозиционность», то есть враждебность существовавшему тогда в России укладу, как в его принципах, так и в большинстве частных проявлений. 2. Непрерывно раздавались протесты евреев против их положения в России. Эти яростные протесты исходили далеко не только от евреев в России – они были слышны по всему миру. Достаточно привести один пример: финансовые отношения русского правительства с иностранными банками почти всегда сопровождались призывами или требованиями, обращенными к русскому правительству, изменить существующее положение евреев в России. В ряде случаев еврейские банкиры отказывались от выгодных для них соглашений в знак протеста против положения евреев в России. Ряд сообщений русских агентов приведен, например, в журнале «Красный Архив». Когда в 1905 году Витте вел в Америке переговоры о заключении мирного договора с Японией, его посетила, как он говорит в воспоминаниях, – «делегация еврейских тузов» во главе с Я. Шифом («главой еврейского финансового мира в Америке») и потребовала изменения положения евреев в России. В случае отказа Шиф грозил революцией. Подобных протестов и требований было столь много, что их можно считать выражением точки зрения, разделявшейся подавляющей частью евреев мира – и особенно России. Шире того, эта точка зрения утвердилась в «общественном мнении» всего мира. И до сих пор средне-

образованный человек в любой стране мира скажет, что евреи в дореволюционной России были «угнетены».

Каковы же были основные факторы тогдашней жизни, вызывавшие эти яростные протесты? Прежде всего юридически неравноправное положение евреев в России – протесты формулировались как требования «равноправия». Основных ограничений для лиц иудейского вероисповедания было два: запрет проживания вне черты оседлости (кроме указанных выше исключений) и «процентная норма». Последняя мера заключалась в том, что была предписана доля еврейских учащихся в казенных гимназиях и в университетах.

Эта доля исходила из предположения, что пропорция евреев в казенных учебных заведениях не должна сильно превосходить их пропорции в населении России. При министре просвещения Делянове в 1887 году она была определена для гимназий и высших учебных заведений в черте оседлости – 10%, вне ее – 5%, в столицах (Москве и Петербурге) – 3%. В 1888 году Делянов в значительной мере лишил силы эти меры, разрешив принимать «наиболее достойных» без ограничений, причем к числу последних причислялись все, средний балл которых был не ниже 3,5. Прежние правила были восстановлены министром Боголеповым, который был убит террористом в 1899 году.

Кроме этих двух основных ограничений существовали другие: запрет покупать землю или селиться (зано-во) в сельских местностях, запрет быть государственными чиновниками, офицерами в армии, была «процентная норма» для евреев-адвокатов («присяжных поверенных»). Во всех случаях под евреями подразумевались лица иудейского вероисповедания.

По поводу этих ограничений Шульгин замечает, что они не были проявлением какого-то принципа,

направленного исключительно против евреев. Социальная структура России вообще не была основана на принципе юридического равенства. Прежде всего, после освобождения крестьян для них – а это была подавляющая часть населения – действовали свои законы: волостные суды, законы, связанные с общиной, миром и т. д. Тем более это ярко проявлялось при крепостном праве. Об этом пишет и Достоевский:

«Когда еврей “терпел в свободном выборе местожительства”, тогда двадцать три миллиона “русской трудящейся массы” (в кавычках Достоевский приводит выражения своего корреспондента) терпели от крепостного права, что уж конечно было потяжелее “выбора местожительства”. И что же, пожалели их тогда евреи? Не думаю: в Западной окраине России и на Юге вам на это ответят обстоятельно».

Но очень жестоко были поражены в своих правах и старообрядцы: например, их браки считались недействительными, дети – незаконнорожденными. В Западной России такая же «процентная норма» существовала для поляков. Многие нации находились просто в ином положении (нельзя однозначно сказать – в лучшем или худшем), чем русские, – например, их не брали в армию.

Это лишь к концу XX века многие влиятельные мыслители (например, фон Хайек) стали обращать внимание на то, что закон лишь формализует принципы, выработанные жизнью. За сто лет до того господствовало не допускающее сомнений убеждение, что существуют некие абстрактные законы, по отношению к которым все люди должны быть в равном положении и жизнь должна быть подчинена этому принципу. В таком направлении

менял структуру русского общества и Столыпин. Он, в частности, предложил Николаю II отменить все ограничения, касающиеся евреев, но тот отказал. В отношении сложившегося положения евреев важную роль играет обстоятельство, замеченное Достоевским:

«Я уж то одно знаю, что, наверно, нет в целом мире другого народа, который бы столько жаловался на судьбу свою, поминутно, за каждым шагом и словом своим, на свое принижение, на свое страдание, на свое мученичество. Подумаешь, что не они царят в Европе, не они управляют там биржами, хотя бы только, а, стало быть, политикой, внутренними делами, нравственностью государств».

И действительно, например, на сионистских конгрессах можно было услышать заявления вроде того, что евреи – «самый бедный народ в мире, не исключая эскимосов». (Где же эскимосский Ротшильд? – *И. Ш.*)

Приведем и взгляд с еврейской стороны. Ставший впоследствии одним из лидеров сионизма и первым президентом государства Израиль Хаим Вейцман в своих воспоминаниях рассказывает о юности, проведенной в России (он был родом из местечка Мотеле близ Пинска). Он пишет, что «процентная норма» тогда состояла для евреев 10% от общего числа учащихся, что на вид было справедливо, т. к. в населении России евреи составляли (тогда) 4%. Но, говорит он, как всегда, в русских законах содержался обман. Дело в том, что евреи были сконцентрированы в черте оседлости и там – в городах и местечках, где часто составляли от 30 до 80%. Кроме того, они обладали непреодолимым стремлением к образованию. Но на вступительных экзаменах было сравнительно немного не-

еврейских кандидатов, а евреев допускали лишь 10% от этого небольшого числа. Его книга, где он не раз с ненавистью говорит о России, ярко передает негодование еврейского юноши. Но точку зрения русских властей ведь тоже можно понять. Пусть в его родном местечке Мотеле евреи составляли хоть и 80% населения. Но ведь речь шла о государственных учебных заведениях (на частные эти правила не распространялись). Почему же образование, создаваемое на средства всего населения России, не делить поровну? Почему бы еврейским богачам, вроде Бродского или Полякова, не открывать еврейские школы, вместо того, чтобы давать деньги революционным партиям и оппозиционной прессе? Оценка очень сильно зависит от того, с чьей точки зрения смотреть.

Было еще одно явление в тогдашней русской жизни, отталкивавшее евреев в России, да и во всем мире, от русской государственности, государственной власти, а часто и вообще от России. Это то, что называлось «погромы». Само слово возникло вне всякого отношения к евреям и, например, употреблялось в связи с «погромами помещичьих усадеб». Но постепенно было переориентировано и теперь ассоциируется только с действиями, направленными против евреев. Это так и осталось стандартным обвинением против дореволюционной России: «Там были еврейские погромы». Хотя в начале века, например, на сионистских конгрессах много говорили и о «румынских погромах», и об «английских погромах» (особенно в Уэльсе), но под конец обвинение осталось на России.

Справедливо, конечно, было бы оценивать все массовые проявления насилия одной меркой: и направленные против помещиков, и против евреев, и армяно-азербайджанские столкновения... Но те, в ко-

торых жертвами были евреи, в прессе (а потом в сознании) были отражены особенно.

О таких народных выступлениях пресса стала говорить с начала 1880-х годов. Происходили они в деревнях, расположенных в пределах черты оседлости. Отклик на них занимает большое место в публицистике Ивана Аксакова. Он пишет, что либеральная пресса единодушно характеризует эти беспорядки как «избиение евреев». Но, говорит он, «именно избиения и не было». Хотя крестьяне имели и топоры, и ломы, но число побитых евреев не перевешивало русских. В 1881 году крестьяне «громили» еврейское имущество, часто с криками «это наша кровь». Грабежей почти не было. Иногда крестьяне даже рвали попадавшиеся деньги. Аксаков относит беспорядки исключительно за счет экономических причин: тяжелого положения, в котором оказались крестьяне, да и многие помещики Юго-Западного края. Согласно правилам кагальной организации право вести дела в том или ином месте кагал с железной строгостью распределяет между живущими там евреями. (Подробнее об этом сказано в гл. 4.) Поэтому крестьянин или мелкий помещик не мог обратиться к другому перекупщику, ростовщику... и обязан был принимать условия того, которого указал кагал. Он приводит письмо одного помещика, подвергшегося херему (проклятию) и полному бойкоту, от которого он спасся лишь обратившись к высокому галицийскому раввину.

Беспорядки умирялись войсками. Как пишет Аксаков, во время беспорядков 1883 года в Екатеринбургской губернии из еврейской толпы раздавались крики: «Ну что, взяли? Вы из нас выпустили пух, а мы из вас – дух!» Еврейская энциклопедия тоже называет эти столкновения «избиениями». Она пишет, что из

современных изданий большинство полагало, что они происходили на экономической почве. (Впрочем, барон Гинцбург представил властям записку неупоминаемого автора, где утверждается, что погромы были организованы). Упоминается о двух человеческих жертвах среди евреев и говорится: «Солдаты стреляли и убили несколько крестьян». О погромах такого типа позже писал Розанов:

«Погром – это конвульсия в ответ на муку. Паук сосет муху. Муха жужжит. Крылья конвульсивно трепещут – и задевают паука, рвут бессильно и в одном месте паутину. Но уже ножки мухи захвачены в петельку. И паук это знает. Крики на погромы – риторическая фигура страдания того, кто господин положения». Видимо, такую же «бытовую» основу имел знаменитый Кишиневский погром 1903 года. Первый день имел характер обычных подобных беспорядков: было разгромлено несколько еврейских лавок и домов. Но полиция произвела много арестов, и к вечеру беспорядки утихли. Однако на следующий день волнения расширились. Начались столкновения между группами евреев и христиан, вооруженных чем попало. Полиции не удалось ликвидировать беспорядки (хотя попытки были). Волнения приняли более агрессивный характер. Были разгромлены многие сотни еврейских домов. Были человеческие жертвы: чаще всего называется цифра в 45 убитых евреев и 4 христиан. Сейчас это примерно число жертв беспорядков на крупном футбольном матче. Но, например, Вейцман пишет в воспоминаниях:

«Герцль договорился о встрече в Санкт-Петербурге с фон Плеве, человеком, руки которого были в крови тысяч еврейских жертв... и Герцль прибыл в Россию, чтобы встретиться с Кишиневским мясником».

Были вызваны войска, и к вечеру погром затих. Было произведено много арестов, состоялись суды; признанные виновными в убийствах и погромах были приговорены к каторге и другим наказаниям. Но в прессе (также и иностранной) дальше обсуждался в основном другой вопрос: обвинение русского правительства в организации погрома. А. Солженицын приводит обзор публикаций по поводу Кишиневского погрома (более чем на 15 страницах), где во многих случаях видна бездоказательность подобных обвинений. Но главный аргумент высказывает, мне кажется, Шульгин (с ним соглашается и Солженицын). После Февральской революции все царские архивы оказались в руках бывших врагов правительства, была создана комиссия для вскрытия злодеяний царского режима (и специальная комиссия по погромам со включением в нее видных еврейских представителей) – и никаких документов, указывающих на организацию погрома властями, опубликовано не было.

Но пресса делала свое дело по всему миру (ср. и предшествующее высказывание Вейцмана), и, возможно, Плеве поплатился жизнью за созданный ею фантом. Думаю, что тут никакие публикации фактов уже помочь не могут – созданный миф является более прочной частью массового сознания, чем противоречащие ему факты.

И все же, эти насилия с 1880-х годов до начала XX века не шли ни в какое сравнение с жесточайшими столкновениями, которые сравнительно незадолго до того происходили при Гайдаматчине, Богдане Хмельником и т. д. на тех же землях, когда они принадлежали Польше, когда казаками вырезались целые еврейские селения (и усмирялись поляками подобными же жестокостями: украинских повстанцев во множестве сажали на кол и поджаривали на кострах).

Несколько иной характер имели погромы времен революции 1905–1906 годов. Тут мы уже встречаемся со столкновениями с обеих сторон организованных групп, часто вооруженных огнестрельным оружием. Правдоподобный взгляд на эти столкновения предлагает Шульгин, бывший свидетелем некоторых из них. Он считает, что то, что называлось «еврейские погромы», было частью революционной борьбы того времени. Он приводит ряд свидетельств (особенно из Киева, где он жил), согласно которым провозглашение манифеста 27 октября 1905 года вызвало подъем революционных действий: захваты правительственных зданий, уничтожение монархической символики, разрывание портретов царя и государственного флага. В городах внутри «черты оседлости» этими действиями руководили вожаки, среди которых было много евреев. Меньшиков приводит цитату из тогдашней прессы:

«Среди гогочущей толпы евреев в Одессе шла собака, увенчанная императорской короной на голове, и к хвосту ее был прикреплен русский национальный флаг».

В ответ и произошли, согласно этой точке зрения, «погромы», которые были направлены против евреев в черте оседлости. Таково было происхождение киевского, одесского, нежинского погромов. Но, например, в Томске, где было очень мало евреев, толпа напала на революционный митинг – и это не носило никакого антиеврейского характера.

Как пишет Шульгин:

«Погромы направлены были не на одних евреев: они обрушились на всех, кого русская стихия в судо-

рожном припадке самосохранения признала возбудителями революционной волны».

С его точки зрения, именно эти стихийные выступления и остановили тогда «революцию 1905 года». Подробное описание этих событий, в основном состоящее из цитат, дает Солженицын: в его книге этому посвящена целая глава. Его изложение, по-моему, убедительно свидетельствует о событиях того времени как о вооруженном столкновении двух течений, причем в руководстве революционного течения видное место занимали евреи. Пожалуй, приоритет на такую точку зрения принадлежит Николаю II, который в письме, цитируемом Шульгиным, пишет:

«Народ возмутился наглостью и дерзостью революционеров и социалистов, а так как $\frac{9}{10}$ из них жида, то вся злость обрушилась на тех – отсюда еврейские погромы».

Интересно, что и Вейцман вспоминает о том времени:

«Так во всей черте оседлости развернулась извращенная гражданская война между евреями и русскими властями...»

Правда, со своей интерпретацией:

«Первые старались сохранить порядок, а вторые поощряли беспорядки».

Вполне правдоподобно, что когда сталкивались две толпы, из которых в одной рвали русский флаг, то поли-

ция и войска сочувственно относились не к этой части, и, когда одолевать начинала другая, вряд ли торопились прийти на помощь первой. В донесениях сенаторов, расследовавших эти беспорядки, объективно говорится про «бездействие полиции и военных, близкое к попустительству». Но, в конце концов, войска восстанавливали порядок – и не намного медленнее, чем это сделала бы администрация другой страны.

Дореволюционная Россия не усвоила еще стопроцентно западные принципы: убили твоего отца, изнасиловали дочь, разорили жульнически тебя – на это есть суд, обращайся туда (и совершенно не ясно, что наилучшим путем для нее было – вытравить в себе все корни «традиционного общества»). Народные движения такого масштаба, как Пугачевщина, были в ней уже невозможны, но их слабыми подобиями были народные волнения 1905–1906 годов. Масштабы их, видимо, были чудовищно преувеличены русской и западной прессой. Даже Еврейская энциклопедия оценивает все жертвы этого периода в 810 человек. Но Шульгин приводит сообщение газеты «Berliner Tageblatt» по поводу революционных столкновений в Киеве в октябре 1905 года:

«Ужасы, сообщаемые газетами, ничто в сравнении с действительностью. Тысячи и перетысячи (abertausende) евреев умерщвлены в южной России...»

Был и еще один фактор, постоянно настраивавший русское (да и иностранное) еврейство враждебно к русской власти. Кульминацией было известное дело Бейлиса. Речь идет о время от времени возникавших обвинениях в «еврейских ритуальных убийствах». Вообще человеческое жертвоприношение на религиозной почве

(а иначе оно и не встречалось) известно в истории из древности. Согласно древнегреческому эпосу, в начале похода на Трои грекеский вождь Агамемнон принес в жертву богине Артемиде свою дочь Ифигению. Плутарх описывает, как уже в «исторические времена», во время греко-персидских войн, толпа греков, возбужденная жрецами, принесла нескольких захваченных в плен персов в жертву богу «Дионису-мясоеду».

Грандиозные (по количеству жертв) жертвоприношения регулярно совершали ацтеки до завоевания их испанцами. Человеческие жертвоприношения европейцы застали в Африке еще в XIX веке. В убийстве младенцев обвиняли первых христиан, а христиане – некоторые отколовшиеся от них секты. В России не раз высказывались обвинения в таких преступлениях к секте хлыстов. Обвинение заключалось в том, что в некоторых случаях «радения» переходили в свальный грех («христову любовь»), первая забеременевшая женщина называлась «Богородицей»; если у нее рождался мальчик, то он назывался «христосиком», умерщвлялся и поедался на ритуальном собрании. Однако, насколько я знаю, властям ни разу не удалось доказать, что такое преступление было реально совершено. Обвинения в ритуальных убийствах, относящиеся к евреям, восходят к первым векам христианства. Обычно эти обвинения связывались с Пасхой. Неоднократно они выдвигались в разных странах Западной Европы в Средние века и, хотя все реже, вплоть до XIX века. Полный и спокойно написанный обзор рассматривавшихся в России дел составлен В. И. Далем, известным составителем «Толкового словаря великорусского наречия» и «Пословиц русского народа». Даль описывает 20 таких случаев обвинения, выдвинутых в России в XIX веке. И, в заключение, очень подробно излагает «Велижское дело»,

расследовавшееся 12 лет – с 1823 по 1835 год – об убийстве мальчика трех с половиной лет Федора Емельянова. Труп его был найден в лесу и ранения имели столь специфический характер, что исключали версию «бытового убийства». Местный суд постановил (1824 г.), что ребенок «вероятно погублен жидами», но «по недостатку улик евреев освободить от подозрения», оставив двоих «в подозрении». Но в 1825 году по ходатайству на имя Александра I дело было вновь возбуждено и составлена новая следственная комиссия. В 1829 году комиссия признала виновными задержанных евреев. К ее мнению присоединился генерал-губернатор. Дело было направлено в Сенат, где голоса разделились, и дело передали в Государственный Совет. Его решение состояло в том, что обвиненных «как положительно не уличенных, от суда и следствия освободить». Сам Даль явно считает, что ритуальные убийства совершались, но решительно относит это не ко всей массе евреев, а к некоторой секте, которую он почему-то называет «хасидами», хотя хасиды являлись «сектой» лишь с точки зрения ортодоксального раввинизма, и не объясняет, почему обвинения связываются именно с ними. Позже были и другие дела о ритуальных убийствах. В той же цепи стоит и «дело Бейлиса». Собственно, его надо было бы называть «делом Ющинского», так как основой разбирательства было убийство в Киеве 12-летнего мальчика Андриюши Ющинского. Его тело было найдено в 1911 году с 47 ранениями (13 – только на правом виске), которые были нанесены очень специфично, явно с целью истечения наибольшего количества крови, пока жертва еще оставалась жива. Следствие стало разрабатывать версии еврейского ритуального убийства, был арестован Бейлис. Велось следствие 2 года и сопровождалось рядом темных обстоятельств.

Наиболее распространенная версия, противопоставленная в печати версии следствия, заключалась в том, что речь шла об имитации ритуального убийства, совершенной Верой Чеберяк. Таинственно умирают оба ее ребенка – ее обвиняют и в их смерти. Она заявляет, что адвокат Бейлиса Марголин предлагал ей 40 тысяч, лишь бы она призналась в убийстве, Марголин отрицает. Один из следователей (Красовский) через некоторое время появляется в адвокатуре защитников...

Шум по поводу «дела» стоял по всему миру. Либеральная (то есть почти вся) печать утверждала, что на следствие оказывалось давление «сверху». XI Сионистский конгресс заявил:

«Во имя солидарности всего гуманного человечества мы требуем, чтобы весь культурный мир совместно с нами вступил в борьбу с мрачным варварством и помог нам защитить поруганное человеческое достоинство и оскорбленную честь нашего народа».

Из числа «правых» против самого факта возбуждения процесса выступал Шульгин. Он писал:

«Вы сами совершаете человеческое жертвоприношение! Вы отнеслись к Бейлису, как к кролику, которого кладут на вивисекционный стол. Берегитесь! Есть храмы, которые нельзя безнаказанно разрушать».

Шульгин считал, что обвинение в ритуальных убийствах есть способ мести евреям. Не знаю, как можно подробнее эту точку зрения аргументировать. Кто же мстил, ведь во все века власти, как правило, не подерживали такие обвинения? (Его же аргумент: «организация» процесса вскрылась бы по архивам после

Февральской революции.) С другой стороны, министр иностранных дел Сазонов уверял иностранных послов, что Бейлис будет оправдан. Это ведь тоже действие властей. Из известных имен версию еврейского ритуального убийства поддерживали Розанов и Флоренский (последний печатался, не ставя своего имени). Суд происходил в 1913 году и длился 1 месяц. Постановление присяжных было, что имело место убийство. В вопросе о виновности Бейлиса есть разные утверждения. Меньшиков говорит, что голоса присяжных разделились: 6 на 6. Краткая еврейская энциклопедия пишет, что Бейлис был оправдан единогласно. В любом случае, согласно тогдашним законам он был оправдан.

Чтобы охватить все материалы дела, нужно, как пишет Шульгин, было бы потратить всю жизнь. Но мне кажется, что вопрос о том, имело ли место ритуальное убийство и был ли виновен Бейлис, не имеет значения ни для истории русско-еврейских отношений, ни для истории вообще. Точно так же, как вопрос, совершались ли ритуальные убийства среди хлыстов, не есть вопрос русской истории. Например, Мережковский (в романе «Петр и Алексей») описал именно такой случай – и никаких протестов ни в России, ни за границей это не вызвало. Правда, действие романа относится к Петровским временам. Но, по реакции на «дело Бейлиса», можно представить себе, какой вопль раздался бы, если бы кто-то рискнул описать в романе ритуальное убийство, совершенное в еврейской среде, хотя бы и в Средние века. А существенным историческим фактом был тот русский и мировой резонанс, который вызвало «дело». Ведь слушалось незадолго до того «мутанское дело» по обвинению некрещеных черемисов (марийцев) в человеческих жертвоприношениях – и не вызвало сопоставимого отклика, никакие послы о его исходе

не запрашивали. Да и цитированная выше книга Даля имела прямо авантюрную историю – рукопись похищали из типографии «неизвестные», рассыпали набор. А его же книга «Исследование о скопческой ереси» находилась в стандартном каталоге и желающий мог приобрести ее за 200 рублей серебром. Розанов был исключен из элитного «религиозно-философского общества», когда написал, что ритуальные убийства не противоречат духу Ветхого Завета и Талмуда. Но он был там желанным гостем, когда публиковал не менее отталкивающие суждения о христианстве. Ему даже не были зачтены его предшествующие восхищенные статьи об иудаизме, как позже говорили следователи НКВД по поводу ссылок на революционные заслуги своих жертв: «А мы судим тебя не за это». И по поводу «дела Бейлиса» раздавались совершенно фантастические заявления. Например, один беллетрист (С. К. Эфрон) писал, что «клянется Всемогущим Богом», что ритуальных убийств среди евреев нет. Другие уже опирались на то, что «все без исключения раввины» отрицают возможность ритуальных убийств, а потому следствие направлено-де против «всего еврейства». (И более того, оскорбительно для тех иностранных государств, где евреи занимают высокие посты – как бы донос им на Россию). Ну кто из русских рискнул бы заявить (или поклясться Всемогущим Богом), что среди хлыстов не бывает ритуальных убийств? Это предполагало бы существование организации, знающей «все о каждом». Конечно, такой не существует. Во всех протестах звучало возмущение, что «такие обвинения» выдвигаются «в прогрессивном XX веке». Но всего через год самые прогрессивные страны набросились друг на друга и истребляли друг друга 4 года, травя ядовитыми газами, да еще лет через 30 одна из самых прогрессивных

стран выдумала душегубки и газовые камеры, а другая, не менее прогрессивная, атомную бомбу и сбросила ее на мирный город. Это уж были убийства не одного ребенка, а «жертвы» миллионами. Так что прогресс тут явно ни при чем.

Да и сейчас в России ритуальные убийства происходят постоянно – то трех монахов Оптиной Пустыни, то священника в Сибири... Причем убийцы сами признаются, что действовали из побуждений, связанных с мистическими переживаниями. Значительность «дела Бейлиса» происходила из того, что обсуждение версии ритуального убийства было табуировано, – и либеральная среда этот запрет приняла и поддержала со всей страстью. То есть дело (как весомый политический фактор) и было-то создано оппозиционной прессой.

Главное для России заключалось в том, что за этими всемирными криками был забыт убитый ребенок, отброшен, как нечто никому не интересное. Результат процесса свелся к тому, что Бейлис был оправдан. Ему собрали по всему миру по подписке капитал, и он уехал в Америку. Но ведь труп убитого ребенка остался. Если его убил не Бейлис, то остается вопрос – кто? Если Чеберяк, надо было судить ее. Но это уже никому не было интересно. Русское «общественное мнение» согласилось с тем, что судьба Ющинского – пренебрежимая величина сравнительно с судьбою Бейлиса. Что здесь идет речь о личностях иного качества, иного вида. И это на примере ситуации, особенно доходчивой для любого человека – убийства ребенка. Как писал Розанов:

«Они продадут не только знамена свои, не только историю, но... и определенную конкретную кровь мальчика».

Для обвинения евреев в ритуальном убийстве было создано совершенно особое название – «кровавый навет». Такого термина не было для обвинения хлыстов или черемисов. Точно так же, как во Вторую мировую войну потери поляков, белорусов или сербов так и назывались потерями, а потери евреев – это был «Холокост», т. е. нечто принципиально другое.

Это и были три основных обвинения, настраивавших русское и мировое еврейство оппозиционно по отношению к тогдашнему жизненному укладу России: «евреи не пользуются в России равноправием», «русское правительство организует еврейские погромы», «кровавый навет».

Шульгин вспоминает:

«Кто помнит политическую еврейскую среду тех времен, тот помнит и ее тогдашнюю злобу. Все это клокотало ненавистью. К кому? К правительству и ко всему тому, что за этим правительством стояло или этим правительством охранялось».

То же настроение подтверждает совсем другой источник – один из лидеров сионизма Х. Вейцман. Он вспоминает, что во время Первой мировой войны, будучи в Англии, с ненавистью высказался о России. Его собеседник удивился: как может человек, сочувствующий Англии, так относиться к России, когда она делает так много для победы. На это Вейцман, как он вспоминает, ответил, что «каждая русская победа – кошмар для евреев».

Но совершенно очевидно, что та «ненависть к правительству и всему, что оно охраняло», о которой вспоминает Шульгин, – не евреями была выдуманна. Еще

когда ни о каком еврейском влиянии невозможно было говорить, Печорин написал:

Как сладостно отчизну ненавидеть!
И жадно ждать ее уничтоженья.

Это настроение смог почувствовать еще Пушкин:

Ты просвещением свой разум осветил,
Ты правды чистый свет увидел
И нежно чуждые народы полюбил
И мудро свой возненавидел.

И Достоевский в «Дневнике писателя» не раз обращал внимание на барски-презрительное отношение к народу, переходившее в ненависть к России и всему русскому (включая правительство).

Родоначальниками этой традиции были такие аристократы, как Чаадаев, Бакунин, Герцен. А те были последователями Вольтера и Руссо, с еврейской традицией не связанных.

Розанов написал в 1914 году статью «Поминки по славянофилам», где так характеризует отношение к ним либерального течения:

«“Спора” никакого не было и не вышло... Было – гонение, было преследование; было на семьдесят лет установившееся заушение, плевки, брызги жидкой грязи, лившиеся с колес торжественного экипажа, где сидели Краевские, Некрасовы, Благосветловы, Шелгуновы, Скабические, Чернышевские, Писаревы, – на людей, жавшихся куда-то в уголок, не слышимых, не разбираемых, не критикуемых... Так вот в чем дело, и вот где корень расхождения (...), которое определило

собою на семьдесят лет ход русской истории... Шло дело о нашем отечестве, которое целым рядом знаменитых писателей указывалось понимать как злейшего врага некоторого просвещения и культуры, и шло дело о христианстве и Церкви, которые указывалось понимать как заслон мрака, темноты и невежества; заслон и в существе своем – ошибку истории, суеверие, пережиток “то, чего нет”».

Заметим, что в списке «знаменитых писателей» («сидящих в экипаже») нет ни одного еврейского имени, и это у Розанова, к тому времени так нелиберально-чувствительного к еврейскому влиянию (хотя, что касается христианства и Церкви, то сам он в этом «экипаже» мог бы поместиться – где-то «на облучке»). Но когда он пишет о «корне расхождений», об его начале, то следует исторической истине.

3. Русская интеллигенция и евреи

В то же время евреи все шире входили в русское образованное общество и влияли на развитие русской культуры. Всякий знает художника Левитана, скульптора Антокольского, музыкантов братьев Рубинштейн, основавших Петербургскую и Московскую консерватории, собирателя русского фольклора Шейна и очень многих еще.

Появился вызвавший столько споров сборник «Вехи», его составителем был Гершензон, и из 7 авторов трое были евреи: Гершензон, Изгоев (Ланде) и Франк.

Формулировались разные взгляды на роль евреев в культурной жизни России.

О роли еврейства и иудаизма много размышлял и писал Розанов. Его отношение ко всему историче-

скому еврейству имеет, как стало позже модно говорить, «характер любви-ненависти». С одной стороны, он считал иудаизм идеальной, «истинной» религией, религией плодородия, рода, семьи, полноты жизни, кагал – идеальной формой общины; христианство, в продолжении всей его литературной деятельности, представлялось Розанову как некоторая разрушительная антитеза: религия, возводящая в идеал безбрачие, девство, и в заключение, ориентированная на смерть. Он называет себя антихристианином, Антихристом. В заметках последнего года жизни у него есть даже раздел, озаглавленный «Перехожу в еврейство».

С другой же стороны, все время (кроме, может быть, да и то отчасти, последнего, предсмертного года) он указывал на опасный социальный характер еврейского влияния, особенно для России.

Так, он писал:

«Почему вы пристали к душе моей и пристали к душе каждого писателя, что он должен НЕНАВИДЕТЬ ГОСУДАРЯ.

Пристали с тоской, как шакалы, воющие у двери. Не хочу я вас, не хочу я вас. Ни жидка Оль д'Ора, ни поэта Богораза. Я русский. Оставьте меня. Оставьте нас, русских, и не подкрадывайтесь к нам с шепотом: «Вы же ОБРАЗОВАННЫЙ ЧЕЛОВЕК и писатель и должны ненавидеть это подлое правительство».

Тут было и стремление к независимости, чтобы не поддаться общему течению:

«Жидки могут удовольствоваться, что за ними побежал Вл. Соловьев, но Розанов за ними не побежит (пробовали “обмазать”)».

Но были и постоянно высказываемые мысли:

«Он удобрил вас, он оплодотворил вас. Он подошел и сказал вам, что то, о чем вы думаете и чем озабочены, легко исполнить... И вы даже не замечаете, что уже не “сам” и “я”, а – “его”. Почва, которая засеяна евреем и которую пашет еврей».

«И гибнете. “Через 100 лет” нет русского + еврей, а только один еврей + погибший около него русский человек».

«Поля наши – не из земли, а из людей. Вот отчего мы и не пашем, провиденциально не пашем. Ибо для нас уготована благороднейшая почва – человек, народы».

«И вот этой-то тайны их я и боюсь, и кричу, и говорю моим милым русским: “Не надо! Не общитесь с иудеями. Иначе вы все погибнете”».

«Подождите. Через 150–200 лет над русскими нивами будет свистеть бич еврейского надсмотрщика.

И под бичом – согнутые спины русских рабов».

«В настоящее время для России нет двух опасностей. Есть одна опасность. Евреи».

«И если революция начнет вообще одолевать... то евреи сбросят маску “сочувствия русскому народу”... и быстро передушат, как Гапона и Хрусталева (и так же революционно-корректно), всю русскую часть революции, всех собственно русских вождей революции, и в “ворота взятой крепости” войдут, конечно, одни! – войдут с криками: “Радуйся, русский народ – мы даровали тебе свободу!”, “Благодари нас и поклонись нам!”, “Завтра начнется счастье...” Но сегодня еще надо доделать маленькое дело: додушить эту полицию на местах, этих мелких исправничешек и земских начальников из дворян и на место их поставить брюнетов из студентов, с фамилиями (к тому времени) русскими, и даже креще-

ных...» (В последнем отрывке есть нечто загадочное. Судя по комментариям издателя, этот текст написан в 1913 году, а Носарь-Хрусталеv убит большевиками в 1919 году. Может быть, слово «придушить» понимается в смысле конца политической карьеры? Гапон тогда уже был «казнен» Рутенбергом.)

В 1897 году Чехов занес в записную книжку такие размышления (а напечатано впервые в 1980 г.):

«Такие писатели, как Н. С. Лесков и С. В. Максимов, не могут иметь у нашей критики успеха, так как наши критики почти все – евреи, не знающие, чуждые русской коренной жизни, ее духа, ее формы, ее юмора, совершенно непонятного для них, и видящие в русском человеке ни больше ни меньше, как скучного инородца. У петербургской публики, в большинстве руководимой этими критиками, никогда не имел успеха Островский; и Гоголь уже не смешит ее».

А. Белый писал:

«Нам грозит опасность “штемпелеванной культуры”, т. е. интернациональной фабрики по поставке гениев; нам грозит фабричное производство мыслей... Вырастает ужасная цензура во всех недрах этих предприятий: переводится, рекламируется и распространяется только то, что угодно королям литературной биржи... Кто, кто эти оскотители? Странно и страшно сказать, но приходится.

Это – пришлые люди: обыкновенно оторванные от той нации, в недрах которой они живут... главарями национальной культуры становятся чуждые этой культуре люди; конечно, не понимают они глубин народного духа, в его звуковом, красочном и словесном выражении (...)

...вы посмотрите списки сотрудников газет и журналов России: кто музыкальные, литературные критики этих журналов? Вы увидите почти сплошь имена евреев... Общая масса еврейских критиков совершенно чужда русскому искусству, пишет на жаргоне «эсперанто» и терроризирует всякую попытку углубить и обогатить русский язык... И эта зависимость писателя от еврейской или юдаизированной критики строго замалчивается: еврей-издатель, с одной стороны, грозит голодом писателю; с другой стороны – еврейский критик грозит опозорить того, кто поднимет голос в защиту права русской литературы быть русской, и только русской».

В архивах сохранилось письмо Куприна (знаменательным образом так и не опубликованное у нас до 1990-х годов). Оно написано по поводу шумного инцидента, вызванного непочтительным отзывом писателя Чирикова о творчестве Шолом-Аша. Вся пресса любых оттенков обрушилась на Чирикова. Куприн пишет:

«Все мы, лучшие люди России (себя я к ним причисляю в самом-самом хвосте), давно уже бежим под хлыстом еврейского галдежа, еврейской истеричности, еврейской повышенной чувствительности, еврейской страсти господствовать, еврейской многовековой спайки, которая делает этот избранный народ столь же страшным и сильным, как стая оводов, способных убить в болоте лошадь. Ужасно то, что мы все сознаем это, но во сто раз ужаснее то, что мы об этом только шепчемся в самой интимной компании на ушко, а вслух сказать никогда не решимся. Можно печатно и иносказательно обругать царя и даже Бога, а попробуй-ка еврея! Ого-го! Какой вопль и визг поднимется среди всех этих фармацевтов, зубных врачей, адвокатов, докторов и особенно громко среди русских писателей, ибо, как

сказал один очень недурной беллетрист, Куприн, каждый еврей рождается на свет божий с предначертанной миссией быть русским писателем».

Автор продолжает:

«И оттого-то вечный странник еврей таким глубоким, но почти бессознательным, инстинктивным, привитым 5000-летней наследственностью, стихийным, кровным презрением презирает все наше земное... Оттого-то он опустошает так зверски леса, оттого он равнодушен к природе, истории, чужому языку».

Но кончает Куприн просьбой письмо держать в секрете и сообщает, что выступить в защиту Чирикова отказался.

Зато какие-то невидимые силы притяжения связывали тогдашнюю прогрессивную интеллигенцию с еврейством. Горький, например, основал «Русское общество для изучения еврейской жизни», имевшее целью бороться с еще сохранившимися предрассудками по поводу евреев. Издавался сборник «Щит» в защиту евреев, редакторами которого были Андреев, Сологуб и Горький. В этом сборнике писали, например, Мережковский:

«Чего же от нас хотят евреи? Возмущения нравственного, признания того, что антисемитизм гнусен? Но это признание давно уже сделано; это возмущение так сильно и просто, что о нем нельзя говорить спокойно и разумно; можно только кричать вместе с евреями. Мы и кричим».

О. Сергей Булгаков (о движении сионизма):

«Есть священные символы и мировые идеи, которые заставляют дрожать самые сокровенные струны

сердца: такое значение имеет, например, христианский Царьград и крест на св. Софии или освобождение из рук неверных Гроба Господня. Подобное же значение должно иметь для иудейского и христианского сердца (я трижды подчеркиваю это “и”) вопрос о Палестине и устройении Израиля на земле, ему Богом данной и обетованной».

Вяч. И. Иванов:

«Мне думается, что евреи – провиденциальные испытатели наши и как бы всемирно-исторические экзаменаторы христианских народов по любви к Христу и по верности нашей Ему».

Особенно поразительно это течение, если сопоставить его с отношением к крестьянству, некогда традиционному объекту сочувствия русских либералов и демократов. Еще в 1880-е годы И. Аксаков писал, что либеральная пресса постоянно клеймит «кулака», но никогда ни слова не скажет о еврее – ростовщике или шинкаре.

Ярче всего это удивительное тяготение прогрессивного направления в России к евреям как нации, горячая и постоянная любовь, проявились у Горького, начиная с первых его рассказов «Легенда о евреях» (1896), «Каин и Артем» (1898), публицистики «Погром», «О евреях». В 1899 году он выступал против позиции «Нового времени»: в открытом письме Суворину он подхватывает термин Писарева: «Ванькина литература». Но зато, когда в 1905 году ему было предъявлено обвинение в распространении литературы, подстрекающей к свержению существующего строя, защищал его юрист О. О. Грузенберг (впоследствии – адвокат Бейлиса). В 1906 году

он едет в Америку, американские евреи устраивают ему восторженную встречу, какой, по словам газет, удостаивали только Гарибальди. В газете американских евреев «Форверст» он пишет в статье «О Бунде»: «Евреи – это люди с высоко поднятым горящим факелом, которым они освещают человеческий путь». Он был инициатором издания газеты «Новая жизнь». Деньги на нее дали А. Ф. Маркс, Б. А. Гордон, Э. К. Груббе (каждый по 150 тыс.). Редактором был Н. Н. Суханов (Гиммер), ведущими сотрудниками – Лозовский (Дридзо), Стеклов (Нахамкес) и др. (такие сведения приводит Суханов). Директор газеты – Соломон Зальцман.

Вместе с Андреевым и Сологубом Горький опубликовал «Анкету об антисемитизме», где сам же и ответил:

«Еврейский вопрос в России это первый по его общественной важности наш русский вопрос о благоустройстве России».

(В чем-то совпадает с оценкой Розанова.)

В «Новой жизни» (уже июль 1917 г.) Горький писал:

«Есть еще тысячи доказательств в пользу того, что уравнение еврей=большевик – глупое уравнение, вызываемое зоологическим инстинктом раздраженных россиян. Я, разумеется, не стану приводить эти доказательства – честным людям они не нужны, для бесчестных – неубедительны».

Тут вскрываются глубокие эмоциональные основы всей позиции Горького в этом вопросе. Некоторые фундаментальные истины ясны для него без доказательств, т. е. без обсуждения. («Ему, как и другим честным людям» – категория, странная в устах Горького: были ли

его любимые герои, Челкаш или Мальва, честными людьми? Может быть, лишь в некотором очень расширенном, «высшем» смысле.) Множество подобных высказываний Горького чисто хронологически не вмещаются в рамки этой главы, мы столкнемся с ними позже. Бывают примеры такой страстной влюбленности в *свой* народ, но чтобы в другой – было ли в Истории?

Нечто (хотя, вероятно, далеко не все) по поводу этого загадочного «средства душ» отметил Розанов:

«Не русская душа говорит. В сущности, говорит во все не Максим Горький. Последний – подменился, заменился. Гениальная нация в создании подделок – одна. Это говорит “местечко” Париж, где проживают “русские Моисеева закона”».

Глава 11

В Русской революции 1917 г.

1. Подготовка революции

Активное участие в русской революции принимало, конечно, лишь некоторое политически активное меньшинство всего еврейского населения России. Впрочем, так обстоит дело со всеми народами: и с русскими, и с грузинами. Участие евреев в русской революции широко известно и часто обсуждается. Но большей частью обсуждение сводится к одной из крайностей. Либо утверждается, что речь идет о незначительном, непринципиальном факторе, который бессмысленно (и не должно) обсуждать. Число евреев, участвовавших в революции, было-де не так велико, как утверждается, да они были и не евреями, а интернационалистами, по-

рвавшими со своими национальными корнями. И вообще, обсуждение этого вопроса есть «антисемитизм». Либо, наоборот, участие евреев в революции трактуется как определяющий ее фактор, ее главная или даже единственная причина.

Попытка воссоздать реальную картину, не уклоняющуюся к той или другой крайности, находит мало понимания. Автор испытал это на себе. В работе, написанной лет 25 тому назад и распространявшейся тогда в Самиздате, я пытался четко сформулировать свою точку зрения: «Мысль, что революцию делали одни евреи, – бессмыслица, выдуманная, вероятно, лишь затем, чтобы ее было проще опровергнуть». Но и до сих пор, $\frac{1}{4}$ века спустя, я встречаю утверждения, что рассматриваю революцию как «еврейский заговор».

Попытаюсь еще раз собрать основные известные мне факты, характеризующие участие евреев в подготовке, проведении и утверждении русской революции. А процесс этот очень тонкий и сложный, и одной какой-то характеристикой суммировать его, мне кажется, невозможно.

Само существование революционного движения, «революционного процесса», в России, по-видимому, никак не связано с еврейским влиянием. Крупнейшими идеологами, зажигавшими сердца революционной молодежи, были Герцен, Бакунин, Чернышевский, Лавров, Писарев, Михайловский. Среди них не было евреев. Поворот революционеров к терроризму начинается выстрелом Веры Засулич, душой террористов были Желябов и Михайлов.

Но постепенно в этот революционный поток начинает вливаться еврейская струйка. Среди плеяды «шестидесятников», наиболее влиятельными из которых были Чернышевский и Добролюбов, видное место зани-

мал происходивший из евреев Зайцев. (В своих воспоминаниях Тихомиров пишет о нем, что он происходил из евреев и какой-то особенной ненавистью ненавидел Россию.) Тогда же впервые проявил себя Марк Натансон, игравший потом большую роль в революционном движении. Уже маститым патриархом он стал одним из вождей левых эсеров (под кличкой Бобров) и при разрыве их с большевиками создал группу, поддерживавшую большевиков. Участие евреев в революционном движении на первоначальном этапе можно иллюстрировать такими цифрами. Объемистая, наполненная большим количеством конкретных данных книга Волка «Революционное народничество 70-х гг.» состоит из двух томов, т. I описывает события первой половины десятилетия, т. II – второй половины. Оба тома снабжены списком упоминаемых фамилий. Если из этого списка выделить всех, так или иначе связанных с революционным движением (террористов, пропагандистов, распространителей листовок и т. д.), то окажется, что среди них евреи составляли в первый период 4–5%, а во второй – около 10%. Известный народоволец Аптекман в книге «Земля и Воля 70-х гг.» приводит состав «основного кружка» «Земли и Воли». В нем 25 человек, и евреями являются, по-видимому, Марк и Ольга Натансон, Зунделевич и Аптекман. В 1877 году Большой Совет «Земли и Воли» состоял из 17 человек, среди которых было 3 еврея. Организаторами «Черного передела» были 18 человек, из которых опять 3 еврея.

Эта небольшая, хотя все расширяющаяся струйка приносила, однако, совершенно особый человеческий материал. Основное противоречие, мучившее тогдашнюю революционную молодежь, заключалось в следующем. Все они, конечно, были «народниками», готовы были жертвовать всем, вплоть до жизни, ради народа. Но

вот когда в период «хождения в народ» они с этим народом столкнулись, то оказалось, что их идеи и принципы с убеждениями народа несовместимы. Стоило им начать агитацию против Царя или Бога, как их хватали, вязали, вели в полицию. Причем бывали случаи, когда полицейские, не желая связываться с «барчуками», пытались отпустить их, а крестьяне требовали расписку в том, что агитаторы в полицию представлены, вызывая неудовольствие, а часто и притеснения в отместку. Ситуация была столь разительной, что никаких сомнений не оставляла.

Перед революционерами лежали три пути, как ярко описывает по личным впечатлениям Тихомиров. Можно было применить к жизни свой принцип, что «народ знает правду», или, по крайней мере, признать, что он имеет право жить по своим убеждениям. Кто избрал такую точку зрения, должен был из революционного движения уйти, о них мы в его истории не узнаем. Второй путь заключался в том, чтобы «просветить» народ, т. е. путем пропаганды изменить его убеждения. Избравшие этот путь отправлялись в деревню фельдшерами, учителями и т. д. Но в большинстве случаев окружающая жизнь – болезни, бедность, недоедание – производили такое впечатление, что одни из деревни бежали, а других затягивала эта жизнь, и заботы окружающего крестьянства заслоняли для них цели революции. Такие для революционного движения тоже были потеряны. Наконец, оставался третий путь: делать революцию *вопреки* воле народа либо, обманув, его же руками, либо без него – через террор. Совершенно сознательно разрабатывалась градация агитационной литературы: что можно давать читать народу, а что давать лишь учителям, агрономам и фельдшерам (против Бога и Царя) – народу же давать читать «неудобно». Распространялись даже

поддельные грамоты от имени царя с призывами к переделу земли или восстанию. Поскольку и этот путь оказался не действенным, остался путь террора, но с мучительным сознанием, что вершится этот террор вопреки желаниям и принципам обожаемого народа.

И вот тут появились молодые люди, для которых все эти, говоря современным языком, «комплексы» полностью отсутствовали. С народом их никакие положительные чувства не связывали, к нему с детства было внушено отношение как к чуждой и враждебной среде, «объекту» их деятельности. Эти люди легко могли усвоить абстрактную схему и сосредоточить все силы на ее осуществлении. Мироощущение этого нового типа революционеров передают, например, мемуары Аптекмана. Он пишет:

«Народа я не знал, так как родился в городе, деревни почти не видел, да, кроме того, я был чужим этому народу по крови. Русскую историю я тоже плохо знал. Признаться, не любил я ее. Уж очень скучной она мне казалась. И я, такой любознательный и прилежный, прочитавший так много по истории Запада, а особенно по истории революционных движений на Западе, ничего не читал по русской истории. Мне казалось, что она ничего не может сказать ни моему уму, ни моему сердцу».

Разумеется, Аптекман пишет это лишь для того, чтобы сказать, что он понял свою ошибку. Но как он ее исправил – это, пожалуй, еще характернее:

«Соловьев, Костомаров, Беляев, Аристов, Хлебников, Щапов, Мордовцев, Антонович и др. появились на моем столе и прочитывались от доски до доски... К весне 1874 года я был совершенно (!) готов».

Судя по мемуарам, на это понадобилось всего несколько месяцев! Полюбил ли Аптекман в таком пожарном порядке русскую историю и что он из нее понял, этого он не сообщает, но дальше мы узнаем, что он отправился в народ проповедовать социализм. С сожалением он обнаружил, что эта пропаганда абсолютно не воспринимается и пришел к выводу: «...мы сим не победим народа...» Вот такого полного преодоления народнических сантиментов, способности сознательно занять позицию враждебной стороны (народ надо победить) мы у русских современников Аптекмана не встретим.

В 60-е годы, в разгар народнических настроений, Зайцев писал, что «народ глуп и туп», что не следует «ставить его на пьедестал», как это делают демократы, но «действовать против него решительно»: опять тот же мотив борьбы с народом, его покорения.

Другой революционер – Дейч – вспоминает, что многие еврейские революционеры произошли из захолустных местечек, в детстве даже не говорили по-русски. Таким было, например, детство Геси Гельфман, пока она, взяв с собой узелок своих вещей, не отправилась в город «изучать гойскую науку». Какой взгляд на окружающий народ с детства впитывали эти юноши, воспитанные в местечках, управляемых кагалами, можно представить себе, например, по высказываниям И. Шахака, Алексева и отрывкам из книги Брафмана, приведенным в гл. 4.

Могло бы показаться удивительным, что молодые люди, с детства чуждые русской жизни, совершенно не знавшие народа, скоро становились вождями революционного движения. На самом деле это понятно: именно они могли освободить движение от груза старых представлений о «служении народу», привить взгляд, что

народ, наоборот, надо «победить», «действовать против него решительно». А это высвобождало силы для практической, революционной работы.

К началу 80-х годов тот факт, что среди руководства террористов имеется заметное количество евреев, уже обращал на себя внимание, в частности, это проявилось в направленных против евреев народных беспорядках, вызванных убийством Александра II в 1881 году. Однако, насколько слабо было еще еврейское влияние среди революционеров, показывает тот факт, что «Листок № 6» «Народной Воли» приветствовал эти беспорядки как направленные против эксплуататоров (в чем потом многократно оправдывались).

1881 год был кризисным в истории русского революционного движения. Убийство Александра II рикошетом нанесло тяжелейший удар всему движению – как физический, так и моральный. На это убийство были брошены все силы организации – и в результате почти все ведущие революционеры оказались арестованными. С другой стороны, убийство Царя, освободившего крестьян, осуществившего реформы, преобразовавшие всю жизнь России, оттолкнуло многих от революции. В кружке сохранившихся революционеров, почти исключительно в эмиграции, начались поиски новых идей и новых путей. Этот ключевой для дальнейшего развития «латентный период» революции продолжался лет 15–20. Революционное движение вышло из него с новым лицом.

И среди новых черт одной из самых заметных было теперь уже преобладающее еврейское влияние в руководстве движения.

Еще в 1889 году в докладе департамента полиции о революционной эмиграции (после революции этот документ был опубликован) приводится список из 146 ре-

волюционеров, из которых по крайней мере 50 были евреи, т. е. около $\frac{1}{3}$!

В конце века революционное движение стало быстро набирать силу. Самой яркой его фракцией тогда была партия эсеров. Процесс ее возникновения в деталях восстановить трудно. По одним сведениям, она возникла из слияния трех организаций: «Заграничного союза», «Рабочей партии политического освобождения России», действовавшей на западе России, и «Союза социалистов-революционеров» на севере. Организаторами первой были Раппопорт и Хаим Житловский, второй – Гершуни (Герш Исаак Ицков), а третьей – Аргунов, единственный русский среди них. Во главе партии эсеров, по-видимому, стояли главным образом евреи. Жандармский полковник Спиридович в своих воспоминаниях пишет:

«Главнейшими заправилами этой “народнической русской партии” оказались: Гоц, Минор, Гершуни, Рубанович, Натансон, Азеф».

Из русских он может привести только Чернова. Интересны и более частные зарисовки из его же воспоминаний:

«Их киевский комитет состоял тогда из евреев. Стронниками партии в Киеве была еврейская интеллигентная молодежь. Влияние Гершуни сказалось в том, что все они бредили террором...

“Федор”, еврей, назвать себя отказался и предъявил фальшивый паспорт. Это был интересный тип идейного, профессионального странствующего революционера. То был фанатик своего дела. Таких работников дала только еврейская среда».

Душой партии эсеров была Боевая организация. Ее создал и ею руководил с 1901 по 1902 год Гершуни, с 1903 по 1906 год – Азев (правдоподобно, что его фамилию надо произносить так, а не Азеф, причем с ударением на «А»), с 1906 по 1907 – Зильберберг. В 1907 году во главе стал Никитенко, но через два месяца был арестован. В 1908 году она была распущена в связи с разоблачением деятельности Азева. Очень интересна роль Азева. Два самых знаменитых террористических акта, осуществленных под его руководством, – это убийство министра Плеве и московского генерал-губернатора Великого Князя Сергея Александровича. Оба они слыли антисемитами. Плеве приписывали (вряд ли справедливо) организацию Кишиневского погрома и даже (совершенно фантастично) план водворения всех евреев в гетто. Великий Князь Сергей Александрович вновь ввел некоторые ограничения, касающиеся евреев, отмененные его предшественником. Начальники Азева по департаменту полиции – Зубатов и Ратаев – вспоминают, что тот просто трясся от злобы, говоря о Плеве. После убийства Плеве руководство партии в Швейцарии устроило пир, на котором раздавались возгласы: «Это ему за Кишинев». С другой стороны, Азева связывали какие-то особые отношения с Гершуни. Он давал о нем ложные показания, преуменьшая его роль, грозил, что если Гершуни тронут, то он, Азев, с полицией больше сотрудничать не будет. Выдал Азев организацию Аргунова, состоявшую из русских (были арестованы: Аргунов, Колосов, Баранов, Чернова). Наконец, удивительна история разоблачения Азева. Когда Бурцев представил доказательства его сотрудничества с полицией, Азев был вызван на партийный суд. Он отпирался, и суд был отложен на другой день. Ночью Азев спокойно уехал. А ведь эсеры убивали безо всякого суда и за гораздо меньшие

преступления против партии. Так, заподозренный в предательстве Татаров был выслежен в доме родителей и безо всякого суда убит на их глазах.

Потом Азев жил в Германии, Бурцев его разыскал и взял у него интервью, но другим место его пребывания якобы не было известно. Трудно дать всему этому иное объяснение, чем то, что руководство партии задолго до разоблачения знало о двойной роли Азева и по каким-то соображениям ее санкционировало. А в свете изложенного выше, эти соображения были, скорее всего, связаны с национальной ориентацией и деятельности Азева, и руководства партии.

Позже, при выборах городских советов (Городских дум) летом 1917 года, в Учредительном собрании эсеры убедительно превосходили другие партии по числу голосов. Поэтому они стоят того, чтобы к ним присмотреться внимательнее.

Вот краткий очерк истории партии эсеров, извлеченный из сочинения американского исследователя Радкей.

В конце 1901 года, говорит автор, произошло слияние двух революционных групп – «Северной» и «Южной», руководимых Азевом и Гершуни. Это и было рождение партии. Вскоре среди руководителей проявились М. Гоц и Чернов. Органом партии была «Революционная Россия», ее редактором – Гоц. Автор пишет: «Гершуни говорил о лицах, дающих десятки тысяч рублей партии, но не желающих стать ее членами. Партия получала также значительную поддержку из США, где в таких центрах, как Нью-Йорк, Чикаго, Бостон, были крупные колонии русских евреев, крайне враждебных царизму». К осени 1906 года в партии было примерно 50 тыс. членов и 300 тыс. сочувствующих. Боевая организация, созданная Гершуни, была независима от руководства партии в выборе как своих

членов, так и жертв. Статистика совершенных ею терактов: 1902 году – 4; 1904 – 6; 1905 – 51; 1906 – 78; 1907 г. – 62; 1908 году – 3. Дольше всего Боевой организацией руководил Азев. Самым сенсационным терактом было убийство министра внутренних дел Плеве. Николаевский утверждает, что Азев стремился к убийству Плеве по некоторым личным причинам, а также потому, что считал его антисемитом.

В эмиграции Чернов настаивал на том, чтобы в России в руководстве партии соблюдался принцип «хора», – как Мартов (Цедербаум), Дан (Гурвич) и Церетели у меньшевиков; Бабель, Либкнехт и Каутский у немецких с.-д.; Бауэр, Реннер и Адлер – у австрийских. У эсеров этот «хор» должен был состоять из него, Гершуни и М. Гоца.

Во время войны часть руководства эсеров примкнула к «циммервальдистам»: Мстиславский в Петрограде, Штернберг в Москве, Коган-Бернштейн, Каминский и Чайкин на Украине. В эмиграции выделились «левые эсеры»: Бобров (Натансон), Камков (Кац) и Далин (Левенсон). К ним примкнула Евгения Ратнер без ведома ее друга Чернова. Циммервальдистами были и Чернов с Александровичем. О Натансоне автор пишет:

«Он один из первого поколения народников не изменил своего мировоззрения до самого 1917 г. Возможно, из-за сильной национальной компоненты в его ненависти к царизму».

Похожую картину автор рисует и касательно послереволюционного периода. Естественно, в 1917 году партия резко активизировалась. Во главе ее Петроградского Совета был А. Гоц (брат умершего к тому времени М. Гоца) и два заместителя: Болдырев и Лифшиц.

Брешко-Брешковская получила тогда из американских источников 2 100 000 рублей. В мае произошел III съезд, где, по словам автора, Чернов «утратил все претензии на лидерство и капитулировал перед властью А. Гоца. Не было скандала и открытой борьбы, просто более сильная личность уселась на водительское место». Произошли выборы ЦК, где из 20 избранных членов 8 (судя по фамилиям и именам) были евреи. Летом 1917 году в большинстве крупных городов эсеры были избраны городскими головами, в частности, в Петрограде – Шрейдер, в Москве – Минор. На VII съезде в августе 1917 года впервые разгорелась борьба между «оборонцами» и сторонниками скорейшего окончания войны. Руководство представило резолюцию, составленную руководителем первого течения – Розенблюмом и второго – Штейнбергером.

Почти одновременно с эсерами на историческую арену в России вышла и социал-демократия. Первую марксистскую организацию – группу «Освобождение труда» – в 1883 году основали Плеханов, Аксельрод и Дейч. Первой социал-демократической партией в империи была социал-демократическая партия Царства Польского, организованная в 1893 году Розой Люксембург и Лео Йогишес (Тышко). Второй был «Бунд» – «Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России», созданный в 1897 году. Из него вышли многие лидеры социал-демократии, наиболее известный – Мартов (Цедербаум), первая работа которого была посвящена доказательству того, что еврейский пролетариат не должен в своей борьбе идти на союз с пролетариатом русским, ибо тот его обязательно предаст. Долго потом, вплоть до 1917 года, «Бунд» играл роль резервуара, из которого все течения социал-демократии черпали руководящих работников.

Но среди более молодых деятелей стало преобладать убеждение, что замыкаться в чисто национальную организацию – это неверная политика. О роли «Бунда» в создании РСДРП Г. Зиновьев (Радомысльский) пишет в его «Истории Российской Коммунистической партии (большевиков)»:

«...во второй половине 90-х годов движение еврейских рабочих было очень значительно, и роль Бунда в партии очень важна. Достаточно сказать, что главным организатором первого съезда нашей партии в 1898 г. был Бунд. И совсем не случайно этот съезд был в Минске, в городе еврейской черты оседлости, на территории деятельности Бунда».

На I съезде РСДРП было всего 9 делегатов: Арон Кремер, Абрам Мутник, Шая Кац, Борух Эйдельман, Николай Абрамович Банновский, Вигдорчик, Радченко, Тучапский и Петрусевич. Избранное ЦК составляли Кремер, Радченко и Эйдельман.

Когда на II съезде «Бунд» потребовал для себя совершенно исключительного положения в партии, и эти требования вызвали возражения, то представитель «Бунда» Либер воскликнул, имея, очевидно, в виду роль «Бунда» в создании РСДРП: «Так могут говорить только люди, родства не помнящие!» И сейчас же слышались протесты и заверения, что заслуги «Бунда» никогда забыты не будут. Каждый, кто учился в советской школе, знает фамилии вождей социал-демократии: Мартов (Цедербаум), Аксельрод, Дан (Гуревич), Либер (Гольдман), Мартынов (Пиккер), Розанов (Гольдендах), Троцкий (Бронштейн), Зиновьев (Радомысльский), Каменев (Розенфельд), Абрамович, Эрлих и т. д., и т. д. Плеханов принадлежал к этническому меньшинству. Редакция

«Искры» в 1900 году состояла из Плеханова, Аксельрода, Засулич, Дейча, Мартова и Ленина. После раскола на большевиков и меньшевиков еврейское влияние было особенно заметно среди меньшевиков. В связи с V съездом РСДРП Сталин опубликовал статью в газете «Бакинский пролетарий». В ней говорится:

«Не менее интересен состав съезда с точки зрения национальностей. Статистика показала, что большинство меньшевистской фракции составляют евреи, далее идут грузины, потом русские. Зато громадное большинство большевистской фракции составляют русские».

Он объясняет это тем, что меньшевики представляют интересы мелкой буржуазии, в которой преобладают евреи.

Примерно в то же время Ленин записал:

«Число членов нашей партии теперь свыше 100 000 человек: 31 000 были представлены на объединенном съезде, затем 26 000 польских социал-демократов, около 14 000 латышских и 33 000 еврейских».

(33 000 еврейских социал-демократов – это, видимо, «Бунд», вновь принятый в РСДРП, о числе евреев среди «польских» говорит хотя бы то, что организаторами партии были Роза Люксембург и Лео Йогитшес; 31 000 «объединившихся» – это, скорее всего, прежние большевики и меньшевики, объединившиеся на V съезде, о которых писал Сталин. Русские явно составляли незначительное меньшинство.)

Точка зрения Сталина подтверждается еще тем, что (как стало позже известно) при объединении с большевиками меньшевики создали (на конференции в Жене-

ве, 1903 г.) «теневое политбюро» в составе Аксельрода, Мартова, Дана, Троцкого, Потресова. Об этом сообщает биограф Троцкого Дейчер. И исследователь истории меньшевиков Зива Галили пишет: «Среди меньшевиков преобладали представители двух национальных меньшинств России – евреев и грузин», «евреи-марксисты были выходцами из обеспеченных, русифицированных еврейских слоев Санкт-Петербурга, к которым впоследствии присоединились и выходцы из еврейских местечек в черте оседлости». Похожая ситуация рисуется по данным послереволюционным. Первая после революции конференция меньшевиков состоялась в мае 1917 года. В оргкомитет партии были избраны Хинчук, Исув, Романов, Зарецкая, Ерманский, Аксельрод, Ермолаев, Гарви, Горев, Смирнов, Дан, Ежов (Цедербаум, брат Мартова), Батурский, Панин, Юдин, Богданов, Крохмаль, то есть евреи, видимо, преобладали.

И в таком мало влиятельном течении, как анархизм, обнаруживается заметное еврейское присутствие. Конечно, создателем всего течения был Бакунин, позже наиболее крупной фигурой – Кропоткин. Но с приближением революции 1905 года, когда движение активизируется, в нем все большее участие принимают евреи. В сборнике (всех известных) документов анархистов, во вводной статье составитель сборника так характеризует положение в период революции (1905 г.): «Среди анархистов преобладали евреи (по отдельным выборкам их число достигало 50%), русские (до 41%), украинцы (до 35%)». (Оценки очень приближенные, почему сумма и оказывается больше 100%!) В 1903 году в Париже создается издательская группа «Анархия». В том же сборнике ее состав представлен так: Б. Я. Энгельсон, М. И. Гольдсмит, Рошин (Н. С. Гроссман), М. Э. Р. Дайнов, Ш. Х. Ка-

ганович, С. М. Романов и др. Первый террористический анархистский акт в XX веке в России совершил в 1904 году Нисан Фарбер. В материалах анархистов приводятся некрологи (или иные упоминания) погибших или казненных террористов. Их полный список: Нисан Фарбер, Арон Елин (Гелинке), Павел Гольман, М. Шпиндлер (Мойше Гроднер), Ф. Зубарь, Т. И. Бездырев, Бейниш Розенблюм. Еще упоминаются три еврея (один из них 16-летний Осип Левин, остальные по имени не названы), перед казнью отказавшиеся от услуг раввина. После начала войны среди анархистов произошел раскол: «оборонцев» возглавлял Кропоткин, «интернационалистов» – Гроссман, Ге (Гольберг) и Шапиро. После Февральской революции движение опять разделилось. Советы и участие в них поддерживал Кропоткин. Ему возражал Гейцман (Хаим Лондонский): «Не забираться наверх править». Некоторые обращения анархистов издавались на идиш (иногда потом переводились на русский самими анархистами или полицией, захватившей эти обращения).

Но, несмотря на большое участие евреев в движении анархистов, незаметно (в отличие от эсеров) какой-либо национальной ориентации в деятельности партии. В революцию 1905 года их организации активнее всего были в черте оседлости и боролись главным образом против состоятельных евреев. Так, первый их теракт в XX веке был совершен в 1904 году, когда Нисан Фарбер убил Аврама Кагана в синагоге в Белостоке. В 1905 году Б. Фридман бросил бомбу в синагогу в Белостоке, где собралась группа состоятельных евреев (возможно, для обсуждения вопроса о локауте). Влияние деятельности анархистов в общерусском масштабе сказывалось разве что в том, что она расшатывала тогдашний образ жизни.

Эсеры, эсдеки и анархисты – это были партии, называвшие себя революционными. Кадеты назывались лишь оппозиционной партией, но, по существу, были партией революционной, имевшей целью изменение государственного строя. Эту их роль в I Государственной Думе очень ясно показал в своей книге историк Герье. Официальным вождем партии был Милюков. Но Тыркова-Вильямс пишет в своих воспоминаниях: «Милюков был окружен темноглазыми почитателями и особенно почитательницами, к которым он был очень чувствителен. Но не он дирижировал хором, а скорее тот – им». Удивительно, что и Меньшиков в связи с Милюковым применяет то же сравнение – «подставной дирижер». Фактическим редактором официального органа кадетов, газеты «Речь», был Гессен. Кое-что об источниках финансирования газеты сказано в гл. 10. В ЦК кадетской партии из числа евреев входили: Винавер, Гессен, Изгоев (Ланде), Каминка, Мандельштам, Петражицкий. Меньшиков, кроме того, называет среди «вождей кадетов»: Ганейзера, Ганфмана, Греве, Иоллоса, Гуревича, Розенберга, Штильмана, Фридмана.

Эти факты дадут, однако, очень односторонний взгляд, если не отметить, что в руководстве кадетов громадное место занимали также помещики и дворяне старых родов, известные профессора (кадеты считались «профессорской партией»). Тыркова-Вильямс перечисляет: Шаховской, Долгорукий, Радичев, Муханов, Свечин, Петрункевич. Из профессоров – Муромцев, Милюков. Тыркова поражается: а в программе – насильственное отчуждение помещичьих земель? Но на этом пути веяло властью. Да и деньги вдруг полились. Она сама удивляется: за один год ее заработки увеличились в 4 раза!

Картина будет неполной, если мы не отметим, что начиная с 1916 года (в частности, во время Февраль-

ской революции) главой русского масонства (секретарем «Великого Востока народов России») был Гальперн. (После Февральской революции ему была предоставлена должность управляющего делами Временного правительства). А позиция русского масонства формулировалась одним из его активных членов так:

«Организация носит определенно революционный характер и стремится к насильственному перевороту».

Подсчеты, мне кажется, в таких случаях мало поясняют, но все же приведем некоторые. М. Н. Покровский утверждал:

«По данным различных съездов, евреи составляют от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ организаторского слоя всех революционных партий».

Ларин (Лурье) пишет, что среди арестованных и сосланных евреи составляли около одной четверти.

По просьбе графа Игнатьева ген. Сухотин, командующий Сибирским военным округом, привел данные о лицах, находящихся под гласным надзором полиции в Сибири на 1 января 1905 года. Их было: русских – 42%, евреев – 37%, поляков – 14%.

Бундовец, а потом большевик Рафес в «Истории еврейского рабочего движения» приводит цифры английского исследователя Раппопорта: с марта 1903 года до ноября 1904 года через Александровский равелин прошло 384 политических заключенных. Из них евреи – 53,9%, русские – 26,4%, поляки – 10,4%. Из женщин: 64,3% – еврейки.

Все эти цифры близки и, видимо, дают правильную картину относительно тех членов революционных

партий, которые вели активную работу. Но в руководстве положение было, как мы видели, иным. А политика этих партий (в основном, подпольных) определялась далеко не демократическими канонами. В качестве примера, перескакивая через десятилетие, приведем VII съезд большевистской партии в 1918 году. Это был чрезвычайный съезд, обусловленный грозой раскола в связи с подписанием Брестского мира (он и назывался подпольным). Там была принята резолюция, обязывающая сохранить в тайне принятые решения. Председатель даже подчеркнул, что «ни один член съезда не имеет права давать какие бы то ни было сведения кому бы то ни было». То есть тот слой партии, который собрался тогда в Москве, принимал весьма радикальные решения (напомню, что согласно резолюции, внесенной Лениным, съезд уполномочивал «объявить войну любой империалистической державе и всему миру, когда ЦК партии найдет момент для этого подходящим»), скрывая это от остальных членов партии.

Сухие цифры могут дать ложную картину. Но вот точка зрения хваткого (и не склонного к теоретизированию) наблюдателя. Шульгин пишет об «энергии и вирулентности» «освободительного движения» 1905 года:

«...каковому движению еврейство дало спинной хребет, костяк».

И убийца Столыпина Богров был еврей, причем перед покушением в разговоре с деятелем партии эсеров Лазаревым сказал: «Я еврей, и позвольте вам напомнить, что мы и до сих пор живем под господством черносотенных вождей». Все это сплетается в загадку. Столыпин как раз предлагал уничтожить все ограничения, существовавшие для евреев. Правда, текст его предло-

жений, отвергнутых Николаем II, стал известен только после революции, но трудно себе представить, чтобы в еврейской среде не была известна общая позиция Столыпина. Да таков был и весь дух столыпинских реформ. Как же тогда понять мотив покушения Богрова?

2. Революция

Но вот наступила революция, и все проблемы отступили перед вопросом о власти.

Интересно отметить, что во Временном правительстве, сколько раз его ни перетряхивали, кажется, не было ни одного еврея. Правда, и власть его была довольно иллюзорной. Трудно сказать, кто же обладал властью непосредственно после Февральской революции и обладал ли ею кто-либо. Но ближе всего к этому находился президиум Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов – странное политическое образование, никем не выбранное, «само собою» организовавшееся. Процесс его возникновения подробно описывает в своих воспоминаниях Суханов (Гиммер). Видимо, первый «обмен мнениями» произошел на квартире у Н. Д. Соколова 25 февраля. По крайней мере с этого «совещания» начинается свою историю Суханов. Он вспоминает, что собрались случайно: кто зашел узнать о новостях, кому позвонили по телефону. Но из опубликованных впоследствии воспоминаний видно, что собрание было созвано по масонской линии. Затем, 27 февраля, Временный Исполнительный Комитет Совета рабочих депутатов собрался в Таврическом дворце. Его состав: Богданов, Гвоздев, Капелинский, Гриневич (Шехтер), Скобелев, Чхеидзе, Франкорусский, Соколов, Эрлих. На базе его, путем кооптации, был создан постоянный Исполком. Так, уже

28-го в него были включены Сталин и Рафес (которого вскоре заменил Либер). Так дальше и шло: «Исполком приглашал в свою среду приехавших из имевших явные заслуги перед движением», – поясняет Суханов. Так, 15 марта приехали Ларин (Лурье) и Урицкий, еще через 2 недели – Мартов. 19-го вернулись из ссылки Церетели и Гоц, 28-го – Дан, 31-го – Камков (Кац). Наконец, 3 апреля – Ленин и все спутники по «вагону».

Стоит вспомнить и то, что председателем Петросовета был Чхеидзе – масон, а русским масонством тогда руководил Гальперн. Он пишет в своих воспоминаниях: «Основные переговоры с Советом рабочих депутатов, т. е. Чхеидзе, вел я». Этому очень помогала «братская» связь. Часто он говорил: «Чего кочевряжишься, ведь все же наши считают это неправильным, надо исправить и сделать по-нашему». Органом Совета были «Известия», а их редактором – Стеклов (Нахамкес), одна из наиболее влиятельных тогда личностей. Когда произошла первая встреча представителей Временного правительства и Совета, то Совет представляли три человека, из которых два были Стеклов и Суханов.

Вернувшийся из эмиграции Плеханов говорил, что, по его наблюдениям, русские революционеры изменились: раньше это были голубоглазые блондины, а теперь «товарищи все какие-то черненькие, с южным акцентом». Вероятно, он считал, что имеет право на такие шутки, так как был женат на Розе Бонгард. Но надо ли удивляться, что он потерял всякое влияние! Наблюдения Плеханова можно проверить по спискам революционеров-эмигрантов, прибывших из Швейцарии через Германию в Россию в марте 1917 года, эти списки позже опубликовал Бурцев. Так, список № 1 состоит из 29 лиц, из которых вне сомнения евреями являются 20. В списке № 2 пропорции для С.-Д. – 38 из 63, для С.-Р. –

10 из 17, С.-Д. Царства Польского и Литвы – 2 из 3, Польской Партии Социалистической – 2 из 3 и, конечно, для «Бунда», Поалей-Цион и сионистов-социалистов – 100%. Кроме того, были «дикие» – 10 из 18.

По поводу Февральской революции 1917 года Шульгин говорит:

«Когда-нибудь история (если ее не затушуют, не задавят и не подделают) расскажет этот процесс. У живых же свидетелей, у очевидцев, от этого времени осталось неизгладимое впечатление: евреи и грузины – грузины и евреи».

Положение в «революционной демократии» ярко характеризует такой драматический эпизод. Непосредственно после октябрьского переворота крупнейший и влиятельный профсоюз – ВИКЖЕЛЬ (железнодорожников) – отказался признать новое правительство и требовал соглашения между всеми социалистическими партиями, в противном случае угрожая забастовкой. Состоялось так называемое Совещание при ВИКЖЕЛЕ, участниками которого были (согласно Протоколам ЦК) от меньшевиков-оборонцев – Дан (Гурвич) и Эрлих, от меньшевиков-интернационалистов – Мартов (Цедербаум) и Мартынов (Пиккер), от правых эсеров – Гейдельман и Якоби, от левых – Колегаев и Малкин, от Комитета спасения родины и революции – меньшевик Вайнштейн, а от большевиков – Каменев (Розенфельд), Сокольников (Бриллиант) и Рязанов (Гольдендах). (Были представлены также Всероссийский Совет крестьянских депутатов и Союз служащих государственных учреждений. Фамилии их представителей не приведены.) Вот эти люди и решали тогда судьбу России. Потом выяснилось, что представители большевиков не имели даже

полномочий для заключения какого-либо соглашения, а затягивали переговоры с целью дать новой власти укрепиться. На заседании ЦК от 1 (14) ноября Ленин сказал, что «переговоры должны были быть как дипломатическое прикрытие военных действий». Это, впрочем, было очевидно и во время переговоров, но почему-то собравшимся было выгодно делать вид, что они не понимают ситуации, и они сообща ломали комедию.

По мере того как набирали силу большевики, еврейское влияние перетекало от меньшевиков к ним: теперь то, что писал Сталин о V съезде РСДРП, уже совершенно не отражало действительность. Был ли сам вождь большевиков евреем на $\frac{1}{2}$ или только на $\frac{1}{4}$ – совсем не важно. Гораздо важнее, как он сам себя ощущал. Однажды Ленин сам коснулся этого вопроса. В разговоре с Горьким он заметил, что русский человек умным бывает «ой, как редко».

«Русский умник почти всегда или еврей, или человек с примесью еврейской крови».

При известной ленинской скромности невозможно себе представить, чтобы себя он исключил из числа «умников». Еще более важный показатель – что он всю жизнь работал и добился руководящего положения в среде, где большую часть составляли евреи, а в особенно ответственных случаях опирался почти исключительно на евреев. Так, после революции начальником охраны Ленина был чекист Беленький. Такая тонкая операция, как финансовая связь с немцами в 1917 году, была поручена почти одним евреям. В ней участвовали Парвус (Гельфанд), Ганецкий (Фюрстенберг), Урицкий, Радек (Собельзон), Суменсон. Из других участников (чьи имена были известны) Боровский

(Орловский) был, видимо, поляк и только Козловский, возможно, русский.

Вообще руководство большевиков к Октябрю состояло в большой степени из евреев. Например, для подготовки восстания было создано политическое бюро (прообраз будущего Политбюро). Состав: Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин, Сокольников (Бриллиант), Бубнов. То есть евреи преобладали, а русский здесь один Бубнов.

Произошел октябрьский переворот. В период, непосредственно за этим следовавший, власть находилась в руках не советов, конечно, не партии, даже не ЦК, а трех человек: Ленина, Свердлова и Троцкого. Свердлов, задолго до Брежнева, соединил в одном лице пост главы государства (председатель ВЦИК) и секретаря ЦК (тогда – единственного). Во главе армии стоял Троцкий, Петроград возглавлял Зиновьев, Москву – Каменев, внешней политикой руководил Радек, Коминтерном – Зиновьев, прессой – Стеклов. Сначала во главе комсомола стоял Оскар Рывкин, потом его сменил Лазарь Шацкий.

Еще поразительнее, что практически у всех нееврейских вождей жены были еврейки. Так, женой Дзержинского была Соня Мушкат; одной женой Бухарина была Гурвич, другой – Лурье; женой Рыкова была Маршак, Молотова – Жемчужина (Перл Карповская), Ворошилова – Горбман, Кирова – Маркус, Ежова – Евгения Соломоновна Ноткина, Куйбышева – Коган, Андреева – Хазан (впрочем, многие из перечисленных лиц были женаты несколько раз, так что у них могли быть и другие жены).

Производит впечатление, что в этот период тот, кто не был евреем, не имел хотя бы некоторых еврейских предков, для того, чтобы войти в высший слой лиц,

стоящих у власти, стать там своим человеком, должен был иметь жену-еврейку. Исключение было возможно для грузина, вроде Сталина, для русского оно не допускалось. И ведь так оно продолжалось вплоть до маршала Жукова (1-я жена) и Брежнева.

Удивительным фактом, который нельзя не отметить, было массовое участие евреев в ЧК. Какие мемуары того времени ни возьми, натыкаешься на имена еврейских чекистов: в Одессе – Горожанин (Кудемский), Гришин (Клювгант), Ровер, в Киеве – Ремовер, Розанов (Розенблат), Соколов (Шостак), Бувштейн, в Харькове – Абугов, Дагин, Даганский, Мазо, Островский, Португейс, Шаров (Шавер), Фельдман, Иесель Манькин, в Николаеве – Алехин (Смоляров), Вайнштейн, Спектор, на Украине и в Крыму – Гай (Штоклянд), Дмитриев (Плоткин), Говлич (Говбиндер), Зеликман, но и вне бывшей черты оседлости, в Твери – Ревекка Палестинская, на Урале Гольдман, в Симбирске – Бельский (Левин), в Самаре – Визель, Рейхман, в Саратове – Дейч, в Курске – Волков (Вайнер), Каминский, в Перьми и Вятке – Берман, в Пскове и Новгороде – Пассов, в Воронеже – Рапопорт, в Архангельске – Кацнельсон, да даже в Сибири – Бак, Южный, Берманы (оба брата), в Туркестане – Гержот, Диментман, Каплан, Слуцкий, в Самарканде – Паукер, на Дальнем Востоке – Литвин, при ликвидации сдавшихся в плен офицеров Врангелевской армии – Землячка (Залкинд) и Бела Кун. И в столицах: Петрограде – Урицкий (глава ЧК), Вейзагер, в Москве – Леплевский, Мессинг, Гендин, Рапопорт. В Особом отделе ВЧК – Агранов, Алиевский, Паукер, в секретном отделении – Генкин и т. д., и т. д. И в верхушке: Фельдман – начальник следственного отдела ЧК, Трилиссер – иностранного, а среди членов коллегии ЧК – Ягода, Урицкий, Закс (левый эсер). Мельгунов (полностью следующий либеральным

нормам), говоря об одной книге (мне недоступной), посвященной эпохе Гражданской войны, пишет:

«В своих заключительных строках книга принимает откровенно антисемитский характер, что дает возможность говорить о ее тенденциозности. Мы как-то уж привыкли не доверять литературным произведениям, выходящим из-под пера лиц, не способных возвыситься над шаблоном зоологических чувств узкого шовинизма. Но сведения, идущие из источников другого происхождения, подтверждают многое, о чем говорится в этой книге».

И он, по-видимому, прав! Любое описание террора того времени, если оно специально не обработано, будет (пользуясь либеральным языком) «принимать антисемитский характер». Это вполне относится и к самой книге Мельгунова.

Шульгин приводит список лиц, находившихся на командных должностях Киевской ЧК: из 20 фамилий там 4–5 русских, остальные – евреи. Он пишет:

«Но если бы в этих местных чрезвычайках не было ни одного еврея, то и тогда все же эти расправы были бы делом еврейских рук по той причине, что коммунистическая партия, от лица которой все это делалось, во всероссийском масштабе руководилась евреями».

Но остается факт очень значительного личного участия евреев в осуществлении террора. Ведь это опасно – составляя незначительное меньшинство в стране, так решительно становиться на одну сторону в гражданской войне, с таким азартом полоскаться в крови коренного населения. Для такой цели в каждой стране можно найти исполнителей и из основного населения. В издающемся сейчас в Израиле на русском языке журнале, разбирая исторический роман из предреволюцион-

ной эпохи, критик М. Перах упрекает автора, что он не изобразил черту оседлости и процентную норму, а без этого будет непонятно, «откуда взялись... жестокие комиссары в кожанках с маузерами на боку, не выговаривающие букву эр». То есть обсуждаемое явление он объясняет ненавистью, вызванной ограничениями евреев в дореволюционной России. Если это так, то вскрывает очень специфические особенности еврейского характера, ибо черта оседлости или процентная норма при получении образования не были же сравнимы ни с татарским игом, ни с польским нашествием в Смутное время. И к тому же, положение евреев непрерывно улучшалось: во время войны ограничения были сняты для членов семей, призванных в армию, а уж после Февральской революции они получили все возможные права.

Похожую мысль высказывает в воспоминаниях Мартов. Он происходил из зажиточного одесского семейства Цедербаумов. Когда ему было 3 года, в Одессе произошел погром. Он был остановлен и не дошел до их дома. Но, вспоминая, Мартов пишет:

«Был ли бы я тем, чем стал, если бы на пластической юной душе российская действительность не поспешила запечатлеть своих грубых перстов и под покровом всколыхнутой в детском сердце жалости заботливо сохранить спасительную ненависть».

Здесь приоткрывается совсем новый фактор. Мы всегда считали, что революционерами двигала «любовь к народу», как бы своеобразно она ни понималась; наконец, стремление воплотить в жизнь социалистическую утопию. Но оказывается, одним из стимулов была еще «спасительная ненависть»; у одного ли Мартова? Очевидно, были какие-то причины, делавшие притягатель-

ным непосредственное, личное участие в ЧК, расстреле царской семьи, преследованиях Православной Церкви, несмотря на опасность навсегда посеять вражду между своим народом и основной массой населения.

В «Дневнике писателя» Достоевский говорит:

«...мне иногда входила в голову фантазия: ну что, если б это не евреев было в России три миллиона, а русских; а евреев было бы 80 миллионов – ну, во что обратились бы у них русские и как бы они их третировали? Дали бы они им свободно сравняться с собою в правах? Дали бы им молиться среди них свободно? Не обратили бы прямо в рабов? Хуже того: не содрали бы кожу совсем? Не избили бы дотла, до окончательного истребления, как делывали они с чужими народностями в старину, в древнюю свою историю?»

Как это ни печально, «фантазия» Достоевского почти осуществилась в реальности: правда, не так, что пропорция евреев и русских изменилась, но благодаря тому, что на какой-то момент силы их оказались в таком соотношении, как будто евреев было в несколько десятков раз больше русских. И нельзя сказать, чтобы результат оказался совсем уж непохожим на тот, который мерещился Достоевскому.

Шульгин пишет, обращаясь к евреям:

«Вы жаловались, что во время правления “русской исторической власти” бывали еврейские погромы; детскими игрушками кажутся эти погромы перед всероссийским разгромом, который учинен за одиннадцать лет вашего всевластия».

Безусловно, этот «всероссийский разгром» совершался не исключительно еврейскими руками, а комму-

нистической властью. Но это не снимает вопроса о том, почему же еврейские силы с таким азартом приняли участие в «разгроме». Вся эпоха военного коммунизма состояла из сплошной череды крестьянских восстаний, усмиряемых центральной властью. Обычно это трактуется как «борьба за хлеб», очень жестокий способ осуществления продразверстки. Но изучение конкретных ситуаций не подтверждает такого представления. В громадном числе случаев власти просто шли войной на крестьян. Речь шла о какой-то несовместимости. Не об экономической операции, – скорее, это было похоже на религиозные войны, которые раньше пережила Западная Европа. Например, в Воронежской губернии продразверстку проводил гражданин Марголин. Свидетель рассказывает:

«По приезде в село или волость он собирает крестьян и торжественно заявляет: “Я вам, мерзавцам, принес смерть. Смотрите, у каждого моего продармейца по сто двадцать свинцовых смертей на вас, негодяев” и т. д. Затем начинается требование выполнить продовольственную разверстку, а потом порка, сажание в холодный сарай и т. д.»

То есть на первом месте стояла смерть, а уже потом, как декорация, появлялась продразверстка.

Более подробно известна история так называемого рассказывания. Речь идет о системе мер, направленных против донского казачества в период, когда там, как казалось, установилась коммунистическая власть (конец 1918 г. – начало 1919 г.). Меры эти предварительно обсуждены в сохранившейся переписке Свердлова и А. А. Френкеля. Френкель был одним из членов «Донбюро» (председателем был Сырцов), но писал Свердлову именно он и ряд решений, касающихся казаков, под-

писывал тоже он. Видимо, это было какое-то доверенное лицо Свердлова. Так, Френкель ставит вопрос:

«Предстоит очень большая и сложная работа по уничтожению, путем целого ряда мероприятий, главным образом, в аграрном вопросе, кулацкого казачества как условия, составляющего ядро контрреволюции».

В результате, в январе 1919 года Оргбюро ЦК РКП(б) (наряду с Политбюро – один из руководящих органов партии), возглавлял которое Свердлов, принимает «Циркулярное письмо об отношении к казакам», которое начинается так:

«1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно, провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью».

Эти меры и реализовались: сохранился ряд сообщений о массовых расстрелах в станицах. В феврале была издана «Инструкция реввоенсовета Южфронта к проведению директивы ЦК РКП(б) о борьбе с контрреволюцией на Дону», содержащая указания:

«...обнаруживать и немедленно расстреливать: а) всех без исключения казаков, занимавших служебные должности по выборам или по назначению... е) всех без исключения богатых казаков».

*Реввоенсовет Южного фронта: И. Ходоровский,
В. Гитис,
А. Колегаев.*

*Управляющий делами Реввоенсовета
Южного фронта – В. Плятт.*

В обращении (за теми же подписями) говорится:

«Необходимы концентрационные лагеря с полным изъятием казачьего элемента из пределов Донской области».

Все эти меры энергично осуществлялись, о чем есть много свидетельств. Происходили массовые расстрелы. В итоге расказачивания численность донских казаков сократилась с 4,5 млн. до 2 млн. Результатом (в марте 1919 г.) было Верхне-Донское восстание. В борьбе с ним Реввоенсовет 8-й армии указывал:

«...уничтожены должны быть все, кто имеет какое-то отношение к восстанию и к противосоветской агитации, не останавливаясь перед процентным уничтожением населения станиц.

(Даже без ограничений пола и возраста! – *И. Ш.*)

Реввоенсовет 8-й армии: И. Якир, Я. Вестник».

3. Вопрос о власти

Многие пытались выразить еврейское влияние (Шульгин даже говорил о «всевластии») послеоктябрьской революции в численной форме, на основе тех или иных подсчетов. Например, приводятся списки, создающие впечатление почти стопроцентной концентрации евреев во власти. Но мне кажется, что это очень зависит от выбора того органа, список членов которого приводится. Так, первый состав Совнаркома был: Ленин, Троцкий, Рыков, Милютин, Ногин, Ломов, Сталин, Шляпников, Теодорович, Глебов-Авилов, Антонов-Овсеенко, Крыленко, Дыбенко, Луначарский – он дает другую кар-

тину. Но ведь надо иметь в виду, что Совнарком – исполнительный орган. (Да и Троцкий говорил: «Будет гораздо лучше, если в первом революционном советском правительстве не будет ни одного еврея». Хотя без него самого, видимо, обойтись было просто невозможно.) К тому же, например, Троцкий, который в первом составе СНК должен был заниматься иностранными делами, пишет в воспоминаниях об этом времени:

«Я отдавал все силы перевороту, предоставив заботы по министерству иностранных дел товарищам Малкину и Залкиндю».

Реальная власть принадлежала (как об этом говорили и недовольные большевики на съездах) Ленину, Троцкому и Свердлову. На похоронах Свердлова Ленин сказал, что тот многие вопросы вообще решал единолично. Если же говорить о каком-то органе, то властью было Политбюро. Первым его зародышем был, видимо, комитет, созданный на совещании дома у Суханова в преддверии переворота. Его состав мы уже приводили: Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин, Сокольников, Бубнов. На VI съезде Политбюро не выбирали, но было Бюро ЦК – Ленин, Сталин, Троцкий, Свердлов. На VII (чрезвычайном) съезде опять Политбюро не избирали. Оно возродилось на VIII съезде в составе: Ленин, Каменев, Крестинский, Троцкий, Сталин. Потом отсутствовало на IX съезде. Далее его состав был:

- X съезд – Ленин, Троцкий, Зиновьев, Сталин, Каменев;
- XI съезд – Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Рыков, Томский;
- XII съезд – Ленин, Каменев, Троцкий, Сталин, Зиновьев, Рыков, Томский, Бухарин;

• XIII съезд – Каменев, Троцкий, Сталин, Зиновьев, Рыков, Томский, Бухарин.

Это вплоть до 1924 года – весь период революции и ее утверждения. Политбюро состояло из 5–7 человек. Из них Ленин, по его собственному определению, «человек с примесью еврейской крови», и еще 2 или 3 еврея. По современной терминологии, это был «контрольный пакет» (если еще вспомнить о женах Бухарина и Рыкова). Речь вовсе не идет о каком-то централизованном заговоре. Какие бы силы ни создавали ту «чудесную взаимосвязь», о которой говорит Гретц (в цитате, приведенной в гл. 1), их действию были подвержены большинство членов Политбюро любого состава. Для современников это и выражалось как «всевластие» евреев в то время.

Но в таких тонких вопросах впечатления одного современника дают больше, чем списки и подсчеты. Шульгин, например, говорит о времени Гражданской войны:

«В Красном стане евреи изобиловали и количественно, что уже важно, но сверх того занимали командные высоты, что еще важнее».

Он говорит о «выпиравшем совершенно явственно факте», с его точки зрения, составлявшем «суть дела»:

«Организационной и направляющей силой в стане Красной армии были евреи».

Для примера он приводит Белую армию, где общепризнанно, что руководящей силой было офицерство. Хотя много бывших офицеров воевало в рядах Красной Армии.

«Однако никому не приходит в голову говорить, что коммунистической партией руководили офицеры; и, наоборот, все говорят уверенно, что Белое движение велось офицерством. Почему? Да потому, что в Красном стане русское офицерство было на роли “быдла”, а в Белом – оно было “первенствующим сословием”.

Вот точно таким первенствующим сословием были евреи в Красном стане».

Похоже, и в большевистском лагере проблему чувствовали. Например, в 1923 году Троцкий на пленуме ЦК вспоминал, что сразу после захвата власти Владимир Ильич, лежа на полу, сказал: «Т. Троцкий, мы делаем Вас наркомвнуделом, Вы будете давить буржуазию и дворянство», – но он отказался: «Нельзя давать такого козыря в руки наших врагов».

Как и на предложение стать единственным заместителем Ленина, «чтобы не дать нашим врагам повода сказать, что Россией правит еврей».

Американский советолог Р. Пайпс пишет:

«Троцкий был в Совнаркоме единственный евреем. По-видимому, большевики опасались обвинения в том, что они – “еврейская партия”, создавшая правительство, которое будет служить интересам “международного еврейства”».

Выступая на том же пленуме ЦК, Троцкий говорил:

«Вы помните, какой вред принесло нам в Гражданскую войну то, что во главе Красной Армии стоял еврей».

(Если он действительно так думал, то непонятно, зачем он назначил своим заместителем и по Реввоенсовету, и по Наркомвоенмору Склянского. Если бы хоть

это был незаменимый военный специалист, а то недоучившийся медик!).

По поводу всего революционного движения – и до, и после 1917 года – взвешенным свидетельством о роли евреев мне кажется книга «Россия и евреи», изданная в Берлине в 1923 году. Это собрание статей шести евреев, отнюдь не отказавшихся от своей национальности, озабоченных тем, как сложатся в будущем отношения их народа с другими народами России. Вот что они пишут.

«Не подлежит никакому сомнению, что число евреев, участвовавших в партии большевиков, а также во всех других партиях, столько способствующих так называемому углублению революции – меньшевиков, эсеров и т. д. как по количеству, так и по выпавшей на них роли в качестве руководителей, не находится ни в каком соответствии с процентным отношением евреев ко всему населению России. Это факт безусловный, который надлежит объяснить, но который бессмысленно отрицать». (Левин)

«Теперь еврей – во всех углах и на всех ступенях власти. Русский человек видит его и во главе первопрестольной Москвы, и во главе Невской столицы, и во главе армии, совершеннейшего механизма самоистребления. Он видит, что проспект Св. Владимира носит славное имя Нахимсона, исторический Литейный проспект переименован в проспект Володарского, а Павловск – в Слуцк. Русский человек видит теперь еврея и судьей, и палачом». (Бикерман)

«Ряды социалистов были переполнены евреями. И когда по линиям русских государственных судеб над Россией – если можно так выразиться – стрясся вместе с революцией социализм как проявление, результат и фактор общегосударственного развала и на-

родного разложения, тогда эти евреи со всей своей численностью и энергией оказались на передовой волне разложения». (Ландау)

«Еврей вооружал и беспримерной жестокостью удерживал вместе красные полки, огнем и мечом защищавшие “завоевания революции”, по приказу этого же еврея тысячи русских людей, старики, женщины бросались в тюрьмы, чтобы залогом их жизни заставить русских офицеров стрелять в своих братьев...» (Бикерман)

В новейшее время представительница «третьей волны» эмиграции С. Марголина пишет:

«Вопрос о роли и положении евреев в советской истории относится к числу самых важных и одновременно самых табуизированных вопросов нашего времени... Особый и почти не исследованный вопрос – работа евреев в репрессивных органах: ЧК, ГПУ и НКВД... Что ни говори, а ужасы революции и гражданской войны, как и последующих репрессий, тесно слились с образом еврейского комиссара».

Опять из сборника «Россия и евреи»:

«...в этой смуте евреи принимают деятельнейшее участие в качестве большевиков, в качестве меньшевиков, в качестве автономистов, во всех качествах, а все еврейство в целом, поскольку оно революции не делает, на нее уповает и настолько себя с ней отождествляет, что еврея – противника революции всегда готово объявить врагом народа». (Бикерман)

Связь евреев и революции, отмеченная в последней цитате, была симметричной. Если еврея – противника революции евреи объявляли врагом своего

народа, то и новая власть противника евреев объявляла своим врагом. В «Известиях ВЦИК» от 27 июня 1918 года опубликовано сообщение «От Совета народных комиссаров». В нем говорится:

«СНК объявляет антисемитское движение и погромы евреев гибелью (! – И. Ш.) дела революции... Погромщиков и ведущих погромную агитацию предписывается ставить вне закона».

Закон, предписывающий кого-либо ставить вне закона, кажется, уникален в истории.

В принятом в 1922 году Уголовном кодексе (статья 83) предписывалось:

«За разжигание национальной вражды в особо отягчающих обстоятельствах – кара до расстрела».

Еще одно свидетельство принадлежит С. С. Маслову – известному специалисту по сельскохозяйственной кооперации, депутату Учредительного собрания. В начале 20-х годов он эмигрировал (или был выслан?) и описал то, что пережил до того в Советской России. Он пишет:

«Распространенное выражение “жидовская власть” весьма часто в России, особенно на Украине и в бывшей черте оседлости, понимается не как зазорное определение власти, а как совершенно объективное определение ее состава и ее политики. Когда украинец-крестьянин называет свою гужевую и трудовую повинность “жидовской панщиной”, он выражает только свое искреннее убеждение, что панщина введена действительно евреями. В определение власти

как “жидовской” вкладывается двойной смысл: советская власть, во-первых, отвечает желаниям и интересам евреев, во-вторых, власть фактически находится в руках евреев. Характерный бытовой факт, отражающий первый смысл определения власти: если к свободно разговаривающей о советских порядках группе лиц (не евреев) подойдет еврей, даже лично знакомый собеседникам, разговор почти всегда круто обрывается и переходит в другую плоскость».

Тогда же, когда вышла книга С. С. Маслова (в 1922 г.), в эмигрантской газете «Еврейская трибуна» появилась статья Е. Кусковой (сначала участницы «Освободительного движения», потом пытавшейся организовать комитет помощи голодающим в России – в кличке ПРОКУКИШ, данной большевистской прессой этому комитету, ей принадлежит «КУ», а потом высланной из СССР). Статья называется «Кто они и как быть?» Она передает свои впечатления о русско-еврейских отношениях в Советской России. Женщина-врач, еврейка, говорит:

«Еврейские большевистские администраторы испортили мне мои прекрасные отношения с местным населением... И это население относится ко мне теперь отвратительно, и я чувствую себя отвратительно».

Или учительница:

«Понимаете, меня ненавидят дети, вслух орут, что я преподаю в еврейской школе. Почему в еврейской? Потому что запрещено преподавать Закон Божий и выгнали батюшку.

– Да я-то тут при чем? Ведь распоряжение дал Наркомпрос?

– Да потому, что в Наркомпросе – все евреи, а вы от них поставлены».

Кускова цитирует прокламацию Политуправления (Наркомпроса?), разъясняющую, почему «так много евреев»:

«Когда российскому пролетариату понадобилась своя интеллигенция и полуинтеллигенция, кадры административных и технических работников, то неудивительно, что оппозиционно настроенное еврейство пошло ему навстречу... Пребывание евреев на административных постах новой России – совершенно естественная и необходимая вещь, будь эта Россия кадетской, эсеровской или пролетарской».

Но может быть, те евреи, которые занимали руководящее положение в социалистическом движении и в русской революции, в самом еврействе составляли меньшинство, оторвавшееся от своих национальных корней? Может быть, их позиции вызывали осуждение евреев, верных своим национальным традициям? Действительно, такие голоса раздавались: таков, например, смысл книги «Россия и евреи», которую мы выше цитировали (авторы выступали в этом вопросе не только как теоретики: один из них, Пасманик, сотрудничал, например, с правительством Деникина и Врангеля). Но как раз в этой книге авторы заверяют нас, что встретили враждебность и осуждение основной массы еврейства. Так, еврейская пресса писала о них:

«Там имеются такие еврейские элементы, которые не могут быть приняты в счет. Это отбросы еврейской общечужденности, сроднившиеся с Врангелем и проделавшие с его армией весь длинный путь...»

В статье М. Бикермана рассказывается о банкете русско-еврейских общественных деятелей в эмиграции и о выступлении одного обамериканившегося еврея, сказавшего:

«Евреям жаловаться на Россию нечего, мы всегда с удовлетворением отмечали случаи, когда в Англии или Франции выдающийся еврей достигал власти... теперь в России чуть ли не половина министров – евреи».

Далее рассказывается об одном еврейском деятеле (автор называет его «белым вороном»), предложившим высокому еврейскому духовному лицу организовать протест против казней православных священников в СССР. Тот, подумав, ответил, что это значило бы бороться против большевиков, чего он не считает возможным делать, так как падение большевистской власти привело бы к еврейским погромам и тем самым его руки оказались бы обагрёнными еврейской кровью. Автор резюмирует:

«Общественное мнение еврейства всего мира отвернулось от России и повернуло в сторону большевиков. Французский же, английский или американский еврей и не обязан думать о том, как выбраться России из пропасти, куда она ввергнута была бессмысленным бунтом, именуемым революцией, и у него о России и делах русских остается только одно: существующая власть большевиков уже тем благодетельна, что она не допускает еврейских погромов; ей угрожает “реакция”, готовая евреев истребить».

Последняя мысль находит подтверждение в неожиданном источнике. В своей полемике с Троцким по поводу террора в России (собственно, это ответ на ста-

тью Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский») Каутский пишет:

«То, чего мы опасаемся, это не диктатура, а нечто, пожалуй, гораздо худшее. Вероятнее всего, что новое правительство будет чрезвычайно слабо, так что оно не сможет, даже если захочет, справиться с погромами против евреев и большевиков.

...потому мы вынуждены защищать его (большевизм. – И. Ш.) как меньшее зло».

(Хотя в самом названии книги автор характеризует положение в России как «государственное рабство».)

То есть отношение к коммунистической власти как «власти, охраняющей евреев от погромов», оказывается для Каутского на первом месте при всех имевшихся партийных разногласиях.

В книге «Россия и евреи» не раз обсуждается связь между политически активной частью еврейства и остальной массой:

«Дело было здесь не в том огромном количестве активных партийных людей, социалистов и революционеров, влившихся в нее (революцию. – И. Ш.) ; дело в том широком сочувствии, которым она была встречена, а в некоторой степени сопровождалась и позже... Ясно, что были какие-то сильные мотивы, которые толкали евреев в эту сторону». (Ландау)

«Много ли было таких еврейских буржуазных или мещанских семей, где бы родители, мещане и буржуи, не смотрели сочувственно, подчас с гордостью, и в крайнем случае безразлично на то, как их дети штамповались ходячими штампами одной из революционно-социалистических идеологий». (Ландау)

Иначе ту же мысль формулирует Шульгин:

«...несправедливо думать, что современные евреи-коммунисты явились, как Венера, из пены морской. Нет, они суть ужасное дитя массовой еврейской злобы, охватившей значительную часть русского еврейства в 1905–1906 годах».

Это же чувство пронизывает воспоминания одного из создателей сионистского движения Х. Вейцмана. Он не раз говорит: «при моей ненависти к России» – как о чем-то само собой разумеющемся. И для более позднего времени (1919 г.) Шульгин приводит конкретный пример широкой еврейской поддержки большевизму:

«...я мог наблюдать в Одессе еврейскую работу против Добровольческой армии... Это было при французской интервенции. Разложение пришедшей в Одессу французской армии было сделано в значительной степени антибелым жужжанием Одессы-мамы».

В советском журнале «Красный Архив» публикуются документы, подтверждающие наблюдение Шульгина. По донесениям, полученным товарищем министра иностранных дел Украинской директории Марголиным, вырисовывается такая картина. Начальником штаба французских оккупационных сил был полковник Фрейденберг. Он ведет переговоры с украинской Директорией, ориентируясь на социалистов-федералистов. Командующие генералы Франше, д'Эспере, Бертелло и Ансельма на все смотрят его глазами. Его политика сводится к дискредитации Добровольческой армии. Под его влиянием закрыли газету Шульгина «Россия» и решили открыть богатую «Нові Шляхи». Его политика

препятствует мобилизации в Добровольческую армию, где его называют «злым гением союзнического командования». Одновременно против Добровольческой армии интриговал Совет Государственного Объединения, фактическим главой которого был Маргулис.

Отношение националистического, сионистского еврейства к революции очень ярко характеризует резолюция сионистского съезда, проходившего в Петрограде после Февральской революции.

Резолюция настаивает, чтобы кандидаты от еврейства в Учредительном собрании, если возможно, проходили по еврейским спискам, если же это невозможно, то сионисты обязывались поддерживать партии «не правее партии народных социалистов». «Народные социалисты» были более умеренной фракцией эсеров. Таким образом, сионистам предписывалось голосовать только за социалистические, революционные партии.

Конечно, послереволюционное время не было просто эпохой «еврейской власти», – хотя бы потому, что такая концепция не провозглашалась, а мы знаем уже теперь, что без сформулированной четко концепции невозможно произвести радикальный (да еще такой радикальный!) переворот. Провозглашалась совсем другая концепция – интернационально-коммунистическая. И невозможно, чтобы многие десятки тысяч евреев-коммунистов на самом деле были «марранами», тайно исповедовали другую доктрину – и никто никогда бы не проговорился: ни тогда, ни позже.

Но от фактов никуда не уйдешь. Они говорят о чрезвычайно значительном «еврейском факторе» в революции.

Неверно, что хотя бы в какой-то период революции «все» или «почти все» революционеры были евреями. Но после Октябрьской революции страна разделилась на два лагеря: «за» и «против» революции (крестьян-

ские восстания, гражданская война, эмиграция). Мы видели, что лагерь «за» не состоял сплошь из одних евреев. Но, может быть, их не было в лагере «против»? И этого сказать четко нельзя. Конечно, многие евреи, связанные с Февральской революцией, оказались не ко двору после Октябрьской. Они что-то делали на территориях белых правительств, они отправились, в конце концов, в эмиграцию. Таких было много. Но вот решительные борцы против революции среди евреев были, по-видимому, исключениями. Например, убийца Урицкого Канегиссер, стрелявшая в Ленина Каплан. Такими исключениями были и 6 авторов книги «Россия и евреи»; они свою позицию «изгоев» из еврейской среды и зафиксировали. Как пишет Шульгин:

«Только ничтожная группа еврейства примкнула к Белым. Правда, Винавер побывал лично в Екатеринбурге, то есть, так сказать, в гостях у Деникина. Он пришел совместно с Милюковым. Но и тот, и другой были общипаны хуже, чем Двуглавый орел времен керенщины. Можно сказать, вместе они мало весили... Винавер потому... да вот именно потому, что еврейство в Белом Движении не пошло...»

Объясняли это тем, что в Добровольческой Армии был такой антисемитизм, что невозможно было продохнуть... Отчасти это верно. Но только – отчасти. Несомненно, что если бы еврейство с такой же страстностью ринулось в Белые армии, с какой оно работало для Красной, то антисемитизма не было бы в белом стане».

Эту же мысль мы встречаем и в книге «Россия и евреи»:

«В армии, где было бы много солдат-евреев, антисемитизм задохнулся бы». (Линский)

Так и Шульгин, обсудив две крайние позиции:

1. Все жидаы – коммунисты;
2. Не все жидаы – коммунисты, но все коммунисты – жидаы; приходит к выводу, который ему представляется «совсем близким к истине»;
3. «Не все жидаы – коммунисты; не все коммунисты – жидаы; но в коммунистической партии евреи имеют влияние, обратно пропорциональное их численности в России».

Это, безусловно, верно, но является, как мне представляется, лишь частью более общего явления, которое заключается в следующем. В начале XX века Россия пережила потрясший ее кризис, связанный с революцией, начиная с 1905 года. И если позволительно оперировать такими категориями, как «дворянство», «крестьянство», тогда, очевидно, и «еврейство»-то, несомненно, «еврейство» как целое в этом кризисе оказалось все на стороне революционно-коммунистической. Как в смысле совершенно непропорционального участия в революции и коммунистической власти, так и в смысле столь же непропорционально малого участия в борьбе с этими силами. Конечно, практически никто из них не участвовал в борьбе крестьян и очень мало в Белых армиях. Ну можно ли Винавера, Мартова, Абрамовича, да и Милюкова, конечно, считать борцами с революцией? Они были как раз ее активными участниками, но на определенной фазе – Февральской, а при переходе к фазе Октябрьской произошла смена действующих лиц и они оказались «вне игры» – в эмиграции. Да Винавер и посвятил последние годы своей жизни не «борьбе с коммунизмом» (хотя бы газетной), а издавал в Париже газету «Еврейская трибуна» и, как говорит одна цитируемая Шульгиным эмигрантская газета, «в последние годы жизни проявил свое наивное участие в палестинском правительстве».

В том кризисе, который расколол тогда Россию, вряд ли правомочен вопрос: кто был прав? Он больше похож на стихийное явление. Но за то, что «еврейство» как целое оказалось на одной, определенной стороне, говорят и числовые подсчеты, и наблюдения как евреев, так и русских; как интеллигентов, так и украинских мужиков; как книги белых эмигрантов, так и заявление Политуправления Наркомпроса. И не только на «одной стороне», но и руководящей силой и опорой этой «стороны».

Мы привели много свидетельств (а можно было бы привести и гораздо больше) враждебности «еврейства» к «исторической России», отразившегося и в революции. Безусловно, традицию этого враждебного отношения создали русские, даже вначале – русские аристократы. Но эту традицию еврейство приняло почти целиком (хотя и с разными оттенками). И тут очень рискованно принимать априорные решения насчет того, что было «причиной», а что – «следствием». (Если историю вообще можно разложить на цепь «причин» и «следствий».) Общепринята точка зрения, согласно которой «неравноправие», «еврейские погромы», «кровавый навет» и т. д. вызвали враждебность еврейства к России, приток в революционное движение, а после революции – «выход во власть». Но можно ли эту точку зрения проверить? Как можно убедиться, что неверна обратная точка зрения: что первичной была именно эта враждебность и воля к властвованию, а только в результате этого такую яростную реакцию вызвало «ограничение свободы передвижения» и все остальное? Ведь от кагальной организации терпели притеснения, куда более жестокие, русские министры все же не варили евреев в кипятке! И мы не видели толп старообрядцев, устремившихся в ЧК или Компартию. Мне

кажется, ответить на этот вопрос можно, только тщательно продумывая нашу новейшую историю, сопоставляя ее с аналогичными ситуациями у других народов, но не принимая на веру торопливо изготовленный интеллектуальный штамп.

Глава 12

Запад между мировыми войнами (От Первой до Второй мировой войны)

1. После войны

Странным образом еврейское влияние в мире резко усиливалось в периоды мировых войн. Мы уже упомянули о наполеоновских войнах, принесших евреям равноправие во всей Западной Европе, совпавших с возникновением еврейской прессы (да и экономически усиливших евреев, создавших целые состояния на финансировании обеих сторон. Возвышение дома Ротшильд относится к этому времени.) Позже мы встретимся с тем же явлением на примере Второй мировой войны. Теперь же обратимся к Первой мировой войне.

Ярче всего можно проследить интересующее нас явление на примере Германии. Война потребовала концентрации экономических усилий, регулирования экономики. Еще в 1912 году газета «Берлинер тагеблатт», созданная в XIX веке еврейским издателем и обещавшая в первой программной статье защищать еврейские интересы, писала:

«Хорошо управлять Германией сегодня – это значит уметь хорошо считать, а это дети Сима всегда умели. Ныне в решающих для нашей судьбы местах нужны

люди, умеющие считать, делать прогнозы в сфере материальных ценностей. Так ли плохо черпать их из среды иудейской расы? Разве не свидетельствует о прекрасном чутье Вильгельма, что он всегда в трудный момент приглашает в свой дворец директора Баллина, Симона, Гольдбергера, Германа, Арнольда, Ратенау, Швабаха, Фридлендера-Фульд?»

С началом войны руководство мобилизацией хозяйственной жизни в военных целях было передано в руки двух экономических диктаторов: Ратенау и Баллина. Баллин встал во главе Центрального Закупочного общества. Ратенау возглавил Отдел стратегического планирования в военном министерстве. Была организована сеть Военных обществ, основанных на частной инициативе, но действовавших при поддержке государства. В их руках фактически находилась экономическая жизнь Германии. Во главе всей этой системы находился Ратенау, которого пресса называла «начальником генерального штаба позади линии фронта», фигура, ярко иллюстрирующая характер еврейского влияния в Германии до, во время и после мировой войны. Сын одного из крупнейших промышленников в предвоенной Германии, в молодости Ратенау писал в книге «Впечатления» (1902 г.):

«Слушай Израил! Юдофилы говорят: еврейский вопрос не существует. Недостаточно пройти в воскресный полдень по Тиргартештрассе или бросить вечером взгляд на фойе театра. Странное дело! В сердцевине немецкой жизни мы видим расу совершенно особую, странную... Среди песков Брандербурга замечаешь “азиатскую орду”. Выделанная веселость этих людей не дает проглядывать наружу древней и неутолимой ненависти, кото-

рую они несут на своих плечах. Тесно связанные друг с другом, строго изолированные от внешнего мира, они образуют не живой орган немецкого народа, но особый организм, чуждый его телу».

Ратенау унаследовал состояние отца и стал одним из крупнейших промышленников и финансистов Германии. В 1909 году он писал Венской газете «Ней Фрейе пресесе»:

«300 человек, знающих лично друг друга, решают судьбы континента».

И в другой раз:

«Настало время, чтобы влиятельные международные финансовые круги, давно скрывавшие свою власть над миром, провозгласили бы ее открыто!»

Вспоминая после конца войны свои впечатления в связи с ее началом, он приводил разговор с другом:

«Я сказал: “Никогда не наступит такой момент, чтобы Кайзер, в качестве покорителя мира, проехал на белом коне под Бранденбургскими воротами. В такой день мировая история потеряла бы свой смысл”».

Тем не менее ему был поручен пост экономического диктатора Германии, и он его принял. Известный экономист, лауреат Нобелевской премии фон Хайек считает, что именно «в кабинетах Ратенау» были заложены основы для прихода к власти национал-социалистов: бюрократизация и централизация хозяйства, начатые во время войны, привели к тому, что к 33-му году хо-

зяйством Германии могла руководить только диктатура. Но Ратенау и через многочисленные публикации пропагандировал идеи унификации и централизации хозяйства. Хайек пишет:

«Вероятно, он больше, чем кто-либо другой, повлиял на взгляды современников. А некоторые из его ближайших сотрудников образовали позже ядро аппарата, проводившего геринговскую четырехлетку».

Судя по мемуарам из этой эпохи, Военные общества были переполнены евреями. Книга, посвященная этому вопросу, приводит такие примеры (правда, может быть, крайние, но дальше уж идти и некуда). Вот состав руководства Общества по снабжению текстилем: Кон, Цейтлин, Гершфильд, Самилевич, Геллер, Эйснер, Зоммерфельд, Фейтульберг, Симон, Платнер, Симон (еще один!), Вильнер. В Военно-металлургическом акционерном обществе немцы составляли 13%, евреи – 87%; в обществе, ведавшим снабжением кож, немцы – 2%, евреи – 98%. Общества и принадлежавшие к ним фирмы выплачивали неслыханные дивиденды: 300, 400, 700 и даже 900%. Спекуляции за несколько дней давали возможность выиграть миллионы. Создавались состояния в сотни миллионов. Все время: как в течение войны, так и после ее окончания, – шли судебные процессы: поставки фальшивых товаров, спекуляции, злоупотребление служебным положением с явным перевесом еврейских имен. Несколько раз под суд попадал Гельфанд-Парвус, участник русской революции 1905 года, пропагандист теории «перманентной революции», но одновременно и биржевой спекулянт-миллионер, вместе с его постоянным сотрудником Шклярцем. Уже после войны, когда у власти сто-

яли социал-демократы, партийные товарищи Парвуса, в связи с очередным скандалом министр культов Хениш сделал газете «8 ур абендблатт» такое заявление:

«Что касается до операций Парвуса, может быть, действительно несколько рискованных, я этого не знаю, то не забывайте, пожалуйста, что Парвус не корректный немецкий мещанин и, благодаря всему пройденному им пути, таковым стать не может. В его жилах несомненно очень своеобразно смешиваются еврейская, русская (? – И. Ш.) и татарская (?? – И. Ш.) кровь. Такой человек имеет право, чтобы его судили по законам его собственного существа и прожитой жизни».

(Этот Хениш – министр культов! – был главным редактором издававшегося Парвусом и Шклярцем журнала «Глоке».)

Когда в 1918 году Германия оккупировала Украину, то государственный секретарь Буше-Хадденхаузен сообщил в комиссии рейхстага, что закупки зерна (т. е. фактически конфискация) на Украине будут поручены «знающим местные обстоятельства евреям». В Австро-Венгрии с той же целью было организовано Общество для импорта зерна. Его руководство – Кон (председатель), Рейф и Герфель (заместители), Фишль, Гибиан, Гехорзам, Горовитц, Германн, Леви, Сойка, Верхеймер.

В странах противоположного лагеря можно видеть аналогичную картину, прежде всего в отношении централизованного управления экономикой. Например, в США хозяйственным диктатором был Бернард Барух (аналог немецкого Ратенау). Он был сначала биржевым спекулянтom, но во время войны возглавил ВПК – Военно-Промышленный Комитет (War Industry Board).

Он характеризовал работу ВПК как выработку «приоритетов», например, «направить ли паровозы генералу Першингу (в армию) или в Чили для транспорта селитры, необходимой для изготовления аммуниции войскам Першинга».

Его противники обвиняли его в установлении экономической диктатуры и называли «сверхпрезидентом».

После войны он стремился закрепить опыт ВПК:

«Необходимо регулировать не только цены, но и капитал, рабочую силу, производство. Этого нельзя добиться без авторитета, контроля и руководства промышленностью, достаточного, чтобы организовать ее и управлять как единой цельной системой. Нужен совершенно новый подход, при котором каждый завод и все сырье, каждый предприниматель и рабочий есть части одной гигантской промышленной армии».

В 1930-е годы Барух пропагандировал создание планов мобилизации американского хозяйства для следующей войны, вступление в которую США он считал необходимым. (Он писал, что был просто одержим этой идеей.) «Я не знаю такого животного», – говорил он о нейтралитете. При этом как аргумент он использовал то, что Гитлер использует опыт ВПК, совершенно параллельно тому, что говорил Хайек о влиянии Ратенау на геринговскую четырехлетку.

В области финансов аналогичную роль играл Пауль Варбург (аналог немецкого Баллина). Причем до 1914 года он был совладельцем Гамбургского банкирского дома Варбургов, возглавляемого его братьями. (Один из этих братьев по поручению германского правительства даже пытался вступить в Стокгольме в контакт с русским политическим деятелем Протопоповым

в неудавшейся попытке прощупать возможность сепаратного мира с Россией.)

Вот пример, касающийся уже высокой политики. Американский миллиардер Генри Форд отправился в 1917 году в Европу в надежде добиться заключения мира. Позже он писал:

«Всякий раз, как я пытался пробиться к министру или коронованной особе, в дверях мне преграждал дорогу секретарь-еврей. Без их согласия я не мог пробиться к власти имущим. Поэтому я пришел к выводу, что именно им и принадлежит власть в Европе».

И, действительно, в разное время секретарем Лойд Джорджа был Филипп Сассун, Асквита – Эдвин Самуэль Монтегю, Клемансо – Мандель, Лубе – Гуго Обендорфер.

На возросшую роль еврейского влияния в мировой политике обращает внимание Д. Рид на примере следующего инцидента. В начале 1918 года большой контингент английских войск был переброшен в Палестину для полного ее очищения от турок, несмотря на то, что естественно было ожидать решительного немецкого наступления на Западном фронте с использованием войск, освободившихся на Восточном фронте. Решение явно было очень спорным и принято под большим давлением; для его осуществления потребовалось уволить нескольких политиков и военачальников. Действительно, немецкое наступление началось через 2 недели после начала английского наступления в Палестине. Англичанам пришлось перебрасывать свои войска назад в Европу, и они потерпели крупное поражение.

Война закончилась Версальским миром, его условия вырабатывались на мирной конференции, где при-

нимали участие представители Всемирной сионистской организации и отдельные влиятельные еврейские группы. К тому времени уже в так называемой декларации Бальфур Англией было дано обязательство создать в Палестине еврейский «национальный очаг». Эта декларация формально была всего лишь письмом тогдашнего министра иностранных дел Англии Бальфура лорду Ротшильду. (И понятие «национального очага» очень неопределенно.) Но в дальнейшем она рассматривалась как основной документ, приведший позже к созданию государства Израиль.

Наиболее болезненными мирные переговоры были для Германии, для нее это были не переговоры – ей диктовали условия. Главой немецкой делегации был Брокдорф-Ранцау, немец и даже граф (перед тем посол в Дании, через него осуществлялось финансирование большевиков). Но главой экономической делегации был Мельхиор, еврей, перед тем глава экономической миссии в оккупированной Украине. В экономическую делегацию входили также Варбург, Жатан, Вассерман, Соломонсон.

На мирной конференции вершилась судьба воссоздаваемой Польши. Под давлением влиятельных еврейских групп (в основном американских) основные страны-победительницы настаивали на принятии Польшей обязательств, желательных для польского еврейства. Польская делегация возражала против подобных обязательств, предполагая, что они будут вытекать из общих гарантий всем гражданам, которые будут даны в конституции новой Польши. Но страны-победительницы настаивали на специфических гарантиях, используя, как рычаг влияния, затягивание решения вопроса о западных границах Польши. Иногда речь шла о национальных меньшинствах вообще,

но участники ясно выделяли именно евреев. Бальфур направил письмо (25 июня 1919 г.) польскому премьеру Падеревскому, имевшее характер предостережения, со ссылкой на общественное мнение Англии и Империи (особенно Канады). В окончательный текст декларации о создании польского государства было включено заявление о защите прав евреев. Однако еврейские организации (главным образом, американские) требовали расследования реального положения евреев в Польше, в частности, слухов о погромах. Американский посол в Польше Гибсон утверждал, что речь идет о незначительных местных инцидентах. Госсекретарь Лансинг также считал, что их значение было сильно преувеличено американской прессой. Он организовал встречу Гибсона с представителями американских еврейских организаций Брандэсом и Франкфуртером. Те грозили Гибсону, что сенат больше не утвердит его послом. Сенат, правда, его утвердил, но Лансинг дал ему указание более не публиковать свои сообщения о положении евреев в Польше. В связи с этими событиями в Польшу была направлена из Америки комиссия во главе с близким сотрудником президента Вильсона и видным представителем американского еврейства Г. Моргантау (бывшим послом в Турции). Одновременно из Англии был направлен с аналогичной миссией сэр Стюарт Самуэль, брат влиятельного полковника сэра Герберта Самуэля, на которого Вейцману когда-то указали, как на «еврея в правительстве».

В 1920 году в связи с войной с Советской Россией польские газеты писали, что при наступлении Красной Армии еврейское население ее торжественно встречало, а отступающие польские части обстреливали. Подобные настроения привели к приказу военного министерства от 6 августа 1920 года. Он предписывал вывести

еврейских солдат из воинских соединений, так чтобы они не составляли в них более 2%, и объединить их во вспомогательные строительные части.

В послевоенной Европе Германия была «больной ее частью». Напряжение войны и суровые условия Версальского договора привели к резкому падению жизненного уровня. Почти по всем показателям производство с 1913 по 1919 год упало примерно вдвое: по добыче каменного угля, железной руды, производству чугуна, стали и т. д. А к 1923 году производство упало еще более чем вдвое. Заболеваемость туберкулезом увеличилась в 2,5 раза. Инфляция, приведшая вскоре к полному обесценению марки (за 1921–1922 гг. более чем в 1000 раз), рост безработицы – все это создавало почву для революционных толчков. Началом была «ноябрьская революция» 1918 года, когда была упразднена монархия. Она была результатом не прямого революционного захвата власти, а давления со стороны Антанты, забастовок, отдельных волнений в армии.

Власть оказалась в руках социал-демократов (9 ноября 1918 г.). Как мы уже говорили (гл. 9), еврейское влияние в немецкой социал-демократии было очень сильно. Теперь это отразилось на общегерманской ситуации. Первые дни власть была в руках двух «уполномоченных» (подразумевалось – рабочих уполномоченных) Эберта и Гаазе. (Напомним, что в главе 9 имя Гаазе встречалось в перечне депутатов рейхстага от социал-демократической партии, которые в то же время принадлежали к иудейскому вероисповеданию.) Потом роль высшего правительства играл Совет народных «уполномоченных», созданный 12 ноября 1918 года. Он состоял из 6 человек: Эберта, ответственного за внутренние дела и военные вопросы; Гаазе, ответственного за иностранные дела; Шейдемана, ответственного

за финансы; Дитмана, ответственного за демобилизацию; Ландсберга, ответственного за прессу и информацию; Барта, ответственного за социальную политику. Эберт и Гаазе были равноправными сопредседателями. Этой группе подчинялись министры и статс-секретари, в среде которых было произведено мало изменений. Введен был лишь статс-секретарь по делам казначейства Шиффер и новый министр продовольствия Вурм (его мы встречали в гл. 9), а также заменен министр экономики. Позже был введен статс-секретарь Гуго Прайс (сын еврейского торговца) со специальной целью готовить новую конституцию. Рассматривались две кандидатуры на это место: Прайс и Макс Вебер, но выбор остановился на Прайсе. Он и стал главным разработчиком конституции, в которой он стремился заменить традиционное деление Германии на «земли» разделением на департаменты по французскому образцу. Только сильное сопротивление (в частности, выступления Макса Вебера) заставило отказаться от этого плана.

После принятия конституции Эберт был выбран президентом и было сформировано правительство во главе с Шейдеманом, в котором Шиффер был заместителем премьера и министром финансов, Прайс – министром внутренних дел, Ландсберг – министром юстиции.

Но, по аналогии с Россией можно предположить, что не меньшую роль, чем правительство, играл избранный Всегерманским съездом советов Центральный Совет Германской Социалистической Республики, председателем которого был Коэн (Рейс).

С момента ноябрьской революции сразу же стало энергично развиваться левое крыло социал-демократии. 11 ноября 1918 года был создан Спартаковский союз, во главе которого К. Либкнехт, Р. Люксембург, Л. Йогшес, П. Леви, но также и некоторые немцы, напри-

мер, Ф. Меринг и В. Пик. 29 декабря этот союз трансформировался в Компартию Германии. Движение «спартаковцев» существовало и раньше официального создания союза (была Спартаковская группа еще в 1916 г.). Движение спартаковцев пользовалось поддержкой из России, что было одной из причин разрыва советско-германских дипломатических отношений и высылки советского посла Иоффе. На организационном съезде КПП присутствовал Карл Радек. Он выразил надежду, что скоро в Берлине будет заседать международный Совет рабочих депутатов и «русские рабочие будут сражаться совместно с немецкими на Рейне, а немецкие с русскими на Урале». Именно ноябрьская революция освободила Радека из немецкой тюрьмы; после Октябрьской революции 1917 года он был направлен в Германию и немецкое правительство обвиняло его в поддержке революционной деятельности при помощи посла Советской России Иоффе.

В первых числах 1919 года спартаковцы попытались захватить власть в Берлине, но были разбиты войсками, оставшимися верными правительству, причем были убиты К. Либкнехт, Р. Люксембург и Л. Йогшес. После этого во главе КПП стал П. Леви.

10 января 1919 года была провозглашена Бременская советская республика и продержалась около месяца.

Вскоре после подавления попыток захвата власти в Берлине и Бремене кризис разразился в Мюнхене. Военный крах Германии привел к захвату власти солдатами и рабочими. Во главе правительства некоторое время находился Курт Эйснер (сын еврейского купца). Ближайшими его сотрудниками были Яффе и Ландауер. Формально власть принадлежала ландтагу, где большинство имели буржуазные партии. Но потом развернулись довольно темные события. Эйснер был

убит графом Арко, и одновременно произошел разгром ландтага (видимо, заранее подготовленный). В феврале 1919 года была провозглашена Баварская советская республика. К ней обратился Ленин, набрасывая в виде вопросов ясную программу действий: «Какие меры Вы приняли против буржуазных палачей Шейдемана и К°? Вооружили ли Вы рабочих и разоружили буржуазию? Взяли ли заложников из среды буржуазии?» Именно Баварская республика осталась в воспоминаниях многих немцев как пример наибольшего руководящего участия евреев в революции. Бежавшее из Мюнхена в Бамберг правительство заявляло:

«В Мюнхене свирепствует русский террор, развязанный чужеродными элементами».

Основными деятелями были либеральные социалисты Ландауер и Мюзам (в молодости отошедший от иудаизма) и коммунисты Левин, Левинэ, Толлер, Аксельрод. Аксельрод недавно прибыл из Москвы как корреспондент РОСТА. Кажется, единственным немцем среди игравших там первые роли был матрос Эгельхофер.

Попытка коммунистической революции в Мюнхене была подавлена войсками, как и в Берлине.

К десятилетию этих революционных битв, в 1929 году, в Берлине вышла книга «Иллюстрированная история ноябрьской немецкой революции», изданная явно левым, быть может, коммунистическим, издательством. Книга очень интересная: кроме описания этих волнующих событий, там, на фотографиях, можно увидеть революционные толпы, лица их вождей. Но несколько деятелей удостоены особыми, большими портретами, в целую страницу.

Кто же они?

Карл Маркс, Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Лео Йогисес, Эуген Левинэ.

Таков, по-видимому, и был облик революционного движения Германии той эпохи.

Дух революционного движения Германии этого периода отражал съезд «независимой» (т. е. более радикальной) социал-демократической партии в октябре 1920 года. С речью, длившейся несколько часов, там выступил тогдашний глава Коминтерна Зиновьев. Он напал на «правых» социал-демократов и предсказывал, что «в Германии теперь возникнет большая единая коммунистическая партия и это будет величайшим событием нашего времени». Выступавшие с возражениями Гильфердинг и Мартов, протестовавшие против «диктатуры Москвы», получили у делегатов гораздо меньшую поддержку. На съезде большинство делегатов высказалось за слияние с Коммунистической партией. Образовалась Объединенная Коммунистическая партия Германии, в которую вошла половина членов «независимой» с.-д. партии и которая стала секцией Коминтерна. Равноправными вождями новой партии стали Пауль Леви (от коммунистов) и Эрнст Деймиг (от «независимых»). Это описание взято из книги уже послевоенного (после Второй мировой войны) немецкого историка, предельно осторожного в вопросе о еврейском влиянии. Но и из него видно, что, когда решалась судьба влиятельной немецкой партии, раздавались голоса людей, из которых только Деймиг имел немецкую (не еврейскую) фамилию.

Такой же всплеск еврейских имен мы встречаем в Германии в разных областях. Так, в Пруссии во главе правительства и министерства внутренних дел стоял Гирш, в Саксонии премьером был Граднауэр (прежде сотрудник фирмы Парвуса – Шклярца), в Мекленбурге – Рейнеке-Блох. Даже такой строго-прогрессив-

ный (позже) автор, как Томас Манн, в 1919 году записал в дневнике:

«Мы говорим о типе русского еврея, вождя мирового движения, этой взрывоопасной смеси еврейского интеллектуального радикализма и славяно-христианских мечтаний. Мир, обладающий еще инстинктом самосохранения, должен со всем напряжением энергии, как по законам военного времени, подняться на борьбу с этим человеческим типом».

И Черчилль писал тогда:

«Это течение среди евреев возникло не сейчас. Со времени Спартака-Вейсхаупта (то, что и Вейсгаупта Черчилль зачислил в евреи, подчеркивает, как потрясены были тогда многие внезапно проявившимся еврейским влиянием в революционных партиях. – И. Ш.) и вплоть до Карла Маркса, дальше до Троцкого (Россия), Белы Кун (Венгрия), Розы Люксембург (Германия) и Эммы Гольдман (Соединенные Штаты)... Теперь эта банда проходимцев из подполья Европы и Америки схватила за шиворот русский народ и стала непререкаемым владыкой громадной страны».

В 1920 году попытку свергнуть социал-демократическое правительство предприняли военные (Капповский путч). Она тоже была подавлена, но как реакция на нее возникла Красная армия Рура численностью около 100 000 человек, установившая контроль над большей частью Рурской области и просуществовавшая около 20 дней. Уже на излете этой эпохи революций и переворотов стоит попытка захватить власть в Мюнхене, в которой участвовал Гитлер (1923 г.). В том же году Франция и Бельгия оккупировали Рейнскую об-

ласть. Возникшие там столкновения, чудовищная инфляция, сепаратизм привели Германию опять, как в 1918–1919 годах, на грань гражданской войны. Возникли коммунистические и национал-социалистические вооруженные группы. В этой напряженной ситуации ни одна из сторон не была готова отказаться от апелляции к антиеврейским настроениям, видимо, широко распространенным. Так, представительница крайнего левого течения в социал-демократии, Руфь Фишер (сама еврейка), говорила:

«Кто призывает бороться с еврейским капиталом, тот уже борец на классовом фронте, если даже он сам этого не понимает. Свергайте еврейских капиталистов, на фонарь их! Но не забыли ли вы про Стиннеса и Клекнера?»

В 1925 году в коммунистической газете «Роте фане» появились статьи Троцкого, Зиновьева, Сталина и Бухарина, связанные с «революционной ситуацией» в Германии. В частности, Сталин писал:

«Коммунистическая революция в Германии является сейчас величайшим мировым событием. Победа революции в Германии будет иметь большее значение для пролетариата Европы и Америки, чем имела победа Русской революции. Победа немецкого пролетариата несомненно перенесет центр тяжести мировой революции из Москвы в Берлин».

Оглядываясь на несостоявшуюся немецкую коммунистическую революцию, мы можем сопоставить ее как «вариант» с нашей революцией. И, в частности, установить, что участие евреев было там не меньше, чем у нас,

в России. И если революция не победила, то уж никак не потому, что в нее было вложено мало еврейских сил.

Сейчас позабытые, часто погибшие от руки своих же коммунистов, Аркадий Маслов, Руфь Фишер, Вернер Шолем, Артур Розенберг, Хайнц Нейман, Ивен Кац и многие другие тогда числились среди ведущих вождей революции и, если бы обстоятельства сложились для нее благоприятно, если судить по аналогии с Россией, верно служили бы ей. Все это заставляет еще раз продумать взгляд, что в России евреи устремились в революцию, так как при прежнем режиме они были угнетены. Ведь Германия тогда считалась примером идеального, равноправного вхождения евреев в жизнь окружающей страны.

В те же 20-е годы закончилась и загадочная политическая карьера, да и сама жизнь Вальтера Ратенау. Еще во время войны, в 1918 году, когда в Германии был арестован К. Радек, обвинявшийся в подготовке революции, Ратенау посещал его несколько раз в камере и имел с ним многочисленные беседы. Об этом факте рассказывает Радек, но, к сожалению, не упоминает о содержании бесед. С интересом относился Ратенау и к недолговечной Советской республике в Мюнхене как шагу в правильном направлении – построению централизованной и управляемой экономики. Теперь он входит в правительство сначала как министр восстановления, а в 1922 году как министр иностранных дел. Но он поддерживал так называемую реальную политику выплаты Германией чудовищных репараций, растягивавшихся на несколько десятилетий (например, в речи на съезде немецко-демократической партии 12–14 ноября 1921 г.). Для правых он оказался идеальной фигурой «еврейского плутократа, продающего Германию». В результате в 1922 году он был убит террористом, как подозревают, из тайной националистической организации «Консул».

Конечно, сосредоточение такой большой власти в руках евреев, да еще в столь болезненный для Германии момент, сильно повлияло на всю жизнь. Например, когда премьер-министром Пруссии был Гирш, туда было допущено несколько сот тысяч евреев, переселившихся из Польши, Галиции и восточных областей, отошедших к Польше. Это в то время, когда вся Германия голодала, многие немцы остались без крова и работы.

За несколько лет евреи заняли гораздо более высокое положение в экономической и культурной жизни. В 1921 году была опубликована брошюрка «Еврейское влияние в Германии», составленная, как уверяет автор, по официальным статистическим данным и по данным прессы. Автор приводит очень яркие цифры. Например, вот некоторые данные о распределении по профессиям.

На каждую 1000 человек приходится:

	среди немцев	среди евреев
с/х рабочие	111	1,1
фабриканты	32	52
рабочие	138	34
владельцы торговых предприятий	9,7	133

Вот характеристика жилищных условий:

Число комнат в квартире	% во всем населении	% среди евреев
1	8,7	4,0
2	37,7	11,5
3–4	38,8	25,5
5–7	12,6	50,4
более 8	2,2	9,1

Процентное отношение еврейских и немецких директоров и членов наблюдательных советов акционерных обществ, приведенных Зомбартом для начала века (см. гл. 6, 7), сдвинулось вдвое. Среди адвокатов евреи составляли 43%, среди высших чиновников юстиции – 78,7%, врачей было в Мюнхене: из 1098 – 644 еврея, в Гамбурге: из 734 – 412, в Кенигсберге: из 284 – 159.

Уже к началу войны среди преподавателей высшей школы евреев было 937, в то время как, если бы их число было пропорционально их доле в населении, их было бы 31.

На 100 000 мужчин приходилось студентов:

	среди немцев	среди евреев
1915 г.	74	556
1916 г.	81	587
1917 г.	111	662

На 100 000 детей посещают:

	немцев	евреев
народная (низшая) школа	92,7	41,9
средняя школа	4,6	25,2

По подсчетам автора, полностью в немецких руках находилось 5% всех газет, под еврейским руководством – 35%, под еврейским влиянием (состав сотрудников, объявления) – 60%. Из 806 членов немецкого союза издателей, т. е. из числа влиятельнейших в Германии издателей было 365 евреев. Из 3241 издаваемых в 1921 году журналов 1154 издавались евреями.

Среди руководства социал-демократической партии (более умеренной) евреи составляли 18%, «независимой» (отколовшейся, более радикальной) – 65%,

коммунистов – 87%. Когда, например, в порядке демилитаризации была поставлена комиссия наблюдателей над военным министерством, то в ней из 8 членов было 7 евреев: Гольдшмидт, Кизвант, Леве, Шлезингер, Варшинский, Цукет, Брунн и Рипенбаум.

Странным образом столь резко возросшее влияние евреев на жизнь шло рука об руку с распространением националистических настроений, чувства отчуждения среди евреев. Оно особенно ярко выразилось в книге известного еврейского национального деятеля Якова Клацкина «Проблема современного еврейства», вышедшей в свет в Германии в конце 20-х годов (мне было доступно 3-е издание 1930 г.). Еще позже те же мысли автор изложил в брошюре, появившейся с хвалебным предисловием Эйнштейна. Обособление от остальных народов – в этом автор видит цель всего еврейства. Методом же является укрепление «духовного гетто, переносных стен еврейского государства», «шатров Израиля», т. е. воспитание (на религиозной основе) психологии чуждости, неслияния с другими народами.

«Наши мудрецы говорили: “Для других народов мира изгнание не есть рассеяние (галут). Но для Израиля, который не ест их хлеб и не пьет их вино, изгнание воистину становится галутом”».

«Прочная стена, созданная нами, отделяла нас от народа страны, а за стеной жило еврейское государство в миниатюре. Так, по его мнению, и должно оставаться».

«Повсюду мы среди коренных наций чужаки и хотим несгибаемо держаться нашей отчужденности».

«Можем ли мы называть страны нашего рассеяния отечеством, мечтая и стремясь к освобождению от из-

гнания? Что за удивительное, удивительно возлюбленное отечество, которое мы называем Галут (рассеяние) и из которого мы стремится вырваться!»

«Это “страна чужих”, “насильственное отечество”».

«Мы всегда должны повторять: “Непреодолимая пропасть зияет между вами и нами, нам чужд ваш дух, ваши мифы и сказания, ваше национальное наследство, ваши обычаи и привычки, ваши национальные и религиозные святыни”. “Нам чужды дни вашей национальной памяти, радости и горести вашей национальной жизни, история ваших побед и поражений, ваши гимны и боевые песни, ваши национальные устремления и надежды. Ваши национальные границы не разделяют наш народ, и ваши пограничные споры не наши. Поверх них распространяется наше единство вопреки всем связям и разделением вашего патриотизма”.

«Евреи, геройски павшие, сражаясь в войсках окружающего их народа, деятели культуры – все это, – заявляет автор, – предатели еврейского национального дела, растратившие впустую свои таланты и жизни».

Он ставит в пример предков:

«Талмудическая политика наших отцов не знала иного патриотизма, кроме еврейского. Они огорчались победами своего народа-хозяина, если они приносили несчастье народам другой страны. Их симпатии народам и странам были подчинены исключительно интересам еврейства. Они часто принадлежали не их стране проживания, а стране проживания их соплеменников, если положение евреев в этой стране было лучше».

Это даже не проповедь пассивного отстранения, а призыв к битве. Прежде всего, против христианства:

«Где раздастся сейчас голос еврейства против величайшей лжи истории? Осмеливается ли еврейство бросить человечеству клич: «Раздавите гадину!»

Он призывает:

«Потребовать от своего угнетателя признания внутреннего бессилия, короче, духовной капитуляции перед иудаизмом».

Но и всю жизнь он воспринимает как войну:

«Наше галутное существование в некотором смысле есть состояние перманентной войны».

«Это состояние неослабевающей битвы с окружающим нас чуждым миром, который стремится нас поглотить».

Надо представить себе положение Германии того времени.

Поражение, национальное унижение, голод, безработицу, болезни (% больных туберкулезом, например, или детская смертность были в несколько раз выше, чем во Франции). Для многих немцев в этих условиях воспоминания о «героической войне», когда они боролись со всем миром, оставались единственным утешением. (Мы не беремся здесь обсуждать, «правильно» это было или нет.) Но в то же время существовало влиятельное движение «антимилитаризма», например, союз «Новое отечество», позже переименованный в «Лигу прав человека», в руководство которого входили Эйнштейн, Бернштейн, издатель журнала «Вельтбюне» Якобсон, журналист Тухольский, Курт Эйснер, Генрих Манн, Кэте Кольвиц, близкий сотруд-

ник Ратенау – Макс Дессуар и др., призывавший каждого немца в своей душе осознать вину немцев перед Францией. Такое течение очень легко могло приобрести антинемецкий оттенок (например, когда журнал «Вельтбюне» обвинял правительство в том, что армия тайно перевооружается, нарушая Версальский договор). Но часто наличествовало и прямое желание под видом антимиитаризма в духе Гейне и Берне поглумиться над «тупыми немцами». Например, основанная Моссе «Берлинер тагеблатт» (с этой газетой мы уже не раз встречались) в приложении «Ульк» систематически публиковала фельетоны редактора Тухольского (крайнего либерала, заявившего, что он из иудаизма «выходит»), под псевдонимом Теодор Тигер, в которых высмеивались и оплеывались офицеры вплоть до призыва «сорвать с них погоны!». Дошло до того, что военный министр, социал-демократ Носке, вынужден был обратиться в суд. Но орган социал-демократической партии «Форвертс» (редактор Куттнер) поддержал не своего партийного товарища, а Тухольского.

В издающемся в Израиле на русском языке журнале приведены размышления известного израильского философа Шмуэля Бергмана:

«Наша роль в диаспоре – это роль паразитов. Возьмем тех евреев, которые жили и творили в Германии накануне Первой мировой войны и вскоре после нее. Возможно, что у них была, даже несомненно, была какая-то стимулирующая роль в немецкой культуре. Но если говорить о самовыражении нации, еврейской нации, о ее вкладе в мировую культуру, то общий итог их деятельности, мне кажется, был резко отрицательным. То же самое можно, по-видимому, сказать и о нашей роли в сегодняшней Америке, хотя тут я не специалист.

Трудно объяснить все это человеку, не жившему в ту эпоху. Были журналы такие, как «Тегебух» Шварцшильда, «Вельбюне» З. Якобсона, со страниц которых евреи регулярно, словно инъекцию, всprыскивали нигилизм и раздражение в кровь немецкого народа. О да, евреи умели многое подмечать и в силу своей безответственности могли позволить себе высмеивать любые отрицательные стороны немецкой жизни, немецкое офицерство, буржуазию, домашний уклад, могли выставлять напоказ их отталкивающие черты. Все это началось давно, еще со времен Гейне. Авенариус (редактор журнала «Кунстворт», сыгравший большую роль в становлении Кафки как писателя) однажды написал: «Евреи являются администраторами немецкой литературы». И это была правда... Более того, если говорить о тогдашних немецких или чешских евреях, то их «роль» внушала им ощущение превосходства, высокомерия по отношению к окружающему народу. Между тем ощущение это было абсолютно безосновательно, ведь они на самом деле существовали-то благодаря физической и духовной деятельности этого народа. Любопытно, что в Германии в то время развивалась и чисто немецкая литература, которую евреи вообще не читали: эта литература рассказывала о жизни крестьян, которая евреев совершенно не интересовала. Таким образом, существовали как бы две немецкие литературы: та, которая интересовала евреев, и та, которую они игнорировали. И то, что при этом евреи владели многими крупными газетами и издательствами и в определенной степени контролировали таким образом развитие немецкой литературы, было нездоровым и опасным явлением».

Автор приходит к очень суровому выводу:

«...в общем, вклад евреев имел нигилистическое влияние (как мне кажется, и в сегодняшней амери-

канской литературе), и в нем было что-то неуловимо паразитическое».

И, действительно, это начинается еще с Гейне, писавшего, например:

Большой осел, что был мне отцом,
Он был из немецкого края;
Ослино-немецким молоком
Вскормила нас мать родная.

Немцам внушалось, что они стадо ослов, опасное для соседей, так как по своей тупости способны растоптать нормальных людей. И это выплескивалось на талантливейший из западноевропейских народов, воинственный и сильный духом народ, гордый, вплоть до самовозвеличения. Ясно теперь, и без труда можно было предвидеть еще тогда, что эта линия поведения могла иметь лишь два хода: либо немцам окончательно сломают хребет, либо их толкнут – на отчаянную, безумную попытку сопротивления. Второй исход и реализовался, и это был, мне кажется, хотя и не единственный, но один из существенных факторов, породивших германский национал-социализм.

На эти чувства налагались непрерывные финансовые скандалы, опять с перевесом еврейских фамилий. Так, дело спекулянта Юлиуса Бармата, рассматривавшееся в 1925 году, гремело по всей Германии, и его имя стало нарицательным. Например, Радек издал брошюру «Барматовская социал-демократия», где писал о «польско-еврейско-голландско-немецких спекулянтах», которые, по его словам, были особенно тесно связаны с социал-демократией, в то время как Штреземан опирался на концерн «русского еврея Литвина».

Конечно, не одна Германия, но и другие страны, побежденные в Первой мировой войне, перенесли в послевоенные годы особенно тяжелое время, разруху, восстания. Так, в Венгрии, появившейся на свет из осколков Австро-Венгрии, в 1919 году возникла Венгерская Советская республика. Не раз отмечалось поразительное (по непропорциональности со всем населением) участие евреев в ее руководстве. Так, О. И. Левин пишет:

«По данным известного венгерского социолога Оскара Ясси, самого еврея по происхождению (если не ошибаюсь, формально не ушедшего от иудаизма), занимавшего пост министра национальных меньшинств в первом революционном, добольшевистском правительстве, так называемого периода Кароли, соответствующего у нас периоду Временного правительства, число евреев-руководителей большевистского движения доходило до 95%. Во избежание недоразумений следует еще прибавить, что Ясси отнюдь не “черносотенец”. Он принадлежит к группе весьма радикальной, всю жизнь боролся за всеобщее избирательное право, аграрную реформу, требуя уничтожения крупного землевладения, равноправия национальностей и установления демократического строя, и вынужден теперь, при реакционном правительстве Хорти, жить в эмиграции».

Дополнительные сведения содержатся в цитированной выше книге Зомбарта. Он ссылается на семинарскую работу своего ученика, написанную по венгерским материалам того времени. Зомбарт пишет:

«В Венгрии в 1919 году все основные вожди были евреи: Бела Кун, Погани, Самуэли, Корвин-Клейн, Кунфи, Лукач. Из 33 народных комиссаров, членов правя-

щего совета, 24 были евреи; 9 неевреев занимали менее влиятельные места (комиссаров по делам украинского или немецкого меньшинства и т. д.)».

Далее приводятся подсобные данные, из которых мы заимствуем только несколько типичных примеров:

«Народный комиссариат по военным делам: из 7 народных комиссаров 6 евреев, из 52 глав секций – 39 евреев. Народный комиссариат внутренних дел: оба комиссара и их заместители – евреи. Народный комиссариат финансов: все три комиссара и все их заместители – евреи. Народный комиссариат просвещения: все 5 комиссаров – евреи, из 27 глав секций – 21 еврей. Народный комиссариат земледелия: 1 комиссар еврей (врач) и 2 – христиане (пастух и каменщик). Совет народного хозяйства: 4 комиссара – евреи и 2 – христиане (рабочие)».

В 1922 году Вейцман вел переговоры с итальянским министром иностранных дел, синьором Шанцером, «возможно, еврейского происхождения» (в то время, как премьером был Лузатти, тоже еврей).

Вот особенно драматический пример из жизни послевоенной Италии описывает Р. Михельс.

В 1920 году сложилась критическая ситуация, напоминавшая предреволюционную. Рабочие захватывали заводы и иногда по месяцу их оккупировали, создавались рабочие вооруженные отряды. Тогда правительству удалось организовать встречу предпринимателей и рабочих на общенациональном уровне, и кризис удалось предотвратить. Кто же с кем встречался? Предпринимателей представлял генеральный секретарь союза предпринимателей Оливетти – еврей, а рабочих – Террачино из Турина и Бруно Леви из Генуи,

оба евреи. И это в Италии, в которой тогда на 39,5 млн населения приходилось 50 тысяч евреев!

2. Ко второй войне

В Англии, в развитие традиции, начавшейся еще с Д'Израэли, евреи занимали высокие государственные посты. Например, сын Иосифа Айзека, виконт, барон, лорд, маркиз Рединг был главным судьей, вице-королем Индии и министром иностранных дел. Герберт Самуэль был не только главой либеральной партии, но и Верховным эmissаром в Палестине, которая после войны была превращена в «подмандатную территорию Англии». Он занимал этот пост в 1920–1925 годах. Еще в 1914 году, когда Вейцман старался завязать контакты с английским правительством по поводу переселения евреев в Палестину, ему сказали: «У вас есть еврей в правительстве», – и указали на Герберта Самуэля. За время правления Самуэля в Палестине ее еврейское население выросло вдвое. Брат же Герберта Самуэля Стюарт, как сказано выше, был направлен в Польшу, чтобы удостовериться, что евреи не подвергаются там притеснениям.

С 1920 года начались ожесточенные столкновения еврейских поселенцев с коренными палестинцами. Тогда в них участвовал отряд, организованный Жаботинским, который был приговорен за это к 15 годам тюрьмы. Вскоре Самуэль амнистировал Жаботинского, но тот отклонил амнистию, так как она распространялась и на осужденных арабов. Тогда приговор ему был пересмотрен и отменен. Интересно, что, говоря об этих столкновениях, Вейцман без колебаний называет их «погромом», как и столкновения в 1929 году. Он говорит о «иерусалимском погроме». И по поводу Рос-

сии он говорит о «тысячах жертв погромов», в то время как при самых крупных столкновениях число жертв было несколько десятков. То есть Вейцман фактически предлагает рассматривать «погромы» 1902–1906 годов в России как аналог позднейших арабо-еврейских столкновений (в гораздо более слабой форме).

Драматическая история, героем которой был очень известный человек, произошла в США. Речь идет о Генри Форде, одном из крупнейших промышленных деятелей США начала XX века. Он был человеком широких интересов и порывов, пытался добиться установления мира во время Первой мировой войны, имел свои экономические идеи. Он проповедовал идею «классового сотрудничества» при капитализме, «народного капитализма». Собственно, и его успех в производстве автомобилей, названных его именем, есть отражение тех же идей. Его принципом было производство (и продажа) большого числа автомобилей по доступным ценам, «чтобы каждый фермер мог иметь свой автомобиль». И рабочие на его заводах получали более высокую зарплату (по крайней мере, так утверждал он) и пользовались рядом социальных преимуществ. Одним из аспектов его многогранной активности была покупка газеты в его родном городе Дерборне, вблизи Детройта, где концентрировались его заводы. В этой газете «Независимый из Дерборна» (может быть, в названии скрывается некоторый каламбур) обсуждались различные вопросы современной общественной жизни, особенно в США. В частности, в 1920–1922 годах там был опубликован целый ряд статей, посвященных влиянию евреев на различные стороны жизни США. Позже он опубликовал книгу на эту тему: «Мировое еврейство» (тему которой он характеризовал как «исследование еврейского вопроса») и большой сборник материалов «Ев-

рейская деятельность в Америке». Он сформулировал следующее положение:

«Мы боремся не с людьми, но с принципами, ложными принципами, которые истощают моральные жизненные силы народа. Эти принципы происходят из источника, который легко обнаружить, и распространяются методами, которые легко указать. Их можно остановить, раскрыв их. Когда люди узнают характер и источник влияний, захватывающих их, этого уже будет достаточно».

Форд писал, например:

«Возражая против того, что евреи действуют как единое целое, говорят, что м-р Каан – один из наиболее влиятельных консерваторов. Роза Пастор Стокес и Морис Хилквист – радикалы, консервативно настроенный лидер профсоюзов – Самуэл Гомперс, а его самый влиятельный радикальный соперник – Сидней Хилльман. Что касается “либерального центра”, то он, со своими Брандесами, Макками, Феликсами Франкфуртерами, дает ту же картину. Но ведь это просто означает, что все оттенки американской общественной жизни находятся под влиянием евреев!»

Он рассказывает и о своем личном опыте:

«С момента появления в печати этих моих писаний, они находились под организованным запрещением. Почта, телеграф и словесная проповедь действовали все в одном и том же направлении: о каждой из моих статей кричали, что это травля. На первый взгляд могло показаться, что в них действительно есть нападение на беспомощный и достойный жало-

сти народ, пока, наконец, не стало ясно, что крик о помощи отмечен печатью власть имущих. Денежные средства тех, кто протестовал, и число членов союзов, председатели которых возбужденно требовали моего отречения от всего, что появилось в печати, ясно на это указывали. В глубине всей этой шумихи скрыта идея бойкота; эта угроза и была причиной того, что все попытки предать гласности разоблачения самого невинного содержания по еврейскому вопросу до сих пор кончались в Америке неудачей».

Та же судьба ожидала и самого Форда. В 1927 году он вынужден отречься от своих взглядов (в письме лидеру американского еврейства Маршаллу) и даже публично сжечь свою книгу.

Произведения, опубликованные Фордом, часто наивны и малоубедительны, например, он придает очень большое значение «Протоколам сионских мудрецов» и вообще идее заговора. Да это и неудивительно. Форд считает, что еврейское влияние в Соединенных Штатах начало проявляться со времени гражданской войны, то есть, приблизительно со времени, когда он сам родился. За такой короткий срок общество не способно осознать всю сложность ситуации, с которой оно столкнулось: авторы отражают лишь некоторое смутное чувство тревоги и готовы довольствоваться сравнительно поверхностными объяснениями. Но несравненно более яркой является судьба самого Форда: какая же сила нужна была, чтобы сломить мощь его промышленной империи?

После окончания Первой мировой войны во всем мире возникло много антилиберальных движений, противопоставлявших концепции парламентско-демократического государства идею национального и корпоративного госу-

дарства. После прихода к власти в Италии в 1922 году фашистского движения их всех стали называть фашистами. Они пришли к власти в ряде стран: Италии, Венгрии, Румынии, Австрии, Германии, Испании, Португалии. Но из них реальной силой, способной утвердиться в мировом масштабе, было лишь течение немецкого национал-социализма. Хотя оно много заимствовало и имело много общего с другими фашистскими течениями, оно, по-моему, является совершенно уникальным явлением, которое может быть понято лишь из особенностей германской идеологии и ситуации в Германии после Первой мировой войны. Появление этой новой исторической силы вызвало опасения как западных демократий (Франции, Англии, США), так и СССР. Была предпринята попытка объединить свои усилия в борьбе с расширявшимся фашистским влиянием, в то время неудавшаяся, она реализовалась на какое-то время в 1941–1945 годах. Именно в рамках такой политики в 1934 году СССР вступил в Лигу Наций и постоянно пропагандировал там «политику международной безопасности».

В это время в работе Лиги Наций принимал участие Нахум Гольдман (хотя трудно понять, какое государство он тогда представлял). Он вспоминает об этой эпохе:

«До войны большинство советских дипломатов были евреями».

И конкретнее:

«Однажды Литвинов явился в Женеву с 14 делегатами, из которых 11 были евреями. Я спросил министра: зачем Вам эта синагога? (Употребляется другой, неизвестный мне еврейский термин, означающий еврейскую религиозную общину.)»

Литвинов ответил, что евреи знают иностранные языки (но ведь и выжившие русские интеллигенты их знали?).

Но случай был не единичный. Например, когда началась гражданская война в Испании, то поддержка республиканского, антифранкистского лагеря со стороны СССР направлялась почти исключительно руководителями еврейского происхождения. Начальником военной разведки в это время был С. П. Урицкий, Главным военным советником был генерал Штерн (под кличкой Клебер), специально в авиации генерал Смушкевич. Слуцкий (под псевдонимом Маркос) руководил чистками, в частности, уничтожением ПОУМ (Коммунистической партии Каталонии). Послом СССР в Испании был Розенберг, а резидентом Орлов (Фельдбин). Командующим 12-й интернациональной бригадой был Мате Залка (Франкль), работавший под именем Лукач, а крупнейшими пропагандистами Эренбург и Кольцов (Фридланд). Мне известно имя только одного влиятельного нееврейского советского представителя в Испании во время гражданской войны – это Антонов-Овсеенко, который был советским консулом в Барселоне.

В 1935 году на 7-м конгрессе Коминтерна была провозглашена политика «Народного фронта», что требовало отказа от взгляда на некомунистических социал-демократов как на «социал-фашистов» и основного врага. «Народный фронт» и победил на выборах во Франции в 1936 году. Выдвинутым премьером стал Леон Блюм, тот самый, о котором упоминается (см. гл. 9) в связи с его слабостью ставить на руководящие посты в руководимой им партии в основном своих соплеменников (хотя Бердяев в статье, написанной после Второй мировой войны, называет его «одним из самых честных, идеалистических и культурных деятелей

Франции»). Впрочем, политика «Народного фронта» не оказалась успешной, его правительство во Франции не продержалось и двух лет.

Положение евреев в Германии стало меняться к худшему в связи с приходом Гитлера к власти, так как антиеврейская концепция играла основную роль в его идеологии. Вскоре после его прихода к власти Американский еврейский конгресс организовал бойкот немецким товарам, а Всемирный еврейский конгресс призвал к сопротивлению Германии всеми средствами, так что американские газеты писали: «Иудея объявила войну Германии». В Германии были приняты известные Нюрнбергские законы, закрывавшие евреям (за некоторыми исключениями) доступ к ряду профессий: офицеры, профессора в высшей школе, врачи и т. д. Это вызвало широкую эмиграцию, в основном среди еврейской интеллигенции. Однако ситуация, видимо, не приобрела еще драматического характера. Немецкий историк, уже наш современник и поэтому в подобных ситуациях чрезвычайно осторожный, пишет:

«После Нюрнбергских законов немецкие евреи имели несколько сравнительно спокойных лет. Их эмиграция поощрялась, и большое число оставшихся создали поразительно жизнеспособный и разнообразный образ жизни... В экономике положение евреев почти не изменилось, и в законах, касающихся хозяйственной жизни, часто рядом с подписью Адольфа Гитлера стояли подписи еврейских банкиров».

Перелом произошел в связи с так называемой хрустальной ночью. Поводом к ней послужило убийство в 1938 году польским евреем Гриншпаном 3-го секретаря немецкого посольства в Париже фон Рата. Впро-

чем, это был не первый случай. Так, в 1936 году глава нацистской иностранной организации в Швейцарии был убит Давидом Франкфуртером. Ситуация напоминала современную ситуацию в США после терактов 11 сентября 2001 года: государство должно было найти ответ на террористический акт, направленный против его граждан. Гитлеровская Германия ответила организацией «хрустальной ночи». Было разгромлено большое число магазинов, сожжено несколько синагог. Евреи подвергались избиениям, несколько десятков человек было убито. Десятки тысяч были задержаны, в большинстве случаев отпущены с обязательством покинуть Германию. Более того, через 2 года, выступая 30 января 1939 года перед рейхстагом, Гитлер сказал, что если еврейский финансовый капитал развяжет мировую войну, то результатом будет «уничтожение еврейской расы в Европе». Так как война началась и Гитлер не раз обвинял еврейский финансовый капитал в том, что он был «поджигателем войны», то многие видят в этой фразе Гитлера указание на имевшийся у него уже тогда план «окончательного решения еврейского вопроса», сводившийся к физическому уничтожению еврейского населения Европы.

В 1939 году началась война между Германией и союзом Англии, Франции и Польши, в 1941 году в нее оказались втянуты СССР, США и Япония. Война действительно стала мировой.

На время войны приходится жестокие преследования евреев национал-социалистическим режимом. Безусловно, очень большое число евреев было уничтожено. Я лично уверен в этом не столько по имеющимся литературным источникам, сколько по рассказам, услышанным сразу после конца войны. Жители самых разных мест из оккупированных территорий СССР, ко-

торых не было никаких оснований заподозрить в преувеличении, рассказывали, что немецкие власти объявляли о регистрации евреев, определенные группы их депортировались, а потом никто уже ничего о них не слышал. После войны это уничтожение больших масс восточноевропейских евреев получило название «холокост» (трудно переводимый термин, видимо, древнегреческого происхождения, означающий примерно «жертва через сожжение»). Иногда употребляется термин «катастрофа». Этому посвящена целая литература. Причем не отрицается, что и другие народы в это время перенесли катастрофу, но тогда, знаменательным образом, это слово пишется с малой буквы. Такое выделение страданий, перенесенных именно евреями, как некоторого совершенно особого явления как-то задевает нравственное чувство. Ведь и потери поляков, сербов, белорусов вряд ли поддаются точному подсчету и были для этих народов национальной катастрофой. Хотя сначала число погибших евреев называлось обычно как «приближенное», потом установилось, и чаще всего называется число 6 млн. Попытки некоторых исследователей оспорить эту цифру встречали яростное сопротивление. Тем не менее имеется ряд аргументов, поддерживающих такую «еретическую» точку зрения. Из общих соображений, мне кажется, ясно, что подобные утверждения, исходящие от победителей в войне, всегда многократно преувеличены. Первое время после конца войны все, в чьих руках была власть, были заинтересованы в как можно более ярком живописании злодеяний гитлеровской Германии в отношении евреев. Прежде всего, сами евреи, закреплявшие за собой позицию «вечно несправедливо гонимых», так что вплоть до нашего времени наиболее действенное возражение против попытки реально оценить их роль – «значит, вы

одних взглядов с Гитлером». Также и коммунистическая власть в СССР, которая могла указать на неисчислимые злодеяния гитлеровского режима, от которого она спасла мир, чтобы заставить замолчать протесты против установления этой власти в Восточной Европе. Наконец, западные демократии, пресса которых находилась под сильнейшим еврейским влиянием. А возражать в те годы никто бы и не посмел.

Поэтому точные численные данные о еврейской «катастрофе» вряд ли могут внушать доверие, но громадная катастрофа, несомненно, постигла тогда евреев (как и многие народы Европы). Вероятно, катастрофа восточноевропейского еврейства имела такой же масштаб, как и средневековые бедствия евреев времен «черной смерти» или восстания «пастушков». Мне, честно говоря, непонятна позиция тех, кто оспаривает «каноническую» цифру в 6 миллионов уничтоженных нацистами евреев. Одни из них отрицают существование газовых камер, но, собственно говоря, чем лучше выстрел в затылок? Другие оспаривают саму цифру в 6 миллионов, подчеркивают, что потери других народов были часто не менее трагическими, чем у евреев. Такое утверждение представляется вероятным – по причинам, о которых я говорил. Но разве, если окажется, что убитых было «всего» 2 миллиона, то это снимет остроту проблемы? Однако в любом случае, мужество этой небольшой группы, преследуемой по всему миру, внушает уважение. Заведомо далеко не все они являются немцами, пытающимися забыть неприятный эпизод своей истории, доказать, что была «обычная война». Например, одним из первых был француз Рассинье, участник Сопротивления, попавший за это в немецкий концлагерь. Да и борются они, в любом случае, за освобождение от произволь-

но накладываемых запретов, за свободу научного исследования и человеческой мысли вообще.

Произошедшая трагедия, конечно, оказала влияние на отношения евреев с другими народами, влияние, которое еще долго будет давать о себе знать.

Нам трудно вообразить те мучительные и болезненные переживания, которые вызывали в еврейской душе воспоминания о трагедии, разразившейся во время войны. Намек на них сквозит в публикации, появившейся в еврейском самиздатском журнале «Евреи в СССР». Хотя, по-видимому, появилось довольно много выпусков этого журнала, принимаются какие-то меры к тому, чтобы он оставался в очень ограниченном круге читателей. Во всяком случае, автору удалось познакомиться лишь с двумя выпусками. В одном из них за № 15 (июль-сентябрь 1977 г.) приведена часть перевода (начало в № 9–13) произведения М. Элнинса «Закаленные яростью». Там рассказывается о созданной в 1945 году в Западной Европе еврейской организации ДИН, имевшей целью месть немцам за преступления против евреев. Организация имела своих людей в военной администрации всех оккупирующих держав, снабжавших ДИН информацией, подложными документами и военной формой. Первая акция была направлена против тайной организации немецких подростков, припрятавших в лесу оружие, собиравшихся по ночам в лесу со знаменем у костра. 140 подростков были перебиты автоматами и гранатами. «...За что? Об этом надо спрашивать кого-то другого». Далее следует описание ряда таких акций.

«Они прихватили особой Шварца и по дороге оставили его с перерезанной глоткой...»

«Они допрашивали Ветцеля два дня, а затем утопили...» и т. д.

«Они совершенно открыто подъезжали к дому человека, которого хотели поймать, или шли к месту его работы, или просто останавливали его на улице. Командир группы предъявлял свое удостоверение (фальшивое удостоверение, полученное через своих людей в оккупационных войсках), и человеку сообщали, что его вызывают в штаб для стандартного допроса. Чаще этого было достаточно. Если человек упорствовал, тогда его просто били по голове и втаскивали в машину».

Захваченным немцам обещали сохранить жизнь, если они выдадут других скрывающихся нацистов, грозя, что «если он солжет, то его ждет мучительная смерть».

«Его все равно убивали. Конечно, это было не по правилам крокета, но ведь они и не играли».

«Способ убийства зависел от обстоятельств, но чаще всего это было удушение».

«Их, действительно, учили, и когда-то они в это верили, что вина бывает только конкретная, между человеком и человеком. Но годы научили их другой правде, и кровь 6 млн евреев кричала о другой действительности».

«Сотни тысяч немцев принимали прямое участие в уничтожении европейских евреев; это было делом рук целого народа, и поэтому возмездие должно было быть прямо связано с размерами содеянного зла».

«Итак, они начали убивать немцев, не зная, в чем состоит их конкретная вина, а зная только, что эти люди принесли смерть и пытки еврейскому народу».

«Теперь они вспоминают это как “первый охотничий сезон”. Они выследили и убили более сотни людей. Никто из тех, кто попал в руки ДИН, не ушел».

Однажды, проникнув в похищенной военной форме и с фальшивыми документами в лагерь, где содержались интернированные офицеры СС, они заложили мину под барак.

«Куски обитателей барака СС дождем посыпались на весь лагерь».

Но под конец они почувствовали, что эффект их деятельности недостаточен.

«То, что немцы сделали евреям как евреям – эти евреи из ДИН сделают немцам – они не оставят незатронутой ни одной немецкой семьи. В конце 1945 года они начали работать над “Тохшет Апеф” – планом А. Это был план убийства миллиона немцев».

К сожалению, после этого стоит: «Продолжение в следующем номере», а номер этот автору недоступен. Впрочем, вряд ли он и необходим. Миллион немцев все же, надо надеяться, не убили, а бездна ненависти и победа ее над нормальными человеческими чувствами видна и так. И дело не в действиях этих несчастных безумцев, порожденных кошмаром, который редкая душа может перенести. Но вот кто-то написал об этом книгу, снабдив оправдательными фразами, некоторые из которых мы привели. А кто-то счел необходимым в 1977 году перевести ее и довести до сведения «Евреев в СССР».

Те же чувства проявлялись в планах, которые предлагались в отношении Германии в период войны. Так, в 1941 году в США появилась книга Т. Кауфмана «Германия должна погибнуть», в которой предлагался план стерилизации всего немецкого народа.

Причем в это время США еще не воевали с Германией. Во время войны близкий советник Рузвельта, Моргантау-младший, разработал план расчленения Германии, уничтожения в ней любого крупного производства, включая рудники и шахты, уменьшения доступа немцев к образованию, превращения Германии, в основном, в сельскохозяйственную страну, поставляющую сельскохозяйственных рабочих и в другие страны, сокращение населения и контроля оккупационных властей над прессой. Этот план, видимо, встретил сначала одобрение Рузвельта и Черчилля, но после войны не был осуществлен, так как немцы понадобились в качестве союзников в начавшейся «холодной войне». Тем не менее Моргантау опубликовал свой план отдельной брошюрой (удивительно, как этот план в деталях совпадает с тем, что происходит сейчас с Россией).

К тому же типу болезненных переживаний я отношу и многократно делавшиеся утверждения, что в массовом уничтожении евреев гитлеровцами виноваты многие другие народы, не воспринявшие весь трагизм происходившего. Или концепцию, согласно которой холокост был следствием давно развивавшегося «антисемитизма», а «антисемитизм» проистекал из христианства, возлагающего вину за распятие Христа на евреев. Ведь не утверждали же поляки, что в массовом их уничтожении нацистами, в том, что Гитлер объявил о «конце польского государства навеки», виновно все человечество. Такие чувства, чем бы они не были вызваны, потом начинают жить своей жизнью.

Ведь не может народ, имея дело с немцами, исходить из одного мировоззрения, а с арабами или русскими – из другого. Таковую же реакцию, может быть, только в менее яркой форме, будет вызывать всякий «враг» или даже тот, кто «стоит поперек дороги».

Позже знаменитый еврейский философ Мартин Бубер писал по этому поводу:

«Самое тяжелое влияние национал-социализма заключается в том, что он заразил своей философией насилия другие народы. Эта победа “недочеловеческого” (*Untermenschliches*) над человеческим никакой народ так глубоко не затронула, как еврейский... Мы осознали это несчастье, когда группа вооруженных евреев напала на арабскую деревню. Это был наш грех, еврейский грех против Духа. Наша вера в Дух оказалась недостаточной, чтобы устоять против распространения этого дьявольского, позорного учения в собственном народе».

Глава 13 При коммунистическом строе

1. Построение социализма в одной стране

Теперь в нашей стране тщательно вытесняется из памяти воспоминание о тесной связи между коммунизмом и еврейством. Но долгое время это нисколько не скрывалось, даже подчеркивалось. Например:

Мы много плачем, слишком много стонем,
Но наш народ, огонь прошедший, чист.
Недаром слово «жид» всегда синоним
С святым, великим словом коммунист.

(Можно найти в любом сборнике стихотворений Маргариты Алигер.)

Хотя русская грамматика здесь и хромает, но настроение выражает определенное: равенство «большевик-еврей» не считалось «глупым» (как писал

когда-то Горький) как раз в еврейской среде. В главе 11 мы приводили списки членов Политбюро, которые дают основание говорить о руководящей роли еврейства в партии, а следовательно, и во всей стране. Но именно в отношении этого показателя, в представительстве евреев в самой верховной власти происходят дальше некоторые изменения. На XIV съезде (1926 г.) в Политбюро (состоявшем из 9 человек) оказываются только 2 еврея: Троцкий и Зиновьев. А на XV съезде (1927 г.) в Политбюро не оказалось ни одного еврея! Оно состояло из Бухарина, Ворошилова, Калинина, Куйбышева, Молотова, Рыкова, Рудзутака, Сталина и Томского. Точно так же и на XVI съезде (1930 г.) в Политбюро не было евреев. Потом, правда, вверх пошли новые евреи, из числа поддерживавших Сталина: Каганович, Мехлис. Но они численно никогда уже не достигали того веса, как в первые послереволюционные годы. Этот процесс связан с борьбой, происходившей внутри партии, с возникновением оппозиций, отстаивавших собственную программу на съездах.

И здесь проявилась очень важная черта: еврейство не выступало как единая, координированная сила. Еврейские силы оказались распыленными между борющимися фракциями (что, зато, сохраняло влияние, какая бы фракция ни победила). Совершенно очевидно, что если бы после смерти Ленина Троцкий, Зиновьев, Радек действовали бы единым фронтом, то они подчинили бы себе партию. С точки зрения теории «еврейской власти» раскол между Троцким и Зиновьевым на XIII съезде был самоубийственным. Это демонстрирует особый характер действия «еврейства» в нашей стране, а значит, вероятно, и во всей истории. Этим не отрицается ни его существование, ни значительность для судеб других народов. Но в часто высказываемую кон-

цепцию «всемирного заговора», руководимого из единого центра (например, «Сионскими мудрецами»), факты не укладываются. Причем не укладываются столь очевидно, что эта концепция выглядит как ловушка, поставленная на пути тех, кто пытается осмыслить роль еврейства.

Мы склонны представлять всякое «сообщество», обладающее некоторым органическим единством, по аналогии с человеком, формирующим свои цели, находящим пути их достижения, чьи органы подчинены этим целям и импульсам, поступающим из головного мозга (а может быть, из души). Но, даже если ограничиваться биологическими аналогиями, можно указать на примеры других, очень жизнеспособных организмов. Например, гидра не имеет ни головного, ни спинного мозга, и ее нервные клетки расположены более или менее равномерно по всему телу. Но она способна выбрасывать яд, парализующий жертву, захватывать ее, глотать и переваривать; изгибать свое тело в нужном направлении. И если разрезать ее на несколько частей, то каждая из них воссоздаст такой же организм.

Возвращаясь к нашей истории, можно заметить, что хотя, благодаря межфракционной борьбе, силы еврейства оказались распыленными и его участие в верховном руководстве партии уменьшилось, вес его в тогдашней жизни нисколько не упал. Борьба оппозиций привела к тому, что, в конце концов, партия (ее наиболее активная часть) сплотилась вокруг одной программы: насильственной коллективизации деревни и индустриализации за счет полученных от деревни средств. В другой работе я аргументировал точку зрения, что коллективизация была самым радикальным, определяющим моментом русской истории XX века. И в этом переломном событии еврейские силы играли не мень-

шую роль, чем в гражданской войне. Да коллективизация и была, собственно, завершением гражданской войны, в которой коммунистическая власть не смогла победить деревню и вынуждена была отступить, перейдя к нэпу.

Коллективизация была грандиозным сломом социальной структуры России, сохранившейся еще с дореволюционного времени. Недаром Сталин называл ее «второй революцией», «революцией сверху». За несколько лет был уничтожен тип жизни, существовавший веками в деревне (а деревня еще к 1929 г. — это было 80% населения России): индивидуальное семейно-трудовое хозяйство. Этот слом был осуществлен с громадным применением насилия, да и неудивительно, крестьянство боролось, как могло, были тысячи восстаний. Для подавления их использовались войска. Была восстановлена практика времен гражданской войны, члены Политбюро регулярно получали сводки ОГПУ. И под конец коллективизация привела к грандиозному голоду 1933 года, такого же масштаба, как голод 1923 года (такого, кажется, в России не бывало со Смутного времени). Историки и до сих пор не могут определить число его жертв, приводимые ими цифры колеблются от 3 до 7 млн.

Конечно, коллективизацию осуществляла вся партия и особенно ее верхи: Сталин, Молотов и т. д. Но количество еврейских фамилий в этом процессе поражает. Одним из самых главных организаторов коллективизации был Яковлев (Эпштейн), нарком земледелия СССР, зав. сельхозотделом ЦК, председатель комиссии Политбюро по подготовке постановления о темпах коллективизации. Председателем Колхозцентра был Каминский, потом Беленький. Председателем Центросоюза был Хинчук, потом Зеленский, его заместителем

Киссин, председателем Зернотреста Калманович, председателем сельскохозяйственной секции РКП – Розит. В особенно ответственные районы направлялись специальные комиссии Политбюро: на Украину во главе с Молотовым, на Северный Кавказ во главе с Кагановичем. В порядке «борьбы с саботажем» в это время на Кубани было арестовано 15 тыс. человек. Молотов на Украине издал «директиву», совместно с секретарем ЦК КП(б) Украины Хатаевичем, требуя «репрессий и беспощадной расправы с преступными элементами в правлении колхозов». Перед тем Хатаевич проводил коллективизацию на Волге, где был секретарем ВКП(б) Средневолжского района. Другой раз на Украину командировается Каганович, откуда сразу телеграфирует Сталину, что арестовал трех директоров совхозов. (На телеграмме пометка Сталина: «Хорошо».) Из Одессы он (вместе с пред. ГПУ Украины Балицким) сообщает, что из Одесской области необходимо выселить на Север 500 семей. В Казахстане коллективизацию проводил Шая Голощекин (ранее организатор убийства Николая II и его семьи). В результате скот был уничтожен почти весь, кочевники-казахи бежали в Китай или гибли. Кампания коллективизации по всей стране «теоретически» поддерживалась журналом «На аграрном фронте», редактором которого был Крицман. Можно было бы назвать множество менее влиятельных имен, таких, как Анцелович, Вольф, Нусинов, Райтер... Все эти люди участвовали в планировании и осуществлении коллективизации. Их подписи стоят под декретами, конкретно формулирующими меры, принимаемые в определенных районах и на определенных этапах. Их имена – в числе участников совещаний, планирующих эти меры. Конечно, в проведении коллективизации активно участвовали (на руководящих ролях)

также Молотов, Андреев, Жданов, Орджоникидзе, Калинин... а верховное руководство было в руках Сталина. Но они не принадлежали к одному незначительному (численно) этническому меньшинству.

В коллективизацию партии удалось то, чего она не смогла сделать в гражданскую войну – уничтожить крестьянство «как класс». Ясно, что это была трудная, рискованная задача: недаром партия лет 6 (от XIII до XVI съезда) колебалась, прежде чем отважилась на ее осуществление. И проводилась она под громадным террористическим давлением, которое называлось «раскулачивание». Как централизованная операция, спланированная в ЦК, шли аресты крестьян, отправка в концлагеря, высылка на Север. Даже по официальным отчетам можно проследить высылку около 2 млн человек (Сталин говорил Черчиллю о десяти миллионах кулаков). Всю эту часть проведения коллективизации осуществляло ОГПУ. И здесь мы видим, пожалуй, еще большую концентрацию еврейских имен, чем в ЧК во время Гражданской войны.

Руководил работой ОГПУ фактически Ягода (Иегуда) при больном председателе ОГПУ Менжинском. Одним из наиболее известных концентрационных лагерей, где содержались арестованные крестьяне, был «Беломорканал» – строительство Беломоро-Балтийского канала. В связи с окончанием строительства канала орденом Ленина (высшая тогда награда) были награждены следующие лица: Ягода, Коган, Берман, Фирин, Рапопорт, Жук, Френкель, Вержбицкий. (Вержбицкий здесь добавлен в воспитательных целях, это был «инженер-вредитель», перевоспитанный в лагере.)

Недаром в изданной после войны в Иерусалиме Краткой еврейской энциклопедии после названия статьи «Концентрационные лагеря» стоит мелким шриф-

том – немецкие. Иначе пришлось бы вспомнить о «Беломорканале» и всем ГУЛАГе.

ОГПУ имело экономический отдел и, кроме того, для поддержки коллективизации направляло в области полномочных представителей (ПП). Так, директивы в связи с коллективизацией Поволжья (Средне-Волжский округ) подписывали: секретарь ВКП(б) округа Хатаевич, ПП ОГПУ Баки, начальник ЭКО Рейфшнейгер. Начальником этого ЭКУ на Украине был Блат, ПП в Средней Азии был Беленький, по Казахстану – Каруцкий, ПП в Крыму, на Урале, в Сталинграде – Рапопорт, различные руководящие должности в ЭКО ОГПУ занимали Вайнштейн, Вайзагер, Волков (Вайнер), Генкин Дейч, Ершов (Лурье), Слуцкий и Тизенберг, помощником начальника ЭКУ ОГПУ был Фельман. И множество имен на должностях в ОГПУ, не непосредственно связанных с деревней: заместители председателя Трилиссер и Мессинг, зам. нач. ГУЛАГа Берман и Плинер, нач. Особого отдела ОГПУ Леплевский, начальник Секретного Оперативного Управления Полномочного Представителя ОГПУ Дейч, зам. нач. Особого отдела Залин (позже нач. НКВД Казахстана), начальник лагерей особого назначения (также строительства канала «Волга – Москва-река») Коган и т. д., и т. д. Список можно далеко продолжить, достаточно полистать документы того времени, теперь обильно публикуемые. Недавно общество «Мемориал» опубликовало ценный справочник «Кто руководил НКВД, 1934–1941», где приведены краткие биографии руководителей НКВД разного уровня, с указанием национальности. Приложена даже таблица национального состава «руководящей верхушки». Хотя период, рассматриваемый в справочнике (с 1934 г.) приходится на время, несколько более позднее, чем коллективизация, но данные за 1934–1936 годы не должны существенно отличаться

от того, что было в предшествующие годы – чистка «органов» еще не началась. Мы видим здесь:

конец 1935 г.	русские – 31,25%	евреи – 38,54%
начало 1936 г.	русские – 30,00%	евреи – 39,09%

И это еще при том, что, как видно из текста, национальность определялась так, как она указывалась в официальных анкетах.

Необходимо еще отметить, что коллективизация совпала с эпохой нового усиления гонения на религию и особенно на Православную Церковь. Было даже постановление Политбюро, указывавшее одновременно с организацией колхоза закрывать в деревне церковь. Антирелигиозной кампанией руководил Ярославский (Губельман), глава Союза воинствующих безбожников: была объявлена «безбожная пятилетка», в конце которой «имя Бога не будет произноситься в нашей стране». (Стоит сопоставить с тем, что в 20-е годы борьбой с Православной Церковью руководил Троцкий, а ближайшим помощником его был Шпицберг.) При посещении Горьким Америки в 1922 году состоялось его интервью с Шолом-Ашем. Тот был обеспокоен слухами о «растущем антисемитизме» в России и сказал:

«Все евреи без исключения считают, что было бы величайшей бедой, которая привела бы к страшной резне, если бы, не дай бог, власть перешла в другие руки. Огонь антисемитизма пылает в России, как никогда, и стоит только пошатнуться большевистской цитадели, как будет принесено в жертву все еврейское ее население».

Горький согласился и ответил, что напрасно еврейские большевики участвуют в осквернении русских святынь:

«Русский мужик хитер и скрытен. Он тебе на первых порах состроит кроткую улыбку. Но в глубине души за- таит ненависть к еврею, который посягнул на его свя- тыни... Еврейские большевики должны были оставить эти дела для русских большевиков... Ради будущего ев- реев в России надо предостеречь еврейских большеви- ков: держитесь подальше от святынь русского народа! Вы способны на другие, более важные дела».

Шолом-Аш продолжает:

«Я обратил его внимание на то, что еврейские большевики не щадят не только русских святынь, но и еврейских. Он сказал, что знает об этом и считает, что борьба с древнееврейским языком, с синагогами, тем более, с лучшим театром России (! – И. Ш.), древ- нееврейским театром “Табима” – есть не что иное, как идиотство и варварство».

(Тут Горький не давал советов вроде того, чтобы оставить это русским большевикам.)

Второй причиной антисемитизма Горький считал зависть русских к более талантливым и работоспособ- ным евреям:

«Россия не может быть восстановлена без евреев, потому что они являются самой способной, активной и энергичной силой».

Если под восстановлением России понимать укрепление коммунистической власти (включая коллекти- визацию), то это наблюдение подтверждается фактами. Еврейство оказывало поддержку, жизненно необходи- мую коммунистической власти, далеко не только через участие в НКВД. Не меньшее значение имела идеологи-

ческая поддержка. Она была многогранна. Рассмотрим пример литературы. За 20-е и 30-е годы возникла целая литература, пропагандировавшая действия власти, стремившаяся создать соответствующую им духовную атмосферу. Например, коллективизации и раскулачиванию предшествовало литературное течение, стремившееся привить ненависть к деревне и крестьянину, причем все это обнималось образом «Старой Руси», «Рассеюшки». Конечно, это течение литературы, обслуживавшее власть, состояло далеко не из одних евреев, как не одни они служили и в ЧК, и в НКВД. Но поражает и в этом случае непропорциональное количество еврейских имен, и азарт, как кажется, искреннее сочувствие, с которым они ринулись на это поле деятельности. Из тех, кто был известен еще до революции, Пастернак и Мандельштам стали своими людьми в салонах советско-еврейской верхушки. У представителей русской литературы судьба была другой. Маяковский рвался идти тем же путем, но не выдержал. Горький был 10 лет эмигрантом, потом вернулся. (Что, хотя бы отчасти, я думаю, связано с его патологической ненавистью к деревне и крестьянину. Его возвращение и совпало со «сплошной коллективизацией».) Есенин, в поэмах 1918 г., отразил чувство тогдашних коммунистических верхов, «штурмовавших небо», передельвавших мир: логику («диалектику») и даже эстетику насилия и уничтожения. Но после этого изолированного периода вся социальная сторона его поэзии была сплошным стоном боли. И как ни объяснять его смерть, ясно, что в той жизни он существовать не мог (например, на него было заведено несколько, кажется, 8 дел, часть с обвинением в «антисемитизме», в те годы расстрельным). И уж совсем не стали «поэтами власти» Ахматова, Цветаева, тем более Гумилев, Ключ-

ев. Но после революции в литературу вступило новое поколение. И вот среди них Булгаков и Платонов были гонимы всю жизнь (и, в значительной степени, еврейскими деятелями), Павел Васильев расстрелян. Шолохов пользовался благосклонностью власти. Но «Тихий Дон» никак не назовешь просоветским произведением. Почему его печатали (при всех правках) – это и есть, мне кажется, истинная «загадка Шолохова».

А, с другой стороны, целый поток еврейских имен самого разного уровня талантливости и просто способностей, ревностно служивших власти. Например, Джек Альтаузен, Алигер, Бабель, Багрицкий, Безыменский, Билль-Белоцерковский, Гроссман, Данин, Ильф, Исбах, Каверин, Казакевич, Кирсанов, Крон, Мандельштам, Пастернак, Рыбаков, Светлов, Серебрякова, Сельвинский, Славин, Уткин, Шатров, Шейнин, Ясенский. А долгое время их «политкомиссаром» был Авербух. Тут удивительно то, как сочетается искренняя любовь к власти и творимым ею делам с сильным национальным чувством. И даже не сочетается, а объединяется (приведенные выше стихи Алигер, трогательное посещение раввина у политработника Бабеля, баллада о «рыжем Мотеле» Уткина и т. д.). Пожалуй, наиболее ярко это объединение выражается у одного из наиболее талантливых из них, Багрицкого. Он тоньше других почувствовал пафос того, что, как надеялись, происходит: полной перекройки мира по воле властителей новой жизни. И полной смены для этого и эстетики, и этики:

Но если он скажет:

«Солги!» – солги,

Но если он скажет:

«Убей!» – убей.

Все знают его стихи:

Их нежные кости сосала грязь,
Над ними захлопывались рвы,
И подпись на приговоре вилась
Струей из простреленной головы.

Конечно, любая власть (а особенно власть такой мощи!) увлекает толпы людей, готовых ей служить (кто за страх, а кто за совесть). И среди этих толп было много и русских. И, в частности, творивших эту новую эстетику уничтожения и расстрела. Но вот у Маяковского: Белогвардейца поймали и к стенке! А Рафаэля забыли, забыли Растрелли вы... – как-то беззубо расстрел переносится на картины и здания. Были чьи-то стихи, что «человек рожден для расстрела», но забылись. А Багрицкий справедливо в этом течении занял место классика. И в последней, предсмертной, своей поэме «Февраль» он рассказывает об изнасиловании русской девушки. Национальное самоощущение «лирического героя» резко подчеркнуто:

Моя иудейская гордость пела,
Как струна, натянутая до отказа...

А только уж потом:

*Я ввалился.
Не снимая сапог, не сняв кобуры...*

И ведь совершенно неправдоподобно, что поэма, написанная с таким пафосом, была «чистой лирикой», передавала лишь переживания автора. Очевидно, это символическое описание того, что, как автор себе представлял, произошло со страной.

Интересно, что изданное позже (1973 г.) собрание воспоминаний современников поэта тем ярче воспроизводят этот дух, чем ближе воспоминания написаны к тому времени. Так, у А. Адалис (1935 г.):

«Мы принадлежим к поколению, которому не пришлось разочаровываться. Мы действительно стали “управителями”, “победителями”, “владельцами” одной шестой части земли... Эдуард Багрицкий принадлежал к поколению и классу победителей. Все, что было завоевано ими, принадлежало и ему».

У Бабеля:

«Я ловлю себя на мысли, что рай будущего, коммунистический рай, будет состоять из одесситов, похожих на Багрицкого».

Действительно, во всем этом течении одесситы составляли большую часть. В старой своей работе я обращал внимание на то, что книги Ильфа и Петрова, приобретшие такую громадную популярность, были далеко не безобидным юмором. Говоря коммунистическим языком, они «выполняли социальный заказ», а по более современной терминологии, «дегуманизировали» представителей чуждых, «старых» слоев общества: дворян, бывших офицеров, священников. То есть представляли их в таком виде, что их «ликвидация» не будила никаких человеческих чувств. Позже появилась работа, из которой я узнал, что мои догадки имели весомое подтверждение.

Например, Петров писал:

«Я вел следствия, так как следователей судебных не было. Дела сразу шли в трибунал. Кодексов не было и судили просто: “Именем революции”...»

А ведь такие слова, как напоминает автор работы, произносились в связи с расстрелом.

А об Ильфе его друг, писатель того же «потока», Славин вспоминает, что тот подарил своему другу книгу с подписью:

«Майору государственной безопасности от сержанта изящной словесности».

И ведь все сказанное относится только к литературе. А были аналогичные «потоки» и в журналистике (Эренбург, Заславский, Гроссман, Маковский, братья Фридлянд: Кольцов и Ефимов), и в кино, названном Лениным, «из всех искусств для нас самое важное» (Зархи, Каплер, Кармен, Ромм), да и во многих других областях.

2. В социалистической стране

Существует широко распространенная, почти общепринятая концепция того, как складывалась судьба евреев в нашей стране во время и после революции. Эту концепцию можно встретить в трудах известнейших западных советологов в западной прессе и радиопередачах, в наших средствах информации. Чаще всего высказывается она как общеизвестная, безусловно доказанная, не нуждающаяся уже ни в каких аргументах. Она состоит из следующих положений:

1. В дореволюционной России евреи были в униженном, угнетенном положении, ограниченные чертой оседлости и процентной нормой под постоянной угрозой погромов.

2. Революция освободила евреев, дала им равноправие, и они приняли активное участие в государственной и культурной деятельности.

3. Начиная с конца 30-х годов интернационалистические тенденции в политике партии и советского государства стали постепенно сменяться русско-националистическими. Это связывают с приходом к власти Сталина. Изменилось и положение евреев. Их стали вытеснять из многих частей государственного и партийного аппарата. После конца войны власть стала проводить открыто антисемитскую политику, кульминацией которой было «дело врачей». Было подготовлено выселение всех евреев в Сибирь, не состоявшееся только из-за смерти Сталина.

4. После смерти Сталина власти перешли к более осторожной, но систематической политике антисемитизма, продолжавшейся до краха коммунистического строя. Евреи были тогда наиболее дискриминированной нацией Советского Союза. Их национальная культура не развивалась, они встречались с постоянной дискриминацией в своей работе, их детям был затруднен доступ к высшему образованию, еврейская эмиграция произвольно ограничивалась.

Мы видели, что первые два положения очень далеки от объективной картины истории. Что касается двух последних, то они также являются блестящим примером еврейского умения навязать, внушить другим свою точку зрения, как бы она ни расходилась с фактами.

По поводу периода, о котором мы перед этим говорили (начало 1930-х годов), приведенные факты говорят за себя. Евреи явно были в это время опорой строя. Хотя спор о сроках проведения массовой принудительной коллективизации проходил на самом верху между Сталиным, Молотовым, Куйбышевым, с одной стороны, и Бухариным, Рыковым, Томским – с другой, но реализовавшаяся линия развития явно соответствовала желаниям еврейства. Иначе оно не приняло бы

такого энергичного участия в ее реализации, да и власть не допустила бы на столь ответственные посты представителей недовольного или хотя бы не сочувствующего меньшинства.

Некоторые вопросы, действительно, могли бы возникнуть немного позже, во *второй* половине 1930-х годов, когда на показательных процессах замелькали столь знакомые имена еврейских вождей партии: Зиновьева, Каменева, Радека, Розенгольца, Ягоды... Вопросы могли бы возникнуть, но, странным образом, не возникли. Это очень странно, если иметь в виду постоянную еврейскую возбужденность и склонность всюду видеть гонения на них. Например, в конце 1980-х годов в России возникло общество «Память». Трудно сейчас вспомнить тот шум, который тогда начался по всему миру, с разоблачением «роста антисемитизма» и «угрозы погромов». Было даже специальное постановление Европейского Совета с требованием «Память» запретить. А ведь она не оказала *никакого* влияния на жизнь (кроме того, что дала повод для этого шума). Сейчас, 10 лет спустя, это очевидно, да и тогда при желании легко было разглядеть. В то время, как в 1930-е годы, были расстреляны все еврейские члены Политбюро (кроме временно спасшегося Троцкого) и, казалось, было о чем задуматься! И в то же время я, например, не знаю ни о каких высказывавшихся тогда обвинениях в «антисемитизме» руководства СССР. (Если не считать того, что Троцкий обвинял в антисемитизме Сталина, да заодно и Бухарина! – такого интернационалиста, так старавшегося отмежеваться от своих национальных корней! Но это явно было стремление использовать в борьбе любое оружие.)

Очевидно, были какие-то специальные причины, почему этот болезненный вопрос не возникал. Основ-

ную роль, конечно, играло общее чувство удовлетворения советского еврейства своим социальным статусом, которое каким-то путем становилось известным во всем мире. Это чувство было ярко отражено в книге еврейско-немецкого писателя Фейхтвангера «Москва 1937». Она вообще была апологией и восхвалением тогдашнего строя СССР, включая и волновавший Запад вопрос о показательных процессах.

В ней есть подзаголовки, вынесенные на поля: «Удовлетворенность евреев»; «Разрешение еврейского вопроса»; «Еврейские крестьяне»; «Молодая еврейская интеллигенция»; «Еврейский национализм в Советском Союзе».

В последнем разделе автор сообщает:

«Национализм советских евреев отличается некоторого рода трезвым воодушевлением.

Единодушие, с которым евреи, встречавшиеся мне, подчеркивали полное согласие с новым государственным строем, было трогательным».

Глава в целом называется «Национализм и интернационализм», но в основном посвящена все тому же вопросу.

Другой причиной была растущая мощь гитлеровской Германии. Вся пропаганда в СССР внушала страстную ненависть к фашизму, солидаризируясь в этом с позицией Всемирного еврейского конгресса (который, как сказано выше, призвал к борьбе с Германией). Наконец, важным показателем являлся такой эпизод. В 20-е и 30-е годы в СССР действовало Еврейское Телеграфное Агентство (ЕТА), независимо от официального ТАСС, распространявшее по всему миру свою информацию о Советском Союзе. Этому ЕТА

в 1931 г. Сталин дал интервью по неизменно животрепещущему вопросу об «антисемитизме». Он сказал:

«Национальный и расовый шовинизм есть пережиток человеконенавистнических нравов, свойственных периоду каннибализма. Антисемитизм как крайняя форма расового шовинизма является наиболее опасным пережитком каннибализма...»

В СССР строжайше преследуются законом антисемитизм как явление глубоко враждебное Советскому строю. Активные антисемиты караются по законам СССР смертной казнью».

В принципе в такой формулировке нет ничего нового, она лишь повторяет обычную позицию солидарности коммунистической власти и еврейства. (Кроме разве несколько странного сопоставления: антисемитизм – каннибализм. Неужели предполагалось, что «антисемиты» ели евреев?) Но интересно то, что это заявление не было тогда опубликовано в советской печати, хотя почему-то было опубликовано в «Правде» 5 лет спустя, в 1936 году. И в том же 1936 году в докладе Молотова о новой конституции 30 ноября 1936 года мы читаем:

«Что бы ни говорили современные каннибалы из фашистских антисемитов, наши братские чувства к еврейскому народу определяются тем, что он породил гениального творца идей коммунистического освобождения человечества, научно овладевшего высшими достижениями германской культуры и культурой других народов Карла Маркса, что еврейский народ наряду с самыми развитыми нациями дал многочисленных крупнейших представителей науки, техники и искусства, дал много героев революционной борьбы против угнетения тру-

дящихся и в нашей стране выдвинул и выдвигает все новых и новых замечательных, талантливых руководителей и организаторов во всех отраслях строительства и защиты социализма».

Повторение того же самого нестандартного термина «канибализм» дает основание предполагать, что оба эти действия: публикация старого заявления Сталина и пассаж в речи Молотова были сознательно совершены в одном и том же году. Они вместе являлись гарантией коммунистического руководства, которая должна была успокоить сомнения, вызванные большим числом евреев среди жертв тогдашних чисток. Видимо, этих заверений оказалось достаточно. Здесь мы встречаемся с особенным свойством мировой еврейской солидарности: интересы отдельных индивидумов (иногда очень большого их числа) легко приносятся в жертву интересу «коллектива». Также еврейского юношу Гриншпана, убившего немецкого дипломата в Париже фон Рата (и тех, кто стоял за аналогичными покушениями), мало интересовало, как это отразится на евреях, живущих в Германии. С этим явлением мы встретимся и позже.

Такого типа тонкими путями поддерживалась связь коммунистической партии и еврейства. И она действительно проявлялась в жизни. Вот, например, как описывает руководство НКВД в 1937 году Р. Конквест (такой крайний и верный последователь либеральных взглядов!) в известной книге «Большой террор»: нарком Ягода (Иегуда), заместитель Агранов (Сорензон), начальник ГУЛАГа М. Берман, экономический отдел Миронов (Коган), Оперативный отдел Паукер, Спецотдел Гай (Штоклянд), Иностраннный отдел Слуцкий (заместители: Б. Берман и Шпигельглас), Транспортный отдел Шанин.

Влиятельная группа евреев находилась в армии. Среди вновь учрежденных генералов были Якир, Фельдман, Д. Шмит, ВВС командовал Смушкевич, начальником политуправления Красной Армии был Гамарник, потом этот пост занимал Мехлис (а раньше Гамарника его занимал Сергей Иванович Гусев = Яков Давыдович Дабкин). Очень велик был вес евреев в верхах государственного аппарата. Наркомаами в середине 30-х годов побывали: М. Рухимович (оборонной промышленности), Л. М. Каганович (путей сообщения), М. М. Каганович (авиационной промышленности), Розенгольц (внешней торговли), Гишинский (пищевой промышленности), Берман (связи), Халепский (связи), Вейцер (внутренней торговли), Анцелович (лесной промышленности), Зеленский (председатель Центросоюза) и т. д. Советской внешней политикой руководил Литвинов (Баллах), подавляющее большинство послов во влиятельных странах были евреи.

Я хорошо помню атмосферу торжествующего еврейского национализма в конце 30-х годов. Каждый год с громом и фанфарами извещалось о победах советских исполнителей на международных конкурсах, и это бывали почти без исключения евреи. (А многие ли из них выдержали испытание временем? Кто знает или помнит сейчас столь тогда прославленных Бусю Гольдштейна, Лизу Гиюльс, Мишу Фихтенгольца и т. д.?) Повсюду гремели песенки самого популярного композитора страны – Дунаевского: его мелодия стала даже позывным сигналом советской радиостанции. (Помню рассказ одного знакомого Шостаковича: Шостакович, познакомившись с какой-то женщиной, сказал ей, что он композитор. Тогда она с уважением воскликнула: «Так Вы, может быть, знакомы и с Дунаевским!») Еврейский театр был столь популярен, что туда ходили даже те, кто

ни слова не понимал на идиш, часто только для того, чтобы встретить там влиятельное лицо. С торжеством сообщали газеты о все новых победах лучшего шахматиста мира Ботвинника. Самые известные певцы Большого театра, наиболее печатающиеся писатели, поэты, журналисты были евреи.

Евреи были тогда и опорой власти, и наиболее привилегированной частью советского общества.

И все же число еврейских фамилий в руководстве СССР (члены ЦК, наркомы) несколько уменьшается. Например, из наркомов середины 30-х годов, имена которых были приведены выше, большинство были расстреляны в предвоенные годы. Но все же число членов ЦК, избранных на XVII съезде (1934 г.) и на XVIII съезде (1939 г.), почти одинаковое, и среди них примерно одинаковое число евреев. Среди наркомов или лиц такого же ранга (председателей комитетов при СНК) в 1939–1940-е годы (это несколько больше 40 человек) мы видим Л. М. Кагановича, Жемчужину, Дукельского, Гинзбурга, Землячку (Залкинд), Мехлиса, Берию. Для сравнения: двое армян Микоян и Тевосян и один грузин Сталин. Так что ни о какой дискриминации евреев говорить невозможно, да тогда никто так и не считал. Террористический режим, утвердившийся в стране и в партии, затрагивал евреев, как и других. В верхушке НКВД произведены были массовые аресты, там было очень много евреев, их оказалось много и среди арестованных. Но я тогда ни от кого не слышал жалоб на то, что аресты имеют какую-то антиеврейскую специфику, да и потом их в литературе не встречал.

С началом же войны интересы мирового еврейства и коммунистической власти в СССР настолько совпадали, что невозможно было сказать, кто кому служит. Так, в 1941 году был создан Еврейский анти-

фашистский комитет (ЕАК), куда входили известные тогда деятели еврейской культуры СССР: актер (и руководитель Еврейского театра) Михоэлс (Вовси), писатель Квитко, поэт Фефер и др. Вероятно, Политбюро и Агитпроп рассматривали ЕАК как орудие советского влияния на Западе и особенно в Америке. Возможно, некоторые из членов Комитета смотрели на коммунистическую власть как на орудие для достижения определенных еврейских национальных целей. Но какое это имело значение? И для тех, и для других надо было тогда (во время войны) делать одно и то же. Единство было столь велико, что сменявшие друг друга ответственные секретари ЕАК: Эпштейн и Фефер, а также заместитель Фефера – Хейфец, были сотрудниками НКВД, и это не приходило в конфликт с их национальными чувствами (Фефер, например, опубликовал во время войны свое самое национально-ориентированное стихотворение «Я еврей»). Комитет связался с американскими еврейскими организациями: Еврейской секцией Международного рабочего ордена, Американским комитетом еврейских писателей, артистов и ученых, Еврейским советом помощи России. От их имени, как представители ЕАК, Михоэлс и Фефер получили приглашение в США. Частным штрихом, характеризующим эту поездку (1943 г.), является то, что (как рассказывает один из руководителей советской разведки Судоплатов) Михоэлс и Фефер перед отъездом были приняты Берией, указавшим им «убедить американское общественное мнение, что антисемитизм в СССР полностью ликвидирован вследствие сталинской национальной политики».

«Оперативное обеспечение визита Михоэлса и разработку его связей в еврейских общинах осуществлял Хейфец» (советский резидент в Сан-Франциско).

«По их (двух советских разведчиков. – И. Ш.) сообщению, Оппенгеймер и Эйнштейн были глубоко тронуты тем, что в СССР евреям гарантировано безопасное и счастливое проживание». Вскоре удалось уговорить Оппенгеймера «взять на работу специалистов, известных своими левыми убеждениями, на разработку которых уже были нацелены наши нелегалы».

«Таким образом, Оппенгеймер и Ферми и Сциллард помогли нам внедрить надежные агентурные источники».

(Цитаты – из книги Судоплатова).

Но, кроме того, представители ЕАК встречались с президентом Всемирной сионистской организации (и будущим президентом Израиля) Вейцманом, президентом Всемирного еврейского конгресса Гольдманом, раввином Вайсом, Эйнштейном и многими другими ведущими еврейскими деятелями.

3. Расставание...

Только после окончания войны стало понемногу обнаруживаться, что мировое еврейство и коммунистическая власть в СССР – это не одно и то же и в чем-то их интересы могут расходиться. Существование каких-то различий стало проявляться начиная с 1948 года, когда возникло государство Израиль. Само возникновение этого государства явно лежало в области общих интересов. Оно было прокламировано Советом Безопасности ООН, где СССР не только не воспользовался «правом вето», но и активно поддерживал это решение. На заседании Совета Безопасности советский представитель Громыко сказал:

«Тяжелые жертвы, которые еврейский народ понес в результате произвола гитлеровцев в Европе, еще

более подчеркивают необходимость для евреев иметь свое собственное государство и справедливость требований о создании самостоятельного еврейского государства в Палестине».

Руководители советской политики надеялись приобрести в лице Израиля рычаг для влияния на Ближнем Востоке или же по инерции следовали тенденциям мирового еврейства. СССР был одним из первых государств, признавших Израиль. Известно, что в начавшемся арабо-израильском конфликте СССР вначале снабжал Израиль оружием.

Но тут выяснилось, что ЕАК играет некоторую самостоятельную роль, отличную от запланированной для него коммунистической властью. Он оказался центром, притягивавшим национальные чувства евреев СССР. Туда поступали сотни писем с призывами активнее помогать Израилю: одни настаивали на разрешении ехать в Палестину, другие предлагали собирать деньги для помощи Израилю. Тогда это было нечто совершенно неслыханное: человек, имевший отдаленного родственника за границей или получивший оттуда несколько писем, и то уже был уязвим. А ведь вся работа ЕАК была известна НКВД хотя бы через секретарей Комитета. На это наложились еще то, что посла государства Израиль Голду Меир приветствовали в Москве толпы евреев (обычно при посещении ею синагоги). Сама же Меир всегда придерживалась проамериканской ориентации, которую вскоре приняла и вся политика Израиля. Выяснилось, что советское еврейство считает возможным активно поддерживать политику, отличную от политики коммунистической власти.

Как позже стало известно, и сам ЕАК еще раньше уже сделал шаг в этом направлении. Еще в конце вой-

ны, в 1944 году, он направил письмо в правительство, предлагая создать в Крыму Еврейскую советскую социалистическую республику. Именно этот термин употреблялся, так что явно подразумевалась республика, равноправная Украине или Казахстану, по советской Конституции имевшая право на отделение (не говоря уж о своей компартии, правительстве и т. д.). Это тоже был неслыханный поступок в тогдашней жизни. В среде руководителей ЕАК уже «делили портфели»: в президенты новой республики прочили Михоэлса и т. д. (но не сохранилось, судя по тому, что мне приходилось читать, слухов о будущем «первом секретаре», т. е. новое государство не планировалось по шаблону советской республики). Все это было прямым нарушением основного принципа коммунистической власти: «решения передаются только сверху вниз». Власть, только что выигравшая страшную войну, чувствовала себя всемогущей и не могла уступить. Но по всем ее действиям видно, с каким трудом (или страхом?) она шла на конфронтацию. Сначала было постановление Политбюро о роспуске ЕАК с очень характерной припиской: «Пока никого не арестовывать». Потом начались аресты руководителей ЕАК. Михоэлс, по-видимому, был убит агентами МГБ, причем официально его объявили жертвой транспортной аварии. Уже более 20 лет политическое устранение в СССР такой декорацией не обставлялось. Выяснилось, что председателя Коминтерна Зиновьева или Председателя Совнаркома, наследника Ленина, Рыкова можно попросту расстрелять. А поступить так с актером Михоэлсом слишком опасно. Казалось бы, по поводу Михоэлса Сталин мог повторить свой вопрос: «А сколько дивизий у римского папы?» Но в какой-то другой иерархии Михоэлс оказался опаснее и весомее Рыкова. Та же печать осторожности, не свойственная

коммунистической государственной машине, лежит на всем «деле ЕАК». Следствие велось больше трех лет, суд состоялся лишь в 1952 г. Все следствие несет следы какой-то скрытой борьбы сил, чего раньше (в деятельности ЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ) заметно не было. Летом 1952 года Верховный суд прерывает следствие с тем, чтобы отправить дело на доследование. Но решение, видимо, уже было принято в Политбюро. Суд состоялся, но длился два месяца (а не несколько дней, как обычно). Подсудимые могли свободно задавать друг другу вопросы и оспаривать показания. Но участь их была predetermined, все члены ЕАК, кроме одной женщины, академика Л. Штерн, были приговорены к расстрелу (13 человек). По другим делам, связанным с этим, было расстреляно еще 10 человек. Всего репрессировано 110 человек.

Можно себе представить шок, испытанный коммунистическим руководством, когда оно обнаружило, что «неразрывная связь», соединявшая его с еврейством, существует лишь до определенного предела. Оно столкнулось с силой, от которой оно раньше себя не отделяло и границы влияния которой определить не могло. Так, жена Молотова Жемчужина (Карповская) оказалась очень близкой Михоэлсу, стало известно, что он называл ее «хорошей еврейской дочерью» и сравнивал с библейской Эсфирью. Надо перечитать «Книгу Эсфири», чтобы оценить значительность такого сопоставления. С другой стороны, о жене Ворошилова (Голде Горбман) ее родственница рассказывает:

«Когда возникло государство Израиль, я услышала от Екатерины Давыдовны фразу: “Вот теперь у нас тоже есть родина”. Я вытаращила глаза: это говорит ортодоксальная коммунистка-интернационалистка!»

(А значит, Советский Союз, как тогда говорилось, «родина трудящихся всего мира», для нее родиной не был!)

И, наконец, одним из расстрелянных членов ЕАК был Лозовский (Дризо), в течение войны глава Совинформбюро, зам. министра иностранных дел. А за сыном сотрудника Лозовского Шамбергом была замужем дочь Маленкова, на сестре же Шамберга был женат Лозовский. Как тогда часто бывало, Шамберг-старший написал письмо в ЦК, в котором заверял, что ничего о «шпионско-националистической» деятельности Лозовского он не знал. А Маленков развел свою дочь с Шамбергом-младшим. Но видно было, что тут образовались связи, разрывая которые, надо было резать по живому телу.

После этого началась «кампания против космополитов», закончившаяся «делом врачей» и оборвавшаяся со смертью Сталина. Эти-то действия и являются обычно основаниями для утверждений, что после войны в СССР утвердилась «политика антисемитизма» и даже готовился план «депортации евреев в Сибирь». Такой взгляд очень трудно согласовать с тогдашним реальным положением в стране.

Прежде всего, неправильно интерпретировать «дело ЕАК» как акцию, характеризующую особую антиеврейскую направленность тогдашней советской политики. Это «дело» следует рассматривать на фоне всей тогдашней жизни. Например, приблизительно в то же время развертывалось «Ленинградское дело», в котором криминалом считалась, видимо, некоторая «русская ориентация», хотя выражена она была гораздо слабее, чем «еврейская ориентация» в «деле ЕАК». Речь шла о предложении некоторой группы крупных партийных деятелей создать компартию РСФСР, пере-

нести ее ЦК и Совмин в Ленинград. Главной фигурой среди обвиняемых был Вознесенский, член Политбюро, долгое время единственный 1-й заместитель Сталина как предсовмина. Вознесенскому приписывают мобилизацию советской промышленности во время войны и организацию ее восстановления. И тем не менее Вознесенского в отличие от Михоэлса можно было судить и расстрелять. Кроме Вознесенского, были расстреляны Капустин, Кузнецов, Попков, Родионов и другие, а всего было репрессировано около 2000 человек. Если рассматривать «дело ЕАК» как яркое проявление «сталинского антисемитизма», то «Ленинградское дело» надо было бы считать столь же ярким проявлением сталинской русофобии.

На самом же деле, в обоих случаях режим стремился взять под контроль некоторые национальные импульсы, допущенные им во время войны в пропагандистских целях. Эти действия составляли лишь элементы в цепи мер, предпринятых после войны для консолидации победившего и укрепляющегося коммунистического строя. Сюда же относились законы об укреплении колхозного строя, ужесточение идеологического контроля: в науке (биология, история), культуре (литература, музыка) и т. д. Но теперь все больше и больше весь этот фон, определявший реальную жизнь, игнорируется и остается как будто одно жестокое подавление ростков еврейского национального сознания, иногда интерпретируемое даже как продолжение «традиции погромов и кровавого навета». В действительности число репрессированных по «Ленинградскому делу» было, видимо, значительно больше, чем по «делу ЕАК». Причем в первом случае речь шла о людях, серьезно принявших тост Сталина «за здоровье русского народа» и аналогичные тогдашние действия. Во всех

же известных мне случаях людей, арестованных в связи с «делом ЕАК», жертвы, хоть ни в чем и не были виноваты, но с точки зрения тогдашней власти нарушили основные неписанные законы, явившиеся абсолютными: например, публично приветствовали Голду Меир при посещении ею синагоги или дружили с иностранными корреспондентами и т. д. То есть с точки зрения уже укрепившегося (и еще укрепленного выигранной войной) коммунистического режима, якобы претендовали на экстерриториальность.

Тем не менее режим не прибег к обычной тактике массового террора не только против людей, нарушавших его неписанные законы, но и «с запасом», против целых слоев, способных таких людей породить. Явно было, что имеются какие-то трения, но совершенно нового типа, еще не встречавшиеся в истории коммунистического режима.

Напомню факты. В газетах появилось выражение «космополит» (часто с прилагательным «безродный»), которое, как всем было ясно, связывалось с еврейским происхождением. Пожалуй, трудно установить тождество этих двух понятий: «космополит» – «еврей», имея в виду тот смысл, который вкладывался тогда советской прессой. Чувствовалось, что термин «космополит» никак не применим, например, к Кагановичу, Мехлису, Говарду Фесту или Иву Монтану. Скорее, термин «космополит», в его тогдашнем употреблении, можно расшифровать как «еврейский националист, действующий противоположно интересам и политике партии». Космополитам приписывались попытки оказать разлагающее влияние на патриотизм советских граждан, ослабить целостность и прочность советского строя, заражая советских людей буржуазной идеологией, очернить историческое прошлое входящих в СССР народов.

С другой стороны, понятие «космополитизма» понималось иногда и шире его еврейского аспекта. Так, многие научные теории, вроде теории странствующих сюжетов Веселовского, были осуждены как «космополитические». Одновременно в газетах появлялись статьи другого типа – фельетоны уже не политического, а бытового уровня, где описывались жульнические махинации какого-нибудь дельца с подчеркнуто еврейским именем и фамилией.

Проводились и практические действия, имеющие целью перевести некоторых евреев с их влиятельных должностей на менее влиятельные. Я знаю собственно один пример: снятие нескольких евреев с должностей заведующих кафедрами, а также перевод нескольких других из Москвы на работу в провинцию.

Наконец были произведены аресты. Была арестована группа врачей, обвинявшихся во «вредительстве» – умерщвлении под видом лечения ряда партийных вождей и в покушении на жизнь других, в том числе Сталина. Большинство этих врачей были евреи, но среди них было несколько русских. Однако еврейский аспект этой акции был подчеркнут обвинениями в связях с еврейской благотворительной организацией – «Джойнт». Это дело было прекращено сразу после смерти Сталина. Все присужденные к заключению в лагерь по «делу ЕАК», а также находившиеся под следствием по другим делам были освобождены.

Газетная кампания, увольнения, аресты, расстрелы... На первый взгляд, перед нами типичная сталинская чистка – вроде гонений на «вредителей-статистиков», «троцкистов», «правых уклонистов», вроде чистки в армии и в советском аппарате в 1936–1937 годах и т. д. Однако, присмотревшись внимательно, сразу убеждаешься, что здесь какое-то совсем другое явление. Со-

всем другой характер имели перемещения: из заведующих кафедрой университета – не на лесоповал, а в заведующие сектором института Академии наук или другого института. Перевод на работу в провинцию не носил характер грубой ссылки, преддверия ареста. Соответствующее лицо вызывалось в министерство, где ему, как правило, предлагали отправиться в какой-нибудь далекий город, вроде Владивостока. Но дальше начиналось нечто в других случаях невозможное: это лицо отказывалось, выдвигало свои условия, и после долгих переговоров соглашалось перейти на работу куда-нибудь совсем недалеко, например, в Серпухов или Коломну, куда можно ездить из Москвы. Еще более показательна была атмосфера, окружавшая тех, кто оказывался жертвой подобных мер: не созывались собрания, где их обличали бы во всех возможных грехах, а их коллеги каялись бы в потере бдительности, от них не отворачивались знакомые, на новой работе к ним относились безо всякой подозрительности. Странным образом атмосфера была наполнена уверенностью, что никакая катастрофа здесь не грозит.

Следует обратить внимание и на такую сторону этой ситуации. Всю кампанию проводили люди, имевшие большой опыт чисток, у которых образовался известный стандарт того, как это делается. Чтобы в данном случае все не пошло по этому стандартному пути: массовые аресты всех, входящих в преследуемую группу населения, бесправное положение лиц, хоть как-то с ними связанных, многочисленные суды, десятки и сотни тысяч расстрелянных, чтобы события не развернулись по этому знакомому трафарету, нужны были специальные, строгие и точные инструкции. Иначе сработала бы привычка, уже ставшая второй натурой. Таким образом, мне представляется несомненным, что

вся эта акция была задумана как действие, необычное в предшествующей политике, по своему масштабу совершенно не соответствующее привычным образцам чисток, как нечто, принципиально от них отличное — и были приняты тщательные меры для того, чтобы она именно так реализовалась.

Как же оценить то, что произошло? По-видимому, мы сталкиваемся здесь с первым случаем каких-то трений между партией и еврейством, с первым случаем, когда интересы этих сил в чем-то не совпали. То, что раньше, на протяжении трех десятилетий, такая ситуация ни разу не возникла, показывает на удивительное их сродство. Они не совпадают, ни одну нельзя считать органом другой, но они так тесно связаны, что между ними ни разу не возникли хоть сколько-нибудь заметные трения. Наоборот, принимались тщательные меры для устранения возможных недоразумений: еврейская поддержка советской власти на Западе, законы, ставящие антисемитов вне закона или поддержка широкой еврейской культурной и национальной деятельности в СССР. Когда в 30-е годы большое число евреев, пострадавших в рядах оппозиций, могло бы вызывать тревогу еврейства, Сталин и Молотов выступают с ожесточенными нападками на «антисемитов». Все это можно объяснить лишь тем, что в тот период каждая из двух сил воспринимала другую как для себя абсолютно необходимую, без тесного сотрудничества ни одна не могла надеяться достигнуть своих «целей» (понимая этот термин в том смысле, который мы указали в начале работы). И вот эта, казавшаяся нерасторжимой связь оказалась в 1948–1953 годах заметно ослабленной. Смысл произошедшего тогда переворота в отношениях между партией и еврейством можно видеть в том, что они *разделились*, стали отныне высту-

пать как две независимые силы. Независимые, но отнюдь не враждебные: происходившие у нас в эти годы события являются лишь прениями, неизбежными при размежевании двух столь мощных сил.

Примером того, как тесно коммунистическая власть продолжала быть связана с еврейством, может служить история передачи американских секретов производства атомного оружия Советскому Союзу. Наиболее драматические эпизоды этой истории относятся в эпоху Второй мировой войны, а корни идут еще глубже, но и после войны здесь происходили поразительные события. Их описывает, например, руководитель советской разведки в этой области генерал Судоплатов. Он пишет, что во время войны 90% агентов, от которых была получена важная информация, были евреями. Ко времени войны относится и установление контакта советской разведки с научным руководителем американского атомного проекта Оппенгеймером (о роли, сыгранной в этом ЕАК, упоминалось выше). Более подробно Судоплатов сообщает:

«В использовании Оппенгеймера как источника важную роль играла жена Василия Зарубина, Елизавета... Она обладала классической семитической красотой, привлекавшей мужчин, и была одним из самых успешных агентов-вербовщиков... Она происходила из семьи революционеров, родственников Анны Паукер, основателя компартии Румынии».

Эта удивительная женщина была сначала женой Блюмкина, работавшего в том числе и на Троцкого. Она донесла на него, и он был расстрелян. Потом была заброшена в США и работала под руководством Хейфеца. Их влиянию автор приписывает, что Оппенгеймер

пригласил работать в Лос-Аламос Фукса, эмигранта из Германии. Она же играла решающую роль в «использовании» Лео Сцилларда – еврея из Венгрии. После войны Берия распорядился прекратить получение информации от Оппенгеймера и Сцилларда и ориентировать их на борьбу против создания американской водородной бомбы. А Фукс переехал в 1946 году в Англию и систематически передавал информацию советскому агенту вплоть до ареста Фукса в 1950 году. Об этом периоде я могу нечто почерпнуть из собственных воспоминаний. Помню, как гораздо позже, в 1970-е годы, ныне покойный Д. Сахаров рассказал мне, что переданные Фуксом сведения фактически содержали все американские атомные секреты, все, что можно передать письменно. Так, необходимые затраты, ископаемые, человеческий опыт передать на бумаге невозможно, а все остальное Фукс нам сообщил. Помню, что тогда мне это показалось слишком фантастическим, я подумал, что Сахаров преувеличивал. Но воспоминания Судоплатова рисуют приблизительно ту же картину. Он верит также, что полученные данные давали главное: уверенность, что накопленный американцами запас атомных бомб недостаточен, чтобы начать атомную войну раньше середины 1950-х годов. И те же воспоминания Судоплатова показывают, какую поистине незаменимую роль в получении информации играла еврейская помощь: от основных фигур атомного проекта – Оппенгеймера и Сцилларда – до «связных» типа Коэна или супругов Розенберг, да и советских офицеров разведки, работавших в США – Хейфеца, Натана Сильвермастера, жены Зарубина.

Нам осталось еще рассмотреть версию о готовящемся еврейском погроме и выселении евреев в Сибирь. Концепция «окончательного решения ев-

рейского вопроса», якобы подготавливаемого, но не осуществленного Сталиным, заключается в следующем. Утверждается, что Сталин предполагал организовать показательный процесс «врачей-убийц». Там, в частности, должно было появиться новое (сравнительно с другими подобными процессами) действующее лицо – общественный обвинитель, эта роль предназначалась Эренбургу. Подсудимые, конечно, должны быть признаны виновными и приговорены к повешению на Красной площади. Но по дороге возмущенный народ казнит их сам и начинает еврейский погром. Защищая евреев от этого погрома, власти сажают их в поезд и отправляют в Сибирь. Там уже началось строительство бараков для ссыльных евреев.

Когда Сталин будто бы изложил этот план своим соратникам, он столкнулся с сопротивлением: Каганович выступил против и даже разорвал свое удостоверение члена Президиума ЦК. Сталин предложил голосовать – все оказались против него. В первый раз в жизни встретив оппозицию своих соратников, Сталин пришел в такое возбуждение, что с ним случился удар, от которого он так и не оправился. Стоит попытаться продумать этот рассказ, как становится очевидной его полная неправдоподобность. Сталин и любое другое окружение не могли бы в то время (если бы даже хотели) найти опору в партии для такой грандиозной акции. Вот как описывает, например, Авторханов еврейское влияние в Политбюро того времени («Загадка смерти Сталина»). Из 11 членов Политбюро:

Каганович – еврей;

Берия – еврей на $\frac{1}{2}$ (его мать была еврейкой, но, что гораздо важнее, он опирался, как мы скоро увидим, на еврейскую поддержку);

Молотов, Андреев, Ворошилов имели жен-евреек;

у Маленкова муж дочери был еврей;
у Хрущева жена сына была еврейкой.

Террор в стране уже давно не имел такого масштаба (выселение сотен тысяч). Я уже говорил, что притеснения евреев имели тогда очень ограниченный характер, никак не соответствующий столь жестокой мере. Нереальным выглядит «мужественное» сопротивление соратников Сталина, особенно Кагановича, раньше спокойно выдавшего на смерть своего брата. Но главное, в подготовку такого грандиозного мероприятия должны были быть вовлечены десятки, вероятно, даже сотни тысяч людей. Должны были быть учтены все евреи (и должно было быть выработано «определение» еврея: по паспорту, по национальности одного или обоих родителей). Надо было проинструктировать отряды, производившие аресты, подготовить железнодорожные составы, даже изменить график железнодорожного движения: предстояло перебросить одновременно из одного конца страны в другой несколько миллионов людей. Где же свидетели этого? За прошедшее время эмигрировало несколько сот тысяч человек из самых разных слоев советского общества: должны бы среди них оказаться свидетели, и уж, конечно, они рассказали бы подробности. Эренбург уверял, что ему показывали письмо московской еврейской интеллигенции с просьбой о выселении евреев, и он будто бы отказался его подписать. Почему никто больше этого письма не видел? Таких вопросов возникают десятки.

Я позже с удовлетворением прочел в воспоминаниях Судоплатова, что он считает эту версию неправдоподобной на основании тех же аргументов.

Для оценки этой истории очень важно, что нам известно ее происхождение. Она появилась на Западе и

стала там известна из двух «независимых» источников. Первым был Эренбург, рассказавший об этом под большим секретом Сартру. Иными словами, были приняты все меры для того, чтобы эта история стала широко известна на Западе. Второй источник еще более очевидный – это советский посол в Голландии Пономаренко (ранее член Президиума ЦК и секретарь ЦК). (Об этих источниках сообщалось несколько раз, например, в книге Авторханова «Загадка смерти Сталина».) Таким образом, правдоподобнее всего, что эта история была сознательно «запущена» на Запад наследниками Сталина. Смысл ее очевиден: она должна была доказать, что новое руководство не только не питает дурных намерений по отношению к евреям, но и рисковало своей жизнью для того, чтобы спасти их от преследований. Это предположение подкрепляется и другими аналогичными заявлениями. Так, Хрущев в своих воспоминаниях рассказывает, что Сталин в застольной беседе подал ему идею устроить еврейский погром на одном из московских заводов, но он, Хрущев, никак на это предложение не прореагировал. Это также, конечно, просто декларация хорошего отношения к евреям, ибо сама история, по нравам того времени, нереальна. Как бы Хрущев ни относился к евреям (их поддержка могла быть для него очень важна), в тот момент они никак не могли защитить его от того, что он будет арестован и в ту же ночь расстрелян.

Таким образом, пора, по-видимому, сдать эту историю окончательно в архив, признав ее легендой, в которой интересно лишь то, с какой целью она создана. Популярность же легенды объясняется тем, что в ее распространении были заинтересованы обе силы, выступающие в этой области: партийное руководство, унаследовавшее власть после Сталина, и еврейство.

Наследники Сталина – так как в переходный период, когда их власть еще не утвердилась, они этим продемонстрировали свое расположение к еврейству, декларировали, что имеющиеся разногласия не перерастут в серьезный разрыв. Еврейство – так как этим подчеркивалось положение евреев в СССР как гонимых, преследуемых коммунистической властью, а это, во-первых, мобилизовало их и Запад на защиту их попранных прав, а во-вторых, ставило крест над деликатной проблемой их роли в революции и в управлении страной в течение следующих за революцией 25 лет.

В этой связи невольно приходит в голову вопрос о причине смерти Сталина. Конечно, он умер в таком возрасте, когда смерть, вероятнее всего, наступает по причинам отнюдь не загадочным. Но если обсуждать «загадку смерти Сталина», то очень естественно поставить ее в связь с теми трениями, которые возникли тогда между возглавлявшейся Сталиным партией и еврейством. В качестве важного фактора в этой ситуации следовало бы обратить внимание на Берию, с одной стороны, долго возглавлявшего почти всемогущие органы безопасности, а с другой – опиравшегося, по-видимому, на мощную еврейскую поддержку. Это видно, например, по той борьбе, которая тогда происходила в коммунистических партиях восточноевропейских стран. По-видимому, их руководство – это были в основном ставленники Берии. В то же время оно состояло в большинстве своем из евреев. Вот, например, описание событий в Чехословакии из книги Т. Уайтлин «Комиссар» (англ.):

«Первой мишенью против позиций власти Берии являлась Чехословакия. Все ключевые позиции власти Берия предоставил там своим союзникам».

Однако одна поразительная черта характеризует всю эту акцию. Почти все арестованные высокие чины во главе с их лидером Рудольфом Сланским (настоящая фамилия которого – Зельцман) – Бедрих Гелиндер, Рудольф Марголис, Андре Симоне, Артур Лондон и девять других протеже Берия были евреями.

Дуглас Рид приводит цитату из английской газеты «Нью стейтсмен» за 1952 год, рисующую похожую картину:

«В Чехословакии, как и во всей остальной центральной и юго-восточной Европе, вся партийная интеллигенция, как и руководители тайной полиции, по своему происхождению в значительной части – евреи; рядовые граждане привыкли поэтому отождествлять партийное начальство с евреями и обвинять во всех бедах “еврейских коммунистов”».

В Польше непосредственной опорой Берии был глава госбезопасности Якуб Берман. Из трех лиц, в руках которых находилась власть, Гомулка, Берут и Берман: двух последних называли ставленниками Берии.

В этой связи можно вспомнить, что и «дело врачей» было одновременно направлено против Берии – он косвенно обвинялся в недостаточной бдительности, до него ставленник – министр внутренних дел Абакумов – был тогда арестован.

Можно допустить, что Сталин, стараясь стать более независимым в отношении еврейского влияния, пытался ограничить и власть Берии, еврейские связи которого ему были, конечно, ясны. Но успел ли он? Ведь и еврейская сторона, вероятно, не без боя уступила свое исключительное положение. Не случайно при обсуждении любых вариантов «загадки смерти Ста-

лина» ключом к «загадке» оказывается Берия. После смерти Сталина, конечно, сразу же встал вопрос, как сложатся дальнейшие отношения между партией и еврейством. Вряд ли, однако, новое руководство готово было отказаться от того более независимого по отношению к еврейству положения, которого добилось при Сталине. Быть может, это и было одной из причин свержения Берии. Но, наученное судьбой Сталина, оно должно было искать каких-то путей, чтобы заверить еврейские силы внутри страны и вне ее в отсутствии каких-либо серьезных агрессивных намерений. Тут и могла пригодиться легенда о наследниках Сталина, спасших, рискуя своей жизнью, советских евреев от высылки в Сибирь. Такая схема представляется мне логичной, хотя из этого, конечно, отнюдь не следует, что она действительно реализовалась.

Обсуждение легенды о подготовлявшейся Сталиным депортации евреев немного приоткрывает тенденции, господствовавшие среди его наследников, и подводит к рассмотрению послесталинского времени. В эту эпоху мы встречаемся с совершенно новым и исключительно важным явлением – появлением еврейской эмиграции из СССР. Здесь мы опять сталкиваемся с тем, что в вопросе, жизненно важном для еврейства, советское руководство уступает еврейским настояниям. Раньше мы встретили подобный пример в связи с созданием государства Израиль. Однако теперь ситуация гораздо драматичнее, так как надо было принять решение, затрагивающее не территорию, расположенную далеко от советских границ, но внутреннюю жизнь Советского Союза. Причем одну из основ этой жизни. Казалось, до тех пор, пока Советский Союз будет существовать, до тех пор ни о какой эмиграции не может быть и речи, не может быть поколеблена монополярная

власть государства над человеком. Достаточно вспомнить законы о невозвращенцах: они считались государственными изменниками, и даже члены их семей подлежали ссылке. Да собственно психологически это отношение и сохранилось: эмиграция приравнивалась к измене. Тем более поразительно, что на этом фоне *еврейская* эмиграция была разрешена.

Сам факт такой громадной принципиальной уступки гораздо важнее, чем то, какими путями удалось ее добиться. Однако и эти методы давления интересны. Здесь прежде всего бросается в глаза американское экономическое давление; его обычно и считают основным фактором. Вряд ли, однако, это справедливо. Ведь после конца войны Сталин решительно отклонил предложение присоединиться к плану Маршалла, приманку миллиардных кредитов. А тогда Запад несомненно удовлетворился бы с его стороны несравненно меньшими уступками. По-видимому, были другие, более эффективные методы давления. И так как не видно, какое давление, кроме экономического, могло исходить извне (влияние «мирового общественного мнения» вряд ли можно принимать всерьез), то логично предположить, что это было давление советского еврейства, которое продолжает сохранять влиятельное положение в партийном и советском аппарате и которому советское руководство должно было идти на уступки, как бы болезненны они для него ни были.

Другим пробным камнем для выяснения отношения партии и еврейства является отношение СССР к государству Израиль. Казалось бы, оно такое, что хуже быть не может¹. Но отбросим прежде всего пропагандную кампанию, ибо уж в политике-то «брань на ворота не виснет». Остается снабжение оружием и инструкто-

¹ Это написано в 1970-е годы.

рами врагов Израиля на Ближнем Востоке. Конечно, это болезненно для Израиля, когда из соседних стран время от времени террористы, снабженные советским оружием, совершают налеты на его территорию. Но на это Израиль может ответить такими же, только гораздо более эффективными налетами на территорию Ливана, Иордании, Сирии, Ирака. Серьезным является для него и для всего еврейства вопрос о том, могут ли угрожать соседи его существованию. Тут советская политика подверглась решающему испытанию во время арабско-израильской войны 1972 года. Когда после начала военных действий США начали массированную поставку вооружения Израилю, судьба войны решалась тем, вступит ли с ним СССР в гонку в этом отношении. Но СССР от гонки отказался, и арабы проиграли войну, чем была предрешена переориентировка президента Египта Садата на Америку, так как он увидел, что только таким способом может добиться хоть каких-то уступок. Опять СССР принял то решение, в котором было заинтересовано еврейство, хотя благодаря этому потерял свой самый мощный плацдарм на Ближнем Востоке – Египет. Мы видим, что в вопросах, жизненно важных с еврейской точки зрения, партия всегда уступала еврейству, как бы болезненна для нее эта уступка ни была.

С другой стороны, борьба партии за то, чтобы в какой-то мере сохранить независимость от еврейского влияния, продолжалась. Насколько серьезные социальные сдвиги вызывала до сих пор эта тенденция? Как пригодился бы здесь общинный, добросовестно обработанный статистический материал! Конечно, ничего подобного нет в нашем распоряжении. А картина, общее впечатление определяется еврейскими жалобами, раздающимися и здесь, и особенно громко на Западе. Но здесь приходят на память слова Достоевского о на-

роде, который громче всех других умеет жаловаться. И так действительно было, начиная еще с античности. Например, Иосиф Флавий утверждает, что число убитых в Иерусалиме во время восстания, подавленного Титом, было 1 млн 100 тыс. человек, в то время как, по подсчетам Тацита, все население Иерусалима – мужчины, женщины и дети – составляло лишь 600 тыс. человек. Подобную картину мы встречаем практически во всех странах, о которых удастся получить сведения. Так, в начале XX в. в Германии газеты часто писали о неравноправном, ущербном положении евреев, существовали общества для его устранения. В то же время в средних школах (выше народной школы) училось в процентном отношении евреев в 4–5 раз больше, чем христиан, студентов было в 5,5 раза больше, профессоров и доцентов – в 20 раз. Евреи в среднем были в 3–4 раза богаче христиан, среди директоров крупнейших предприятий они составляли 13%, в наблюдательных советах – 24%, а во всем населении – 1%. (Сведения взяты из книги В. Зомбарта.)

Мы уже напоминали, что в начале века Макс Нордау совершенно серьезно заявил, что евреи – самая нищая нация мира, беднее эскимосов. В 1911 году (на IX Сионистском конгрессе) он говорил о гонениях на евреев – «преступлении против миллионов невинных людей, не имеющем прецедентов в столь изобиловавшей избиениями “истории”(!)». Теперь же даже нельзя понять, какие притеснения евреев он имел в виду. Даже сейчас, при неслыханном господстве евреев в США, там существует Антидиффамационная лига, ставящая себе целью бороться с дискриминацией евреев. Еще недавно она выступила с заявлением, что число евреев, занятых в банковском бизнесе, слишком мало, что этот бизнес является бастионом антисемитизма!

Так что мы не будем полагаться на усвоенную всем миром картину, а обратимся к тем крохам фактов, которые мы все же можем добыть.

По-видимому, не вызывает сомнений, что постепенно произошло вытеснение многих евреев из некоторых самых важных, ключевых позиций советского общества: верхушки партии (например, секретари обкомов), генералитета, самого верхнего слоя дипломатического корпуса, может быть, руководства КГБ. Но от этого еще очень далеко до дискриминации всего еврейского населения, до попыток понизить его социальный статус. (Почему, собственно, наличие значительной группы евреев в Политбюро или Совете Министров способствовало бы повышению статуса всех евреев? Для объяснения надо было бы предположить, что, занимая высокие посты, евреи действуют не как представители партии или государства, а как еврейские националисты, представители еврейства. Но именно такое заключение евреи обычно с негодованием отвергают как «антисемитское».) Как же обстояло дело? Здесь мы вступаем в область, где фактические сведения ничтожны. Безусловно, кое-где пытались ограничить прием евреев на работу, в некоторых (буквально, нескольких) высших учебных заведениях ограничивался прием евреев. С другой стороны, несомненно, что во многих областях их влияние оставалось очень сильным. Например, в науке, в области идеологии. Так, в Академии наук, среди академиков и членов-корреспондентов евреи составляли более 10% (а во всей стране – всего 0,8%). Еще больше евреев было в Союзе советских писателей или Союзе советских композиторов. К сожалению, издаваемые у нас справочники, как правило, обходили вопрос о национальности (и я не могу придумать другого объяснения, как желание не заострять обсуждаемую здесь тему). Но вот попалось исключение: справоч-

ник Союза композиторов РСФСР за 1968–1972 гг. указывает национальный состав Союза (оплошность была исправлена, и в следующих изданиях эти данные исчезли). Мы узнаем, что на 1 июня 1973 года из 874 членов Союза русских – 484, евреев – 218, далее идут армяне – 34, татары – 25 и т. д., т. е. евреи составляют около $\frac{1}{4}$ всех членов Союза. В Ленинградской организации их даже более 36%, Московской – 28,5% за счет того, что в Чувашии – 0, Бурятии – 0, Воронежской организации – 0, Верхне-Волжской – 1 (на 20 членов) и т. д. Надо учитывать и самый принцип подсчета: национальность определяется опросом или по паспорту. А при таком принципе подсчета (принятом и при переписи) евреи составляли в 1970 году 0,8% населения. Сейчас большинство евреев по паспорту числятся русскими, следовательно, в действительности число евреев в Союзе композиторов РСФСР было гораздо больше: очевидно, что евреи составляли там большинство, а с полукровками подавляющее большинство. А в воспоминаниях одного жившего в то время композитора я нашел упоминание, что руководство Ленинградского Союза композиторов было: председатель Фингерт, ответственный секретарь Иохельсон, второй секретарь Кессельман, организационный секретарь Курц.

Сошлюсь также на недавнюю книгу В. Топорова. В предисловии автор сообщает, что он стопроцентный еврей, крещен няней, которая была за это уволена, атеист и русский патриот. То есть он всюду чувствует себя не своим, и это толкает его на своеобразные наблюдения, часто маскируемые под фраппирование читателя (подзаголовок книги – признания скандалиста). Так, он пишет:

«Мелкобуржуазная масса местечкового еврейства образовала главный кадровый резерв социаль-

ной – пролетарской по самоназванию и целеположению – революции».

А обращаясь к предполагаемому собеседнику-еврею, говорит:

«Отвергни обвинение в еврейском иге 1917–1937 годов – такого ига не было. Хотя об исключительном еврейском преобладании в карательной и пропагандистской системах самореализующейся Утопии тоже не забывай».

И конкретно он сообщает о «предперестроечном» времени:

«Ленинградская писательская организация процентов на восемьдесят состояла из явных или замаскированных евреев».

Как материальное, так и социальное положение (возможность получить лучшую работу, учиться) гораздо выше у городского населения, чем в деревне, особенно это относится к большим городам, а население Москвы представляло собой (как и сейчас) избранную элиту. Поэтому важной социальной характеристикой положения любой группы населения является ее распределение между деревней, городом, большими городами и Москвой. В связи с этим приведем данные из еврейского самиздатского журнала «Культура»:

«Практически все евреи (96–98%) живут в городах, причем в больших городах в непропорционально большем количестве, чем в малых и средних».

Дальше автор приводит цифры: на Украине евреи составляют менее 3% населения, а в Киеве – 10%, в СССР (и РСФСР) – 1%, а в Москве – 3,5%.

Мы приведем некоторые цифры, относящиеся к вопросу об образовании. Это, конечно, лишь один из многих аспектов проблемы но он типичен для общего положения, и, пожалуй, именно по этому поводу тогда было больше всего протестов. При этом, чтобы наши сведения были гарантированно непредвзятыми (или, вернее, чтобы их предвзятость могла быть лишь односторонней), мы будем брать их только из еврейских источников.

В издающемся в Израиле на русском языке журнале «Время и мы» опубликована статья И. Домальского. В ней автор сообщает (ссылаясь на советский статистический ежегодник «Народное хозяйство СССР»), что в 1972/73 учебном году в СССР было 4630,2 тыс. студентов, из них евреев – 88,5 тыс., т. е. 1,9%. Если учесть, что по переписи 1970 года евреи составляют 0,8% населения, то мы видим, что даже по этим данным процент евреев среди студентов более чем в два раза превосходил их процент среди населения. О доступе к аспирантуре и далее к научной деятельности говорят другие сведения из той же статьи (здесь автор ссылается на не поступившую в открытую продажу брошюру «Статистические материалы к юбилею Академии наук СССР»). Среди научных работников в 1973 году евреи составляли 6,1%. Значит, их процент был в 7,5 раза больше, чем их доля в населении! (Интересно, что автор, видимо с неодобрением подчеркивает, что русские составляли 66,7% научных работников, составляя лишь 53,0% населения страны, т. е. их процент в 1,2 раза больше доли в населении!)

И в более поздней книге Р. Рывкиной сообщается, что процент еврейских студентов постоянно сокращался – с 7,5 в 1927 году до 3,7 в 1959-м и 2,18 в 1962-м. В то время как доля евреев в населении была меньше 0,2%. Она пишет:

«Они активно использовали предоставленные им права и за годы советской власти, успешно интегрировавшись в социальную структуру советского общества, достигли многого.

Первые послевоенные годы вызвали грандиозный всплеск социальной активности евреев».

Этот «всплеск», как она говорит, и позже создал своего рода каналы для последующей, более плавной интеграции евреев в российское общество.

Автор приводит резюме:

«Евреи занимали весьма видное место в структуре советского общества: доля евреев среди ученых, работников вузов, медицинских работников была значительно большей, чем в среднем среди городского населения страны».

(Заметим, что сравнение происходит только с городским населением). Например, научных работников и преподавателей вузов среди евреев было почти в пять раз больше, чем среди городского населения.

В другом номере того же журнала «Время и мы» приведено интервью с социологом Зеевом Кацом, преподающим советскую социологию в Иерусалимском университете. Упомянув, что в Соединенных Штатах от 80% до 90% евреев получили за последнее десятилетие высшее образование и что положение примерно

таково и во Франции, Италии, Аргентине, Румынии, автор продолжает:

«То же относится к молодому поколению евреев в Советском Союзе. Примерно 70% заканчивает университеты и институты, являясь наиболее образованной частью молодежи в СССР (выделено мною. – И. Ш.)».

Все факты, которые мне известны, подтверждают верность последнего наблюдения. И даже гораздо шире: евреи в СССР в 70-е и 80-е годы являлись самой привилегированной социальной группой в области образования, доступа к престижным сферам деятельности, материального благосостояния. Они жили в городах, в основном крупных, и почти они одни обладали возможностью эмиграции. Конечно, это положение они отстаивали в борьбе и соревновании с сотрудниками других национальностей советского и партийного аппарата, видевших в них опасно влиятельных конкурентов и соперников. Но нас-то сейчас интересует результат этой конкуренции...

Да и в самой власти позиции еврейства были весомы. Например, у Брежнева были два внешнеполитических советника. В обязанности одного входило формулировать внешнюю политику СССР по отношению к Западу, другого – к Востоку. Оба они – евреи.

После краха коммунистического строя возникла целая литература, описывающая притеснения, которым евреи тогда подвергались. Типичным примером является книга с драматическим названием «В плену у красного фараона», из которой мы приведем несколько выдержек (они относятся, правда, только к периоду до смерти Сталина). Там приводятся письма-доносы в «вышестоящие инстанции» или заключения комиссий,

созданных в ответ на подобные «сигналы». Вот примеры содержащихся там утверждений:

«В Большом театре:

Директор (и.о.) Леонтьев – еврей

Главный дирижер Самосуд – еврей

Дирижер Файер – еврей

Дирижер Мелик-Пашаев – армянин

Дирижер Штейнберг – еврей

Дирижер Небольсин – русский

Замдиректора филиала Б.Т. Габович – еврей

Худ. рук. балета Мессерер – еврей

Зав. хором Купер – еврей

Зав. оркестром Кауфман – еврей

Главный концертмейстер Жук – еврей

Главный администратор Садовников – еврей

В редакции «Комсомольской правды»: половину среди руководящих работников составляли русские и половину евреи.

В редакции газеты «Труд» в результате гонений численность евреев, работавших в редакции, с 50% в 1950 год сократилась до 20% в 1951 году.

В медицине: в Москве имеется 3 института психиатрии, 4 клиники и 5 нервно-психиатрических больниц. В руководстве всех этих учреждений, за исключением одного института, стоят врачи еврейской национальности».

Я сам был современником таких кампаний, часто, в их индивидуальном аспекте, очень несправедливых, так как сплошь да рядом с работы увольняли (или переводили на другую работу) как раз более порядочных людей. Много раз я тогда задавался вопросом: что это такое? Инициатива снизу или инструкция сверху? И в конце концов пришел к выводу, что и то и другое. На всех

уровнях шла борьба за «место под солнцем», и не только для себя, но и для своих детей.

Процесс, собственно говоря, был совершенно естественный, начавшийся еще во время Великой Отечественной войны. Масса русских стала пробиваться к власти, в частности, в партию. Возникла еврейско-русская конкуренция, в основном не называемая вслух, долго продолжавшаяся с переменным успехом. Эти партийные русские, лишённые национального самосознания, робко останавливавшиеся перед ясной формулировкой своей идеологии, казалось бы, не имели никаких шансов против еврейской сплоченности, несущей еще следы «классического иудаизма» и кагальной организации. Но в их руках оказались механизмы, созданные гораздо раньше, в 20-е и 30-е годы, для борьбы, в основном, с русскими социальными группами: потомками дворян, священников и т. д. Это была всепроникающая система детальных анкет, «спецотделов» во всех учреждениях и т. д. Они и воспользовались этим оружием для борьбы со своими еврейскими конкурентами. Их предки, русские дворяне, священники, крестьяне, может быть, побрезговали бы использовать такие средства. Но это было поколение, уже рассматривавшее сложившийся стиль жизни как нечто заданное. Да и во власть, в партию, как правило, стремились не самые чистоплотные. В результате еврейство оказалось в основном вытесненным из некоторых сфер жизни, которые оно рассматривало как законно себе принадлежащие: верхи КГБ, армии, дипломатического корпуса, из некоторых престижных столичных вузов. Конечно, это было совсем не похоже на истребление дворян, священников, «старых интеллигентов» 1918–1920 годов или коллективизацию. Но для «еврейства», для тех, кто находился «в еврейской сфере», это воспри-

нималось как нечто чудовищное, неслыханное (думаю, вполне искренно). И еврейство с возмущением отшатнулось от коммунистического строя. Это был поворот, заметный во всей жизни. Я помню, как обратил внимание: раньше (например, до войны) в присутствии еврея (или состоящего в браке с еврейкой или евреем) отрицательно о строе старались не говорить. И далеко не всегда из страха, что донесет, но это казалось нетактичным, как говорить при человеке о легкомысленных похождениях его жены. А в 1960-70-е годы еврей – это был обычно скептик, ничего хорошего не ожидавший от «этого строя» или «этого народа».

Тогда появилось так (впоследствии) называемое правозащитное движение. Казалось бы, в жизни действительно было много несправедливостей и, в основном, касающихся вовсе не евреев: колхозники не имели паспортов, притеснялась религия и т. д. Но в этом «движении» евреи оказались представленными совершенно непропорционально. Взять хоть нашумевшие процессы того времени: Даниэль и Синявский, Гинзбург и Галансков и т. д. То есть положение было похожим на то, что было в революционном движении до 1917 года. И, что важнее, в результате из всего движения стали слышны лишь требования свободы эмиграции – в основном это была еврейская эмиграция.

Да и само мощное стремление евреев к эмиграции указывало на изменение их положения в СССР, вызывавшее их неудовлетворенность и недовольство. Это недовольство ярко отразилось в публикациях эмигрировавших евреев. В моей старой работе «Русофобия» приведено много примеров презрительных, прямо враждебных высказываний новых эмигрантов о России и русских. Мне кажется, что их настроение наиболее точно уловил поэт И. Бродский, сказавший о России:

«Где, грубо говоря, великий план заперот».

Видимо, существовали какие-то (быть может, смутные, явно не сформулированные) ожидания по поводу России, в которые русские упорно не захотели вписаться. Читая произведения издающихся на Западе еврейских авторов, я часто тогда поражался, что русские вызывают большую ненависть, чем немцы. Так, Зинаида Шаховская приводит цитаты из произведения «Поздняя любовь» Амос Оза, где автор предается фантазиям о том, как еврейские танки идут по России:

«Дрожит и стонет русская земля. Рушатся и падают церкви. Киев, Харьков, Приднепровье, Ростов – все повержено, все сметено с лица земли. Мечь! Мечь!»

В этом котле эмоций и сложилась тогда концепция о преследовании евреев в СССР или даже о преследовании евреев как главном преступлении коммунистического режима.

Но эта эмиграция по масштабам не шла ни в какое сравнение с многомиллионной дореволюционной еврейской эмиграцией. Подавляющая часть еврейского населения осталась в СССР и продолжала вести упорную борьбу за сохранение своего привилегированного положения. Тогда существовали десятки и сотни путей, чтобы преодолеть меры, предпринимаемые конкурирующей частью аппарата. Вот запомнившаяся история тех времен.

Дочь одного знакомого работала в журнале, регулярно публиковавшем письма читателей. Туда приходило много писем, где раздраженные авторы полностью выписывали еврейские фамилии, имена и отчества тех, кого обвиняли в каких-то махинациях. А начальником

отдела, куда шли письма, был еврей. Вот он вызывает девушку и спрашивает:

– Деточка, ведь вы не антисемитка?

– Конечно, нет!

– Так зачем заострять внимание на этих пошлых выпадах? Вы меняйте фамилии на какие-нибудь обычные – ну, там Сидоров или Петров.

И вот выходит журнал с описаниями приключений мифических Сидоровых и Петровых...

Были и другие пути, основанные на влиянии, сохранившемся в аппарате ЦК и вообще во власти. Время от времени те, кто слишком рьяно пытался расчистить место для «русских кадров», платились карьерой. Ярким примером была судьба партийного философа Г. Ф. Александра – одно время главы Агитпропа и министра культуры СССР. Даже Сталин явно с осторожностью нащупывал здесь свою линию. Так, писатель Симонов говорит в воспоминаниях, что однажды, когда при присуждении Сталинских премий Маленков назвал настоящую (еврейскую) фамилию писателя, печатавшегося под псевдонимом, Сталин оборвал его, сказав, что этого делать не нужно. Да и позиция Симонова явно была лавированием между двух полюсов влияния.

С еще другой стороны, сложившуюся ситуацию характеризует любопытный факт, на который обращает внимание в своей книге Солженицын. В 1955 году был переиздан «Толковый словарь» Даля. На обложке написано: «набрано и напечатано с издания 1880–1882 гг.». Но текст, связанный со словом «жид» и производными от него – «жидовский» и т. д., пропущен (почти целая страница). Чтобы при этом не нарушалась нумерация страниц, потребовалась большая и координированная работа: редакторов разных уровней, ответственных за набор и т. д. Да ведь тогда каждое издание проходило

через цензуру (Главлит). Как это все было скоординировано, как обеспечено, что никто не задал вопроса? При том, что, например, слова «кацап» и поговорки вроде «С москалем дружи, а камень за пазухой держи» – остались. Что тут было такого неприемлемо-оскорбительного – ума не приложу. Вот воистину какое-то ритуальное действие!

Как же реагировало еврейство и, с другой стороны, коммунистический аппарат на проявившееся разделение интересов? Реакция еврейства (как всегда) была очень резкой. В несколько лет из опоры строя оно превратилось в наиболее активную оппозиционную группу. Ярким признаком является необычайное по численности участие евреев в «диссидентском движении». Не вдаваясь в анализ этого сложного явления, отметим, что громадным еврейским участием были отмечены далеко не все «неправительственные» действия того времени. Например, когда речь шла о борьбе с загрязнением Байкала, с проектом поворота русских рек, даже с алкоголизмом, с бессмысленным притеснением Церкви, тут нельзя было сказать, что евреи более активны, чем другие. Энергия главным образом концентрировалась на действиях заведомо тогда запретных, внешне-протестного характера: демонстрации, пресс-конференция для иностранных корреспондентов, издание журнала (чаще всего дело кончалось одним номером). Несколько лет издавался самиздатский журнал «Хроника», описывавший преследования тех, кто совершал подобные действия. И доминировали темы: «запрет еврейской эмиграции», «еврейским детям закрывается доступ к образованию», «в СССР растет антисемитизм». Эти же темы подхватывались западной прессой и особенно радио, а таким способом во многократно усиленном размере пропагандировались внутри страны. Еврей-

ская ориентация всего этого движения видна из списка наиболее разрабатываемых тем, из имен авторов, да и по другим признакам. Например, в 1971 году В. Н. Осипов начал издавать самиздатский журнал «Вече» (редкий журнал, не связанный с еврейской темой, издававшийся 2 года). Немедленно в «Хронике» появилось сообщение, что начал выходить самиздатский журнал «националистически-антисемитского направления», причем сообщение было сразу повторено западными радиостанциями. У Осипова сохранились еще связи (по лагерю) с кем-то из издателей «Хроники», и он обратил их внимание на то, что в журнале вообще о евреях не говорится. Тогда в следующем выпуске «Хроники» появилась поправка от имени редакции, что «Вече» – журнал не антисемитский, хотя и националистический. Иностранские радиостанции, конечно, об этой поправке уже не сообщали. По латинской поговорке: «После этого не значит вследствие этого», трудно не сопоставить с этим «расхождением», что в то же время быстро и радикально изменилось отношение западной интеллигенции к коммунистической власти в СССР. После войны Сартр писал, что слухи о концлагерях в СССР следует игнорировать, так как «это может привести к отчаянию французского пролетариата». Но в 80-е годы книги на эти темы становятся все популярнее – просто бестселлерами. Например, один из французских левых, Пьер Дэкс, в период «сердечного согласия» разъяснявший, что лагеря в Советском Союзе – это свидетельство полного устранения эксплуатации человека человеком, теперь писал восхищенное предисловие к «Одному дню Ивана Денисовича». Оценка коммунистического строя меняется от «блистательного эксперимента» до «империи зла». И есть основания видеть источник этого изменения в расхождении коммунистической власти и еврейства. Напри-

мер, левый публицист Исаак Дейчер пишет в биографии Сталина, когда доходит до «дела врачей»:

«Теперь Сталин нанес удар по самому корню той идеи, которой жила революция, государство и партия; он уничтожил как свидетельство о революции, так и грамоту, подтверждающую идеологическую правомочность его режима. Этим действием сталинизм совершил самоубийство еще до смерти своего создателя».

Как ни сильно это сказано, а похоже, что близко к истине. Свою репутацию в глазах Запада Сталин, кажется, тогда погубил. Были затронуты, очевидно, какие-то жизненно важные центры, в частности, определявшие оценку советской жизни западным общественным мнением. Как корабль, хорошо слушающийся своего кормчего, это общественное мнение стало решительно менять свой курс. И скоро корабль уже уверенно двигался в новом направлении. Газеты пестрели заявлениями эмигрантов, рассказывающих о несправедливостях и жестокостях советской жизни. Американский сенат принял резолюцию о расчленении СССР. Левые французские философы, вроде Глюксмана и Леви, уверенно выступали с обвинением сталинистов. Даже среди западных коммунистов появилось течение еврокоммунизма, стремящееся в чем-то отмежеваться от советских образцов.

Какова же была реакция коммунистической власти? Далеко не симметричной! Даже в пропагандистской литературе было запретно упоминать о еврейском влиянии. Было изобретено выражение «сионизм», формально использующее название еврейского течения, имевшего цель – создать свое государство, но иногда как бы намекавшее на еврейство вообще. Эта робость доказывает, что власть не противопоставляла себя еврейству, не ощу-

щала его своим противником. В то время как евреи, эмигрировавшие из СССР, заполнили «русскую» редакцию «Радио Свобода» и там отчетливо клеймили коммунизм рабским и бесчеловечным строем, советские пропагандисты робко лепетали о «сионизме», упрекая его в вечной враждебности к социализму и коммунизму (Марксу, Троцкому?). То есть из двух оппонентов (отражавших позицию еврейства и коммунистической власти) один ничем не выражал опасения вызвать непоправимый разрыв, а другой явно был скован этим страхом.

Так в 80-е годы коммунистический режим полностью утратил ту мощную внутреннюю и общемировую еврейскую поддержку, которой он пользовался в течение многих десятилетий.

Глава 14

Современный Запад

(После Второй мировой войны)

1. Создание государства Израиль

Конец Второй мировой войны совпал с резким усилением еврейского влияния на Западе. Наиболее ярким событием в этом направлении было создание государства Израиль. Новое государство было создано решением Совета Безопасности ООН в 1948 году. Согласно этой резолюции в Палестине предполагалось создать два государства – еврейское и арабское, а Иерусалим поставить под международный контроль. Из этих положений до сих пор реализовалось лишь одно – создание еврейского государства. Иерусалим оккупирован Израилем и объявлен его столицей. Более 1000 лет тому назад тогда нищая

Европа выступила против гораздо более богатого Востока и хоть на какое-то время отвоевала свои святыни. А теперь цивилизация, называющая себя христианской и по видимости господствующая над миром, мирится с тем, что Святой для христиан Город захвачен государством, где положение христианства очень близко к тому, которое было в Советском Союзе, и где, например, возможно публичное сожжение Евангелия согласно предписаниям Талмуда (Шахак приводит случай ритуального сожжения 13 марта 1980 года в Иерусалиме сотен экземпляров Евангелия членами религиозной группы Яд Ле'ахим, субсидируемой министерством Израиля). При этом обе сверхдержавы – США и СССР – поддержали решение. Более того, в сразу же возникших арабо-израильских столкновениях обе они оказывали военную помощь еврейской стороне. Дуглас Рид приводит цитату из газеты «Нью-Йорк геральд» (от 5 августа 1948 г.):

«...Россия оказала конкретную помощь, когда в ней была наибольшая нужда... Россия открыла свои склады вооружения Израилю... На параде еврейских частей в Тель-Авиве на их плечах красовались новенькие чехословацкие винтовки».

О советском снабжении оружием еврейских организаций в Палестине еще до 1948 года рассказывает в воспоминаниях советский разведчик высшего ранга П. Судоплатов.

Нахум Гольдман, которого мы уже цитировали, вспоминает:

«Без Советского Союза государство Израиль вообще не существовало бы. И не столько потому, что русские голосовали за его создание, сколько благода-

ря тому, что во время арабского вторжения в 1948–1949 годах все вооружение Израиль получал из коммунистических стран».

Бен Гурион со всегдашним своим мужеством об этом напоминал:

«Если сейчас я принимаю вас в еврейском государстве, – сказал он журналистам Израильского телевидения, – то этим мы обязаны гораздо больше Советскому Союзу, чем Соединенным Штатам, ибо во время нашей войны за независимость, когда мы были окружены арабскими армиями, мы не получили из США ни одного ружья».

К тому времени уже, вероятно, всем в мире было ясно, что еврейское государство в Палестине не сможет собрать всех неассимилировавшихся евреев мира, оно способно было лишь осуществить старый замысел Ахад-Гаама – стать государственным центром мирового еврейства.

С другой стороны, возникновение еврейского государства создавало ряд болезненных проблем. Во-первых, теперь каждый человек, считающий себя евреем и не переехавший в Израиль (а таких, по чисто материальным соображениям, всегда будет большинство), оказывался перед лицом вопроса: гражданином какой страны он себя считает? Теперешний выход, допускающий «двойное гражданство», можно объяснить только распадом общественного сознания, затронувшим его основные категории. Родина у каждого может быть только одна, так сказать, по определению, как пол у каждого только один. Конечно, в обоих случаях возможно некоторое промежуточное состояние, но это

патология, как правило болезненная и для того, кто в этом состоянии оказался, и для окружающих. Какие бы штампы в паспорт ни ставить, чувство родины у большинства людей сохраняется прежним. Запись в графе «пол» не изменит отношение человека к этому «пункту». И не только в сознании еврея, не живущего в Израиле, возникает вопрос о его истинной родине, но и в сознании окружающих. Какое-то время можно такие вопросы из общественного сознания вытеснить, фактически добиваясь для евреев особого положения сравнительно с другими народами. Но такое табуирование болезненно и само разрушает общество.

Во-вторых, создание еврейского государства в Палестине сделало очевидной проблему, до того замалчивавшуюся, – проблему того народа, который там уже жил. Мы видели, что противоречия были, и проявлялись в кровавых арабо-еврейских столкновениях (уже в 1920-е годы). Еще раньше произошел любопытный инцидент. На мирной конференции в Версале состоялась встреча сионистской делегации с Советом десяти (представителями основных стран-победительниц). Неожиданно один из членов сионистской делегации Сильвэн Леви напомнил, что в Палестине уже живет 600 тыс. арабов, приезжающие евреи богаче и приобретают собственность арабов, а принятие принципа «национального очага» поднимет опасный вопрос о правах евреев на всю эту землю. После этого другие члены делегации не подали ему руки на прощание. Однако сам вопрос о «национальном очаге» был спасен вмешательством американского государственного секретаря Лансинга.

Но в целом, создание нового государства – это был эксперимент, начатый «на чистом месте», без груза травмирующих исторических воспоминаний. Число евреев, живших в Палестине под властью Оттоманской империи,

было ничтожно (несколько тысяч человек), и еврейские переселенцы могли заново сами создавать свои отношения с окружающим народом – арабами.

Основатель современного сионизма Герцль, по-видимому, имел в виду создание чисто светского еврейского государства, в котором собралось бы большинство евреев мира, получив таким образом, наконец, возможность жить в собственной стране. Вскоре, однако, стала ясной неосуществимость этого плана. Такие представители сионизма, как Ахад-Гаам и Бубер, переносили центр тяжести на духовную сторону, рассматривая переселение в Палестину как конструирование модели новых отношений евреев с другими народами. Так, в 1921 году XII Сионистский конгресс в Карлсбаде принял под влиянием Бубера резолюцию, в которой говорилось:

«Два великих семитических народа, которые уже некогда объединяло культурное творчество, сумеют и в час их возрождения объединить свои жизненные интересы в общем деле».

Резолюция кончалась так:

«Конгресс категорически заявляет, что еврейская колонизационная работа не затронет права и интересы арабского народа».

Однако вскоре Палестину захлестнула волна еврейского терроризма, цель которого была доказать невозможность совместного существования евреев и арабов и заставить Великобританию поделить Палестину на два государства. Резолюция же XII конгресса вытаскивалась на свет только тогда, когда надо было доказать британ-

ским властям, что увеличение еврейской иммиграции ничем не грозит арабам. Ахад-Гаам писал тогда:

«Великий Боже, так вот к какому концу мы пришли! Неужели такова цель, к которой стремились наши отцы, ради которой страдало столько поколений? Неужели это и есть мечта о возвращении в Сион, которую тысячелетиями лелеял наш народ? Вернуться в Сион, чтобы полить его почву невинной кровью... Если это “Мессия”, то я не хочу дожидаться его явления».

В 1938 году Бубер писал:

«Все больше голосов повторяют: с волками жить – по-волчьи выть. Они забывают, что мы приехали сюда, чтобы опять стать людьми».

В 1948 году он протестовал против распространенной среди евреев точки зрения, что в арабо-израильском конфликте они – жертвы:

«Кто на нас напал? По сути те, кто ощущали себя жертвами нашей агрессии. Они называли нас разбойниками, а мы им отвечали, что эта земля принадлежала нам 2000 лет назад. Перестанем играть словами! Правда заключается в том, что мы сами начали с мирной агрессии, когда проникли в страну».

Еврейский деятель Роберт Велч так описывает наступившие события:

«Вместо “общности интересов”, сотрудничества народов и “общей родины” – оказалась смертельная ненависть и вражда, передающаяся из рода в род. 1/2 млн арабов бежали из Палестины, арабские деревни сравни-

вались с землей, арабские земли, по праву войны, как “имущество без хозяина” переходили в руки еврейского государства и раздавались новым иммигрантам или “округляли” уже существовавшие еврейские владения».

И действительно, арабо-израильское противоборство в Палестине стало самым продолжительным военным конфликтом XX века. Сейчас беженцами стали 2,5 млн арабов, убито более 100 тыс. человек. Палестинских арабов поддерживает (по крайней мере, им сочувствует) весь исламский мир, где действуют некоторые террористические организации. Ими был совершен ряд жесточайших террористических актов: взрыв автобуса, в котором ехали школьники, убийство спортсменов на Олимпиаде, убийства отдельных лиц. Как на это отвечало вновь возникшее государство Израиль? Такими же террористическими актами, обычно лучше организованными и технически оснащенными. Впервые за последний век (если исключить гитлеровскую Германию) появилось государство, открыто не признающее никаких норм и законов. При этом весь мир мирится с тем, что в другом случае вызвало бы жесточайшие репрессии: с убийством представителя ООН Бернадотта, бомбардировкой ядерного центра в Багдаде, оккупацией части Ливана, резней арабов в Палестине, похищением людей и т. д. Для сравнения напомним: после погромов 1938 года в Германии («хрустальная ночь»), тоже вызванных терактом против немецкого дипломата, известный социолог Клаудиус Мюллер опросил (с обязательством сохранения тайны) 41 члена национал-социалистической партии об их отношении к этому событию. Из них 63% выразили безусловное возмущение, 32% дали неопределенный ответ и только двое одобрили погром, «так как на террор

надо отвечать террором». Вот позицию этих двух самых крайних нацистов разделяет государство Израиль. В конце XX в. ту же позицию отрицания международного права усвоили и США, и НАТО (Ирак, Сербия, Афганистан). Конечно, главной причиной был распад СССР, исчезновение противовеса. Но нельзя недооценивать того, что в течение полувека существовал прецедент, хотя и с протестами, и возмущением, но принимавшийся всем миром.

Таким образом, не только как фактор еврейской истории, но и для осознания истории всего человечества важно понять логику такой особенной политики государства Израиль, причем с самого момента его возникновения. Объяснение этого предлагает Израиль Шахак в книге, которую мы раньше цитировали. Он видит причину в том, что сионизм, возникший в эпоху Герцля и Вейцмана как чисто национальное и светское течение, для укрепления своих позиций постепенно все больше стал опираться на поддержку влиятельных ортодоксальных раввинов и «классического иудаизма». Постепенно его основой стала так называемая еврейская идеология, вытекающая из принципов «классического иудаизма», какой описан в гл. 4. В частности, отсюда заимствованы принципы отношения евреев к неевреям, содержащиеся в талмудической литературе. Эта концепция используется и политиками в своих целях. Например, как говорит Шахак, Бен Гурион был атеистом и даже бравировал своим пренебрежением религиозными правилами, но во время войны 1956 года он объявил в кнессете, что истинная цель войны – «восстановить царство Давида и Соломона», причем при этих словах почти все депутаты встали и запели гимн Израиля. Такой же религиозный исток имеют и неоднократно формулировавшиеся требования «библейских границ», которые простираются (в макси-

мальных размерах) в Египте – до окрестностей Каира, в Ираке – до Ефрата, в Турции – до озера Ван, включают Ливан и Сирию, Иорданию, Кувейт, Кипр.

Главной идейной основой как внутренней, так и внешней политики государства Израиль является, как считает Шахак, наследие талмудических законов. Он пишет, что в детстве изучал талмудические правила об отношениях евреев к неевреям, и пишет:

«Мне представляется, что ни сионизм, включая и его по видимости светский аспект, ни израильская политика, начиная с самого основания государства Израиль, ни позиция, усвоенная поддерживающей Израиль диаспорой, не могут быть поняты, если не принимать во внимание глубокого влияния этих законов и принципов того общества, которое их создало и которое они отображают... Существование в виде центра политики Израиля важной компоненты, основанной на “еврейской идеологии”, делает ее изучение политической необходимостью. Эта идеология, в свою очередь, основывается на отношении исторического иудаизма к неевреям... Она необходимо влияет на многих евреев, независимо от того, осознают ли они это сами.

Жесткое отношение классического иудаизма к неевреям глубоко влияет на его последователей: не только ортодоксальных евреев, но и тех, кого можно назвать эпигонами: сионистов. А через их посредство влияет и на политическую ориентацию государства Израиль...»

В книге приводится множество примеров конкретного осуществления такого влияния, из которых мы можем привести лишь несколько.

Прежде всего, это связано с принципом, рассматривающим государство Израиль как «еврейское государство»:

«Положение, делающее Израиль “еврейским государством”, имело с самого начала первостепенное значение для израильских политиков и внушалось еврейскому населению всеми возможными способами...»

В 1985 году кнессет принял подавляющим большинством конституционный закон (т. е. имеющий большую силу, чем какой-либо другой), согласно которому к парламентским выборам не допускается партия, программа которой отрицает принцип «еврейского государства» или предлагает изменить его демократическим путем. Принцип «еврейского государства» заключается в том, что Израиль «принадлежит» (это официальный термин) лицам, признанным «евреями» израильскими властями, причем независимо от места проживания этих лиц. Обратное, Израиль официально «не принадлежит» его нееврейским жителям. Согласно израильскому праву, «евреем» считается тот, у кого мать или бабушка, или прабабушка (по материнской линии) – еврейка, или же лицо, обращенное в иудаизм путем процедуры, признанной удовлетворительной израильскими властями. Согласно основополагающему Закону о возвращении, такое лицо, прибыв в Израиль, автоматически получает гражданство. Например, может быть избрано в кнессет, хотя бы оно не знало ни одного слова национального языка.

Лица, официально признанные «евреями», обладают, сравнительно с другими жителями Израиля, рядом преимуществ в праве выбора места жительства или при получении работы, вообще эта категория жителей и остальные жители государства не равны перед законом. Так, 92% территории Израиля принадлежит государству и управляется Израильской земельной администрацией (Israel Land Authority) согласно нормам, установленным

Национальным фондом (Jewish National Fund), органом Всемирной сионистской организации. Эти нормы запрещают право на жительство и на открытие предприятия неевреям – исключительно по этой причине. Как пишет Шахак: «Такая дискриминация формулируется во множестве законов, даже если они – несомненно, чтобы обойти “проблемы” – явно не пользуются терминами “еврей” и “нееврей”. Однако эти термины четко содержатся в Законе о возвращении и другие законы могут просто говорить, например, о “гражданстве, полученном в порядке возвращения на родину”.

Идеологически основой является концепция «выкупа» (или искупления?) земли. Как пишет Шахак:

«С начальной школы еврейским детям внушается, что эта великая идея применима не только на всем пространстве государства Израиль, но и на том, что после 1967 года стали называть “земли Израиля”.

Официальная идеология признает «выкупленными» (или спасенными) земли, ставшие собственностью «евреев», хотя бы они находились в частной собственности, в собственности еврейского государства или Еврейского национального фонда. Остальные земли считаются «не выкупленными» (или оккупированными). Идея «выкупа» или «спасения» всей земли, т. е. перехода всей ее в собственность евреев, неоднократно, в качестве окончательной цели, высказывалась рядом сионистских лидеров. Как формулирует Шахак:

«Утопия этой “еврейской идеологии”, принятой государством Израиль, считает, следовательно, целью – землю, полностью “спасенную”, никакая часть которой не принадлежит и не обрабатывается неевреями».

Как идеологию, так и практику государства Израиль Шахак считает невозможным даже сопоставить с режимом апартеида в Южной Африке (еще существовавшим во время написания его книги). В Южной Африке считалось, что 87% земли «принадлежит» белым, а 13%, в принципе, – черным, и там существуют официально суверенные государства, называемые «Бантустан». Но «еврейская идеология» не признает «принадлежности» ни одной пяди земли Израиля неевреям. За ними не признается права на какие-либо символы суверенитета – и это проводится в жизнь неукоснительно. Шахак приводит пример, когда в 1974 году шейх Хеброна устроил празднество, куда были приглашены арабские вожди, склонные к компромиссу с Израилем. По этому случаю его дворец был украшен его флагами. Но еврейские группы обратились с протестом к Голде Меир и Моше Даяну, указывая, что флаги «нееврейского государства» не могут подниматься на земле Израиля, это противоречит священным принципам, согласно которым земля «принадлежит» только евреям. Так как эти принципы признаются всеми сионистами, то правительство вынуждено было запретить шейху вывешивать свои флаги, он, оскорбленный, отменил прием, и вся Арабская Лига заняла более жесткую антиизраильскую позицию.

В основе такой политики лежит, согласно Шахаку, традиция «классического иудаизма», какой сложился к началу II тысячелетия после Р. Х. В частности, выработанные там принципы отношения к неевреям. Он пишет:

«Всякий, кто жил в Израиле, знает, до какой степени эта позиция ненависти и жестокости по отношению ко всем язычникам укрепилась и широко распространилась среди евреев страны. Как правило, эти чувства не демонстрируются внешнему миру. Но после основания

государства Израиль, войны 1967 года и увеличения власти Бегина, определенное меньшинство евреев, как в Израиле, так и вне его, стало более четко высказываться на эту тему. В последние годы антигуманные концепции, согласно которым рабство есть “естественная” участь язычников, публично высказываются в Израиле, даже на телевидении – еврейскими землевладельцами, эксплуатирующими рабочую силу арабов, в частности, детей».

2. США и Западная Европа

Эти болезненные тенденции государства Израиль не имели бы слишком большого значения для остального мира, подобно «фундаменталистским» принципам, которыми руководствуются некоторые исламские государства. Но разница заключается в том, что Израиль стал центром всего мирового еврейства и оказывает на него сильнейшее влияние, а через него – на весь мир. То, что происходит в Израиле, обнаженно показывает, – что же происходит во всем еврействе.

Опять цитируем Шахака:

«Если действенность “еврейской идеологии” зависит от относительной силы Израиля, то последняя, в свою очередь, определяется, в значительной степени, поддержкой Израиля евреями диаспоры и, в частности, в Соединенных Штатах...

Сильное давление, оказываемое организованной еврейской общиной США в пользу любой израильской политики, должно учитываться любой американской администрацией при выработке политики на Ближнем Востоке. То же явление заметно в Канаде, не имеющей серьезных собственных интересов на Ближнем Востоке, и которая тем не менее еще более абсолютно поддерживает Израиль, чем США. В этих двух странах (а также

во Франции, Англии и многих других странах) еврейские организации поддерживают Израиль с той же нерушимой верностью, с которой до последнего времени коммунистические партии были преданы СССР... В Израиле хорошо известно, что произраильский шовинизм и фанатизм, распространенный среди организованных евреев диаспоры, намного превосходит шовинизм израильских евреев. Этот фанатизм особенно ярко выражен в Канаде и США...

Но откуда этот шовинизм, часто экстремистский, одной части американского еврейства, но не разделяемый другой? Надо принять во внимание общественное, а значит, и политическое значение еврейских организаций “закрытого” типа: туда в принципе не допускаются нееврейские члены... Это те, кого можно назвать «организованные» евреи. Они большую часть времени, когда не заняты на работе, проводят в обществе других евреев, поддерживая, я думаю, психологию еврейской исключительности и принципы классического иудаизма по отношению к неевреям. Они, конечно, не могут свободно высказывать эти принципы в США, где неевреи составляют более 97% населения. Но их истинные чувства зато “компенсируются” поддержкой “еврейского государства” и их отношением к неевреям на Ближнем Востоке».

Ярче всего подобное положение проявляется в США, о которых критик Кэйзин написал в журнале «Ньюсуик» еще в 1971 году:

«Я не думаю, что где-либо в истории еврейского народа имелось что-нибудь подобное тому влиянию, какое еврейские интеллектуалы оказывают на американскую культуру. В этом смысле Америка, действительно, – самый большой успех для евреев».

В книге Э. Нитобурга о современном положении евреев в США, написанной несколько лет назад, сообщается, что сейчас в США живет около 6 млн евреев, которые составляют 2,7% населения США и 3,5% городского населения. Среди менеджеров и администраторов их доля – 40,7%, вообще в элитных профессиях – 71%. Их доля среди студентов более чем вдвое превосходит долю других частей населения, среди аспирантов – более чем в три раза. Они составляют более чем $\frac{1}{10}$ часть всех профессоров, а в наиболее престижных университетах – Гарварде, Йеле и т. д. – от 20 до 30%. В книге говорится:

«Основой, костяком американской этнической общины является ее высокоорганизованная часть, представленная системой тесно связанных между собой общественно-политических, религиозных, культурно-просветительных, благотворительных институтов и организаций, объединяющих большинство американцев еврейского происхождения».

Одной из самых влиятельных «закрытых» еврейских организаций, несомненно, является Б'най Б'рит, о которой Энциклопедия Юдаика писала, что это – одна из самых старых и самых многочисленных еврейских организаций взаимопомощи, объединенная в ложи и капитулы.

Там же сообщается, что она имеет (на 1970 г.) 500 тыс. членов, 17 000 мужских лож, из которых 25% находятся вне Северной Америки, объединяет 210 тыс. членов и имеет бюджет в 13 млн долларов. Согласно Нитобургу она имеет филиалы в 40 странах. В 1971 году в опубликованном письме вице-президента этого ордена Д. Кауфмана говорится:

«В настоящее время Б'най Б'рит играет более существенную роль в решении судеб и будущего евреев в диаспоре, поскольку она приняла на себя решение задач, которые государство Израиль не может выполнять на законном основании, будучи суверенным государством и не имея возможности вмешиваться в дела других стран».

Органом ее является Антидиффамационная лига (АДЛ). Можно увидеть многократно мощное влияние АДЛ. Например, в 1974 году АДЛ заявила, что евреи недостаточно представлены в американском финансовом бизнесе! Что он – последний оплот антисемитизма в США!

Деятельность АДЛ многогранна и имеет большую историю: включает, например, постоянные попытки вытеснения из американской культурной жизни «Венецианского купца» Шекспира, который ее стараниями был запрещен еще в 1933 году в школах Западного Нью-Йорка и Балтимора. АДЛ неустанно борется с теми частями христианской литургии, которые она считает «антисемитскими». Какие именно это части, определить трудно, так как неоднократно высказывалась и такая точка зрения, что корень «антисемитизма» находится в самом существовании христианства, которое объявляет евреев виновниками в смерти Христа. Например, такова точка зрения, высказанная в цитированной книге Я. Каца. Не формулируя, однако, своей окончательной цели, АДЛ ведет в этом направлении неустанную борьбу. Так, в отчете за 1937 год приводилось 759 наблюдавшихся проявлений антисемитизма, среди которых: 74 статьи и брошюры, 115 лекций и т. д. и 25 представлений Страстей. После поражения Германии под постоянным давлением находилось представление Страстей, каждые 10 лет на Пасху исполнявшееся жителями села Обераммергау в

Баварии (с 1634 г. в благодарность за окончание эпидемии чумы). В 1980 году под давлением АДЛ американское военное министерство особым письмом обратило внимание американских военных, служивших в Западной Германии, на «антисемитский дух» этих Страстей в Обераммергау (лично сообщение американца, служившего тогда в армии и не пожелавшего, чтобы его фамилия называлась). В Соединенных Штатах АДЛ добилась запрета молитв в общественных местах и чтения Священного Писания перед началом занятий в школе. Ряд процессов, выигранных АДЛ, запрещал празднование Рождества в школах и других публичных местах, особенно публичную демонстрацию таких христианских символов, как крест и ясли.

Но основной целью все же оставалось преодоление такого болезненного факта, как распятие Христа – в то же время основоположного убеждения для каждого христианина. В этой связи большая работа была развернута еврейским отделением ордена Б'най Б'рит в контакте с Обществом иудео-христианской дружбы. Представитель Б'най Б'рита Жюль Исаак несколько раз был принят папой. Сначала, в 1949 году, – Пием II, потом, в 1960 году, Иоанном XXIII. Католическая Церковь выразила свое видоизмененное отношение в постановлении II Ватиканского собора «Заявление о нехристианских религиях». Это Заявление было принято собором 14 октября 1965 года (голосованием 1173 против 250) и провозглашено в энциклике папы (Nostra Aetate – «Наше Время»). В нем, в частности, говорится:

«...то, что произошло во время Страстей, не может быть вменено в вину ни всем без различия иудеям, жившим в то время, ни иудеям нашего времени. Хотя Церковь и есть новый народ Божий, однако

иудеи не должны быть представлены ни отверженными Богом, ни проклятыми, как будто бы это вытекало из Священного Писания».

Принятие Заявления протекало на Соборе сложно. Сначала был принят текст, звучащий еще более радикально (голосование 651 против 99 при 242 воздержавшихся). Но папа отложил его утверждение на год. Потом был принят цитированный выше текст. В воспоминание этой энциклики – в 1986 году – уже новый папа, Иоанн-Павел II, посетил (видимо, впервые после распятия Христа) синагогу (в Риме) и сказал:

«Связи, соединяющие нас с иудейской религией, не объединяют нас так ни с какой другой религией».

Н. Гольдман тоже участвовал в переговорах с Ватиканом. Он остался недовольным принятым решением:

«Принятый Собором текст стал водянистым».

По следам заявления Ватиканского собора было опубликовано «Заявление» французского епископа, в котором говорится:

«В противоположность утверждениям очень древней, но спорной экзегезы, нельзя вывести из Нового Завета, что еврейский народ был лишен своей избранности... вероятнее всего, что именно из того, что фарисеи и первые христиане были близки во многих взглядах, они с такой энергией спорили друг с другом...»

Ведь эта «спорная экзегеза» – само Евангелие (напр., Мф 23: 37–38). И «спор» христиан с фарисеями включал ведь и распятие Христа.

С тех пор существует смешанная комиссия из евреев и католиков, заседающая трижды в году, чтобы выявлять и исправлять спорные места в католических книгах.

Кажется, христианство не знало еще такого публичного отречения от Евангелия, несмотря на все гонения. Даже во время Французской революции, когда католическим священникам грозила гильотина, от Евангелия они не отрекались. Какая же сила нужна была, чтобы так сломить католическую Церковь? В продолжение Средних веков в Европе постоянно раздавались требования уничтожить имеющиеся экземпляры Талмуда, так как там имелись кощунственные и оскорбительные для христиан пассажи. Этот спор перешел и в новое время. Нарождающееся гуманистическое течение выступало в защиту Талмуда, особенно этим был известен И. Рейхлин. Теперь же все перевернулось. Идя навстречу требованиям иудейского фундаментализма, католическая Церковь отказывается от некоторых центральных частей христианской веры. И ведь это происходит не под угрозой средневековых пыток или костров инквизиции!

Конечно, современное духовное падение католической Церкви нельзя свести только к вопросу ее отношения к иудаизму. Оно проявляется и в других сферах. Например, во многих странах она отказалась от латыни как языка, на котором служат мессу, а возражавший против этого епископ был лишен сана. Мы привели весь этот эпизод лишь как пример всепобеждающего еврейского влияния в современном западном мире. Видимо, даже более радикальные постановления были приняты синодами некоторых протестантских церквей (говорящие об ответственности этих церквей за гитлеровские преследования евреев. В большинстве случа-

ев – об ответственности предков) – об этом сообщается в сборнике статей «Русская идея и евреи».

Основной видимой силой, обеспечивающей это влияние, являются, несомненно, СМИ: газеты, журналы, телевидение. И особенно ярко это сказывается в центре западного мира – США. Журнал «Тайм», сообщающий о скандале с генералом Брауном (о чем будет рассказано ниже), приводит его слова: «Они, знаете ли, владеют банками в нашей стране, да и газетами. Только посмотрите, где еврейские деньги...» – но называет этот взгляд «упрощенным». Статья ссылается на недавно вышедшую книгу Стефена Айзекса «Евреи в американской политике», откуда приводит сведения, что евреи возглавляют корпорации, владеющие тремя основными американскими телекомпаниями, являются издателями таких газет, как «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост» и «Уолл-стрит джорнэл», но в целом владеют только 3,1% всех американских газет и около 8% ежедневно распространяемых газет.

Журнал «Тайм» подтверждает, что три крупнейших телеканала и три крупнейшие американские газеты: «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост» и «Уолл-стрит джорнэл» принадлежат евреям (заметим, что и директор самого журнала «Тайм», – очень распространенного, – Д. Левин). Если говорить подробнее, то еще в 1896 г. «Нью-Йорк таймс» приобрел А. Окс, происходивший из немецких евреев; главным редактором газеты был А. Розенталь, потом – М. Френкель; владельцем газеты был Сульцбергер, а потом – Окс-Сульцбергер. Газетой «Вашингтон пост» владел сначала Ю. Мейер, а потом – его дочь Кэтрин Грехем. Газету «Уолл-стрит джорнэл» возглавлял П. Кан. Эти сведения относятся к 70–80-м годам, но похоже, что картина менялась все в ту же сторону. Например, такое впечатление оставляет

книга Дюка. Следует заметить, что подавляющая часть американских газет перепечатывает международные известия и «проблемные» статьи из основных центральных газет, лишь дополняя их местными новостями.

Мы привели высказывание журнала «Тайм» о власти над основными американскими телекомпаниями. Речь тогда шла о компаниях CBS, ABC и NBC. Ими руководили: CBS – Пэли, ABC – Гольдензон и NBC – Сарнов.

То же относится и к основным кинокомпаниям, названия которых (но не теперешних хозяев!) обычно можно увидеть на киноэкране. Это компании: «Уолт Дисней», – которую возглавляет Эйскер, «Тайм Уорнер» – Левин, «Уорнер бразерс» – Гольдберг, «20 Сенчури Фокс» – Черниц; «Юниверсал Пикчерз» принадлежит компании «Сигран», президент которой – Бронфман – крупнейший производитель спиртного и президент Всемирного еврейского конгресса. Фирма «Метро-Голдвин-Мейер» содержит и в названии имена двух из своих основателей (в 1924 г.), а третьим был М. Лев. Мейер руководил фирмой до 1950-х гг. Историк кино Арнхейм писал:

«Без преувеличения можно утверждать, что американская киноиндустрия есть дело рук восточноевропейских евреев, в прошлый (т. е. XIX) век пересекших океан. Те люди, которые потом стали руководителями всемирно известных предприятий с гигантскими капиталами и армиями сотрудников: Цукор, Голдвин, Мейер, Уорнер, Шенк, Фокс, Лев – начинали с жалких накопленных грошей».

Но средства информации, конечно, – лишь орудие для достижения власти. Более реальные размеры власти проявляются в занятии высших государственных по-

стов. Это можно отчасти проследить на примере США. Евреи в качестве членов правительства США находятся систематически, начиная с президента Джонсона (1965 г.): министр образования и социального обеспечения Коэн. Никсона обвиняли в нелояльности относительно евреев (был слух, что пленки его разговоров с помощниками, которые так добивались от него в связи с «импичментом», содержали жалобы на усиливающееся еврейское влияние). Тем не менее (а может быть, именно поэтому) он назначил Киссинджера государственным секретарем, Шлезингера – министром обороны, Барнса – главой Федерального Резервного Фонда (организация, определяющая валютную политику США) и Гармента – главой департамента Белого Дома по гражданским правам. Сменивший его Форд оставил на своем посту Киссинджера и назначил Леви министром юстиции и Гриншпана главой Федерального Резервного Фонда. И так мы приходим к концу президентства Клинтона, когда государственный секретарь – Мадлен Олбрайт, военный министр – Коэн, министр финансов – Рубин, глава Национального Совета Безопасности – Бергер, глава Федерального Резервного Фонда – Гриншпан. Введен пост специального представителя еврейской общины при президенте, его занимает Футлик. В книге, изданной комитетом Госдумы, цитата из журнала «Уолл-стрит джорнэл», сообщающего, что на последних президентских выборах 75% избирательных затрат одного кандидата – Гора – было оплачено еврейским капиталом, а у другого – Буша – эта доля достигала 30–50%. И вот по поводу правительства нового президент Буша в «Вашингтон пост» уже появилась статья Р. Коэна «В этом правительстве нет евреев», где отмечается, что ближе всего к этому только Линда Шавец, которая хотя бы замужем за евреем.

Здесь я приведу цитату из книги Д. Дюка «Еврейский вопрос глазами американца». Как я уже говорил (гл. 1), автор не всегда тщательно обосновывает свои утверждения. Но, с другой стороны, в книге имеется множество точных ссылок на книги и журналы. Некоторые мне удалось проверить, и они оказались правильными. Поэтому я приведу его цитату из израильского журнала (мне недоступного) «Маарив». Автор – Бар-Иозеф Авионат, статья называется «Евреи, правящие при дворе Клинтона». Там говорится:

«В США больше не существует нееврейского правительства. В нынешнем правительстве евреи являются полноправными партнерами в принятии решений на всех уровнях. Возможно, некоторые аспекты еврейских религиозных законов, касающихся понятия “нееврейское правительство”, стоило бы пересмотреть, так как они устарели для США».

Это можно было считать преувеличением эмоционального автора, но дальше читаем:

«В Совете Национальной Безопасности семь из одиннадцати высших должностных лиц – евреи».

Дальше следует их список, а потом:

«Ситуация не намного отличается и в администрации президента, где полно рьяных сионистов...»

И опять длинный список.

Наконец, можно вспомнить ряд ярких эпизодов, происходивших за последние 30–40 лет. Например, при президентстве Картера представителем США

в ООН был негр Эндрю Янг. Он занимал по отношению к Администрации президента крайне независимую позицию. Он вел себя, как избалованный и капризный ребенок, все время делая заявления, очень неприятные для Госдепартамента: например, что в США больше политзаключенных, чем в СССР, или что кубинские войска в Анголе являются стабилизирующим фактором. Тем не менее все ему сходило с рук. Но вот он в частном порядке встретился с представителем Палестинских арабов при ООН Зухди Лабибом Терзи. Последовало заявление израильской разведки, и Картер немедленно уволил Янга. А ведь Янг был очень важным для Картера лицом: он в качестве одного из виднейших руководителей негритянской общины США помог Картеру в его предвыборной кампании заручиться голосами негров. Отставка Янга вызвала среди негров большое раздражение. Картеру вскоре предстояли перевыборы; он должен был выбирать между 18 млн негров и 5 млн евреев, но выбор, по-видимому, был ему очевиден.

Другой такой эпизод связан с выступлением генерала Брауна, председателя объединения начальников штабов США («военного № 1» в США). Мы упоминали о нем выше. Генерал выступал перед студентами университета Дьюка. Речь зашла о политике США на Ближнем Востоке. Сначала он держался осторожно, но вдруг сорвался. Говоря о «еврейском лобби», генерал сказал:

«Вы не поверили бы, как оно влиятельно! К нам являются представители Израиля, чтобы получить вооружение. Мы говорим, что Конгресс это не поддержит, а они отвечают: не беспокойтесь о Конгрессе, это мы берем на себя. Так говорят иностранцы, но они этого действительно могут добиться!»

Дальше следовали приведенные выше слова об источниках еврейского влияния: банках и газетах.

Та же статья приводит другие интересные подробности. Как только появилось сообщение (в упомянутой выше «Вашингтон пост») о выступлении генерала, как Белый Дом, Пентагон и Конгресс были захлестнуты потоком писем и телеграмм, содержащих возмущенные протесты. Пресс-секретарь Белого Дома и военный министр Шлезингер осудили выступление Брауна. Президент Форд вызвал его в Овальный зал Белого Дома и отчитывал 10 минут. Сенатор Джавиц потребовал провести расследование, а сенатор Проксмир призвал к отставке генерала. Сам Браун сразу принес извинения и заявил, что его слова «не выражают его истинных взглядов», а что право лоббировать свои интересы есть «самое сердце» демократии.

Наконец, был еще один эпизод, оставивший заметный след в печати. Он связан с судьбой конгрессмена США Финдли. Финдли был членом подкомиссии по связям с Европой и Ближним Востоком. В этом качестве он совершал поездки на Ближний Восток и встречался с руководителями Сирии и Йемена (в частности, чтобы добиться освобождения американского агента, осужденного за шпионаж в Йемене). В 1978 году он встретился с Арафатом и высказывался за переговоры Израиля с ООП (что совпадало с тогдашней официальной позицией США). Вскоре положение его резко изменилось. От него отшатнулись его соратники по партии, его явно боялись, даже Рейган. Несмотря на это, ему удалось в 1980 году быть переизбранным в Конгресс. Но в 1982 году была произведена перекройка избирательных округов, назначены дополнительные выборы – и их он проиграл. Хотя проигрыш его был всего за счет 1% голосов и он считает, что причин для его поражения было много, но еврей-

ские организации громогласно заявляли, что его провалили они за его «антиизраильскую» позицию.

Но реакция Финдли казалась не такой, как у героев других аналогичных происшествий, он заинтересовался явлением, с которым столкнулся, стал собирать материалы из прессы, сам брал интервью – и в результате опубликовал книгу об израильском лобби в США, наполненную большим количеством фактов.

Там он описывает других, поплатившихся политической карьерой за неосторожные, казалось бы, невинные высказывания, критикующие политику Израиля: конгрессмены Мак Клоски, Фаунтрой, Дюмалли, сенаторы Эдлай Стивенсон (кандидат в президенты), Фулбрайт, Абурецк, Рибиков, Матиас, Перси, посол Вест, журналисты Роджер Бродерик, Энн Гайер, киноактриса Ванесса Редгрейв, государственный чиновник Квандт (заместитель Бжезинского), Янка, профессора Хомский, Экбаль Ахмат, Мазер Хамид, священник, настоятель наиболее престижного протестантского собора в Вашингтоне Сайр и т. д.

Автор описывает разнообразные формы давления: организация провала на выборах, угроза бойкота в профессиональной деятельности после ухода из политики, срывы собраний, взлом квартир... Надо заметить, что американцы гораздо более деликатные люди, чем мы, русские. У нас считается, что человек подвергается преследованиям, если его сажают в лагерь, избивают или убивают. Американцы восприимчивы к гораздо более тонким воздействиям: достаточно ученому не быть включенным в какой-то дополнительный грант, так что летом он не сможет поехать с семьей отдохнуть на Болеарские острова, – и он уже чувствует себя гонимым.

О том, что происходит в военном ведомстве, Финдли рассказывает просто чудеса. Ведущие переговоры

представители Израиля оказываются лучше осведомленными о состоянии американских вооружений, чем сотрудники оборонного ведомства. Они просят о поставках вооружений, засекреченных еще в США, – и добиваются их. Если американские представители имеют какие-то возражения против желаний Израиля, – они боятся доверить это бумаге, чтобы их карьера не пострадала. Секретные документы пропадают пачками, и многие израильские чиновники высылались, но США никогда не выдвигали официального обвинения в шпионаже. «Военные, – говорит Финдли, – называют Пентагон “израильским магазином самообслуживания”».

Обычным средством давления являются звонки и заявления конгрессменов, утверждающих, что те или иные поставки совершенно необходимы для безопасности Израиля. Конгрессмены, в свою очередь, находятся под давлением многочисленных еврейских организаций, мобилизующих своих членов для звонков, писем или посещений конгрессменов. Любая неподатливость вызывает обвинения в «антисемитизме» или «враждебности к евреям». Распространяются «списки врагов», опасных в этом смысле. Это давление столь эффективно, что в некоторых случаях учебные заведения возвращают деньги, полученные для определенных программ, только потому, что они были предложены арабскими странами. В других – отказываются от сотрудничества с американцами арабского происхождения.

Вот конкретный эпизод из этой книги. Известный «Географический журнал» напечатал статью о Дамаске, в которой в небольшом абзаце о тамошней еврейской общине говорилось о ее сравнительно благоприятном положении. Это вызвало бурю протестов, редакция получила более 600 возмущенных писем. От нее требовали публикации противоположной оценки.

Напрасно редактор доказывал, что журнал существует с 1888 года и никогда подобной практики не придерживался. Состоялась бурная демонстрация у стен редакции. В дело вмешался Американский еврейский конгресс. В результате редакция сдалась и напечатала заявление, в котором говорилось: «Наши критики были правы. Мы ошибались».

Пресса настолько восприимчива к подобному давлению, что когда руководитель Совета еврейских общин Беренбаум и другие еврейские активисты, встретившись с представителями редакции «Вашингтон пост», сообщили им, что у газеты «есть еврейская проблема», то газета согласилась, чтобы в течение недели Беренбаум наблюдал за обработкой и сообщением новостей в редакции.

При таком давлении, естественно, принимаются решения, явно противоречащие национальным интересам США. Как пример Финдли приводит ассигнование в 1984 году 250 млн долларов на развитие производства в Израиле нового истребителя Лави, который становился конкурентом самолетам, производимым тогда в США. Причем за это решение голосовало 379 депутатов Конгресса, против – 40. Один из возражавших сказал:

«В результате будет потеряно 6000 рабочих мест... У американцев не только забирают их доллары, чтобы создать иностранную промышленность. Они должны еще потерять свою работу».

Но, пожалуй, наиболее драматический эпизод, когда американские интересы были принесены в жертву интересам Израиля – это эпизод с кораблем «Либерти». Эпизод совершенно одинаково описан и в книге Финдли, и в книге Дюка. Существуют и специально ему посвященные книги.

Событие, о котором идет речь, произошло 8 июня 1967 года, во время очередной арабо-израильской войны. Тогда вооруженными силами Израиля было расстреляно американское разведывательное судно «Либерти», причем погибли 34 и были ранены 171 моряк. На следующий день израильское правительство принесло извинения, сказав, что приняло судно за египетский корабль. Однако ряд писавших об этом авторов приводят доказательства того, что нападение было умышленным и, более того, что это было известно правительству США. По воспоминаниям оставшихся в живых, нападение произошло днем, в 2 часа. Корабль сначала облетело несколько реактивных самолетов. Легкий бриз, дувший в это время, развевал американский флаг, явно различимый. Потом корабль подвергся атаке израильских самолетов. Он был обстрелян из пулеметов, а на палубу сброшены напалмовые бомбы. Потом судно было расстреляно ракетами с торпедных катеров. Обстрелу подверглись и спасательные шлюпки, спущенные с корабля. Более того, вблизи находились два американских авианосца «Саратога» и «Америка». Дважды, в ответ на сигналы бедствия «Либерти» с них подымались на помощь самолеты, но были возвращены приказом высшего начальства (в одном случае – министра иностранных дел Макнамары). Только на следующий день, когда стало ясно, что судно упорно не желает тонуть, появилась помощь и раненые были эвакуированы вертолетами. Как утверждает, например, Финдли, властям уже тогда было известно, что нападение было преднамеренным, а ЦРУ предупреждало о нем за 2 дня. Причиной всей акции он считает опасения правительства Израиля, что судно могло остановить подготовку израильского нападения на Сирию (которое произошло действительно 2 дня спустя, хотя Израиль заключил перемирие

с арабскими странами). Финдли говорит, что президент Джонсон организовал дымовую завесу, благодаря которой и 16 лет после его ухода факты почти неизвестны. Правительство США приняло версию Израиля. Назначенная комиссия опубликовала отчет, в котором умалчивалось, что государственная принадлежность корабля была очевидна задолго до атаки, не упоминалось о напалмовых бомбах и расстрелянных шлюпках. Говорилось, что атака продолжалась 2 минуты, хотя она заняла более 70 минут. Выжившим морякам был дан приказ строго придерживаться официальной версии и не сообщать никакой другой информации.

Основным источником разоблачений стала публикация бывшего офицера «Либерти» Эннса. Для (тогдашнего) положения в США характерно, что он все же смог издать свою книгу в 1980 году, через 2 года после ухода на пенсию. Он секретно собирал воспоминания своих выживших товарищей. Книга вызвала, как говорит Финдли, интернационально координированное сопротивление: Минобороны США, Антидиффамационной лиги, Американско-Израильского комитета общественных отношений, издательств, средств информации и израильского Мининдела.

Эннс все же мог провести ряд выступлений на тему книги, но его там прерывали, называя лжецом и антисемитом. Письма такого же содержания он продолжал получать еще 10 лет.

И несмотря на такую общественную атмосферу, в 1984 году сенатор Д'Амато внес законопроект о необходимости «погасить вспышку охватившего страну антисемитизма» – и он был принят в качестве закона в 16 штатах.

Очень многого во внешнеполитической области добился для Израиля президент Картер. При нем было

заключено в Кэмп-Дэвиде израильско-египетское соглашение. По меркам Первой или Второй мировой войны Египет подписал «сепаратный мир» с Израилем. Я записал себе тогда следующее сообщение Би-би-си:

«Газета “Санди таймс” в воскресенье 15 октября написала, что “за один день президент Картер превратился из неопытного человека, вмешивавшегося в чужие дела, в мудрого государственного деятеля... Президент Картер не может быть столь неспособным, чтобы не выучить свой урок” (т. е. сделать правильный вывод)».

И позже, вплоть до наших дней, можно видеть, что Израиль третирует США, как своего вассала. Он указывает им, каким странам и какое оружие они могут продавать. Израиль нарушает условия договора, по которому США передают ему оружие, и когда они приостанавливают очередные поставки, он в гневе разрывает договор; испуганные США идут на попятный. Дело дошло до комической жалобы президента Рейгана (на пресс-конференции 1 октября 1981 г.), что Израиль оказывает слишком большое давление на внешнюю политику США.

Когда голосами арабских стран Израиль был исключен из Международного агентства по атомной энергии (вполне законно, так как он отказывался дать доказательства того, что использует атомную энергию только в мирных целях), то США покинули это Агентство вместе с ним. Госдепартамент заявил, что такова же будет реакция США, если Израиль попытаются исключить из любого другого специализированного агентства ООН. Наконец, когда была опасность, что страны «третьего мира» смогут добиться исключения Израиля из ООН, США объявили, что тогда и они

выйдут из этой организации. Кажется, что США по отношению к Израилю потеряли свою независимость.

Уже во второй срок его президентского правления Клинтон пытался добиться мирного урегулирования на Ближнем Востоке. Как выражение своего недовольства неуступчивой позицией Израиля, он не пригласил в Белый Дом находившегося в США израильского премьера. Сразу же появилась секретарша из его аппарата Левинская, начавшая рассказывать об их связи, причем с массой грязных подробностей. По этому поводу уже начали разворачивать процедуру «импичмента» (причем президент обвинялся не в его поступках, а в том, что сначала их отрицал). Тут, видимо, Клинтон осознал, в чьих же руках власть. В тот день, когда сенат принял решение о начале процедуры – 12 декабря 1998 года – Клинтон полетел в Израиль с женой и всей семьей (включая собачку). Причем премьер Израиля утверждал даже, что не приглашал Клинтона, а он сам настоял на поездке. После ряда унижающих его публичных покаяний Клинтон был прощен, «импичмент» не состоялся. В Израиле взяло верх радикальное течение. В сентябре 2000 года Ариэль Шарон посетил арабскую святыню Аль-Харам. В арабских кругах Шарон имеет прозвище «ливанский мясник»: он был военным министром, когда произошла резня в лагерях арабских беженцев Сабра и Шатила и был удален из правительства под влиянием возмущения этой резней, в том числе и в Израиле. Появление Шарона около арабской святыни было явной провокацией, да оно так и было обставлено, его охраняло несколько тысяч полицейских. Это дало новый толчок «интифаде», положение стало быстро ухудшаться, сам Шарон стал премьером и теперь (конец 2001 г.) мы имеем полномасштабную арабо-израильскую войну.

Кем же считают себя евреи в США? По оценкам социологов, $\frac{9}{10}$ из них предпочитают интегрироваться в американское общество и не являются сторонниками сионизма. Однако $\frac{4}{5}$ считают, что поддержка Израиля Вашингтоном – в интересах США. В 1988 году Джерри Гобин сказал:

«Государство Израиль занимает теперь центральное место в определении еврейской идентичности».

Конечно, таково же еврейское влияние не только в США, но во всем западном мире. Например, в конце 1960-х – начале 1970-х годов Запад переживал тяжелый кризис. Главным образом, это были студенческие волнения: студенты захватывали университеты. Но также волнения негров в США. Термин «революция» был у всех на устах: вожди движения утверждали, что совершается 5 революций: экономическая – свержение капитализма; национальная – отделение нескольких южных штатов от США; политическая – уничтожение репрессивного демократического строя; сексуальная – уничтожение буржуазной семьи; психоделическая – объединяющая культуру совместного приема наркотиков и танцев под рок-музыку (вместе это должно было уничтожить буржуазную индивидуальность). И опять, как в русской революции 1917 года, как в германские революционные годы 1918–1923, как в венгерской революции 1918 года, среди руководителей оказалось непропорционально много евреев: Кон Бендит, Джерри Рубин, Аллен Гинсберг. Идеологические вожди этого движения происходили из философской «Франкфуртской школы», были последователями одновременно Маркса и Фрейда и почти без исключения евреями: Адорно («после Освенцима поэзия невозможна»), Маркузе, Хоркхеймер, Фромм.

Ярким примером является судьба историков, известных под общим названием «ревизионисты». Общее у них то, что они стремятся пересмотреть стандартно принятые на Западе взгляды на историю Второй мировой войны. Некоторые из них доказывают, что цифра 6 млн евреев, погибших от рук гитлеровских властей, — очень преувеличена. Другие доказывают, что немцы в концлагерях не пользовались газовыми камерами. Мне лично не очень понятно, что ими движет, как я уже говорил в гл. 12. Но каковы бы ни были мотивы «ревизионистов», поразительны не они, а тот ответ, который эти исследователи встретили. Современный немецкий историк очень осторожно говорит об этом:

«Однако остается весьма прискорбным, что в признанной литературе столь полно утрачено основное правило науки: “выслушать и другую сторону”».

Действительно, «ревизионистам» не отвечают, если о них упоминают, то лишь как о «неонацистах» или «правых радикалах», но зато они постоянно преследуются. Ряд этих авторов присужден к тюремному заключению: в Канаде, Германии, Франции, Швейцарии. Другие присуждены к крупным штрафам или уволены с работы без права на пенсию (т. е. обречены на нищенское существование). При этом им никто не инкриминировал иных действий кроме написания книг, в которых приводятся аргументы против утверждений, признанных «неприкасаемыми». Вот итог многовековой «борьбы за свободу слова» на Западе! Теперь уже нельзя попасть в тюрьму за утверждение, что земля движется вокруг солнца, зато вполне возможно за книгу, содержащую аргументы о числе жертв «катастрофы», о том, были ли газовые камеры в тех или иных немецких лагерях и т. д.

Надо сказать, что хотя сознание среднего американца манипулируемо и управляемо, как хороший автомобиль, – они все же твердо держатся за свою «первую поправку», провозглашающую свободу слова, и в США подобные суды до сих пор невозможны. Но ведь приговор суда – не единственное несчастье, которое может постигнуть людей! Например, американские «ревизионисты» создали целый институт – «Институт исторических исследований», – а несколько лет тому назад здание института загорелось, и библиотека погибла. Д. Дюк в своей книге пишет:

«Когда некоторые из моих друзей по патриотическому движению ввели в обращение... термин Сионистское Оккупационное правительство, или СОП, я думал, что название несколько преувеличено, но после долгих размышлений и изучения этого вопроса я осознал, что это наиболее подходящее описание грустных дел в Вашингтоне в сфере внешней и внутренней политики».

Факты, которые мы привели, указывают на то, что так же дело обстоит во всем западном мире и не только «в сфере внешней и внутренней политики», но и религии, политических и социальных взглядах, да и вообще всей жизни.

Глава 15

Во второй революции в России

(Конец 1980-х – начало 1990-х годов)

В конце 1980-х – начале 1990-х годов в нашей стране произошел переворот не менее радикальный, чем революция 1917 года. Изменился политический

строй и экономический уклад страны. Страна распалась на части. Все виды производства сократились в 2 раза и больше. Начались войны между вновь образовавшимися государствами. В результате этих войн, общего падения уровня жизни и распространившегося чувства безнадежности население сократилось на много миллионов человек, рождаемость в России стала ниже, чем была в последнюю войну.

Этот переворот обычно называется «перестройкой» – лукавый термин, выдуманный сначала для того, чтобы скрыть характер совершающихся перемен (а возможно, свое непонимание того, что из всего этого получится. Дескать, это не реформы, а всего лишь перестройка). Такой переворот имеет полное право называться революцией. Для краткости я буду называть его революцией 1990-х годов (хотя какие-то роковые сдвиги начались несколько раньше).

Итак, Россия пережила вторую революцию за один век. Каково же было в ней еврейское участие? Прежде всего, бросается в глаза, что когда начались первые сдвиги, власть находилась полностью в руках русских людей (в чисто этническом смысле). Я помню, еще из тех времен одно торжественное заседание Академии наук, где появилось все горбачевское Политбюро. Оно было мне хорошо видно, и меня поразило – какие все русские лица! И действительно, среди них не было даже того большого числа украинцев, которые появились при Брежневе. За исключением временно появившихся там Шеварднадзе и Алиева, это были великороссы. Не говоря уж о том, что не было ни одного еврея. Вероятно, были какие-то советники, секретари, сотрудники ЦК. Но ведь не советники выбирали Политбюро, а члены Политбюро назначали их!

А чтобы яснее оценить, что же произошло, перешагнем через несколько лет и перенесемся во время, когда основные тенденции уже сформировались и победили. В 1996 году в американской газете на русском языке «Новое русское слово» появилась как бы итоговая статья по интересующему нас вопросу. Надо сказать, что газета ориентируется на общину приехавших из России евреев. Этот факт газетой не затушевывается – об этом говорят, например, печатающиеся там объявления о свадьбах, похоронах, собраниях и т. д. Вот к этому кругу читателей газеты и обращается статья. Она называется «Еврейское счастье», а ее автор – Леонид Радзиховский – публицист из России. Приурочена статья к важному событию – учредительному съезду Российского еврейского конгресса, который вошел в состав Всемирного еврейского конгресса. Но по этому поводу автор высказывает и ряд общих суждений о положении евреев в современной России:

«Евреи сегодня составляют огромную часть российской элиты – художественной, интеллектуальной (это, впрочем, было всегда в течение последнего века), а также политической и коммерческой.

Политики: Жириновский, Явлинский, Чубайс, бывший министр иностранных дел Козырев и новый министр тех же дел Примаков, министр экономики Ясин, помощники президента Лифшиц и Сатаров, губернатор Нижнего Новгорода Немцов, первый вице-премьер правительства Москвы Ресин и т. д., и т. д. С некоторой натяжкой в этот ряд может быть включен и Гайдар...

Евреи составляют и огромную часть ранней капиталистической элиты страны. Почти все крупнейшие банки Москвы возглавляют евреи. Банк «Столичный» – Александр Смоленский, «Мост-банк» – Владимир Гусинский, «Менатеп» – Михаил Ходорковский, «Российский кре-

дит» – Виталий Малкин, «Альфа-банк» – Петр Авен и Михаил Фридман... К числу крупнейших предпринимателей России относят того же Владимира Ресина – короля московского строительства, а также скандально известного певца Иосифа Кобзона, постоянно обвиняемого в связях с мафией, Бориса Березовского и других».

Спустя два года тот же вопрос был затронут в статье, напечатанной в выходящей в Москве многотиражной газете «Аргументы и факты». Автор – писатель Э. Тополь, начавший писать в СССР, затем уехавший в Америку (книги его, кажется, детективного жанра, сам я не читал). Статья называется

«Возлюбите Россию, Борис Абрамович!»

и в качестве подзаголовка:

«Открытое письмо Березовскому, Гусинскому, Смоленскому, Ходорковскому и остальным олигархам».

«Открытое письмо» написано широко: там высказывается и взгляд на мировую миссию евреев, и рекомендации по поводу действий в современной России. Но сейчас я выделю только оценку автором теперешней ситуации в России. Она изложена им в разговоре с Березовским «в старинном особняке, реставрированном с новорусским размахом и роскошью...» Вот что сказал автор:

«Борис Абрамович... На телевидении есть, как Вы знаете, программа “Куклы”. Там действуют куклы Ельцина, Ястржембского, Черномырдина, Куликова и прочих. Но главный кукловод – за экраном, и его фамилия – Шендерович. А в жизни есть российское пра-

вительство – Ельцин, Кириенко, Федоров, Степашин. Но главный кукловод имеет длинную еврейскую фамилию – Березовско-Гусинско-Смоленско-Ходорковский и так далее. То есть впервые за тысячу лет с момента поселения евреев в России мы получили реальную власть в этой стране».

Вот это и есть та картина нынешней ситуации, которую рисует автор. И она, как видно из продолжения диалога, не встречает возражения у Березовского. Дальше тоже высказываются интересные точки зрения, поэтому продолжим цитату. Автор говорит:

«– Я хочу спросить вас в упор: как вы собираетесь употребить ее? (власть над Россией, как было сказано выше. – И. Ш.) Что собираетесь сделать с этой страной? Уронить ее в хаос нищеты и войн или поднять из грязи? И понимаете ли вы, что такой шанс выпадает раз в тысячу лет? И чувствуете ли свою ответственность перед **нашим** (выделено в оригинале. – И. Ш.) народом за свои действия?

– Знаете... – затруднился с ответом Б. А. – Мы, конечно, видим, что финансовая власть оказалась в еврейских руках, но с точки зрения исторической ответственности мы на это никогда не смотрели...

– И никогда в своем узком кругу не обсуждали эту тему?

– Нет».

Пропуская рассуждения Березовского о причинах неудачливости русских банкиров, продолжим цитировать мысль автора:

«– Ну раз уж так случилось, что у нас вся финансовая власть, а правительство состоит из полукровок

Кириенко и Чубайса, вы ощущаете всю меру риска, которому вы подвергаете наш народ в случае обвала России в пропасть? Антисемитские погромы могут обратиться в новый Холокост.

– Это исключено, – сказал Б. А. – Знаете, какой сейчас процент антисемитизма в России? Всего восемь процентов! Это проверено научно!»

Но автор не соглашается с такой оптимистической позицией и приводит еще один аргумент:

«Знаете, когда в Германии все немецкие деньги оказались в руках еврейских банкиров, думавших лишь о приумножении своих богатств и власти, там появился Гитлер, и кончилось это Холокостом».

Приведем еще одно свидетельство, исходящее из тех же кругов. В 1997 году Израиль посетила делегация ведущих банкиров России: Авен, Березовский, Гусинский, Малкин, Хаит (почти точно по списку, приведенному в статье Радзиховского). Они дали коллективное интервью израильскому телевидению. Кассета с записью попала в Россию и ходила здесь по рукам.

Вот отрывки:

«Произошло колоссальное, невиданное перераспределение собственности. 75% собственности, бывшей в руках государства, после 1991 года перешло в частные руки». (Березовский)

«Таких прибылей и таких доходов, как в России, не было нигде». (Хаит)

«50% капитала принадлежат еврейскому бизнесу». (Малкин)

Выступающие приоткрывают и те пути, которыми был совершен этот поворот. Иногда очень лирично:

«Начинали с мелочей... – а потом: пошло, пошло, пошло, пошло...» (Гусинский)

Но иногда и более конкретно:

«Можно было двигаться вправо, влево, вперед, назад». (Малкин)

«Этот период сопровождался всеобщей доверчивостью». (Малкин)

«Два года вообще не платили никаких налогов». (Хаит)

«Появилась возможность перераспределять богатства стоимостью в миллиарды». (Березовский)

«Это было ничье!» (Березовский)

«От одной росписи чиновника зависело, тебе ли это перейдет». (Березовский)

Есть рассуждения и более общего характера:

«Если вы помогаете власти, то вы зарабатываете моральный авторитет. И это интегрированное мнение крупного бизнеса влияет на кадровые назначения». (Малкин)

Вопрос ведущего: «А не пытались ли вы повлиять на выборы?»

Ответ:

«Попытались (с широкой улыбкой) – и повлияли». (Гусинский)

Далее – аналогичные идеи:

«Вложения в СМИ – это не бизнес, а защита своих (и не только своих) интересов». (Березовский)

В 1996 году, в связи с приближавшимися выборами, было опубликовано письмо российских предпринимателей, где властным голосом указывались основные линии будущей политики России. Письмо подписали одиннадцать «предпринимателей» и среди них – Березовский, Смоленский, Ходорковский, Фридман. В письме указывается:

«...надо четко проводить грань между конструктивной политикой и политическими спекуляциями на национальной теме. Мы все – россияне.

Мы не можем заниматься изнурительной и бесплодной педагогикой.

...отечественные предприниматели обладают необходимыми ресурсами и волей для воздействия на слишком беспринципных и слишком бескомпромиссных политиков».

Словом, это был голос новой власти.

В цитированной раньше книге В. Топорова затрагивается вопрос роли евреев в «перестройке»:

«Евреи (и те, кто ощущает себя таковыми, и те, кто всего лишь рассматривает себя и своих близких как неизбежные жертвы грядущих утеснений и репрессий) сделали в массе своей капиталистический, “демократический”, проельцинский выбор, волей-неволей, – а точнее, с великим энтузиазмом! – взяв на себя тем самым часть ответственности за общегосударственные и социально-экономические метаморфозы самого пагубного свойства. Огромную часть ответственности. И в очередной раз проявили национальную беспечность,

хотя бы потому, что эту ответственность рано или поздно возложат только на них».

Во время президентских выборов 1996 года состоялось собрание еврейской общественности в Доме кино в поддержку Ельцина. «Еврейская газета» рассказала о нем под заголовком: «Евреи делают свой выбор». Деятели культуры Израиля прислали письмо в «Еврейскую газету» с призывом «воспротивиться реставрации». Ту же тенденцию показывает и то, что 20 млн русских жителей СССР, оказавшихся за границами России, не получили права участия в выборах. Но зато в Израиле были созданы избирательные участки специально для выходцев из России. Д. Фурман, обсуждающий этот же вопрос на языке цифр, результатов «социологических опросов», пишет (на основании опросов еще 1991 г.):

«С тем, что на Западе создано лучшее из возможных обществ и нам надо следовать за Западом, согласились 13,2% русских и 52,5% евреев».

Автор (не приводя здесь процентов) утверждает, что евреи, сравнительно с русскими, «особого стремления стать бизнесменами не проявляют».

«Однако, когда речь идет не о себе, а о детях, профессию бизнесмена выбирают 18,6% русских и 30% евреев. С тем, что рынок – самая эффективная форма хозяйства, к которой надо как можно скорее прийти, несмотря на все издержки, согласились 22,1% русских и 30% евреев. Процент согласившихся с тем, что “Россия должна защищать интересы русских в других бывших республиках СССР любыми средствами,

вплоть до применения военной силы и изменения границ”, – в два раза ниже среди евреев, чем среди русских. В утверждении: “Россия не должна вмешиваться во внутренние дела других независимых государств, даже если там нарушаются права русских” – соотношение даже 1 к 4».

Автор формулирует и свои выводы из данных приведенного опроса:

«Везде, во всем мире роль евреев в прогрессистских и революционных движениях всегда была совершенно не пропорциональна их удельному весу в населении. В истории России... революционные идеологии пользовались в еврейской среде особым успехом, и роль евреев в нашей революции была особенно велика. Проявляется ли эта активистская стратегия сейчас, во время нашей второй, антикоммунистической революции? Естественно, проявляется...»

При этом указывается на следующую закономерность. Во время «первого революционного цикла»:

«Большинство политически активных евреев выступило на стороне революции... одновременно устанавливающей тоталитарный строй...»

На мой взгляд, в очень смягченной форме... ту же логику в отношении большинства евреев мы видим и в 1989–1993 годах».

Автор объясняет это одной причиной: страхом «антисемитизма», хотя, как он подчеркивает, речь идет больше о «страхе», чем о каком-то реальном факторе жизни.

Еще в 1994 году В. Гусинский, уже упоминавшийся (например, в цитате из статьи «Еврейское счастье») как

представитель «ранней капиталистической элиты России», выступая по радио «Свобода», сказал:

«Мы финансировали весь политический спектр, который не занимает крайне радикальной фашистской или националистической позиции... Это наша страна, и мы не можем допустить, чтобы сюда пришли фашисты».

Поскольку «фашисты и националисты» в этих кругах означает тех, кто пытается заговорить о русских интересах или хотя бы естественных интересах государства (это подтверждает громадное число примеров), то по смыслу вышесказанного все остальные получают содержание от «ранней капиталистической элиты», огромную часть которой, по свидетельству все той же цитированной выше статьи, «составляют евреи».

Социолог Р. Рывкина в книге, посвященной специально положению евреев в России после «перестройки», пишет:

«Еврейская интеллигенция снова являет собой один из наиболее активных отрядов реформаторов – банкиров, руководителей новых общественных организаций, работников прессы и др.»

Хотя, к сожалению, здесь автор не приводит никаких конкретных данных, но предлагается некоторое объяснение этому явлению:

«...евреи конкурентоспособны для занятия мест в новых и наиболее сложных формах экономики – таких, как финансы, внешние экономические отношения, рынок ценных бумаг, компьютерный рынок и т. д.»

(Именно от социолога интересно было бы узнать – что значит «конкурентоспособность»: наследственные способности, лучшее социальное положение и т. д.?)

И при столь весомом влиянии на жизнь отношение еврейства к России трудно назвать симпатией. Так, Р. Рывкина приводит данные опроса среди евреев на тему: «В какой период русской истории вы предпочли бы жить?» Больше всего из респондентов ответило: «Вообще предпочел бы не жить в России». И уже гораздо меньше – при Горбачеве, при Брежневe и т. д.

Можно привести много аналогичных примеров. Но вывод уже ясен. Как в 1917 году «еврейство» как целое поддержало революцию, так и в революцию 1990-х годов оно оказалось на стороне «перестройки» и поддерживало то направление жизни, которое придало этому понятию существующий сейчас смысл. Конечно, далеко не все «демократы» были евреями (хотя число их и тех, кого Радзиховский относит к «еврейской сфере», было там очень велико и бросалось в глаза). Но в противоположном лагере «патриотов» евреев почти не было.

Об этом же говорит и Топоров в другой связи:

«Вторая еврейская революция (как и первая – в 1917-м) грозит обернуться трагедией – и для всей страны, и для торжествующего сиюминутную победу еврейства».

Как же произошел этот грандиозный переворот? Он начался с призывов, подкрашенных коммунистической риторикой: «ускорение», «больше социализма»... А кончился (всего через несколько лет) тем, что собственность богатейшего в мире государства ушла из его рук (сейчас оно владеет едва 10% богатства стра-

ны). Куда же ушло остальное? Распродано? Но государство нищее, оно не может содержать армию, народное образование, медицину, часто запаздывает выплачивать пенсии. Значит – в частные руки, по рецепту, который Березовский описал израильскому телевидению: «Появилась возможность перераспределять богатства стоимостью в миллиарды. Это было ничье! От одной росписи чиновника зависело, тебе ли это перейдет». А какими средствами добывалась «роспись чиновника», об этом есть целая мемуарная литература, но ведь не в деталях техники дело!

Почему же власть выпустила все это из рук: и богатства, и страну? Конечно, в таком кризисе сплеталось несколько факторов.

Прежде всего это изменение коммунистического общества, как-то почти мгновенно выродившегося. И особенно – его верхнего слоя. Совершенно пропал импульс борьбы за свою власть, сплоченность и способность к жертвам ради завоевания и удержания власти. Эти свойства господствовали в ленинском окружении (уж головой-то своей все они рисковали). Окружение Сталина еще об этом помнило. Но позже рулить страной стали люди, которым казалось, что власть у них «сама собой». А вот жертвы, которые надо ради нее приносить, воспринимались как нечто внешнее и необязательное. Прежде всего, безусловное подчинение, «монолитное единство», обеспечиваемое «данью кровью» – периодическими арестами и расстрелами. А, во-вторых, – раздражающее богатство страны. Оно было в их власти, – но только «по должности». Своего вольготного положения нельзя было формально передать детям, надо было идти на хитрости. А с крахом карьеры вообще все терялось. Возникало дразнящее чувство, что богатство «мое – и не мое», и мысли, как

бы его сделать своим попросту, хотя бы и отказавшись (частично) от власти. Такой центральный деятель этого переворота, как Гайдар, признает, что суть его можно выразить словами «деньги за власть».

Но как второй фактор нельзя не отметить то, что мощная сила еврейства теперь легла на противоположную чашу весов.

При том «разводе» еврейства и коммунистического строя, о котором сказано в гл. 13, и протекала «перестройка». Эти несколько лет, 1988–1991 годы, остаются и до сих пор скрытыми в некотором тумане. Главные решения принимались за кулисами. Кто решил выдать всю сферу влияния СССР («социалистический лагерь») Западу? Это не обсуждалось, несмотря на видимость нарождающейся демократии, а участники и до сих пор об этом помалкивают, разрешение вывозить за границу нефть (или ее продукты) и продавать там по ценам, несоизмеримым с внутренними в СССР, открыло дорогу разграблению страны. Кто его дал, под каким давлением? Ведь у власти находились люди, выросшие, работая в области экономики, они не могли не понимать, что они делают. Не говоря уж о решении «распустить» СССР, не подумав о границах, о живущих за ними людях.

Но и за этим туманом можно разглядеть некоторые реалии. Весь этот экономически-политический переворот был произведен быстро – за 2–3 года. Важно было, чтобы основная масса народа не успела осознать, что же происходит: что их сбережения исчезнут, пенсии сократятся, как шагреновая кожа, что учителя и инженеры превратятся в «челноков», офицеры будут уволены. Всю систему тогдашних реформ один из их главных организаторов назвал «операцией, проводившейся под наркозом, без согласия больного».

Роль этого «наркоза» играли средства информации. В качестве яркого примера я приведу радиостанцию «Свобода». Ее передачи начинались с объявления, что она финансируется конгрессом США. После распада советского блока конгресс США обсуждал вопрос, не закрыть ли радиостанцию «в связи с окончанием холодной войны», т. е. не было сомнений, что она создана как орудие «холодной войны». А после начала «перестройки» глушение прекратилось, и радиостанцию можно было слушать в любой точке СССР, 24 часа в сутки. И она вмешивалась в нашу жизнь, была орудием определенной политики. Как принципиальный тезис было провозглашено, что цель «перестройки» – «мутация русского народного духа». Постоянно разъяснялась порочность русской истории, русской культуры. Грубейшая брань изливалась на русских писателей: Астафьева, Белова, Распутина, термины «мракобес» или «взбесившийся» были из самых сдержанных. И пропагандировался сепаратизм любого толка: прибалтийский, украинский, даже сибирский.

Кто же были люди, готовившие этот материал? Мне попался в руки список ведущих передачи (редакторов) эпохи начала «перестройки». Из 20 человек не менее половины занимают еврейские фамилии: Ройтман, Левин, Хенкин и т. д. Когда радиостанция была организована, там работало много эмигрантов «второй волны». Потом группа эмигрантов эпохи поощрения эмиграции из СССР, направившаяся вместо Израиля в Европу, подняла шум, обвиняя этих русских сотрудников в «антисемитизме». Они добились перевода русских сотрудников на второстепенные посты и заняли их места. Тогда к списку руководящих работников прибавилось еще несколько еврейских фамилий: Хенкина, Тольц, Матусевичи, исчезли: Красовский (русский) и Гарсиа (итальянец). К концу

80-х годов, как сообщает работавший там М. В. Назаров, из 23 руководителей русской редакции русскими были 4 или 5. Позже та же группа сотрудников объявила «анти-семитской» передачу по книге Солженицына, так как там было сказано, что убийца Столыпина Богров – еврей. Редактор должен был оправдываться, доказывать, что он сам – еврей... Но все это уже не было изолированным от России явлением, редакция «Свободы» переплеталась с советскими и российскими СМИ. Многие называвшиеся на «Свободе» фамилии появились потом у нас: Марк Дейч, Вадим Белоцерковский, Савик Шустер...

Позже еще большей силой стало телевидение. «Приватизация» происходила и там: большая часть ушла из управления государства, а как результат, руководителями трех (из шести) каналов Центрального телевидения стали евреи. В народе его называют «кошеровое телевидение» или «Тель-Авидение». Наиболее яркий пример такого канала – это канал НТВ. Его владелец Гусинский стал одновременно председателем Российского еврейского конгресса, владельцем газеты «Сегодня» и радиостанции «Эхо Москвы», его обычно и называют «медиа-магнатом». Канал НТВ долго играл особенную роль.

Например, в первую чеченскую кампанию все телевидение было враждебно настроено к русским войскам и внушало симпатию к отрядам Дудаева. Но на НТВ это было заметно особенно, постоянными были передачи из дудаевской Чечни. Введение войск в Чечню объявлялось и неконституционным, и нарушающим права человека. Но такие возражения не возникали, когда в 1993 году из танков расстреливался парламент России.

Неизменно враждебен был канал союзу России с Беларуссией и президенту Беларуссии – Лукашенко (даже больше, чем остальное телевидение).

Явно болезненными для русского сознания были порнографические публикации, заполнившие в тот период (да заполняющие и до сих пор) российские СМИ. Болезненными, так как исторически русское сознание эти темы отталкивало. С момента возникновения письменной литературы у нас не было ничего аналогичного ни любовной лирике менестрелей, ни «Тристану и Изольде». Все любовные мотивы в древнерусской литературе сводятся, кажется, к «Плачу Ярославны». Такой слом национальных стереотипов был, несомненно, одним из факторов разрушения национального сознания. И тут канал был впереди – с постоянной программой на эту тему.

Ярким эпизодом был показ по этому каналу в 1997 году фильма «Последнее искушение Христа». Я видел раньше кассету с этим фильмом. Он казался мне сознательно отвратительным: там есть, например, постельные сцены с участием Марии Магдалины и Христа (даже если интерпретировать это как «видения распятого»...). На многочисленные протесты они отвечали: «Нам никто не может запретить показывать то, что мы хотим». Это, как оказалось, совершенно верно. Но интереснее вопрос, *зачем* им нужно было такой фильм показывать? Ведь они не могут показать все фильмы, какие-то выбирают. И, к сожалению, ответ довольно ясен. Сначала фильм предполагалось показать именно на православную Пасху. То есть подразумевалось сознательное оскорбление религиозного чувства православных. Был официальный протест Патриарха – кто как не он имеет право выступать от имени православных? Но и шире – вся русская культура и история основана на Православии. Ведь, прощаясь с погибшими на Куликовом поле, Дмитрий Донской сказал:

«Положили вы головы свои за святыя церкви, за землю Русскую и за веру христианскую».

Эти категории сливались. Так что это действие НТВ было направлено против всех русских. И при том, что владелец канала занимает столь высокое положение в официальной еврейской иерархии, что главный режиссер канала – Файфман. Казалось бы, мы далеко ушли от Средневековья, когда дикая толпа обвиняла евреев в кощунственных по отношению к христианству действиях. Зачем же искусственно вновь создавать почву для таких чувств?

Сейчас считается, что канал притесняется и это даже нарушает «свободу слова в России». Но свелось это притеснение к тому, что Гусинский живет где-то за границей, а сотрудники НТВ разделились на две части и теперь вещают по двум каналам.

Но вернемся к началу «перестройки». Тогда в средствах информации кипела идеологическая борьба. С одной стороны, борьба против «сталинизма» или «командной системы». Считалось это очень смелым, хотя тогда уже ничем не грозило. Как видится ретроспективно, непосредственным врагом «демократической прессы» было тогда государство, хоть и ослабевшее, но стоявшее на пути «приватизации» (хотя, может быть, никаких четких планов и не было). Но, с другой стороны, чувствовалась какая-то душевная связь всех этих журналистов с эпохой 20-х годов, с «комиссарами в пыльных шлемах», как они писали. Поэтому «линией боя» был объявлен 1937 год; о его ужасах писали с каким-то сладострастием, а всю предшествующую эпоху защищали, чуть ли не бросаясь под танки (фигурально, разумеется). Как тогда писали: «На дворе двадцатые годы. Не с начала, так с конца». И защищали

их: «Для чего надо уравнивать преступность и безнравственность Сталина с безвыходностью революционеров?» Вот, оказывается, как надо понимать ЧК!

В этой атмосфере появился очень сильно разрекламированный роман Рыбакова «Дети Арбата» – как раз о тяжелой участи в 34–38 годах детей коммунистической верхушки, поселившейся на Арбате (откуда и название). Роман, сейчас совсем забытый, был тогда использован как рычаг для поворота массового сознания, широко поддержан обычным приемом: «впервые сказанная, замалчивавшаяся правда». В нем отражается и интересующая нас тема – еврейское участие в происходившем процессе. Вопрос сразу ставится радикально. Например, автор, Анатолий Наумович Рыбаков, описывает, как два героя – один Борис Соловейчик, другой Саша (видимо, полукровка) – сталкиваются с человеком, в терминологии 20-х годов, «из бывших» (да всего лишь бывшим поваром высокого класса), Антоном Степановичем. Они заговаривают о возвращении домой из ссылки, где находились. Дальше – такая сцена:

«– Домой? – Антон Степанович с ненавистью посмотрел на Бориса. – Где он, дом-то? В вашем Бердичеве? (...)

– А ну, чеши отсюда, мать твою через семь гробов в мертвый глаз! – сказал Саша.

– Нет! – Борис встал, подошел к двери, накинул крючок.

– Вы чего, ребята? – беспокожно забормотал Антон Степанович. – Я ведь в шутку.

– Последний раз шутил, стерва, – усмехнулся Саша.

Борис навалился на Антона Степановича, прижал голову к стене.

– Ребята, пустите, – хрипел Антон Степанович, выкатывая дрянные белесые глаза.

– Не до конца его, Боря, на мою долю оставьте, – сказал Саша.

Эта одутловатая морда была ему противна! Падаль! Задумал над ними издеваться. Гад! Рванина! (...)»

Слова старика, нет спора, были хамские. Но реакция была символичной, совсем в духе закона 1918 года об антисемитизме – «ставить вне закона».

Не успел отшуметь гул по поводу «Детей Арбата», как появилась новая сенсация – повесть Гроссмана «Все течет». Гроссман был одним из виднейших пропагандистов коммунистической эпохи, начиная еще со сталинских времен, такого же масштаба, как Эренбург. Еврейская тема тоже играла роль в его жизни. Например, первый опубликованный им рассказ «В городе Бердичеве» отражал ее очень ярко. А рассказ «Треблинский ад» даже распространялся на Нюренбергском процессе. С другой стороны, он подписал письмо Сталину, требующее самой суровой кары «врачам-убийцам», хотя «процесс врачей» еврейством, в основном, воспринимался как проявление «государственного антисемитизма». Повесть «Все течет» была написана в начале 60-х гг., закончена незадолго до смерти автора (1964 г.), хранилась в тайне и стала известна сначала в Самиздате. С победой «перестройки» она была опубликована официально и, вместе с романом Гроссмана «Жизнь и судьба», внедрена средствами информации в общее сознание как новое откровение, «снятие запретов». Повесть, действительно, поразительная. Там очень четко излагается новое понимание русской истории, собственно, даже России (автор говорит о «русской душе»), как проявлении принципа «вечного рабства». Причем это относится уже

не к какому-то периоду («сталинизм») или социальному слою, автор видит осуществление такого принципа во всей истории («тысячелетняя раба») и даже в русской душе («рабской») и вообще – «реторта рабства».

В некотором смысле эта повесть выражала квинт-эссенцию одного настроения, распространенного в те годы. Стремление побыстрее осуществить тогдашние реформы сопровождалось страхом, что этому воспрепятствует некоторая сила, которая суммарно воспринималась как «русский национализм». Подавлению опасного «русского национализма» служила и концепция «русской души – вечной рабы», и ходкий в те годы термин «имперские амбиции». Одно время расплывчатый образ «врага перестройки» – «русского национализма» – конкретизировался в образе общества «Память». По этому поводу по всему миру была развернута кампания, вполне сопоставимая по масштабу с кампанией вокруг «Дела Дрейфуса» или «Дела Бейлиса». Об угрозе, исходящей от общества «Память», писали и коммунистические газеты, и американские. Даже Европейский парламент принял постановление, требующее запрещения этого общества. Сейчас с тех пор прошло 11–12 лет, и видно, что «Память» никак себя не проявила, ни в чем не повлияла на нашу жизнь. То есть вся эта мировая кампания отражала, как сейчас говорят, «виртуальную реальность». Но и шире – весь мир был взбудоражен страхами, что из России ему грозит «русский национализм» и «антисемитизм». Газета «Вашингтон пост» опубликовала статью «Гласность делает слышными голоса антисемитов». Советский академик (ныне покойный) Гольданский напечатал в той же газете статью «Антисемитизм: возвращение русского кошмара» (русский перевод был опубликован в «Советской России»), где сообщает американскому читателю, что в нашей

стране «процветают» некие «монархо-фашисты», которые «стремятся закончить то, что начал Гитлер». В качестве единственного примера он приводит потасовку, произошедшую в Доме литератора в Москве. Этот «инцидент в ЦДЛ» тогда обошел всю демократическую прессу, хотя все его жертвы были чьи-то разбитые очки. (Точнее говоря, одна человеческая жертва была, но как раз со стороны «Памяти»: Смирнов-Осташвили был арестован, осужден на несколько лет и «найден повесившимся в камере» за несколько месяцев до выхода на свободу.) И в то же время русских совершенно реально убивали при погромах в Душанбе или в Туве. Но группа демократических общественных деятелей взволнованно требовала восстановления «закона против антисемитизма» (как в 1918 г.).

Тут была видна очень сложная связь этих двух «фобий» – «русского национализма» и «антисемитизма». Когда в Кишиневе происходили демонстрации с чудовищными лозунгами: «Утопим русских в еврейской крови» – демократическая пресса не была обеспокоена. Когда в Прибалтике на парадах маршировали части ветеранов СС – это ее тоже не волновало. Видимо, речь шла вовсе не об отражении реальных интересов или чувств основной массы евреев, тем более тех трех миллионов «в еврейской сфере», которых насчитал Радзиховский. Наоборот, их интересы грубо попирались ради стремления к власти и богатствам небольшого слоя – вспоминаются отношения «патрициев» и «плебеев» в кагале, о которых говорит Брафман. В частности, подогревавшиеся слухи о грядущих еврейских погромах вызвали усиление эмиграции именно из этого широкого круга людей, имевших много связей с нашей жизнью. Они болезненно рвали эти связи, уезжали, гонимые страхом, «спасая детей».

Теперь уж видно, что никакой реальной «угрозы погромов» не было и в помине. Помню, в те годы со мной пожелал встретиться один приехавший в Москву раввин из Иерусалима. Зашла речь и о страхе погромов. Скептически улыбаясь, он сказал, что никак не берется оценить обоснованность этих страхов. Но, заверял он, чувство страха – очень реальное.

Конечно, это нагнетание страха облекалось в форму поисков «антисемитизма», что продолжается и до сих пор. Так, Р. Рывкина утверждает «антисемитизм» как вечную особенность народов России:

«Стало ясно: антисемитизм в России (речь идет об антисемитизме политических группировок) инвариантен всем ее политическим режимам: он сохраняется независимо от того, какая именно власть устанавливается в стране» (т. е. у власти Ленин, Горбачев, Ельцин – все равно «антисемитизм?»).

Хотя что же этот страшный термин значит, по-прежнему остается неясным. Сама исследовательница различает *четыре* его вида. Который же из четырех имеют в виду, когда кого-то в этом обвиняют?

Да и в книге приведены данные опроса среди евреев об «антисемитизме», причем на вопрос, существует ли он, ответ был практически единогласно положительный, а вот что с ним столкнулся в конкретной форме сам респондент или член его семьи – положительно ответило в два раза меньшее число. И когда приводятся приведенные примеры «антиеврейской пропаганды», то мы встречаем «интерес телевидения к национальной принадлежности активных политиков», «национальный привкус в уголовных делах, например, Якубовского или Вейнберга», и даже «отношение к Боровому».

Когда состоялся тот разговор с Березовским, о котором рассказывает Тополь, то первый, на вопрос о воз-

можном холокосте в России, ответил: «Это исключено! ...Это проверено научно!» Думаю, что про себя вожаки это знали все время. Пусть были покалечены тысячи жизней. Но зато по всему миру был укреплен облик русских погромщиков, России – чреватой погромами. А власть, обуздывающую новыми реформами такую страну, Запад готов был поддержать, махнув рукой на все каноны демократии.

Вероятно, подобное поношение русских имело и другие цели (или было прорывом иррациональных эмоций). Продолжалось оно все время – и продолжается до сих пор. То телевидение показывает свинью, про которую говорят, что это – Россия с ее неизлечимыми комплексами; потом ее моют в тазике, убивают и куски мяса раздают смеющимся участникам представления. То газеты обходит фотография, где человек заглядывает под хвост муляжа коровы. Подпись: «Путешествие в глубь России». Это с показа галереи Марата Гельмана. (Я впервые увидел это произведение в журнале «Итоги». Оно сохранилось у меня в воспроизведении газеты «Завтра».) Потом заявление, что русские уже много столетий – это больной, «который ходит под себя», или что русским место в тюремной камере, причем «у парашаи». Рассуждения о том, что русская история идет вечно по какому-то порочному кругу, что Россия опасна для мира, как атомная бомба.

Вот из недавнего. В Интернете за 2001 год – сообщение о новой выставке художника Максима Кантора:

«Речь идет о России, которую Кантор трактует как некую мировую черную дыру: уродливая клякса на карте мира, самопоглощающий пустырь. Населенный множеством обитателей: кривые, корявые, прячущие лица в складках жира...»

И т. д. – полторы полные страницы такого текста. В конце автор рецензии сочувствует художнику, обличающему «кривоногих ублюдков. Они все равно ничего не поймут».

20 лет назад я написал для Самиздата работу «Русофобия», где по статьям сейчас уже забытых авторов в Самиздате или в новой эмиграции, как археолог по косточкам, восстанавливал это странное явление отворачивания и ненависти к русским, охватывавшее людей, проводивших большую часть жизни в России. И вот уже больше 10 лет с ужасом вижу, как это демоническое чудовище лязгает зубами со страниц газет, с экранов телевизоров. Из пропаганды дух русофобии перетек во внешнюю политику. С каким-то сладострастием наше правительство отталкивало те части русского народа и другие народы, которые стремились не оторваться от России, готовы были платить за это кровью: в Крыму, Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии. Начало было заложено при старательном министре иностранных дел Козыреве (потом – члене Президиума Российского еврейского конгресса), но продолжается и до наших дней, хотя бы последней сдачей Приднестровья.

Какова же сейчас позиция еврейства в России? Об этом имеется содержательная книга А. Севастьянова «Чего от нас хотят евреи». Именно по этому вопросу в книге собран большой фактический материал, приводящий автора к цельной точке зрения (хотя некоторые суждения книги мне кажутся менее обоснованными, продиктованными эмоциями или какими-то другими переживаниями).

Прежде всего, автор отмечает, что эпоха, когда основной целью организованного еврейства считался отъезд в Израиль или США, кончилась. Я сам помню, как более 19 лет назад мне было адресовано «Открытое

письмо», в котором автор лирично замечал, что «для наших народов настала пора расставания». И таково было распространенное ощущение в еврейских кругах.

Теперь же положение резко изменилось. «Расставание» настало для писавшего мне автора (он поселился в США), но не для «наших народов». Севастьянов сообщает о секретном соглашении между США, Израилем и СССР (еще в 1989 г.), по которому выезд евреев в США резко сокращался. Об этом говорится в «Меморандуме об эмиграции советских евреев», составленном Международным комитетом «За открытые границы», который содержится в недоступном мне сборнике. С выездом в Израиль ситуация подтверждается более общедоступными источниками. «Еврейская газета» не раз сообщала о растущем отрицательном отношении к приехавшим в Израиль из СССР-России евреям. Так, директор канцелярии премьера Либерман сказал:

«Я уже не раз говорил, что в нашем обществе проявляется дискриминация в отношении репатриантов из бывшего Союза. Сложилась ситуация, когда каждый русскоязычный бизнесмен зачастую рассматривается как член русской мафии, любая симпатичная женщина, которая хорошо одевается, считается проституткой, про каждого второго инженера говорят, что его диплом куплен, а каждого третьего репатрианта подозревают в том, что он агент КГБ».

Более конкретно опрос общественного мнения, опубликованный в «Еврейской газете», утверждает:

«34% израильтян заявляют: “Алия из стран бывшего СССР пугает меня”. 63% граждан страны категорически против организации новых волн массовой

эмиграции из СНГ. 80% общественности: “Новые репатрианты соперничают с израильянами на рынке заработной платы” (...) Ассоциации в отношении новых репатриантов из бывшего СССР: паразиты (25%), наркоманы/проститутки (19%).

Отдел «по борьбе с особо тяжелыми преступлениями» израильской полиции решено переименовать в «отдел по борьбе с русской мафией и организованной преступностью».

Я помню, что лет 15–20 тому назад меня поражало, что любая просьба о вызове в Израиль (даже по аргументам вроде: «у меня была, теперь умершая, еврейская тетя») немедленно удовлетворялась. Зачем нужна была властям Израйля эмиграция из СССР таких людей? Зато сейчас введены новые правила для вызова даже туристов из стран СНГ. Более того, по сообщениям «Еврейской газеты», в последние дни в прессе публикуются новые требования религиозных партий, касающиеся, между прочим, и таких изменений, которые могут предотвратить эмиграцию в Израиль неевреев – членов семей евреев.

И эмиграция, естественно, идет на убыль. Р. Рывкина пишет: «С 1992 года эмигрантский бум... начал уходить в прошлое». Она сообщает, что среднегодовое количество получивших разрешение на эмиграцию упало вдвое.

С другой стороны, Севастьянов приводит ряд фактов о систематическом укреплении еврейских общин в Европе. Так, согласно «Еврейской газете»:

«По соглашению с еврейской общиной после распада СССР в 1991 году Бонн разрешил большому числу еврейских беженцев из бывшего Союза поселиться в Германии. Эти мигранты получают жилье, денежную по-

мощь, проходят бесплатные курсы изучения немецкого языка. Они также могут при желании получить немецкое гражданство... еврейское население Германии удвоилось, достигнув шестидесяти тысяч».

И по данным Р. Рывкиной после 1992 года подавляющая часть эмигрирующих евреев едет в Германию (70–80%) и несравненно меньше в Израиль и США.

О другой стране, по словам директора отдела СНГ Еврейского агентства для Израиля:

«Еврейская община Венгрии – это, по нашим оценкам, от 80 до 150 тысяч человек... Мы преподаем им иврит, знакомим с древней и современной историей еврейского народа, организуем еврейские лагеря, поддерживаем еврейские школы, готовим еврейских учителей... В Венгрии действуют ныне десятки еврейских организаций, которые охватывают от 80 до 130 тыс. евреев, живущих в стране».

На этом фоне становится понятным изменение позиции еврейской общины России. Так, руководитель московского бюро Еврейского агентства говорит:

«Существует крайний подход, что все евреи должны вернуться в Израиль, существует и значительно более умеренный...

Еврейский народ очень обеспокоен ассимиляцией или, если хотите, исчезновением. Это одна из насущных проблем. В ее решении Израиль больше помогает самой диаспоре».

Формулируются новые цели Еврейского агентства для Израиля: «Укрепление связи между диаспорой и Израилем, развитие еврейского образования...»

Глава отдела репатриации и абсорбции Еврейского агентства заверяет, что его сотрудники «сделают все возможное, чтобы в 1996 году репатриация евреев осталась, по крайней мере, на прежнем уровне», но выражает уверенность, что «каждый еврей, его дети и внуки, даже если они не репатрируются в Израиль, останутся евреями». А на той же конференции А. М. Мордухович:

«Пора говорить о конкретных действиях. Нам не хватает общения. Надо помнить, что это наш город – Москва».

Эмиграция евреев из СССР-России в Израиль, составлявшая в начале 1990-х годов 300 тыс. человек в год, упала в 1996 г. до 60 тыс. Но зато был создан Российский еврейский конгресс (РЕК) – российский филиал Всемирного еврейского конгресса. Автор «Еврейской газеты» формулировал:

«Перед РЕК стоят три основные задачи.

- Первая заключается в том, чтобы открыто заявить на весь мир, что они – евреи и готовы признать себя частью еврейской общины.*
- Вторая задача – собрать основную часть еврейского населения России под сенью объединенной еврейской общины.*
- Третья цель – добиться того, чтобы состоятельные евреи взяли на себя труд помогать еврейским организациям».*

Другой автор в той же газете:

«РЕК – это, с моей точки зрения, переходный период в формировании еврейской общины России. Завершился период активности, основывавшийся на эн-

тузиазме и дилетантстве, и наступил период больших конкретных программ, период объединения российского еврейства, интеллектуального, религиозного, промышленного и финансового».

Описав резкий поворот настроений российского еврейства от всеобщей увлеченности эмиграцией к обустройству в России, Севастьянов приводит и аргумент, объясняющий неизбежность такого поворота. Мы уже приводили свидетельства еврейских авторов о богатствах, оказавшихся в руках еврейских «бизнесменов» в результате «перестройки». И если в некоторых случаях эти богатства имели форму счетов в западных банках, то в других – иной характер. Например, из статьи в газете «Известия»:

«Настало время объяснить, кто такой Борис Березовский и почему его слово в решении программных вопросов (на телевизионном канале ОРТ) последнее и часто единственное. В уставных документах он фигурирует как член совета “Объединенного банка” и заместитель председателя Совета директоров ОРТ. Одновременно Березовский является главой АО “ЛогоВАЗ”, и хотя в Совете директоров ОРТ эту коммерческую структуру представляет другой человек, фактически Борису Березовскому принадлежит 8% акций “Объединенного банка” и 8% акций “ЛогоВАЗа” в уставном капитале Общественного российского ТВ. То есть 16 процентов, тогда как у остальных “частников” – от 3 до 5».

Или из «Еврейской газеты»:

«Леонид Рейтман подробно рассказал о том, как развивается его бизнес и каких масштабов он достиг: “Я владею целым кварталом – площадью 17 тысяч квадратных

метров – в районе метро “Таганка” в Москве, – говорит он. – Сдаю эти дома в аренду – и получаю прибыль. Цена на эту недвижимость растет с каждым годом”».

И ряд других примеров таких богатств, которые невозможно увезти с собой. Из числа еврейских «олигархов», которые упоминались выше, за последние годы некоторые оттеснены (в той или иной степени) от плодов «перестройки», но зато появились другие: Абрамович, Мамут... так что картина остается прежней.

И тогда же «Комсомольская правда» опубликовала список «самых богатых людей России» и размеры их состояний (в миллиардах долларов):

Ходорковский	3,7
Абрамович	3,0
Фридман	2,2
Потанин	1,8
Богданов	1,6
Алекперов	1,4
Дерипаска	1,1

(причем сумма капиталов первых трех заметно превосходит оставшихся четырех). А ведь тут перечисляются только «верхи», за которыми скрываются массы «бизнесменов» среднего и мелкого уровня. Поэтому вывод Севастьянова представляется хорошо обоснованным и справедливым также и два года спустя после публикации его работы. Он формулирует «цель» (доминирующую тенденцию) еврейства в России как «двуединую»:

«...интеграция евреев в российское общество и российский истеблишмент при сохранении полноценной национальной идентичности».

Эта интеграция связана с громадным усилением влияния российского еврейства. Ситуация становится сопоставимой с той, которая была в России в 1920-е годы. Можно видеть, что проявляются тенденции отстаивать это влияние столь же решительно, как и тогда. Например, помню, что страшный расстрел 1993 года застал меня в Японии (по приглашению тамошних математиков). События свалились, как снег на голову. Телевизор показывал расстреливаемое, горящее здание, но что он говорил – по-японски – было непонятно. Можно было достать американские газеты, но веры им совсем не было. Первая газета на русском языке, наконец появившаяся, был «Московский комсомолец». И в воспоминания врезалось два суждения:

«Они хотели русского порядка, они его получат».
(Хинштейн)

«...поддерживаю однозначно. На наших глазах гулял русский фашизм». (Гусман)

И известны во множестве заявления того же типа: как правилен был расстрел, какое наслаждение вызвало это зрелище, что на этом не следует останавливаться...

Благодаря глухому, неорганизованному сопротивлению народа все еще не восстановлен закон 1918 года: «ставить вне закона...». Но соответствующее настроение явно есть.

В очень возбужденной статье профессор университета Бар-Илан в Израиле, Элиезер Воронель-Давечич, пишет:

«Сегодня многие убеждены, что Россией правят евреи. Я так не считаю. Россией правят самые обыкновенные подонки, национальность которых в данном

случае не важна. К несчастью, всплывшие на поверхность страшные фигуры обладают соответствующими фамилиями. Но для меня... речь идет о другом – о корабле, который они захватили».

Топоров замечает:

«У нас не то чтобы вызревал новый государственный антисемитизм (чего нет, того нет), но создается для него все более и более благоприятная почва. И создается она, прежде всего, самими евреями – преуспевающими, раскрученными (на современном жаргоне это значит рекламируемыми. – И. Ш.), торжествующими, но отказавшимися от какой бы то ни было рефлексии по поводу национальной (она же в данном случае мафиозная) природы своего успеха; более того, возбуждающим подобную рефлексию всем остальным...»

Однако попытка добиться симметрии (отчасти принятая в предыдущих строках) неизбежно срывается: юдофилы и юдофобы еще кое-как уравнивают друг друга, но реакция самих евреев на обсуждение деликатной и мучительной проблемы – реакция неизменно неадекватная – искажает картину...»

Реакция, в самом деле, загадочная. Возможно, существует некоторый глубинный комплекс, связанный со средневековыми истреблениями и подкрепленный Гитлером, который в начале перестройки, при наступившем ослаблении власти вызывал иррациональные страхи. Но за 10 с лишком лет вполне можно было бы понять их эфемерность (особенно при рациональном еврейском уме). А тот же академик Гольданский более чем через 10 лет после первой статьи написал другую (на этот раз адресуясь не к американским, а к российским читателям), где повторял:

«На исходе XX века наиболее пострадавшая от гитлеровцев страна стала главным средоточием нацистской идеологии...»

Этого уж не объяснишь иррациональными комплексами. Да и я тогда в связи с появлением в печати «Русофобии» получал такие драматические письма... Один человек писал, что реальность грядущих погромов не может быть оспорена, и спрашивал, что я «в таком случае» скажу? Другой (женщина) спрашивал: «Как сможете Вы жить на свете, Игорь Ростиславович, если на Вашей совести окажется кровь невинных?» С тех пор прошло около 15 лет! Хотя бы извинился кто-либо из них? Не слышно. Но продолжим Топорова:

«...Особенно это стало заметно в последние годы, когда препоны негласного государственного антисемитизма пали, а за деньги стало возможно купить все, что угодно. В том числе и хасидский праздник в Кремле. В том числе и эфирное время, а затем – и само телевидение. Оскорбительное словечко “Тель-Авидение” появилось не на пустом месте».

Действительно, тоталитарное единообразие наших средств информации в этом вопросе показывает хотя бы их реакция на недавно (весна 2002 г.) прокатившуюся по Европе волну протестов против действий израильских властей в происходящей сейчас израильско-арабской войне. Толпы на улицах европейских городов сжигают американский и израильский флаги. Ученые призывают к научному и культурному бойкоту Израиля, призыв подписали многие сотни ученых. Ряд ученых, живущих в США, возражали.

Протест против действий Израиля на оккупированных арабских территориях опубликовала генеральный секретарь Эмнести Интернэшнл Ирена Хан. Эмнести Интернэшнл открыла специальный сайт в Интернете, посвященный этой проблеме.

В одном из самых распространенных американских журналов – «Тайм» – автор статьи спрашивает:

«Почему американцы и европейцы так по-разному относятся к положению на Ближнем Востоке?» – и предлагает ответ, который можно было предсказать: «Прежде всего потому, что тень и позор Холокоста исходит из прошлого и налагает свою холодную руку на наше современное понимание мира».

Безусловно, одновременно арабские организации совершают кровавые террористические акты в Израиле. Я совершенно не компетентен судить о всем вопросе, однако несомненно, что это важнейшие «новости». И в то же время лично я не встретил ни одного упоминания об этом в наших средствах информации, и ни один из тех, кого я спрашивал, тоже ничего не слышал.

В романе «1984» Орвелла рассказывается, как проявившие политическую неблагонадежность люди вычеркиваются из истории, называются «неличностями» (nonpersons). И все эти события, волнующие Европу, у нас сделаны «несобытиями».

Глава 16

Еврейские таланты

Последние главы дали, быть может, представление о фантастическом росте влияния еврейства в мире. За

какие-нибудь 200–300 лет из обитателей местечек, скованных своими кагалами, евреи превратились в самую влиятельную группу современного мира: в хозяев международных финансов, экономики, да и человеческих душ (через средства информации). Случай в истории почти беспрецедентный. Собственно, мне приходит в голову только одно похожее явление: распространение греческого влияния в эпоху эллинизма, начиная с войн Александра Македонского и до римского завоевания. Территориально этот процесс охватывал не «весь мир», но, для того времени, сопоставимое пространство: от западной Индии на Востоке до Сицилии и Южной Италии на Западе. И весь процесс тогда был еще быстрее: от IV до III в. до Р. Х. Ясны и причины такого взрывообразного распространения греческого влияния: греки несли с собой совершенно своеобразную, обаятельную, притягательную культуру. Вместе с ними распространялась «греческая образованность». Так что непосредственная причина эллинизма довольно очевидна: она лежит в необычайном творческом потенциале, которым обладали греки. Ведь за несколько веков они создали: и основные концепции естествознания, науки, которыми мы живем до сих пор; и греческую литературу – от Гомера до классической трагедии; и греческую скульптуру; и архитектуру. В греческом обществе возникла и достигла полного расцвета демократия со всеми ее достоинствами и пороками.

Не являемся ли мы свидетелями аналогичного «еврейского эллинизма»? Некоторые внешние отличия бросаются в глаза. Например, в эпоху эллинизма греческое влияние было связано с распространением греческого языка, а сейчас мы не наблюдаем никакого проникновения еврейского языка в нееврейскую среду. Но все же, может быть, принципиальная причина

аналогична? Быть может, основная причина еврейского влияния – в большом творческом потенциале евреев, в еврейской талантливости? Такая точка зрения часто высказывается. Например, Розанов рассказывает, что поэт Минский сказал ему: «Конечно, евреи способнее русских и желают сидеть в передних рядах кресел». Приводятся имена евреев-корифеев современной науки: Маркса, Фрейда, Эйнштейна. И «современная музыка» началась с Шенберга и Альбана Берга. Первую консерваторию в мире создал Мендельсон-Бартольди. У нас, в России, первые консерватории были организованы: в Петербурге – Антоном Рубинштейном и в Москве – Николаем Рубинштейном. В литературе новые направления пошли от Гейне и Кафки. И множество подобных примеров.

Этот аргумент следует разобрать. И, прежде всего, начать с наиболее знаменитых фигур: Маркса, Фрейда, Эйнштейна. Когда-то был даже такой анекдот (вероятно, возникший в еврейской среде) – «о трех великих евреях».

Влияние Маркса на человеческие умы было очень сильно, но непродолжительно. Началось оно уже после его смерти, а за последние десятилетия резко упало, и, видимо, надолго или навсегда. Я еще помню время, когда учение Маркса в нашей стране внедрялось силой власти, но и на Западе почти вся интеллигенция в той или иной форме его принимала. Можно было высказывать свое несогласие, но со множеством оговорок («я, конечно, не отрицаю глубину этих идей и фундаментальность их научного обоснования...»). Только редкие люди, уже получившие признание раньше, рисковали высказывать «безоговорочное несогласие» (примеры будут приведены позже). Но я неоднократно убеждался, что как в социалистическом лагере, так

и вне его приверженность марксизму основывалась не на знакомстве с работами Маркса, особенно политэкономическими. Влияние Маркса имело совсем другой источник. В речи, произнесенной на его похоронах, Энгельс сказал: «Маркс, прежде всего, был революционером». То есть основным стимулом его жизни было свержение, разрушение существовавшего тогда жизненного уклада. Эта точка зрения подробно аргументирована в книге Зомбарта. Он доказывает, что как реализация этого импульса, его следствие возникла и концепция диктатуры пролетариата, и пролетарская революция, и классовая борьба, и прибавочная стоимость, и политэкономические работы. Да это отчетливо видно и из переписки Маркса и Энгельса. Из нее видно, что необходимость теоретического обоснования, оформленного как научное исследование, вытекала из логики революционной борьбы. Так, еще в октябре 1844 года Энгельс пишет Марксу:

«Наши люди... очень деятельны, но чувствуется недостаток в надлежащей опоре. Пока наши принципы не будут развиты – в двух-трех книгах – и не будут выведены логически и исторически из предшествующего мировоззрения и предшествующей истории как их необходимое продолжение, вся работа останется половинчатой...»

26 ноября 1847 года он призывает Маркса «наказать Луи Блана»:

«...покажи ему на деле, насколько мы выше его (...). Теоретическая сторона до сих пор, к сожалению, составляет единственную нашу силу, но для этих поборников “социальной науки”, “закона достаточного производства” и т. д. это имеет большое значение».

Наконец, 31 января 1869 года:

«...для того чтобы поддержать, вопреки Фогту и компании, свой престиж у публики, нам нужно выступить с научными произведениями... Будь хоть раз менее добросовестен по отношению к своей собственной работе; для этой паршивой публики она все еще слишком хороша. Главное, чтобы вещь была написана и вышла в свет, а слабые стороны, которые тебе бросаются в глаза, ослы не заметят».

И только в 1860-е годы Маркс начинает создавать этот теоретический фундамент революционной деятельности (после предварительного эскиза в 1859 г. — «Критики политической экономики»). Он начинает работать над «Капиталом». И 18 июня 1862 года пишет Энгельсу:

«Я сильно увеличиваю этот том, так как немецкие собаки измеряют ценность книги ее объемом».

То есть Маркс и Энгельс очень верно почувствовали, что тогдашняя революционная работа получит мощный импульс, если ей дать «научное основание». В то время ссылка на авторитет науки имела просто завораживающую силу. Это чувствовали и предшественники Маркса и Энгельса — Сен-Симон и Фурье, но эту «научную основу» создавали очень наивно. Например, Сен-Симон утверждал, что он открыл в обществе «закон тяготения», аналогичный ньютоновскому; Фурье говорил о закономерностях, аналогичных «эллипсу, гиперболе и параболе». Но ни тот, ни другой не могли сказать, в чем же эти «законы» состоят. Маркс гораздо удачнее имитировал научный стиль. Такая на-

укообразность производила потрясающее впечатление, как видно по воспоминаниям тогдашних революционеров (например, Веры Засулич).

Маркс стремился завершить свои политэкономические сочинения, так как они должны были составить научный фундамент будущей революционной деятельности. И казалось, что волна революции все растет. Парижская коммуна вызвала новый взлет надежд Маркса и Энгельса. Но и здесь (как раньше, во время революции 1848 г. в Германии) надежды на оправдались. В I Интернационале Бакунин оказался успешнее Маркса с Энгельсом в сфере подпольных интриг. Основной стимул теоретических исследований Маркса исчез – и он их оставил. «Капитал» вышел в свет в 1867 году и до своей смерти в 1883 году Маркс к этим проблемам в печати не возвращался. Он стал интересоваться проблемами обоснования дифференциального исчисления. К несчастью для Маркса, эти его «математические рукописи» популяризировались одно время в СССР и стали широко известны. Они имеют все черты безнадежного дилетантизма и ума, работающего вхолостую.

Идейно же Маркс был очень стандартным представителем XIX века. Например, он безоговорочно усвоил господствовавшую тогда концепцию прогресса, только соединив ее с уже существовавшей тогда концепцией классовой борьбы. В его анализе генезиса капитализма очень мало новых идей, исследования М. Вебера или В. Зомбарта гораздо ярче, оригинальнее.

Широкая популярность пришла к Марксу уже после его смерти, когда его последователи возглавили руководство немецким рабочим движением, созданным раньше Лассалем. Энгельс неизменно подчеркивал свое второе место после Маркса («всегда играл при Марксе вторую скрипку»), но зато среди живых оказался пер-

вым хранителем и толкователем идей уже ушедшего от нас гения. Тогда, в конце XIX века, и началась всемирная слава Маркса.

Но успех марксизма всегда определялся его связью с революцией. Марксизм имел успех как «пророчество», то есть предсказание события, наступлению которого сама концепция способствует. И это-то само пророчество оказалось опровергнутым историей. Социалистическая революция как на подбор происходила отнюдь не в самых капиталистически развитых странах, а «диктатура пролетариата» устанавливалась в странах на 80% или на 90% крестьянских. И в заключение, общество, построенное марксистской партией, оказалось неустойчиво: распалось не под влиянием внешнего конфликта или природных бедствий, а под воздействием собственных сил разложения. Все это вызвало обвальное падение интереса к марксизму. Например, сейчас в России даже сторонники коммунизма на своих митингах и демонстрациях никогда не носят портретов Маркса. И любопытно: интерес к Марксу просто «угас». Это не имело характера отказа от какой-то научной теории, отказа, основанного на ее критике, обсуждении ряда ее слабых мест. Теперь стало видно, что как успех марксизма, так и упадок интереса к нему, являются чисто идеологическими явлениями. Они не имеют никакого отношения к науке.

Мне кажется, что Фрейд даже дальше отстоит от науки, чем Маркс. На эту тему можно привести много аргументов, но ограничусь одним конкретным примером. Это отрывок из статьи Фрейда «Неудовлетворенность культурой», которая считается одной из его наиболее глубоких, идеологических работ. Речь заходит о том, как человек подчинил себе огонь, и Фрейд пишет (в длинном подстрочном примечании):

«Психоаналитический материал, при всей его неполноте и неоднозначности, позволяет высказать, по крайней мере, одно – звучащее фантастически – предположение относительно происхождения этого огромного человеческого достижения. Для первобытного человека было как будто обычным при встрече с огнем тушить его струей своей мочи, находя в этом детское наслаждение. Существующие легенды не позволяют сомневаться в первоначальном фаллическом толковании взвизгивающих ввысь языков пламени. Тушение огня при помощи поливания мочой – вспомним, что к этому позже прибегали и дети-гиганты – Гулливер в стране лилипутов и Гаргантюа у Рабле – было, таким образом, подобно сексуальному акту с женщиной, наслаждению мужской потенцией в гомосексуальном соревновании. Тот, кто первый отказался от этого наслаждения, кто пощадил огонь, тот смог унести его с собой и поставить себе на службу. Он укротил огонь природы тем, что заглушил огонь своего собственного сексуального возбуждения. Эта большая победа цивилизации стала как бы наградой за то, что человек превозмог свой инстинкт. В дальнейшем женщина как бы была избрана в качестве хранительницы плененного и закрепленного в домашнем очаге огня, потому что она по своему анатомическому строению не могла поддаваться соблазну наслаждений такого рода».

Казалось бы, человек, написавший это, не имеет представления о том, что такое научное исследование. Все это не только бездоказательно, но вообще не имеет смысла: почему, отказавшись от удовольствия пускать мочу в огонь, человек тут же овладевает огнем? – такие вопросы задавать бессмысленно. (Или почему Гулливер – дитя-гигант?) И ведь это не отдельная странность, случайное затмение разума, такими рассуждениями полны работы Фрейда. Человек, мыслящий

таким образом, может быть кем угодно: маньяком, фантастом, проповедником, мифотворцем, но уж к науке он не имеет никакого отношения. А между тем – недавно был юбилей Фрейда и весь мир превозносил его как величайшего ученого нашего (т. е. XX) века!

Мне уже давно казалось, что когда повторяют утверждение, что Маркс и Фрейд – великие ученые, речь идет о прямом внушении, которое так же явно противоречит фактам, как «новое платье короля». Но я, вероятно, не рискнул бы публично высказать такое еретическое суждение, если бы не встретился с мыслями фон Хайека:

«Если наша цивилизация выживет, что возможно лишь если она осознает свои ошибки, я думаю, будущие поколения будут смотреть на наше время как на эпоху суеверий, в основном связанных с именами Карла Маркса и Зигмунда Фрейда».

Он подчеркивает, что речь идет о «суевериях в самом буквальном смысле слова...»

Причем ту же самую мысль высказал Карл Ясперс и, очевидно, Хайек не знал этого высказывания Ясперса (примерно на 20 лет более раннего). При том, что фон Хайек считается одним из ведущих экономистов XX века, лауреатом Нобелевской премии по экономике, а Ясперс – очень известный философ – сначала создал себе имя как психиатр (и, в основном, с профессиональной точки зрения критикует Фрейда). Так что Хайек уж, безусловно, компетентно обсуждает Маркса, а Ясперс – Фрейда.

Что касается Эйнштейна, то положение здесь, как мне кажется, более тонкое. Вряд ли можно сомневаться в том, что он был исключительно талант-

ливым физиком. Но в общем мнении ему присвоена какая-то другая роль. Он считается как бы образцом, символом научного гения. Когда хотят кого-то похвалить, говорят: «прямо Эйнштейн». Его лицо появляется как символ, когда нужно как-то символизировать науку, даже человеческий интеллект. В его подробной биографии говорится о «канонизации Эйнштейна». В 1919 году газета «Берлинер иллюстрирте» опубликовала его портрет и написала: «Альберт Эйнштейн – новый гигант мировой истории». Знаменитый историк Тойнби пишет: «Достижения естествознания XX века воплощаются для нас в личности Эйнштейна» (хотя вряд ли сам в эти достижения вникал). Вот такое место в общественном сознании кажется мне неоправданным, сфабрикованным. И «коллективное бессознательное» почувствовало этот «рекламный» характер образа Эйнштейна: сейчас мультипликационное изображение Эйнштейна рекламирует по телевидению пиво. Думаю, что с Ньютоном или Гейзенбергом это было бы просто невозможно.

Физика очень бурно развивалась в конце XIX – начале XX веков, вызывала бурный интерес и привлекла много сил. В целую плеяду (не менее десятка) талантливейших физиков, таких, как Резерфорд, Лоренц, Пуанкаре, Планк, Бор, Гейзенберг, Шредингер, Дирак и другие, как мне представляется, входит и Эйнштейн. Причем некоторые из них глубже и разностороннее его. Главной заслугой Эйнштейна обычно признается создание «теории относительности». Она была создана в два этапа: «специальная теория относительности» (СТО) и «общая теория относительности» (ОТО). Основная работа Эйнштейна по СТО относится к 1905 году. Практически одновременно (на 2 недели раньше) появилась на ту же тему работа Пуанкаре – поразитель-

ного мыслителя: в первую очередь математика, одновременно выдающегося физика и философа. Так что в крайнем случае Эйнштейн мог бы претендовать на создание СТО – одновременно и независимо от Пуанкаре. Но положение сложнее. Теория относительности именно потому стала так известна, что требовала отказа от некоторых, казавшихся очевидными, представлений, например, одновременности двух событий. Но Пуанкаре еще в 1898 году написал работу «Измерение времени», в которой доказывал логическую необоснованность этого понятия. Содержание этой работы было включено в философскую книгу Пуанкаре «Наука и гипотеза», вышедшую в свет в 1902 году, которая приобрела очень большую популярность. Эйнштейн на эти исследования Пуанкаре нигде не ссылается, и кажется, что они остались ему неизвестными. Но воспоминания современников показывают, что они их изучали вместе с Эйнштейном и находились под сильным их влиянием. В отзыве, в связи с предложением Эйнштейну должности профессора в Цюрихе, Пуанкаре писал: «Господин Эйнштейн – один из самых оригинальных мыслителей, которых я знаю; несмотря на молодость, он уже занимает очень почетное место среди ведущих ученых нашего времени. Особое восхищение вызывает та легкость, с которой он воспринимает новые идеи (более точный перевод: адаптируется к ним) и делает из них все возможные выводы».

Один из наиболее известных выводов СТО – это «эквивалентность массы и энергии», в некотором смысле реализующаяся в атомном взрыве. Этот принцип впервые был установлен австрийским физиком Хазенерлем, соучеником Шредингера, погибшим на фронте во время Первой мировой войны. В комментариях к Сочинениям Шредингера о Хазенерле говорится:

«В 1904 году, рассматривая излучение в замкнутой области, сформулировал для этого случая эквивалентность массы и энергии».

(Эйнштейн, который сформулировал ее в самом общем виде, не знал работы Хазенерля.) Что касается СТО, то работа Эйнштейна над выводом основного ее уравнения, как теперь выяснено, происходила в период интенсивной переписки Эйнштейна и крупнейшего математика того времени (после смерти Пуанкаре) – Гильберта. Причем Эйнштейн стремился угадать наиболее простой вид этого уравнения просто из того, что оно должно было удовлетворять определенным условиям, а Гильберт математически вывел его из определенного общего принципа. При этом ссылок на вклад Гильберта в работах Эйнштейна нет. Сохранилось, однако, его более позднее письмо Гильберту, «примирительного» характера. (В разное время давались различные интерпретации взаимоотношений Эйнштейна и Гильберта. Я привожу версию, наиболее благоприятную для Эйнштейна).

Можно представить себе ученого-отшельника, мало интересующегося чужими исследованиями, до многого доходящего самостоятельно и не очень интересующегося проблемами приоритета (такие бывали). Но Эйнштейн как раз таким не был. В наиболее подробной его биографии говорится о его докладах в Германии, Франции, Японии, где он пропагандировал свои идеи:

«В мае – июне 1925 года они (супруги Эйнштейны) вновь отправились путешествовать, посетив на этот раз Аргентину, Бразилию и Уругвай. Куда бы они ни приезжали, от Сингапура до Монтевидео, повсюду местные еврейские общины устраивали им самый радужный прием».

Споры по вопросу о приоритете проходят через всю историю науки. И часто позже можно увидеть, что на какое-то время господствует односторонняя точка зрения, преувеличивающая роль одного ученого за счет других. Но общая закономерность здесь такова: перекося в пользу одного лица может возобладать тем в большей степени и продолжать господствовать тем дольше, чем большую социальную поддержку имеет это лицо. Такая социальная поддержка может реализоваться как мощная научная школа или даже как поддержка некоторых интеллектуальных или политических течений. Такую роль в судьбе Эйнштейна несомненно играло то, что он примыкал к нескольким течениям, исключительно влиятельным в мире. Прежде всего, еврейское национальное движение. Еще начиная с 1919 года он был тесно связан с одним из виднейших деятелей сионизма Блюменфельдом, которому «не раз поручал подготовку своих заявлений по вопросу сионизма» (как пишет его биограф). Эйнштейн, видимо, не был сторонником сионизма, но тесно сотрудничал с этим движением. В 1921 году он посетил США вместе с Вейцманом для сбора средств для «Еврейского университета» в Палестине; в 1923 году – Палестину, где был гостем английского комиссара по Палестине Герберта Самуэля. Другим мировым движением, способным оказать мощную поддержку, был пацифизм, как сторонник которого Эйнштейн выступал с начала Первой мировой войны. (Парадоксальным образом, во Второй мировой войне он способствовал созданию атомного оружия.) Он был сторонником «Соединенных Штатов Европы», членом «Союза за новое отечество» («Лига борьбы за права человека»), «Общества друзей новой России» (с 1923 г.) и т. д. То есть Эйнштейн был активным участником «левого» течения, исключительно влиятельного на Западе тогда – да и после.

Этим, мне кажется, объясняется «иконописный» облик, созданный Эйнштейну, хотя он, несомненно, был одним из талантливейших физиков своего поколения. Его неустанные 15-летние занятия теорией относительности имели (наряду с работами других авторов) громадное значение для создания этой теории (особенно после смерти Пуанкаре). Ему принадлежат и другие физические работы, например, о фотоэлектрическом эффекте, за что ему и была присуждена Нобелевская премия в 1929 году. Но совершенно бесплодная его деятельность всю последующую жизнь после 1920 года трудно совместить со знакомым нам обликом сверхгениального физика.

Если говорить о других именах, то Гейне, например, писал очаровательные стихи – недаром его переводили и Лермонтов, и Тютчев. Но в этом он лишь следует течению немецкого романтизма. А то, чем он завоевал совсем особое место, – это желчная сатира «фельетонный стиль», введенный в поэзию. Некоторая выдумка, чуждая собственно поэзии. Как и у Кафки, описание жутковатых, вызывающих гадливость ситуаций – вроде предчувствия современных «фильмов ужасов», но пока с более слабыми техническими средствами. Или изобретение двенадцатитонной системы в музыке у Шенберга. Создание консерваторий, сначала в Лейпциге, потом в Петербурге и Москве Мендельсоном-Бартольди и братьями Рубинштейнами, несомненно, оказало сильнейшее влияние на развитие музыки. Но это было скорее социальное, организационное действие. И покойный композитор Свиридов в посмертно опубликованных размышлениях высказывает мысль, что с этим был связан поворот в сторону массового производства музыкантов-профессионалов и что большинство тогдашних крупнейших композиторов, как на Западе (Шуман,

Брамс, Вагнер), так и в России («Могучая кучка»), шли другим путем и находились в недружественных отношениях с этим направлением.

Евреев действительно очень много среди «талантов второго и третьего уровня», «ремесленников культуры», и их роль в культуре повышалась по мере того, как повышалась роль массы: массовых изданий, журналистики (газетной, радио- и теле-), когда науку стали двигать не индивидуальные ученые, а научные институты, успехи науки стали определяться капиталовложениями; а число ученых выражается в миллионах.

Трудно сказать, что здесь было причиной, а что следствием: приспособляли ли евреи культуру к своему стилю мышления или стали массой в нее идти, когда она приобрела близкий им стиль. Скорее всего, оба процесса переплетались.

Как правило, большое участие евреев в какой-либо области культуры определяется совсем не их творческими способностями в этой области, а какими-то другими, гораздо более сложными причинами. Если, например, евреи составляют большинство членов Союза советских композиторов, то из этого еще нельзя заключить об их выдающейся одаренности как композиторов. 874 члена (только в РСФСР) не могут состоять из одних ярких талантов – их на каждое поколение рождается лишь несколько. Союз композиторов – сильно бюрократизированная организация, типичный орган «идеологического сектора». Среди его членов подавляющее большинство обладает более чем средними творческими данными, и прием в него определяется очень многими факторами, в большинстве своем к музыке не имеющими отношения. В довоенное время (до Второй мировой войны) ситуация в этой области, вероятно, была аналогичной (с еще большим преобладанием евреев). А чьи имена оста-

лись? Шостакович, Прокофьев, Мясковский... В посмертно опубликованных заметках композитора Свиридова приводятся такие наблюдения:

«Союз композиторов давно перестал быть организацией, занимающейся творческими проблемами. Тот смысл, который вкладывался в дело его организаторами, – утрачен. Он (союз) превратился в кормушку для рядовых композиторов, в гигантскую организацию самопропаганды и творческого самоутверждения для его энергичных руководителей-функционеров. Они держат при себе целые штаты людей, работающих для славы своих патронов. Их послушные клеветры сидят во всех учреждениях, руководят почти (всею) музыкальной жизнью страны: государственными заказами (огромные деньги), концертными организациями; свое издательство, музыкальные отделения радио и ТВ, собственная – и общая! – печать. Есть опасность превратить государственные организации в филиалы Союза композиторов, управляемые предприимчивыми безответственными функционерами Союза композиторов через послушных, посаженных ими людей, занимающих ответственные посты в советских учреждениях. В их руках – пропаганда за границей, где они проводят по несколько месяцев в году, представляя своей подчас бездарной музыкой нашу культуру и искусство. Эта переродившаяся организация, которой управляют ловкие дельцы, требующие себе с антрепризой непомерных почестей. Им курится непомерная лесть, вызывающая недоумение и отвращение у человека со (неразборчиво) вкусом.

Театры, оркестры, государственные заказы, собственные дома отдыха, дома творчества, лечение. Миллионы народных денег на этих прихлебателей. В их руках – вся мировая антреприза (и советская тоже); образование (консерватории и музыкальные школы), где они научно унижают отечественную культуру, отводя

ей место «провинции»; музыкальные отделы в газетах и журналах и вся специальная печать; Союзы композиторов (в Российской Федерации целиком); филармонии; критика (почти 100%) – то есть общественное мнение. Музыкальные отделы министерств подконтрольны Союзам композиторов. Радио и ТВ (тут, правда, не целиком), музыкальные театры, оркестры и их руководители (почти на 100%). Все это великолепно, по-военному организовано, дисциплина железная и беспрекословная, порядок абсолютный, беспощадность – как в Сабре и Шатиле. Работают в редакциях десятки лет. Это люди опытные и умелые, но их опыт и умение направлены не во благо, а во вред нашей культуре».

Здесь совпали данные, случайно попавшие ко мне в руки, о национальном составе Союза советских композиторов и многолетние наблюдения выдающегося композитора о работе этого Союза. Но нет оснований предполагать, что такая ситуация имела место только в музыке. А ведь это относится только к последнему, послевоенному времени.

Если же идти несколько глубже в прошлое нашей страны, то мы столкнемся с грандиозными процессами, которые изменили ее социальную структуру. Мы уже ссылались на книгу Ю. Ларина (Лурье), посвященную положению евреев в СССР. Там говорится, что до революции в мелких городах и местечках России жило 2 млн 200 тысяч евреев, а сейчас (т. е. в 1926 г.) их там осталось только 800 тыс. Спрашивается, на чьи же места переселились в города почти 1,5 млн евреев? Прежде всего, буквально – в какие дома, квартиры они вселились? Ведь жилищного строительства тогда не было совсем и получить квартиру можно было, только удалив или «уплотнив» ее хозяина. А потом и более широко – чьи места в партийном и советском аппарате, промыш-

ленности, науке и культуре они заняли (ибо в деревню, очевидно, не направились)? Тот же автор сообщает и некоторые результаты этой грандиозной перетряски.

«На Украине 26% всех студентов были евреи, а в медицинских вузах – 44,8%. В РСФСР евреи составляли 11,4% студентов (в то время как до революции, с Польшей, Литвой, Молдавией, евреи составляли 2,4% населения). В Москве евреи составляли в 1920 году – 2,2% населения, в 1923 г. – 5,6% и в 1926 г. – 6,5%».

Но ведь и их дети занимали места чьих-то детей, может быть, даже и не родившихся. Еще подростком я сделал такое наблюдение. Мои родители происходили из самой небогатой и нечиновной дореволюционной интеллигенции. У них сохранился небольшой круг знакомых, в основном еще гимназических друзей. И вот я заметил, что все они либо были не женаты, либо не имели детей. Да и у моих родителей я был единственный ребенок. Потом я вспомнил, что и в школе не встречал детей из русских дореволюционных интеллигентских семей. Из приятелей, которых я могу вспомнить, у одного отец был электромонтер, другой жил с матерью, которая была уборщицей... У меня были приятели по школе, родители которых были врачи, инженеры, адвокаты... Но они были евреи. То есть по моим личным воспоминаниям, русская дореволюционная интеллигенция вымирала. И после этого оставалось пустое, «свободное» место. Гораздо позже, уже в 1970-е годы один еврейский публицист так суммировал ситуацию:

«Заменяв вакуум, образовавшийся после исчезновения русской интеллигенции, евреи сами стали этой интеллигенцией».

Евреи не были затронуты уничтожением помещиков и дворян. Тем более, их не коснулся самый страшный катаклизм этой эпохи – коллективизация и раскулачивание. Для сравнения: в конце 20-х годов создавались сельскохозяйственные еврейские поселения в Крыму и под Одессой. Они были строго добровольными, поселенцы бесплатно снабжались машинами и скотом, освобождались от налогов. В 1923 году Госбюджет выделил на эти поселения 5 млн, американская еврейская организация «Джойнт» – 20 миллионов! А всего-то по плану должно было быть поселено 26 000 семей, но и этот план не удалось выполнить... Кровью крестьянства была выиграна война, а «инвалиды – жители сельских местностей» не получали даже пенсии. В 1946 году многие сельские районы опять посетил голод, но к тому времени, как мы слышали, 98% евреев уже жило в городах. Дальше все уже шло «само собой», почти без усилий. Приведу один пример из более позднего времени. В издающемся в Израиле на русском языке журнале рассказывается следующая история.

«Елена Исааковна Щорс, числящаяся по паспорту русской, на самом деле является внучкой Героя гражданской войны Николая Щорса, легендарного командарма, известного по песне “След кровавый стелется по густой траве”.

Женой Щорса в то незабываемое время была Фрума Ростова, настоящую фамилию которой я не знаю. Эта железная чекистка Фрума, давя контрреволюционеров, как клопов, во вверенном ей для этой цели городе Ростове, сумела родить от Н. Щорса дочь Валентину, которая, в свою очередь, подрастая, вышла замуж за физика Исаака Халатникова, в настоящее время являющегося членом-корреспондентом Академии наук СССР (напечатано в 1976 г.; позже – академик). История его

карьеры еще более поучительна, так как, живя в городе Харькове, он был вызван академиком Ландау для учебы в его семинаре. В то время Ландау, угнетенный длинным списком еврейских фамилий, образующих школу его учеников, натолкнулся на фамилию Халатникова, что дало ему повод ошибочно подумать, что он разбавит школу физиков-теоретиков хоть одним русским человеком, о чем его неоднократно просили партия и правительство. Можно представить, как матюгался Ландау, узнав, что этот харьковчанин Халатников никакой не Халатников, а Исаак Маркович».

С какой удивительной легкостью, с одесским юмором подается здесь и тема «железной чекистки, давившей контрреволюционеров, как клопов», и более современная тема «длинного списка еврейских учеников» Ландау. Ведь это тяжелое моральное обвинение: все равно как брать на работу только своих родственников.

Мне неизвестно, насколько правильно автор описывает положение в школе Ландау, скорее, его статья характеризует направление опубликовавшего ее журнала. Однако в высказываниях учеников другого крупнейшего физика-теоретика (и математика) того времени Боголюбова чувствуется горечь, вызванная положением «аутсайдеров» по отношению к уже сложившейся школе Ландау. Началось все с конкуренции глав школ на почве теории сверхтекучести гелия, о которой Боголюбов доложил в Академии наук в 1946 году, а Ландау к тому времени занимался более 5 лет. Ученик Боголюбова, Д. Широков (впоследствии академик) пишет:

«По воспоминаниям участников... собрания, Дау (Ландау) резко критиковал докладчика. Однако он скоро переварил и оценил все услышанное, так как всего лишь две-три недели спустя направил в печать статью,

где *ad hoc* (т. е. без обоснования. – И. Ш.) была предложена кривая с перегибом для спектра возбуждений... Кривая Ландау вытекает из формулы Н. Н. (Боголюбова) при некоторых предположениях о характере взаимодействия между атомами гелия-II. Однако какой-либо ссылки на Н. Н. в публикации Ландау не содержится».

Другой ученик Боголюбова, В. Г. Соловьев пишет:

«Осенью 1953 года Н. Н. Боголюбов был избран академиком по Отделению физико-математических наук. В это время господство школы Ландау было полным. Поскольку работы Н. Н. Боголюбова, выполненные вне школы Ландау, вызывали большой интерес, то всячески подчеркивалось, что он не физик-теоретик, а математик».

В связи с избранием Боголюбова академиком, я сам помню, что знаменитый математик Л. С. Понтрягин рассказывал мне позже, что Ландау (с которым они тогда были в приятельских отношениях) говорил ему:

«Как жаль, что Вы не баллотируетесь, а то бы мы Вас избрали вместо Боголюбова».

Причем основные достижения Понтрягина относились тогда к топологии, и Ландау никак не мог их оценить. Говоря о начале 1950-х гг., тот же В. Г. Соловьев пишет:

«Если на семинаре Ландау доклад одобрен, то тем самым одобрена публикация или диссертация. Если научное направление не получило поддержки на семинаре, то оно практически не имело шансов для развития... Под исправным участником семинара считался тот, кто сдал

теоретический минимум Ландау, состоявший из девяти экзаменов. Во время каждого экзамена, который лично принимал Ландау, нужно было решить три задачи и ответить на дополнительные вопросы... Я узнал, что некоторые экзаменующиеся заранее знали предлагаемые задачи. Я же не знал ни одной... и поэтому посчитал... что, возможно, имеет место какой-то скрытый отбор».

Дальше автор говорит по поводу учеников Боголюбова:

«Создавались искусственные трудности нашим публикациям редакцией “ЖЭТФ” и существовавшей тогда советской редакцией “Nuclear Physics”».

Потом он пишет:

«После 1965 года школы Ландау и Боголюбова, а также другие направления в теоретической физике мирно сосуществовали».

Но я думаю, что такому мирному концу значительно помогли совершенно экстраординарные политико-административные способности Н. Н. Боголюбова.

А дело ведь явно не ограничивалось одной школой. Я помню аналогичные научные школы и семинары в математике. И дело не ограничивалось одной страной. В мировом масштабе так создавались репутации, решались вопросы приоритета, раздавались знаменитые премии...

Но все эти соображения не затрагивают все-таки самой сущности проблемы. Вот к обсуждению этой сердцевины вопроса я и хочу сейчас перейти. Как мне кажется, она заключается в том, что талантливость

народа в принципе не измеряется талантливостью отдельных его представителей.

Когда мы говорим, например, о человеке, то имеем в виду не идеальную работу какого-либо его органа, вроде поджелудочной железы, но ту деятельность, которая свойственна его человеческой индивидуальности, в старомодной терминологии, произведение его души. И талантливый народ опознается не по количеству его талантливых представителей, но по способности создавать собственные, только этому народу свойственные ценности – плоды народной души, как греческая драма, итальянская живопись, немецкая музыка, русская литература, персидская поэзия... Иногда – это продукт творчества нескольких близких народов: например, современная физико-математическая картина мира создана романо-германскими народами.

В этом смысле евреи как народ оказались лишенными творческого начала. Еще в древней Иудее вся культурная деятельность была, по-видимому, полностью подавлена единой целью – созданием этноцентрической религии. И позже вряд ли кто-либо может указать хоть какой-то продукт именно еврейской культуры. Это можно было бы попытаться объяснить тем, что жизнь евреев протекала в рассеянии, хотя не мешало же это им сохранять сознание национального единства, а у других народов это сознание всегда бывает связано с существованием национальной культуры. Но вот создание чисто еврейского государства Израиль в этом ничего не изменило. Положение стало даже более острым. Казалось бы, такие яркие еврейские таланты проявляются в странах, где евреи вкраплены в незначительных количествах, как уран в окружающей руде. Если их соединить вместе, должен был бы произойти просто атомный культурный взрыв! Но на

деле оказалось – пустота. Даже в специфически еврейских областях деятельности. Например, почти все лучшие скрипачи мира – евреи, но я не слышал ни об одном, вышедшем из Израиля. То же относится к шахматистам. Израиль (как признанное государство) существует уже более полувека, а он породил меньше талантов, чем другие маленькие страны: Голландия, Дания, Норвегия. Мы видели и в этом обзоре, что евреи внесли большой вклад в развитие определенных течений человечества. Например, в развитие капитализма в Западной Европе. Но капитализм уже складывался в Италии, Франции. Евреи участвовали только в том, чтобы придать ему определенные черты: финансово-спекулятивное направление. Или в развитии социализма в XIX и XX веков. Но сам социализм как учение существовал задолго до этого, с Платона. Евреи же играли громадную роль в превращении его в основу революционного движения, в победе социалистической революции и утверждении революционной власти. Кроме того, евреи, после эпохи эмансипации (в XIX–XX вв.), участвовали в культурной деятельности многих стран, наряду с представителями коренных (как сейчас говорят – титульных) народов. Например, в развитии немецкой литературы и музыки, общеевропейской физики и математики, мировых финансах и т. д. И в своей собственной специальности – математике – я знаю много имен еврейских способных, талантливых математиков начиная с XIX века, в своей жизни встречал их и сам. Но все они действовали в той культурной математической традиции, которую уже создали западноевропейские народы. В ней японцы, евреи, русские, китайцы и т. д. были лишь продолжателями. Да хоть такой яркий пример, как гениальный цикл песен Шостаковича «Из еврейской народной поэзии». Види-

мо, существовал яркий фольклор еврейских местечек, частично был даже собран (как я слышал, еврейскими музыкантами). Но, чтобы превратить его в музыку мирового масштаба, понадобился Шостакович.

Я способен указать лишь на один творческий акт, свойственный именно евреям как народу, это создание самих себя: совершенно уникального, не встречавшегося до того сплава религии и национальности, замешанного на идее избранности. И сохранение и укрепление этого удивительного феномена на протяжении более чем двух тысячелетий. Но это совсем не те плоды культуры, о которых мы говорим в связи с греками, римлянами, немцами, китайцами и т. д. В обычном же, более стандартном понимании, евреи участвуют в деятельности других народов, в рамках уже созданной этими народами культуры. Причем делают развитие некоторых областей или направлений более интенсивным. В своей старой работе «Русофобия» я сравнивал роль евреев в русской революции с ролью катализаторов в химических реакциях. Это вещества, ускоряющие химическую реакцию, хотя в их отсутствие реакция все равно бы происходила, но менее активно.

С этим связана более глубокая, объективная опасность слишком значительного участия евреев в развитии какой-то области. Они сами нуждаются в том, чтобы существовала основная масса представителей народа, в принципе создающего новую культуру. Без этого (т. е., например, если евреи становятся большинством, «доминируют») само культурное творчество иссякает, в нем не остается места и для евреев. Наступает ситуация, аналогичная той, которая существует в государстве Израиль.

А ведь сейчас в мире имеются именно подобные тенденции. Социолог Кац из Иерусалимского университета пишет:

«Возникает вопрос, кому предстоит стать интеллектуальной элитой постиндустриального общества – евреям или населению, составляющему абсолютное этническое большинство в той или иной стране».

Автор обращает внимание на то, что

«...при этом Израиль должен стать центром и притом духовным центром мирового еврейства...» –

и выражает сомнение:

«Вряд ли это этническое большинство согласится на то, чтобы 80 или 100 процентов евреев имели высшее образование, а остальное население отставало от них во много раз, чтобы евреи оставались руководителями ведущих научных центров в тех странах, где по численности они составляют ничтожный или сравнительно ничтожный процент».

«А ведь так выглядит картина сегодня», – продолжает автор и приводит ряд действительно поразительных примеров: в основном техническом институте США – Массачусетском технологическом институте – едва ли не все ведущие научно-административные посты, включая должность президента института, занимают евреи, президентом Лондонского Королевского общества (английской академии в области естественных наук) является еврей, евреи занимают ведущие места во многих университетах Франции и других стран Запада.

Здесь проглядывается некая концепция ближайшего будущего человечества, почти «Утопия»: с переходом к постиндустриальному обществу творцами культуры становятся не индивидуальности, не Галилеи,

Ньютоны, Фарадеи, не Рублевы или анонимные средневековые иконописцы и строители храмов, а громадные коллективы – предприятия и научно-исследовательские институты. Само понятие «культура» приобретает новый смысл – это массовое, машинное производство, та «штемпелеванная культура», о которой писал А. Белый. А вождями этой деятельности становятся евреи, объединенные мировым духовным центром – Израилем. Здесь страшит даже не то, что евреи узурпируют роль, которую могло бы играть «этническое большинство», а то, что эта «Утопия» уж слишком похожа на предвидения Замятина, Хаксли и Орвелла.

Глава 17

Обсуждение

1. «Что такое еврей»

Здесь мы попытаемся сформулировать некоторые выводы из предшествующих, исторических, глав. Эти выводы, безусловно, дают картину с очень большим числом белых пятен. История еврейства слишком объемна (хотя бы только по охватываемому ею времени), чтобы ее можно было охватить какими-то четкими формулировками. Да и Достоевский еще писал:

«Не настали еще все времена и сроки, несмотря на протекшие сорок веков, и окончательное слово человечества об этом великом племени еще впереди».

Мне кажется, что мысль эта вполне верна и сейчас. Поэтому я ставлю себе очень ограниченную цель –

извлечь из известных исторических фактов несколько конкретных выводов, которые пригодились бы в будущем (я имею в виду прежде всего русских, но не только их), чтобы выработать свое отношение к этому загадочному явлению – еврейству. А точнее, установить такие отношения с ним, которые учитывали бы наши основные исторические цели.

И прежде всего, мы можем вернуться к вопросу, обсуждавшемуся в начале работы: что за общность образует еврейство? Недавно этому вопросу посвятил особую работу влиятельный в еврейских кругах раввин Адин Штейнзальц. Заголовок этой работы: «Что такое еврей» – мы и переняли в качестве заголовка раздела. Хотя вопрос сам по себе не новый – об этом много писали, в том числе и еврейские авторы: что такое еврейство? – нация, религия или некий «дух еврейства»? Как оказалось, вопрос этот очень тонкий, и я не собираюсь предложить на него свой ответ, лишь суммировать некоторые наблюдения, вытекающие из предшествующего исторического обзора.

Приведенные выше исторические очерки позволяют отметить некоторые постоянно встречающиеся черты, которые связываются с еврейством. Так, в книге об «Антисемитизме в древнем мире» С. Я. Лурье отмечает особое свойство еврейского народа (в античности):

«Он, не имея ни своей территории, ни своего языка, и, будучи разбросан по всему миру, тем не менее... остается национально-государственным организмом».

Достоевский говорит:

«Нет, такой необыкновенно сильный и энергичный народ, такой беспримерный в мире народ не мог суще-

ствовать без *Status in statu*» (т. е. не образуя государство в государстве. – И. Ш.).

И Яков Клацкин пишет о «еврейском государственном устройстве»:

«Мы спасли его как переносное государство, которое и в диаспоре создает нам аналог государственной автономии», «прочная стена, созданная нами, отделяла нас от народа страны, а за стеной жило еврейское государство в миниатюре».

Русский религиозный философ XX века о. С. Булгаков говорит:

«И самой таинственной из судеб Израиля остается именно его единство».

И другой мыслитель того же течения В. Зеньковский:

«Что больше всего поражает в еврействе после рассеяния – это его единственная и исключительная живучесть как национального целого».

«Мировое еврейство... остается единым... во внутренних императивах жизни, определяющих особую судьбу, особый путь еврейства».

Все это лишь разные аспекты наблюдения Гретца о «чудесной взаимосвязи, нерасторжимо соединяющей члены еврейского мира», которое было приведено в самом начале работы.

Естественно, проще всего было попытаться найти объяснение при помощи тех категорий, которые обычно в истории формируют человеческие общности: религии и нации. Например, дореволюционное русское законода-

тельство воспринимало евреев исключительно как религиозную общину («лица иудейского вероисповедания»). Такова же была точка зрения евреев в период увлечения эмансипацией и ассимиляцией: «Мы – просто немцы Моисеева закона» (или англичане, русские и т. д.). Сейчас превалирует другая точка зрения: евреи – это национальность. Так, сионизм в эпоху Герцля и Вейцмана был чисто светским национальным течением. Например, Вейцман говорил (после Второй мировой войны, в связи с созданием государства Израиль):

«Хотя мы будем уважать верования каждого человека, мы не можем перевести стрелки часов назад, сделав религию основой государства... Религия не должна контролировать деятельность государства».

(Правда, реальность оказалась не соответствующей этой декларации.)

Спор о том, являются ли евреи нацией или объединены религией, имеет и более давнюю историю. Он бросает, например, свет на загадочную раннюю статью Маркса «К еврейскому вопросу». В ней имеется ряд поражающих высказываний, например:

«Химерическая национальность еврея есть национальность купца, вообще денежного человека. Деньги – это ревнивый бог Израиля, перед лицом которого не должно быть никакого другого бога».

Если эти мысли были бы опубликованы сейчас, то Маркс немедленно был бы заклеен как антисемит.

Видимо, объяснение такой странной ситуации связано с более широким контекстом этой статьи. Она является ответом на две статьи Бруно Бауэра по тому же

вопросу. В них Бауэр доказывает, что еврейский вопрос – это вопрос религиозный. Христианское государство, утверждает он, не основывается на принципе равных прав. Евреи должны либо бороться против самих принципов христианского государства, либо довольствоваться местом (и рядом привилегий), им предоставляемым. Они хотят, однако, оставаясь евреями, иметь те же права, что и христиане, то есть требуют для себя особого положения. Для Маркса же была особенно неприемлема концепция, основывающая историю на религиозных принципах, ему необходимо было свести всю ситуацию к экономическим взаимоотношениям евреев и христиан. Ради этого он готов рисовать своих соплеменников самыми черными красками и делает даже знаменитое предсказание:

«Как только обществу удастся упразднить эмпирическую сущность еврейства, торгашество и его предпосылки, еврей станет невозможным...»

(Что было так убедительно проверено в России после революции 1917 г.!)

Видимо, ни одна из этих точек зрения, что еврейство – это религия или нация, – не делает все явление более понятным. Все, что было в этой работе раньше изложено, приводит, мне кажется, с необходимостью к тому, что для понимания требуется соединение обеих точек зрения: еврейство является уникальным сплавом религии и нации. Все недоумения происходили из того, что еврейство пытались вмести́ть в один из известных рядов исторических явлений. Либо говорили: это народ, как греки, римляне, немцы, французы... Но выходило непохоже. Либо, что это религия: как античное язычество, буддизм, индуизм, христианство, ислам.

И опять не подходило. Разгадка в том, что это – явление без аналогов в истории: единственный случай этноцентрической религии и скрепленной религиозным чувством нации, причем оба компонента соединены идеей избранности. Это видно в таком осколке современного еврейства, как Израиль. Более 80% населения считает себя атеистами, а раввинат определяет важнейшие стороны жизни: форму брака, признание гражданства и т. д. Очевидно, ортодоксальный иудаизм признается атеистическим населением Израиля необходимым фактором национального сплочения.

Такого сплетения, взаимопроникновения нации и религии не было нигде. Античные греки считали, что их боги – также и боги троянцев. Согласно Гомеру, троянцы поклонялись Зевсу, Аполлону, Афродите. Когда греки соприкоснулись с более широким кругом народов, они исходили из того, что те поклоняются тем же богам, лишь под другими именами. Например, Геродот говорит: «Египтяне поклоняются Дионису, которого они называют Озирисом». Так называемые мировые религии: буддизм, христианство, ислам, тем более, обращаются ко всему человечеству. Но если вспомнить такие талмудические изречения (приводимые Эйзенменгером):

«...народы земли не называются людьми, так как их души происходят от нечистого духа, людьми же называются израильтяне, души которых происходят от святого духа Божия».

Рабби Симон бен Иахаи говорит:

«Вы называетесь людьми, другие же народы называются не людьми, но скотами», –

то становится очевидным, что мы имеем дело с каким-то явлением совсем иного плана, чем известные религиозные или национальные группы.

Итак создалась очень устойчивая традиция. Например, известный современный еврейский идеолог М. Гефтер, вспоминая свою молодость, пишет:

«...я не был тогда евреем. Знал, но не ведал. Быть может, отталкивал это знание, но все же не из страха! Скорее – следуя комплексу Маугли».

То есть: образ человеческого ребенка среди зверей, совершенно в духе рабби Симона бен Иахаи. Да и Нахум Гольдман спрашивает, в чем защитный механизм, сохранивший еврейство при всех преследованиях? И отвечает:

«Этот механизм может быть описан в нескольких словах; евреи относились к своим преследователям как к низшей расе».

Более того, еврейство не является формальным объединением еврейской национальности и иудаизма. О каких религиозных или национальных корнях можно говорить, например, в связи с евреями, участвовавшими в революции 1917 года: Троцким, Зиновьевым и т. д.? Так, Литвинов был убежденным сторонником еврейской ассимиляции и в анкетах писал себя русским, Максимом Максимовичем, хотя от рождения назывался Меер Генох Мовшевич Баллах.

Живущая сейчас в Германии С. Марголина – публицист из «третьей эмиграции» – предлагает пересмотреть этот вопрос:

«Вопрос, который обычно обходится при обсуждении особой роли евреев в советском обществе, несмотря на его центральный характер, таков: правильно ли приписывать еврейскую национальность ассимилированным евреям, не воспринимавшим себя как евреев? Во время революции, когда пришли к власти евреи, оторвавшиеся от еврейства, национально-еврейские мыслители подчеркивали, что революционеры не были “подлинными” евреями или даже были предателями еврейского народа. Однако это была защитная мера против обвинений евреев в ответственности за красный террор. Симон Дубнов... считал эти тонкости и подразделения несущественными сравнительно с ненавистью населения. В 1918 году большевистское ЦК в Смольном в народе называли “еврейским правительством”.

Дубнов с горечью занес эту “шутку” в дневник, вполне осознавая, что она полностью соответствует истине...

Со своим народом нельзя порвать просто по своему “желанию” или “решению”. Можно воспринимать себя как нееврея и все же принадлежать еврейской традиции со всем, с чем она связана...

На вопрос о его еврействе Троцкий отвечал: я социал-демократ и ничего больше... Евреи, отказывавшиеся, как Троцкий, от еврейства, не хотели понять, что их тип “нееврейскости” был типично еврейским... Исаак Дейчер писал: “Еврейский отщепенец, порывающий с еврейством, принадлежит вполне определенной еврейской традиции”».

Некоторые идеи, воспринятые первоначально в религиозной форме, могут впитываться народом на протяжении многих поколений, а потом проявляться у потомков, порвавших с религией, но в другой формулировке. Так, Куприн в письме Батюшкову, цитированном в гл. 10, приводит прямо «словарь» для перевода одной и

той же идеологии с языка Ветхого Завета на язык современного эмансипированного еврейства. Он говорит, что основная концепция современного ему прогрессивного еврейства есть только перевод на другой язык основных положений ортодоксальной еврейской традиции и сводит их в такую таблицу:

Современная точка зрения	Традиционная точка зрения
а) еврейский народ – самый талантливый, с самой аристократической кровью;	а) еврейский народ – избранный, божий народ и ни с кем не должен смешиваться;
б) исторические условия лишили его государственности и почвы и подвергли гонениям;	б) но Бог разгневался на него за грехи и послал ему испытания в среде иноплеменных;
в) никакие гонения не сокрушили еврейства, и все лучшее сделано и будет сделано евреями.	в) но Он же пошлет Мессию и сделает евреев властителями.

И С. Марголина пишет:

«Еврей – не фантастическая выдумка. Его самовосприятие начинается с ощущения своего “различия”. Прежде всего это связано с традицией “избранности”, которая после потери религиозного содержания трансформировалась в чувство превосходства. То есть еврей ощущает себя другим не только ввиду своего опыта соприкосновения с неевреями, но также через передаваемое культурой целеположение “быть чем-то иным и особенным”».

Или, Зиновьев в «Истории РКП(б)»:

«Они (“экономисты”) говорили: “Что же, по-вашему, рабочий класс – мессия”? На это мы отвечали и отвечаем: мессия, мессианство – это не наш язык, мы не любим таких слов. Но то понятие, которое в них вкладывали».

вается, мы принимаем: да, в известном смысле рабочий класс – мессия и роль его – мессианская, ибо это тот класс, который освободит весь мир».

Вот так, переведенные на другой язык, религиозные идеи могут вдохновлять и объединять людей, считающих себя атеистами и материалистами.

Розанов утверждает, что еврейство образует общность более тесную, чем национальная или религиозная:

«Они в сущности родные друг другу».

Так их характеризует и Гершензон:

«14 миллионов людей, чувствующих себя как бы одной семьей».

Да и рабби Штейнзальц, в статье, название которой мы приняли для этого параграфа, предлагает свою точку зрения: евреи – это «Дом Якова» или «Дом Израиля», это – семья, то есть такая общность, из которой невозможно выйти, даже декларируя публично свой разрыв с ней.

И В. Топоров, как бы «изнутри», описывает нетривиальный характер этого «единства»:

«Внешность, фамилия, родственные связи, трудно уловимые, но все же вполне определенные черты национального поведения выделяют этнических евреев, метисов и порой квартеронов (сильная кровь!); среди опознавательных признаков надо, несомненно, назвать болезненную реакцию на саму постановку еврейского вопроса, зачастую присущую и людям нееврейского происхождения, но состоящих в браке с евреем или еврейкой, особенно при наличии детей».

Конечно, в истории люди часто объединялись: в государства, племена, партии, разные союзы. Но, начиная с античности, современники (в том числе и еврейского происхождения) выделяли еврейство как нечто отличное от других аналогичных явлений. Приведу одну аналогию. Отдельная пчела является, по ряду признаков, довольно примитивно организованным существом: например, она не может поддерживать температуру, отличную от температуры окружающей среды. Но пчелиный улей имеет многие черты гораздо более высоко организованного существа. Например, в нем поддерживается постоянная температура $+33...+34^{\circ}\text{C}$ (в той части улья, где находятся яйца и личинки и в период их выращивания). Пчелы все время обмениваются пищей (когда радиоактивный сироп дали менее чем 0,1%, вскоре 70% всех пчел стали радиоактивными). То есть улей обладает аналогом обмена веществ. Пчелы, все время помахивая крылышками, создают ток воздуха – аналог дыхания. Наконец, улей «размножается» половым путем: трутни и матки по набору хромосом аналогичны мужским и женским половым клеткам. Ввиду ряда таких свойств некоторые энтомологи считают, что функционирование улья можно понять, лишь мысля его как СВЕРХОРГАНИЗМ, клетками которого являются отдельные пчелы. Отметим, однако, что подобная форма организации жизни встречается лишь среди низших животных, а более высокие формы жизни связаны с развитием различных аспектов индивидуальности и индивидуальных связей.

Вот такой сверхорганизм и возник в виде еврейства. Его возникновение заняло более двух тысячелетий и включало создание религиозной концепции избранного народа, идеологии классического иудаизма и кагальной организации, многочисленных еврейских организаций

(типа ордена Б'най Б'рит) и других «закрытых» еврейских обществ современного Запада.

В истории встречаются и другие человеческие объединения, аналогичные сверхорганизму. Яркий пример – большевизм, опирающийся на «партию нового типа». Именно от большевизма нам сохранилось наиболее яркое описание этого явления «изнутри» – свидетельство руководящего большевика Пятакова. Это его рассказ (во время поездки за границу) своему бывшему партийному товарищу, записанный, а потом опубликованный там. Пятаков подчеркивает именно отказ от своей индивидуальности ради слияния с партией, жертву «гордостью, самолюбием и всем прочим». Он даже заявляет, что если партия признает черным то, что ему видится несомненно белым, то и он заставит себя считать так же. Он описывает, как мучительно такое «насилие над собой». Сравнительно с этим «отказ от жизни, выстрел в себя из револьвера – сущие пустяки». Но все искупается необыкновенным чувством «чести и счастья» быть в рядах партии, «делающей невозможное возможным». (Полный текст сохранившегося рассказа Пятакова я привел в своей книге о социализме.) И параллелизм здесь не случаен: речь идет о духовно родственных явлениях. Если Шахак называет средневековые еврейские общины, построенные по типу кагалов, «одним из самых “закрытых” и тоталитарных обществ во всей человеческой истории», то неудивительно, что сложившаяся там духовная традиция была незаменима для создания тоталитарного общества XX века. Если Гершензон пишет, что в еврействе народная воля «должна была пропитать личную волю каждого индивидуума», то это напоминает слова Пятакова, что «идейный большевик-коммунист» будет считать черным то, что, как он видит, белое, если таково решение партии.

Именно благодаря этим качествам «сверхорганизма», созданным за несколько тысячелетий, еврейское участие в образовании нового «сверхорганизма» оказывается особенно эффективным. Мы пережили это в русской революции 1917 года и последовавшие десятилетия. Когда же, в силу самых естественных причин, число евреев в руководящем слое общества упало (лишь сравнительно с прежним, – оставаясь значительно выше доли в населении), то и коммунистическая власть распалась. Россия была подчинена другому, капиталистически-спекулятивному укладу – и в этом повороте еврейское влияние оказалось столь же доминирующим.

2. «Судьбы еврейского народа»

Розанов, много думавший о роли евреев в нашей жизни, писал: «Ни об одном еще народе не хочется так сказать, что он – с “призванием”, будь то добро или зло, свет или тьма. Факт – в некоторой специализации, в существовании “исключительных способностей”; некоторого “штанд-пункта” в бытии ли историческом, в психологии, “умоначертании”». Можно ли из известной истории того, как формировалось еврейство, вывести, в чем заключается это «призвание»? Ведь это, собственно то же, что ответить на вопрос, в чем «смысл» или «цель» истории еврейского народа. Можно сразу же отместить такие вопросы, как «слишком неопределенные» и «не имеющие смысла». Но вот великий композитор – Шостакович – писал, по поводу именно той области, которой он посвятил свою жизнь: «Смысл в музыке – это для многих звучит непривычно... Но, несмотря на их наивность и даже грубость, эти вопросы, несомненно, имеют право на существование». Может быть, тогда

это верно и в отношении вопросов о смысле в истории? И уж тут трудно не согласиться с Розановым – если по поводу какого народа, то, прежде всего, еврейского, такой вопрос оправдан всей историей. Другое дело, что вопросы эти предельно трудны. И Достоевский предупреждал, что для ответа на них «не пришли еще времена и сроки». Тем не менее об этом было написано много. И сама многоголосица мнений показывает, что короткого и окончательного ответа нет. Из всего, что мне известно, на меня самое глубокое впечатление произвела работа М. О. Гершензона «Судьбы еврейского народа», ее название я и взял в заглавие этого параграфа. Прежде всего, для меня было ошеломляющим открытием: Гершензон, автор и даже организатор «Вех», тонкий специалист по русской литературе, казался мне примером полностью ассимилировавшегося еврея (да он не раз и писал «мы, русские интеллигенты»...); а тут такая страстная поглощенность судьбой еврейского народа! А кроме того, работа насыщена сильным чувством и глубокими, убеждающими мыслями. Например, статья Гершензона в «Вехах» производит гораздо меньшее впечатление. Автор, видимо, чувствует неразрешимость вопроса приемами привычного нам рационального мышления, опирающегося на исторические или социологические факторы, поэтому он апеллирует скорее к образам и чувствам.

К сожалению, объем нашей работы позволяет привести лишь некоторые отрывки из статьи Гершензона. Вот как автор характеризует всю эту эволюцию в целом:

«Глубокомысленный, сложнейший замысел – и элементарная ясность плана; основные линии так отчетливы, что их способен проследить ребенок; но каждая определена тончайшими соображениями и служит мно-

гообразным задачам целого: таковы создания гениального художника – и так творила душа еврейского народа его внешнюю историю».

И более подробно, по этапам:

«Если всмотреться поближе, в зачатках еврейства обнаруживаются странные черты... Еврейский народ твердо помнил из своего детства одно: что его религия и законы образовались не обычным путем, не в прочном укоренении оседлости, а на ходу, в движении. Это была страстная, нетерпеливая воля... Сплотив из песчинок неразложимый народ, она тотчас изнутри расколола его и потом столетия дробила на части, все мельче, пока во все не расплыла совсем. Но новые атомы должны были быть качественными, отличались от первоначальных: в каждом из них должна была действовать народная воля. Она должна была пронизать личную волю каждого индивидуума так, чтобы он, осуществляя свои эгоистические желания, самым характером своих желаний и способом их осуществления служил ее целям.

Изгнание было нужно душе народной; она захотела оторваться от земли, исторгнуть свои корни.

При Ездre и Неемии... еврейство сделалось как бы одним твердым телом, не плотски – но духовно, ибо все атомы его были теперь пропитаны единой волей.

Катастрофа 70-го года, окончательное крушение еврейского царства, не была внешним событием, но сама воля еврейства, довольно и обдуманно произвела ее в вещественном мире своими духовными силами, в срок, какой она сочла благовременным.

Еврейское начало в мире кипятилось и процеживалось более тысячи лет; теперь оно было окончательно готово: крепчайший и чистый настой (...). На протяжении дальнейших веков еще несколько раз приходилось

крепче затягивать срединный узел, чтобы еврейский ум не разложился в человечестве; таково было создание Мишны во II и Талмуда в V веке, таков был раввинат и кагальная система.

В общем цель достигнута: еврейство не имеет земного града.

За две тысячи лет еврейство сумело порвать крепчайшие цепи, какими человек привязан к земле. Поэтому же, я думаю, еврейский народ стал народом подвижных профессий, народом ремесел, торговли, обмена. Земледелие запрещено еврею его народным духом, ибо, внедряясь в землю, человек всего легче прирастает к месту и к устойчивой форме жизни. 14 млн людей, чувствующих себя одной семьей, разбросано по 70 странам; народ, имевший свою культуру, внутренне распылен по двадцати инородным культурам; народ, забывший родную речь и говорящий на многих чужих языках, народ-хамелеон, народ-торгаш, оторванный от природы, хиреющий в городах».

Автор задумывается и над тенденцией, значит, в каком-то смысле, над целью этой эволюции. Он подчеркивает, что она далеко небезболезненна, конфликтна:

«Не безделицей было еврейство для мира все эти двадцать веков: народы со жгучим интересом следили за ним, и чем дальше смотрели, тем ярче их взор разгорался страхом и ненавистью. В том деле, которое делает еврей, есть какая-то вечная истина, но какая страшная. Мир думал, что он казнит еврейство, а на самом деле служил ему, как он служит всякой воле. Если бы не религия, не Тора и сознание общности своей, народ не прошел бы сомкнутым строем через такие муки. Вот последняя неподвижность: для верующего еврея – незаменимая Тора и неразложимое

еврейство; для неверующего – по крайней мере последнее. Сказать ли мое предвидение? Но факты сами гласят, как открытая книга. Я вижу, что таинственная воля еврейского народа направлена к тому, чтобы разрушить и этот последний оплот...

Мне кажется, еврейство вступает ныне на последнюю стадию своего пути.

Мы уже теперь можем с уверенностью предвидеть: человек в еврействе станет нищ духом; не к этой ли цели стремится и все человечество.

Они насытятся пищей, которой мир еще не вкушал, ибо все мирские ценности – как бутафорские яства».

В работе Гершензона, сильно склоняющейся в мистическую сторону, можно выделить несколько конкретных положений, которые можно сопоставить с приведенным выше историческим материалом, да и фактами современной жизни.

- Неустанная, на протяжении трех тысячелетий, выработка сплоченности еврейства, подчинения его «единой воле»: как «кипячение и процеживание настоя».

- Также движущийся в одном направлении процесс, характеризуемый терминами «отрыв от земли», «отрыв от корней», «еврейство... не имеет земного града».

- В столь тяжелых условиях единство поддерживается религией (Тора, Галаха) и национальным самоощущением.

- Предвидение, что и эти связи будут разрушены. На первый взгляд звучит парадоксально: что же тогда значит еврейство, если отказаться от этих двух принципов общности – религии и нации?

Но ведь, например, Радзиховский насчитывает в России примерно 600 тыс. евреев по паспорту и около трех миллионов «в еврейской сфере». Растет число смешан-

ных браков среди евреев, сейчас оно уже превышает половину всех браков. Так, может быть, это осуществление мечты ассимилицианистов: евреи «растворяются» в русских? Но Гершензон понимает это иначе:

«Зерно прорастает – шелуха должна лопнуть».

Он пишет:

«Кто есть еврей? – В ком действует народная сила еврейства... национальная воля, действующая в нем, сама уклонит его шаги на должный путь».

Видимо, во всем мире сложился слой, состоящий из ортодоксальных и из нерелигиозных евреев, тех, кто (по ленинскому определению) «с примесью еврейской крови», членов их семей и людей, так или иначе прилегающих к еврейству, как вообще часто люди льнут к любой власти.

Чем же объединяется весь этот слой? Шахак указывает, как на организующий центр – ортодоксальное еврейство с центром в Израиле и еврейские национальные организации в диаспоре (то есть по всему миру). Он утверждает, что Израиль контролируется раввинами и его политика определяется в большей степени, как он говорит, «еврейской идеологией», чем геополитическими (хотя бы и империалистическими) интересами страны. Но, говорит он:

«Кроме политики Израиля, как можно думать, “еврейская идеология” влияет и на значительные группы, если не на большинство евреев диаспоры».

Это влияние, особенно в США, как он говорит, осуществляется через еврейские организации «закрытого»

(эксклюзивного) типа, которые в принципе не допускают нееврейских членов. И зная, как еврейство умеет внушить другим свои точки зрения, заразить своим настроением, можно себе представить, как велико воздействие радикального, организованного еврейства на других евреев, членов их семей и близких им людей. Например, Израиль совершает агрессивные, террористические действия против арабов, вызывая их крайнюю ненависть. А потом евреи диаспоры запугиваются угрозами, что если теперь не поддержать политику Израиля, то арабы там перережут всех евреев, да, пожалуй, начнутся еврейские погромы и по всему свету. Я хорошо помню, как лет 12 тому назад у нас в стране несколько раз возникала волна страхов близких погромов. И если сам процесс, вероятно, был искусственно организован, то истерика страха, скорее всего, была искренней.

Так что речь, по-видимому, идет о власти (в наше время – власти над почти всем миром) некоторого слоя, в котором евреи (как бы это слово ни понимать), возможно, и не составляют большинства, но их участие необходимо для единства и дееспособности всего слоя. Уж на что Гершензон: русский интеллигент, знаток русской литературы, участник и даже организатор «Вех»; судя по многим указаниям – не религиозен, уж тем более не связан ни с каким кагалом, но и он это ярко ощущает:

«Еврейское начало неистребимо, неразстворимо никакими реактивами. Еврейский народ может без остатка раствориться в мире – и я думаю, что так и будет, но дух еврейства от этого только окрепнет».

Наконец, как понимать ту тенденцию «отрыва от земли», «отрыва от корней», которую постоянно подчеркива-

ет Гершензон? Эти слова кажутся какой-то бессодержательной риторикой (а в статье Гершензона – аргументом в борьбе против сионизма, чему статья в значительной части посвящена). Однако они совпадают с тенденцией, двигавшей западный мир в течении последних веков. Это – создание так называемой «технологической цивилизации», которая начинает с уничтожения крестьянства как основной опоры жизни и строит жизнь, все более опирающуюся на технику, так что ее иногда и определяют как стремление уничтожить природу, заменив ее искусственной природой – техникой (но ведь человек – часть природы!). Теперь это прокламируется как идеология «постиндустриального общества», а реализуется так, что в биржевые спекуляции вкладывается в десятки раз больше средств, чем в реальную экономику. Эту экономическую политику настойчиво проводит Федеральная резервная система, ведающая выпуском долларов США. Долговременные ее председатели – Поль Волькер и Аллан Гриншпан. И самые крупные состояния теперь образуются либо на биржевых спекуляциях, либо на производстве объектов «виртуальной реальности». Да и наша революция 1917 года провозглашала «интернационализм», то есть порывала с такими «бутафорскими яствами», как родина и патриотизм. Тогда же боролись и против «буржуазной семьи». Да и «сексуальная революция», бушевавшая на Западе в 1960–1970-е годы, ставила ту же цель. А употребление наркотиков понималось как путь к уничтожению «буржуазной репрессивной индивидуальности». И в книге Жака Аттали, написанной 10 лет назад, предсказывается, что в XXI веке судьбу человечества будет определять новое поколение победителей и побежденных:

«Покончив с любой национальной “привязкой”, порвав семейные узы, заменив все это миниатюрными

микропроцессорами... потребители из привилегированных районов мира превратятся в “богатых номадов”. Возникнут и мириады бедных кочевников. Эти обнищавшие пираты будут курсировать по всей планете в поисках пропитания и крова над головой. Чувство привязанности к тому месту, которое рождало все культуры, превратится лишь в слабое, достойное сожаления воспоминание».

И в качестве итога:

«Он (человек) со вставленными в него искусственными органами станет и сам искусственным существом, которое можно будет купить или продать, как любой другой предмет или товар...

Таким образом он приобщится к тому, что в конечном счете восходит к культу индустриального каннибализма».

Можно было бы отмахнуться от всего этого как от несерьезной риторики. Но автор – фигура серьезная (из алжирских евреев; был экономическим советником президента Миттерана, потом – первым президентом созданного Международного валютного фонда). Видимо, он хочет передать какие-то тенденции теперешней правящей элиты мира. И впечатляющее совпадение даже в терминах – Гершензон говорит о еврейской религии и законах: «образовались не обычным путем, не в прочном укоренении оседлости, а на ходу, в движении»; Аттали – о будущей «цивилизации кочевников», «ведущие оседлый образ жизни общества – только промежуточный этап между двумя этапами номадизма».

Если признать верным мнение Гершензона, что всю историю еврейства пронизывает стремление к «от-

рыву от корней», «отрыву от земли», то здесь, в этом направлении, оно шло впереди человечества. Причем его мысль сформулирована Гершензоном еще тогда, когда только формировались предпосылки для «постиндустриального общества».

Гершензон утверждает, что, развивая эту тенденцию, еврейство этим помогает осуществить «цель, к которой стремится все человечество». Все ли оно действительно к этому стремится, установить трудно, но течение такое несомненно существует. Несколько конкретнее он поясняет это положение тем, что в результате «все мирские ценности» станут «как бутафорские яства». Возможно, здесь и лежит причина всех конфликтов между еврейством и другими народами, тянувшихся через всю историю. Другие народы не просто консервативно держатся за свои «мирские ценности» – они чувствуют, что их потеря равнозначна гибели народа. Религия, национальные традиции, мораль, семья – составляют «невидимое тело» народа, без которого его видимое тело гибнет. Заведомо все «обычные», существовавшие до сих пор народы (кроме, может быть, еврейского) не способны насытиться этой «пищей, которую мир еще не вкушал», по формулировке Гершензона. Для них свои земные ценности не «бутафорские яства», а условие, без которого они не смогут существовать.

В то же время мы видели, какой колоссальной силой обладает еврейство и с какой невероятной энергией эту силу применяет для насаждения принципов, которые стремится внушить остальному человечеству – будь то всемирная революция или господство «мировых ценностей» в унифицированном «новом мире».

В гл. 2 мы приводили слова Гретца, что миссия евреев – стать учителями всего человечества. Эта точка

зрения высказывалась многократно. В отношении к России ее недавно сформулировал один еврейский поэт:

Мы там, куда нас не просили,
Но темной ночью до зари
Мы пасынки слепой России
И мы ее поводыри.

Вот такая установка и была, возможно, «общим знаменателем» всех столь разнородных конфликтов, в которые еврейство было втянуто в своей истории, а обвинения в жестоком ростовщическом проценте, винокурении и даже в стремлении к руководству революционной работой или деятельности в ЧК – ГПУ – НКВД – только частными проявлениями этого столкновения мировоззрений.

3. Опять вопрос о власти

Если еще раз даже бегло перечитать предшествующие главы, то, мне кажется, прежде всего бросится в глаза одно явление – поразительный рост влияния еврейства во всем мире. Американец Дюк пишет, что в патриотических кругах США тамошнюю власть характеризуют как СОП – сионистское оккупационное правительство. Если таково положение в США, то что же сказать о всем мире, которому они сейчас диктуют свою власть? Поэтому вряд ли можно ориентироваться в современной мировой ситуации, если избегать самого, вероятно, запретного вопроса: есть ли основания для утверждения, что сейчас имеется еврейская власть над миром?

Мне кажется, что на такой вопрос нельзя просто ответить «да» или «нет». Да так, собственно, обстоит

дело с большинством вопросов жизни. Один покойный математик смеялся над попытками получить на любой вопрос один из этих двух ответов: а если бы вас спросили, сколько вам лет? – говорил он.

Мне представляется, что ситуация в мире сейчас близка к той, которая нами обсуждалась в гл. 11. Там мы обсуждали уже вопрос: верно ли, что первые годы после революции 1917 года в России была еврейская власть? Интересное соображение на эту тему высказывает, как мне кажется, С. Семанов в недавней статье. Он говорит, что среди французов распространено убеждение, будто все немцы – блондины. Фактически, оказывается, блондинов среди немцев меньше половины. Но все же процент блондинов среди немцев во много раз больше, чем среди французов. Так что неверное мнение французов отражает объективно верное наблюдение. Такой же степенью достоверности, говорит Семанов, обладает и часто высказывавшееся мнение, что «Советская власть в первые два десятилетия после революции была еврейской». Мне кажется, во всех этих случаях речь идет о приближенном утверждении, пренебрегающем рядом деталей. Так, мы можем рассматривать отдаленный предмет в общих очертаниях невооруженным глазом или, если нам нужно видеть его в подробностях, в подзорную трубу. С этой точки зрения, вероятно, нечего пенять американцу Дюку, когда он говорит, что власть в России после революции принадлежала евреям, ему достаточно и такой степени приближения. Но русскому важно знать свою историю в больших деталях, тем более, что сейчас для этого есть возможность.

Таким же первым приближением к истине представляется мне утверждение, что сейчас существует власть «еврейства» над всем миром. Оно отражает

некоторую важную истину, что в нескольких ключевых сферах деятельности, связанных с властью: финансах, СМИ, политической машине, – евреи занимают исключительно влиятельное место и когда они настроены единообразно, способны играть определяющую роль. Но такое приближенное видение игнорирует ряд важных деталей. Прежде всего, речь идет не обо «всем мире»: этим силам не подчинен Китай, в значительной степени – Индия. Еще не полностью – Россия. Во-вторых, ни в какой структуре, связанной с властью, евреи не занимают все места. Еврейское влияние эффективно именно тем, что оно проявляется в течениях (будь то мировая пролетарская революция или рыночная экономика и «мировые ценности»), захватывающих многих представителей других народов – русских, немцев, англосаксов.

Мы сталкиваемся здесь с непривычной формой доминирования или власти. Она отличается, например, от власти арабов в период мусульманской экспансии (VII–VIII вв.). Тогда все было ясно. Была четко провозглашенная идеология – ислам. Столь же четко было и деление на господствующих и подчиняющихся (например, налоги платили только покоренные немусульмане). Причем, некоторое время это деление было и этническим – мусульмане, в основном, были арабами.

Теперь многие чувствуют, что над большей частью мира установлена новая власть: противники называют ее «мондиализмом» или «глобализмом», и она связана с доминирующим еврейским влиянием такого же масштаба, как в России в первые десятилетия коммунистической власти. Как и тогда, самая существенная особенность новой власти заключается в том, что еврейское влияние в ней несводимо к цифрам, выражающим еврейское присутствие. То есть чувствуется, что

поражающие цифры можно установить, но не в них суть дела. Предположим, во главе какого-нибудь всемирного банка стоит человек с очень типичной еврейской фамилией. Но ведь не он определяет политику банка (во всяком случае, не единолично). А состав совета директоров узнать гораздо труднее, да и вполне предполагаю возможным, что евреи там большинства не составляют. И ведь в случае необходимости главой можно было сделать какого-нибудь лорда: они для этого особенно подходят. Сейчас нет никакой возможности оценить, какой процент мест занимает еврейство в важнейших структурах мировой власти, да в этом и нет необходимости: видно, что участие этого фермента необходимо для эффективного функционирования власти. Вопрос не меряется числами: в человеческом организме присутствуют ферменты в долях, измеряемых миллионными частями грамма, но наличие их абсолютно необходимо для жизни организма.

С другой стороны, вся эта власть действует во все не в направлении удовлетворения непосредственных, человеческих интересов основной массы 14 или 15 млн евреев мира. И. Шахак, С. Марголина и другие выражают чувства тех, кому невмоготу жить, замыкаясь в «закрытые» еврейские общества, находиться под постоянным давлением их руководства и поддерживаемых искусственно древних страхов и табу. Да так было и всегда. Ни еврейские революционеры в России, ни еврейские банкиры, снабжавшие их деньгами, не заботились о судьбе сотен тысяч евреев, которые будут разорены в результате революции или убиты в смуте, как и руководители еврейских организаций США, призывавшие к экономической войне с гитлеровской Германией, разжигавшие страсти, которые привели к терактам против немецких функцио-

неров, видимо и сейчас игнорируют связь этого с тем, что они называют «холокостом». Я, по крайней мере, никогда не видел обсуждения возникающей тут проблемы ответственности. Ведь они-то знали, с кем имеют дело. А «План Кауфмана» или «План Моргентау» ведь мог прямо служить листовкой для возбуждения духа «зондеркоманд».

Я помню, как впервые, лет 30 тому назад, столкнулся с подобным же отношением в одной рукописи, ходившей тогда по рукам. Автор, чрезвычайно национально-ориентированный еврей, видел будущее еврейского народа в развитии государства Израиль на основе принятия христианства все большим числом евреев. Попутно он упоминал о евреях, погибших от гитлеровских гонений, и ставил вопрос: как же нам к ним относиться? Ответ поразил меня:

«Они были безнадежны для создания нашего нового государства. Это была “сухая солома”, которая должна была сгореть».

Я тогда так и ахнул, ведь писал это еврейский националист! Однако с тех пор такие высказывания (а иногда обвинения сионистского руководства в такой точке зрения) время от времени всплывали, как и сам термин «сухая солома». Да и жизнь евреев под властью кагалов, судов «бет-дин» и «тайных преследователей», как ее описывает, например, Брафман, рисуется очень не сладкой. Брафман и пишет:

«Талмуд, лежащий в основании жизни евреев, еще в древности разделил их на два, резко разграниченные между собой сословия – патрициев и плебеев – и определил их отношения специальными правилами».

Среди этих правил и такие, что плебей «не посвящен ни в какие тайны», его «позволяется разорвать, как рыбу», семейные связи патриция с ним рассматриваются как скотоложество. Все государственные повинности распределяются патрициями и ложатся на плебеев.

Уже в послевоенное время (1960-е гг.) исследователь еврейского происхождения Анна Аренд в книге о происхождении тоталитаризма говорит об особых взаимоотношениях еврейства и власти при «старом режиме» (до эпохи Французской революции) в Европе. Эти отношения основывались, по ее мнению, на привилегированном положении «избранных» евреев, т. е. верха еврейских общин.

Такое положение они удерживали за счет того, что препятствовали модернизации остальной части общин. В том, что еврейские банкиры продолжали оставаться чуть ли не единственной опорой власти в эпоху демократических революций, А. Аренд видит одну из причин антиеврейских чувств («антисемитизма»), развившихся, в конце концов, в действиях нацистских властей («катастрофа»).

Таким образом, вопрос о влиянии «еврейства» не является национальным вопросом, он не укладывается и в религиозные рамки. В конечном счете, это вопрос о власти, причем сейчас идет речь о власти почти над всем миром.

Положение во многом аналогично тому, которое было в России после революции 1917 года. Процесс «глобализации» вызван глубокими историческими причинами, которые связаны с прошлым западно-европейских народов. Но для его быстрого завершения и эффективного поддержания вновь складывающейся власти необходим тот «фермент», который дает «еврейство».

4. Заметки для России

Более чем для какой-либо другой страны, для России сейчас очевидна необходимость выработки осознанного, национального отношения к феномену «еврейства». В XX веке Россия пережила две катастрофы революционного характера: 1917 год и переворот конца 1980–1990-х годов, которые вместе настолько ее потрясли, что сейчас под вопросом находится ее дальнейшее существование. В обоих этих катастрофах громадную роль играла еврейская часть населения России. В обоих случаях народ оказался расколот – в 1917 году на «белых» и «красных», в 1990-е годы – на «патриотов» и «демократов». И в обоих случаях еврейство как целое определенно связало себя с одной стороной: с совершившимся переворотом. Это – фундаментальный исторический факт, касающийся и русского, и еврейского народа. Он должен быть как-то осознан обоими народами – и еврейским, и русским, на этом примере видно будет, насколько способен каждый из этих народов осознать свою историю.

Хочу подчеркнуть, что, говоря о выработке своего осознанного отношения к еврейству, я вовсе не имею в виду, что тем самым произойдет «решение еврейского вопроса» (в России). Как говорит Топоров,

«“окончательное решение”, насильственная депортация и прочие “прелести”, грезящиеся пусть крайне незначительным национал-радикалам, неосуществимы хотя бы практически».

(По его оценкам, сейчас в России нюрнбергские законы распространялись бы на 10–15 млн человек.) Да абсурдность подобных импульсов и продемонстрирована уже убедительно Гитлером. В его речах такая фор-

мулировка несколько раз встречалась, но он, кажется, так никогда и не сказал, что он под этим «решением» подразумевал. И мне кажется, что на самом деле у него никакой определенной мысли и не было. Одно время он обсуждал идею выселения европейских евреев на Мадагаскар, но для этого ему не хватило Мадагаскара (да и многого еще). И самое главное, такой путь уродует душу избравшего его народа, а у русских никогда и не найдет отклика – «это доказано научно», как сказал Березовский в беседе с Тополем.

Кроме того, подобная формулировка вообще кажется мне опасной в принципе, так как она маскирует незаметную логическую ловушку. Когда говорят о «решении» какого-то вопроса, то молчаливо предполагают, что такое «решение», хотя бы теоретически, существует, надо только его найти. А это часто далеко не очевидно и иногда просто неверно. Математика, например, знает множество вопросов, не имеющих решения: квадратура круга, трисекция угла и т. д. Доказательство отсутствия решения вопроса (при точной его формулировке) часто бывает даже связано с большим прогрессом в науке.

Вот поучительный пример, касающийся именно того вопроса, который нас в этой работе интересует. Как уже упоминалось в гл. 4, в начале XIX века, при правлении Павла I, Державину было поручено расследовать причины бедственного положения крестьян Белоруссии (частых голодов). Он пришел к выводу, что в числе нескольких причин большую роль играет экономическая деятельность тамошних евреев. В поданном им «Мнении» он предлагает систему мер, таких, как: отмена власти кагалов и учрежденных ими сборов; изменение системы образования евреев; отмена ранних среди них браков; привлечение евреев к фабричному

и ремесленному труду; создание новых фабрик; привлечение их к сельскохозяйственному труду; переселения. Эти предложения вызвали энергичное сопротивление кагалов. Их действия отражены в книге Брафмана (документы 280–286). В одном из приводимых им документов (№ 280) говорится:

«Суббота, 1-го числа тебер 5562 (1802) года, неделя по отделу Миккец.

В чрезвычайном собрании в присутствии предводителей городов и всего кагального состава постановлено вследствие неблагоприятных вестей из столицы – Петербурга – о том, что судьба всех евреев передана ныне в руки пяти сановников, которым дана полная власть распоряжаться ею по своему усмотрению, мы принуждены отправиться в Петербург с целью просить Государя, да возвысится его слава, чтобы у нас никаких нововведений не было. А так как это дело требует многих расходов, то с общего согласия решено установить временный процентный сбор, который должен быть введен в следующем порядке: 1) от наличных капиталов, товаров и обеспеченных долгов всякий должен внести 0,5%; 2) от недвижимого имущества 0,25%; 3) от годичных доходов с домов и лавок владельцы обязаны внести 10%; 4) молодые четы, живущие на иждивении своих родителей – 1% со всего их состояния...»

Державин приводит дошедший до него слух об этом сборе и что таким образом предполагалось собрать 1 млн рублей на «подарки». И вот четко продуманная Державиным система мероприятий была передана (уже при Александре I) в комитет, где большинство составляли богатые землевладельцы (в основном – поляки), сдававшие свои земли в аренду евреям. Александр I все более отчуждался от Державина, и тот под конец был

уволен с поста министра, который занимал, а комитет решил все оставить по-прежнему.

Сейчас можно было сказать, что этого заранее следовало ожидать. Тогда наивность Державина была объяснима: это было время, когда Россия лишь несколько десятилетий как включала большие массы евреев в свое население. Сложность и трудность проблемы тогда не была еще ясна. Но нам-то видно, что речь идет о «вопросе», который пытались «решать» и египетские фараоны, и ассиро-вавилонские цари, и римские императоры, и средневековые короли, и русские цари, и Гитлер. И все одинаково неудачно. Нет признаков того, что люди стали за протекшее время настолько мудрее, что теперь смогут этот вопрос «решить». Более вероятно, что он относится к числу «неразрешимых» – по крайней мере, в рамках того периода истории, который охватывает последние тысячелетия.

Такая странная, казалось бы, ситуация: «вопрос» есть, а «решения» – нет. Но, с другой стороны, довольно обычная жизненная ситуация. Вот, например, я старею – это мой «вопрос». Есть ли у него «решение»? По-видимому, нет (если исключить то, которым воспользовался Фауст – подписывать договор кровью, обращаться к ведьме...) Но здесь есть две линии поведения. Я мог бы игнорировать свой «вопрос», т. е. вести себя так, будто остаюсь молодым. Вероятно, это быстро кончилось бы плохо. Например, я отправился бы на восхождение, у меня закружилась бы голова, я сорвался бы и разбился, а заодно, может быть, сорвал бы и того, с кем связан одной веревкой. Или я могу отдать себе отчет в своем «вопросе» и попытаться с ним жить, т. е. учитывать его в своем поведении. Видимо, такова же единственная реальная установка, которую русские могут принять в «вопросе» русско-еврейских отношений.

Во всяком случае, представляется совершенно очевидным, что никакая эмиграция вопроса русско-еврейских отношений не разрешит. Не существует страны, способной принять такое население – на это не способен не только Израиль, но и США. Да и нет стремления к такому масштабу отъезду. Мне кажется вполне обоснованной точка зрения А. Севастьянова (его аргументы приведены в гл. 15), согласно которой влиятельные еврейские круги больше не считают для себя существенной задачей – эмиграцию евреев из России в Израиль. Например, С. Марголина писала (в начале 1990-х гг.):

«Сейчас опять совершается Исход, размер еврейской эмиграции из Советского Союза не оставляет никакого сомнения в том, что речь идет о ликвидации одного из крупнейших центров еврейства в Новейшей истории».

Да и в сборнике «Русская идея и евреи» почти каждая статья прокламирует этот Исход, а один автор даже спрашивает, не знак ли это божественного проклятия: «Се, остается вам дом ваш пуст»!! Сейчас, однако, уже ясно, что никакой «Исход» нам не грозит (включая и божественное проклятие). И не видно причин, которые могли бы в обозримое время изменить это положение. Когда-то Ахад-Гаам писал: «Еврейская масса осуждена оставаться в рассеянии». Точно так же русские «осуждены» в ближайший исторический период жить рядом с крупной (одной из крупнейших в мире) еврейской общиной, а она «осуждена» жить рядом с нами. И только учитывая этот факт, мы можем реально планировать свое будущее.

Русские, безусловно, могут сотрудничать и с ортодоксальными иудаистами, не собирающимися покидать России, и с теми, кто ставит себе целью переезд в Изра-

иль, и со всеми другими оттенками «находящихся в еврейской сфере». Могут сотрудничать в науке, искусстве, предпринимательстве, любой работе. Причем евреи будут полезны России именно потому, что они так отличаются от других народов. Но одно условие является предпосылкой существования любого народа и устойчивой жизни его страны. Условие это заключается в том, что власть в стране, которую он составляет, должна, в основном, находиться в руках этого народа, должна хоть приближенно отражать этнический состав страны. Причем не только вершина государственной власти: глава государства или правительство, но руководство всех уровней и во всех областях деятельности – в политике, СМИ, культуре, господствующей Церкви, экономике, и (как это ни трудно) даже в финансах.

В XX веке Россия приобрела такой богатейший опыт, испытала, кажется, все известные формы правления: неограниченную монархию, конституционную монархию, тоталитарный строй и демократию партий по западному образцу. И всюду мы видели, что существует некоторый правящий слой. А функция той или иной формы правления – добиться, чтобы этот правящий слой обеспечивал выполнение тех важнейших требований, которые остальное население ставит в жизни. Только представители власти, родственной по происхождению остальному народу, способны почувствовать, какие решения могут быть приняты народом в качестве «своих». Только в этих рамках решения могут находиться различными путями: голосованием, захватом власти и т. д.

А если сохранится положение вроде того, которое (очень схематично) рисует Тополь?

«У нас (по контексту – евреев) вся финансовая власть, а правительство состоит из полуевреев Кири-

енко и Чубайса, – то такая власть, даже вопреки своему желанию, будет толкать Россию в катастрофическом направлении. Сам принцип связи народа и власти не механичен. Для его осуществления необходимо, чтобы власть в России находилась в русских руках. Иначе русские станут вымирать еще быстрее, перестанут защищать Россию, вообще утратят чувство связи своей судьбы и судьбы страны. Россия рухнет в пропасть раздоров и иноземных завоеваний, где погибнет множество не только русских, но и евреев (да может обернуться и всемирной катастрофой). Аккуратно, постепенно сделать Россию нерусской не удастся. Ведь русские – не североамериканские индейцы. Наоборот, сравнительно с русскими, еврейство более архаично: вырастает в современную жизнь, опираясь на древние концепции, отчасти – ветхозаветные, отчасти – талмудические и постталмудические».

В этом, как мне представляется, и состоит основная причина русского кризиса, что власть у нас нерусская, причем уже почти целый век. Да и раньше, до революции, жизнь все больше кренилась в эту сторону. Формулировка из статьи Тополя, что «мы получили реальную власть в этой стране», является очень упрощенным отражением сложной картины. Реально власть международная («интернационалистская» – как и раньше). В элите этой власти еврейство численно, вероятно, в меньшинстве, но играет чрезвычайно существенную роль, благодаря выработавшемуся в нем «механизму сплочения» и своей идентификации с властью. Поэтому понимание его роли есть необходимая предпосылка сохранения, в нынешних условиях, русского народа.

Такая точка зрения кажется особенно очевидной в современной России, где более 80% населения – русские. С другой стороны, мы видели, к каким катастрофиче-

ским последствиям приводит нарушение принципа родственной, национальной связи власти и народа. Любая революция есть потрясение. Но не обязательно она связана с уничтожением целых слоев населения, всей исторической традиции. Когда же руководство в ней оказалось с громадным перекосом нерусским, она привела к серии катастроф. Если бы народ обладал тогда теперешним опытом, он мог бы почувствовать, уже по одному этому признаку, что это какая-то «не наша» революция, хорошего от нее русским и России нечего ждать.

Таким образом, мы можем сформулировать следующие положения:

1. Русские живут под одним небом с исключительно сильной, «пассионарной» «исторической общностью», в ряде отношений гораздо более сильной, чем многие народы. Например, своим многотысячелетним историческим опытом, или особенным «механизмом сплочения», выработанным за эти тысячелетия чувством – «как одна семья», по словам Гершензона и рабби Штейнзальца, – до которого нам, русским, еще очень далеко. Можно лишь с завистью прочесть одну из заповедей средневекового раввина, приведенную Шахаком:

«Любить каждого еврея – значит заботиться о нем, как о самом себе».

(Правда, в форме для русских чуждой: «заботиться о нем и о его деньгах, как о себе и своих деньгах».)

2. Существование в одной стране с влиятельной группой, отождествляющей себя с еврейством, или, по терминологии Л. Радзиховского, находящейся «в еврейской сфере» – это судьба русских на ближайшем этапе истории.

3. Мы должны жить вместе, но это очень непростое сосуществование. У многих евреев жизнь среди русских, в русской по духу стране, вызывает яростное неприятие. Какова основа этого неприятия? Что рождало Гершуни, Богрова, Свердлова, Френкеля? – понять трудно, да, может быть, и не это сейчас главное. Важнее этот факт признать. Конечно, это было не «неравноправие», не еврейские погромы или «дело Бейлиса». Хотя вера в это глубоко укоренилась в еврейской среде. Но ведь начиная с середины XIX века в Германии не существовало для евреев никаких ограничений. Германия часто приводилась как пример страны, где евреи не имеют претензий к обществу – и ставилась в пример России. И тем не менее, как мы видели, участие евреев в руководстве германской революцией 1918–1923 годов было едва ли не больше, чем в русской 1917 года. И если революция в Германии тогда не победила, то уж не потому, что в нее было вложено мало еврейских сил.

Отношение Вейцмана к России дает пример этого априорного неприятия. Так, он пишет:

«Я мало знал о язычниках, но уже очень рано они стали для меня символами злых сил, с которыми я должен сражаться, напрягая все свои молодые способности, чтобы завоевать свое место в жизни».

И действительно, он часто говорит о своей ненависти к России, даже не пытаясь ее объяснить: «зная о моей ненависти к России, он обратился ко мне...» и т. д.

И это радикальное неприятие именно русского строя жизни мы встречали вплоть до последнего времени (см. главу 15).

Такое печальное обстоятельство надо иметь в виду, не закрывая на него глаза. Видимо, есть что-то

в русских для определенного духовного склада трудно переносимое. Но не нам же, благодаря этому, ломать свою национальную психику. Тем, кому невмоготу с нами жить, надо, конечно, дать возможность уехать – да такая возможность сейчас и есть. С теми, кто предпочитает остаться, найти форму сосуществования. Для них, по возможности, безболезненную, но прежде всего предполагающую сохранение русской национальной идентичности. Ведь мы просто не можем уехать из своей страны, да нам, в масштабе народа, некуда и ехать.

4. Чтобы Россия была жизнеспособной, власть, во всех областях жизни и на всех уровнях, должна быть, в основном, русской, а в ближайшие века наиболее вероятный претендент на власть с нерусской стороны – это представители мирового еврейства (хотя не исключительно они). Тем не менее такая констатация никак не связана с каким-либо духом озлобления. Концепция «возмездия» вообще чужда русскому сознанию. В русском сознании, например, монгольское завоевание отнюдь не отпечаталось как холокост. Тут просто формулируется условие – и логически довольно очевидное, и на опыте не раз подтвержденное – для нормальной, устойчивой жизни народа. Без чего вся наша страна долго не просуществует, а это трагично ударит по всем ее жителям, – включая и живущих здесь евреев. Да и неоднократно раздавались протесты, именно с еврейской стороны, против тех путей, на которые толкает жизнь международное еврейство.

Существует уже старинная традиция такого «еврейского диссидентства». Вероятно, она начинается еще со знаменитого Д'Акосты (XVII в.): Брафман, авторы сборника «Россия и евреи», Анна Арндт. Уже в послевоенное время – С. Марголина. Она пишет, например, о бестакт-

ности современных евреев, слишком громко стонущих о преследованиях, якобы переживаемых ими:

«В сравнении с кровавыми столкновениями в Нагорном Карабахе, повешенными узбекскими детьми и разорванными на части женщинами, в сравнении с замерзшими в снегу осетинскими грудными младенцами еврейский вопрос с размазыванием антисемитизма и погромными фантазиями не занимает слишком видного места. Солидный моральный капитал, приобретенный евреями в связи с Освенцимом, по-видимому, растрочен. Мир тоже имеет теперь право относиться к евреям, как ко всем другим народам. Судьбу евреев нельзя отрывать от судьбы других народов, борьба за права евреев не прогрессивнее борьбы за права других народов».

Так же и Топоров:

«И все же существует некая национальная паранойя, заставляющая евреев всячески раздувать мимолетную, уже минувшую или вовсе мнимую опасность, самым пагубным для себя образом, пренебрегая по времени опасностью подлинной».

Наконец, Шахак просто с отчаянием пишет о превращении Израиля в тоталитарное государство:

«Исторический иудаизм и два его наследника, ортодоксальный иудаизм и сионизм, оба являются заклятыми врагами концепции открытого общества в применении к Израилю».

Он призывает пересмотреть отношение к «еврейскому прошлому», признать существование «еврейской исключительности» и даже адресует той идеологии, на

которой и то, и другое основывается, призыв Вольтера: «Раздавить гадину!»

Было бы чудесно, если бы некоторый духовный переворот внутри еврейского народа устранил давление международного еврейства, которое мы испытали в течение протекшего века: «хождение во власть», отношение к нашим жизненным ценностям как «бутафорским яствам». Но ни один народ не может полагаться на то, что решение его проблем само придет извне. Поэтому, надеясь на то, что известные нам публицисты отражают широкое течение еврейской мысли, русские могут в вопросах, касающихся их будущности, рассчитывать только на свои силы.

5. Конечно, в теперешнем положении России, вообще звучит горькой иронией – говорить о каких-то русских силах. Но надо надеяться на то, что всеми пережитыми катастрофами русский народ все же не убит, а только сбит с ног и постепенно приходит в себя.

К тому же, главная сила, которой сейчас придавлена Россия, – денационализировавшееся общество Запада, международный финансовый капитал с центром в США и такими орудиями, как НАТО, – сама переживает глубокий кризис. Упадок духовного творчества – и художественного, и научного, – падение роли национальных государств, рост ощущения «конца», грозящей гибели – атомной ли войны, перенаселения ли или экологического кризиса, – наконец, глубокий финансовый кризис и рост терроризма (а, может быть, терроризм и есть попытка скрыть финансовый кризис) – все это признаки конца того типа цивилизации, который сложился в Западной Европе и США. XXI век неизбежно будет свидетелем падения этого цивилизационного типа: примером такого внезапного распада было разрушение Советского Союза. В последней своей работе

я подробно проанализировал аргументы, подтверждающие неизбежность этого исхода. Тогда бремя, давящее Россию, несравненно уменьшится и появится вероятная возможность самим определять свою судьбу. Именно такое предположение дает, во всяком случае, основание для продолжения жизни и усилий:

Пусть бой и неравен, борьба безнадежна.
Над нами светила молчат в вышине,
Под нами могилы – молчат и оне.

Истинный трагизм нашей истории заключается в том, что к этому моменту, когда физически мы могли бы определять свое будущее, мы можем оказаться не готовыми идейно. Именно поэтому, как предпосылку создания русской власти, следует нашей первой задачей поставить – отстоять свое право осмысливать, обсуждать свою судьбу и историю. Обсуждать свободно, не оговариваясь десять раз, что «хоть мы и русские, – но не шовинисты», не стремясь каждое высказывание уравновесить другим, его смягчающим, не двигаясь тут, как солдат по заминированному полю, в результате чего читатель (а может быть, и сам автор) перестает понимать, о чем, собственно, идет речь. Одним словом, без «внутреннего цензора» (не говоря уж о внешнем). Ведь мы принадлежим к виду *Homo sapiens*, и разум, способность обсуждения и понимания является одним из самых мощных орудий, которыми человек пользовался за все время своего существования. Как же можно требовать, чтобы в вопросе, столь важном для нашего народа, мы от него отказались или пользовались им только в определенных узких рамках?

6. А ведь именно в вопросе, который обсуждается в этой работе, давление на человеческую мысль особенно

сильно – почти по всему миру. Именно здесь сейчас пролегла линия борьбы за свободу мышления. Обвинение в «антисемитизме», о котором один американский публицист сказал: «Что это такое – никто не знает, но всякий знает, что если вас в этом обвинят, то ждите больших неприятностей», – используется ведь, чаще всего, именно как цензурный аргумент.

Недавно вся ситуация выкристаллизовалась очень ясно на одном примере. В связи с появившейся книгой Солженицына, посвященной русско-еврейским отношениям, редактор «Международной еврейской газеты» высказался неодобрительно:

«Сегодня не та пора, когда стране нужно очередное противостояние, которое ни к чему позитивному не приведет, лишь создаст еще один, на этот раз весьма опасный узел».

То есть, говоря словами Тополя:

«Впервые за тысячу лет с момента поселения евреев в России мы получили реальную власть в этой стране».

И теперь уже «не та пора, когда» стоит вспоминать, как это получилось. Высказана очень понятная мысль и очень разумная – но с точки зрения еврейства. С русской точки зрения, столь же естественно попытаться понять, как такая ситуация сложилась, чтобы ее изменить и добиться того, чтобы она больше не повторилась.

Еще яснее этот мотив звучит в отклике на ту же книгу небезызвестного Марка Дейча:

«Зачем “живому классику” это постыдство и даже я бы сказал, паскудство – сто лет спустя подробно выяс-

нять, было ли преувеличено некое газетное сообщение о зверствах погромщиков?»

Тут уж прямо высказана запретность неприкасаемой темы. И действительно, криминал находится уже на первой странице книги, где автор говорит:

«...я верю, что эта история – попытка вникнуть в нее – не должна оставаться “запрещенной”».

7. Вопрос, который мы обсуждали в этой работе, очень важен для русского народа. Найти к нему то отношение, которое соответствует нашим национальным интересам, – это необходимое условие дальнейшего существования России. Но в математике, например, четко различаются необходимые и достаточные условия. И выработка верного подхода к вопросу о русско-еврейских отношениях является, безусловно, лишь необходимым условием дальнейшего существования России. Пусть мы добьемся того, что власть в России на разных уровнях будет по преимуществу русской. Но где гарантия, что она найдет правильное решение? Ведь и русская власть может оказаться продажной, эгоистической или просто глупой. Да и в своей истории мы видели ряд примеров. Например, в Смутное время одни бояре самых древних родов звали в Кремль польского короля, а другие спешили поклониться Тушинскому вору. И разрушительные импульсы, приведшие под конец к революции, имели основоположниками дворян древних родов: Чадаев, Бакунин, Герцен. А в следующем поколении те, кто вырабатывал идеологию враждебности к исторической России – Чернышевский, Добролюбов, Писарев – были, безусловно, русскими. Как потом и множество революционеров, еще позже – «демократов», тоже были

русскими. Русским было и Временное правительство, и горбачевское Политбюро. Да и в наше время, если бы отсутствие заметного еврейского влияния гарантировало следование русским интересам, то идеальной партией были бы современные коммунисты. А они, несмотря на все драпировки, все время идут на компромиссы за счет русских интересов: Крыма, Севастополя, Приднестровья и т. д. Да и вообще, видимо, неправильно видеть причину всех трудностей и несчастий народной жизни в каком-то *одном внешнем* факторе. Так, Лев Толстой не раз говорил, что главная причина всех бед – частная собственность на землю. Как ему повезло, что он не дожил до 30-х годов, когда ее отменяли! Меньше повезло многим антикоммунистам, которые были уверены, что стоит устранить коммунистическую власть – и остальное уж как-то устроится. И многие дожили до того, что коммунизм действительно исчез, но жизнь стала только хуже. В таком же положении можно оказаться, если сейчас поверить, что основная и единственная причина русских катастроф – непропорциональное еврейское влияние на русскую историю.

8. Выработать тот подход к русско-еврейским отношениям, который соответствовал бы русским национальным интересам, – лишь необходимое условие выхода России из теперешнего кризиса. *Лишь необходимое, но жизненно важное.* Еврейское влияние на русскую историю XX века было громадным. Это факт, говоря словами Левина (в сборнике «Россия и евреи»), «безусловный, который надлежит объяснить, но бесполезно и бесцельно отрицать». Конечно, не это влияние определяло русскую историю, но уже появившимся в ней тенденциям оно давало радикальную интерпретацию, часто катастрофическую для русской судьбы. Чтобы оценить еврейское влияние, совершим «мыс-

ленный эксперимент»: предположим, что по какой-то фантастической причине евреи в XX веке вообще не влияли бы на жизнь России. Конечно, все равно Россия переживала бы кризис в начале XX века. Но исчезла бы почти вся финансовая база оппозиционной печати, да и большинства партий. Конечно, деньги все равно давали бы Рябушинский и Морозов, но масштаб был бы совсем не тот. Не оказалось бы руководителей у Боевой организации эсеров, не было бы «Бунда», во главе социал-демократов Плеханов был бы почти в одиночестве и не сумел бы создать большевизм. Не состоялось бы убийство Столыпина. Можно сказать, что нашелся бы русский убийца, как русские террористы, покушавшиеся на него на Аптекарском острове. Но ведь то покушение и не удалось; исполнители, значит, были недостаточно «способными». Бесполезно гадать, как пошла бы наша история, но ясно, что иначе. Может быть, Февральская революция кончилась бы ничем, как революция 1905 года; может быть, силы крестьянских восстаний и белых армий победили бы в Гражданской войне; или коллективизация не удалась бы. Видно только, что история пошла бы иначе, а ведь и небольшого облегчения падавших на Россию ударов было достаточно, чтобы она выкарабкалась – судьба ее не раз колебалась, как весы.

И такой же «мысленный эксперимент» даст тот же результат в связи со «второй революцией» – переворотом 1990-х годов. Дело не в президентах СССР и России, явно слушавшихся каких-то чуждых сигналов. Но масса политиков, администраторов, финансистов, в основном по списку из статьи «Еврейское счастье», пропагандистов, мгновенно из коммунистов превратившихся в демократов, создала эффект настоящей лавины. А не будь разрушение всей жизни так стремительно, народ,

возможно, успел бы осознать происходящее, выделить из себя какие-то национальные силы.

Сравнение этих двух кризисов – 1917 года и 1990-х годов – показывает, что мы, русские, очень медленно усваиваем урок истории. Правда, и период, разделяющий оба кризиса, был очень неблагоприятный для осознания нами своей национальной судьбы. Но все же, хоть некоторые представители интеллигенции могли бы донести до народа более отчетливое видение. Но что жалеть о прошлом! Опасно, что и к следующему повороту истории мы можем оказаться столь же неподготовленными. Не допустить хоть этого – вот реальная задача, над которой еще можно, а значит, и должно работать.

9. Многие, размышлявшие об истории еврейства, приходили к тому, что имеют дело с загадкой. Как же нам быть перед лицом этой загадки, пока еще «не исполнились все времена и сроки»? Ведь просто игнорировать ее мы не можем, от нее зависит наша жизнь, да и само существование. В таком случае возможны три отношения. Первое – игнорировать саму проблему, убедить себя, что ее не существует. Это – худший выход. Он и был испробован при коммунистической власти, когда вообще вопрос о межнациональных отношениях пытались решить путем запрета его обсуждения (как, впрочем, и многие другие вопросы). Второй подход – постараться угадать разгадку, как бы перепрыгнуть пропасть незнания, отделяющую нас от ответа. Так возникло несколько концепций, из которых самой простой является концепция еврейского заговора, формируемого три тысячи лет тайным еврейским правительством. Все такие концепции имеют то общее, что их нельзя ни доказать, ни опровергнуть, да они и не претендуют на фактологическое или логическое обоснование. В них можно лишь верить или не верить. Третий под-

ход заключается в том, чтобы не претендовать на окончательный ответ, «разгадку». Но собрать те факты, которые можно извлечь из скопившегося за эти три тысячи лет фактического материала и сформулировать выводы, которые из них вытекают. А на этой почве попытаться нащупать некоторую линию поведения, хотя и сознавая, что она основывается на «неполной информации». Ведь в жизни мы никогда «полной информацией» не обладаем. Этот принцип и лежит в основе настоящей работы. Он следует мысли Гёте:

«...понять постижимое и спокойно принять непостижимое».

Жизнь полна загадок – и в математике, и в физике, и в биологии, и в истории – особенно во всем, что связано с человеком. Нужно известное чувство смирения, чтобы принять тот факт, что разгадку большинства из них никто не узнает в течение нашей жизни.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К «ТРЕХТЫСЯЧЕЛЕТНЕЙ ЗАГАДКЕ»¹

Я перечел свою книгу об истории еврейства («Трехтысячелетняя загадка»), и чувство, которое я испытал, было – неудовлетворенность. Уж раз автор замахнулся на такую широкую историческую перспективу, думал я, то он мог бы сделать больше конкретных наблюдений, освещающих современное положение и возможное будущее мира. Это я и хочу, в некоторой степе-

¹ «Наш современник». № 11. 2009.

ни, попытаться восполнить здесь. При этом все факты (включая и цитаты) берутся из моей книги. Естественно, выводы, к которым я прихожу, в некоторой степени повторяют книгу (или являются уточнением высказанных там мыслей).

Прежде всего, из всех собранных в моей книге фактов следует, что среди каких бы народов ни жили евреи, они всегда рассматриваются этими народами как опасные чужаки.

Конечно, взаимоотношения богатея и его должника, помещика и крестьянина и т. д. вызывают трения и часто приводят к межнациональным конфликтам. Но поразительно то, что наряду с армяно-азербайджанскими противоречиями, трениями между русскими и украинцами и т. д. всегда (т. е. на протяжении всего периода, от которого мы имеем надежно датированные источники) упоминается еще одна нация (или религиозная группа?). Это явление ведь можно наблюдать в течение примерно трех тысяч лет! Так что оно должно было бы стать предметом серьезных исторических размышлений. В периоды резкого изменения условий жизни та же самая нация (или религиозная группа?) часто с невиданной энергией участвует в этих изменениях и всегда именно в более радикальном лагере. (Как можно было видеть в Германии в период «революционной ситуации» в 1920-е годы и как произошло в нашей стране трижды за один XX век: в период революции 1917 года и ее укрепления, в период коллективизации около 1930 года и во время «перестройки» в 1990-е годы.) Причем в результате таких радикальных изменений жизни в нашей стране погибало каждый раз много миллионов людей: крестьян, защищавших свою землю, или уже не сопротивлявшихся крестьян, или просто людей (в том числе и детей), не научившихся «играть по новым правилам».

Само изложение фактов может происходить на самых разных уровнях – от никак не аргументированных и ни на чем не основанных заявлений (например, Диодор Сицилийский или Манефон утверждают, что евреи – это египтяне, зараженные какой-то кожной болезнью и изгнанные из Египта) до корректного, компетентного, хотя и очень осторожного обсуждения какой-то конкретной ситуации, вроде книги Вальта и Мершаймера «Израильское лобби» («The Israel Lobby»), но где тот же основной вопрос подразумевается. «Вопрос» же заключается в том, что небольшая часть населения страны определяет некоторые важные стороны ее жизни. Собственно, аналогичную точку зрения подтверждают и древнейшие (из надежно датированных) еврейские религиозные тексты. Для противодействия обсуждению этого «вопроса» применяется по всему миру (в разные времена) широкий диапазон средств: тюрьмы, суды, казни, журналистика и СМИ. То, что большинство народов, сталкивавшихся с еврейством, воспринимают его как потенциальный источник опасности, поясняют слова современного (и печатающегося в России) автора – Д. Фурмана: «Везде, во всем мире роль евреев в прогрессистских и революционных движениях всегда была совершенно не пропорциональна их удельному весу в населении». То есть (в согласии с высказываемой в моей книге точкой зрения) принципиальные изменения в обществе совершаются согласно некоторым общим законам, и их инициаторами ни в коей мере нельзя считать евреев. Но когда ход Истории приводит к слову традиции, к резкому изменению жизни, тогда возникают «прогрессистские и революционные движения», в которых роль евреев «всегда была совершенно не пропорциональна их удельному весу в населении».

Как показывает материал, собранный в моей книге, в последние несколько веков влияние евреев во всем

мире резко возросло – это, в последние десятилетия, связано с процессом, называемым «глобализацией». Кажется, что выполняются суждения немецкого публициста В. Марра, писавшего (в XIX в.) в книге «Победа еврейства над германством»: «Мы покорены, да еще нам запрещено об этом говорить». Как же в таком положении будут существовать другие народы мира? (Ведь из многих фактов, приведенных в моей книге, видно, что мстительность – существенная черта еврейской психологии и их участие в «прогрессистских и революционных движениях» часто стимулировались стремлением к мести за препятствия на пути к желаемым ими преобразованиям.) Поэтому можно предположить, что победа того «прогрессистского движения», которое во всем мире сейчас возглавляется евреями, приведет во всем мире к террору, аналогичному тому, который свирепствовал в нашей стране в 20-е и 30-е годы прошлого века. Кажется, что у человечества нет стратегии, способной этому противостоять. Но мне представляется, что такой путь возможен. О нем я и хотел здесь сказать – это и есть основное содержание настоящей работы.

Для оценки всей ситуации важно отметить, что «еврейский вопрос» существовал, как рассказывается в моей книге, примерно так же давно, как это можно проследить по письменным источникам. Точнее говоря, в ту эпоху, в которую человечество существовало в форме государств. (А на обсуждение более широкой исторической эпохи мы и не замахиваемся.) Так, ряд античных авторов называют тот «Исход из Египта», о котором рассказывает Библия, – «изгнанием». Во всяком случае, ту эпоху можно считать первым письменно зафиксированным проявлением «еврейского вопроса». Но тогда он отнюдь не был «решен», о чем свидетельствует вся дальнейшая история еврейства. Уже на на-

шей (по крайней мере – на моей) памяти Гитлер не раз говорил об «окончательном решении еврейского вопроса», но в чем заключалась эта «окончателность», как часто бывало с планами Гитлера, было неясно. Ведь большая часть еврейства находилась тогда в Америке, и повлиять на их судьбу Гитлер никак не мог. Таков исторический диапазон, в котором проявляется «еврейский вопрос». Из этого (и других фактов, собранных в моей книге) можно сделать вывод, что «вопрос» в принципе не разрешим (по крайней мере, в эпоху государственного существования народов). Этот тезис подробнее обсуждается в моей книге. То есть, по крайней мере, в ближайшие века мы обречены Историей жить с евреями, а они – с нами. Иначе говоря, разумный выход заключается в том, чтобы научиться жить с этим вопросом, который, видимо, не может быть «решен» в настоящих исторических условиях (так же как, например, невозможно полностью «искоренить преступность», хотя возможно принять меры для того, чтобы она не подчинила себе жизнь). «Вопрос» же для нас заключается в том, чтобы при этом сосуществовании мы смогли сохранить свое национальное лицо.

Намек на тот образ жизни, который мог бы удовлетворить этим условиям, содержится в одном замечании В. В. Розанова. В явной связи с тем же «вопросом» он обращает внимание на то, что аналогичная ситуация существует и в животном мире. А именно, большинство нам известных животных являются или травоядными, или плотоядными. Причем, как замечает Розанов, травоядные объединяются в большие стада, а численность плотоядных каким-то образом удерживается на сравнительно невысоком уровне. Эта аналогия между неевреями – травоядными и евреями – плотоядными подтверждается многими аргументами.

Во-первых, это аргумент численности, указанный Розановым. Действительно, даже в период господствующего положения в каком-либо обществе (например, в нашей стране в 20-е годы или сейчас в Израиле) евреи, несмотря на свою известную «плодовитость», какой-то неизвестной силой удерживаются в жестких пределах, в то время как окружающий народ плодится, хотя и находится в худших материальных условиях.

Во-вторых, принципиальная роль плотоядных и травоядных в жизни довольно близка. Собственно, это растения обеспечивают существование всех животных, превращая солнечный свет в питательные вещества. Травоядные питаются растениями, а плотоядные – травоядными. Но все же травоядные совершают некоторую часть процесса питания, которая используется плотоядными и без которой они не могли бы существовать. В подтверждение рассматриваемой аналогии я хотел бы обратить внимание на то, что евреи активны и часто полезны в своей деятельности, но они способны лишь, так сказать, «работать на уже вспаханном поле». Например, Мендельсон, Малер или Берг были, несомненно, талантливыми музыкантами. Но они смогли проявить себя только тогда, когда была создана западная музыка – Габриэлли, Шютцем, Бахом, Гайдном и др. Или, в России евреи были очень активны в последние века (не будем обсуждать сложный вопрос, было ли это во благо или на горе аборигенам), но в любом случае, это стало возможно лишь после того, как страна была распаянана и создано русское государство. И так же обстоит дело с любым видом деятельности, как подробнее описано в моей книге. Но главный вклад в мировую культуру, обычно приписываемый еврейству, – это создание монотеистической религии. Однако ведь это было то направление, в котором двигалась мысль всего челове-

ства в те века! Так, у Гомера часто встречается выражение «Зевс и Судьба так решили». У Платона часто вместо слов «Боги» встречаем – «Божество». Наконец, самым радикальным шагом в направлении монотеизма была реформа египетского фараона Эхнатона, примерно за 1350 лет до Р. Х. Она явно оказала решающее влияние на религиозное мышление всего Ближнего Востока. Так что и здесь мы встречаем проявление той же черты.

Да, наконец, я и сам сталкивался с этим явлением. У меня было много учеников-евреев. И некоторое число евреев, у которых я учился. Это были талантливые и (что особенно важно) – трудолюбивые математики. Но ведь нельзя забывать, что сама физико-математическая концепция мира, в рамках которой мы все работали, была создана западноевропейскими (романо-германскими) народами. А представители других наций – евреи, русские, китайцы, индусы и т. д. – являются лишь продолжателями уже заложенной традиции.

Третьим аргументом в пользу рассматриваемой аналогии является то, что плотоядные (хищники, например, кошки) могут существовать и охотиться, только если они мало заметны. В частности, они должны все время вылизывать себя, устраняя запах (это замечание принадлежит одной моей знакомой). С этим можно сопоставить неприязнь евреев к обсуждению «еврейского вопроса». Например, в моей книге несколько раз цитируется книга В. Топорова «Двойное дно». В предисловии автор описывает свое парадоксальное положение «не своего» ни в какой национальной группе, что придает его наблюдениям своеобразную интересность. В частности, говоря о «еврейском типе поведения», он пишет: «...среди опознавательных признаков надо, несомненно, назвать болезненную реакцию на саму постановку еврейского вопроса, зачастую присущую и людям неев-

рейского происхождения, состоящим в браке с евреем или еврейкой, особенно при наличии детей».

Между этими сопоставлениями и реальными проблемами, которые сейчас встают перед человечеством (или встанут в ближайший век), имеется прямая связь. Обратим внимание на то, что влияние еврейства во всем мире (в развитии капитализма, в социалистическом движении и в постсоциалистическую эпоху) стало особенно заметно в последние десятилетия, совпадая с периодом господства европейской (или, как ее иногда называют, Западной) цивилизации в мире. Но в нескольких моих работах (публиковавшихся последние лет 10) я приводил аргументы, указывающие на то, что эта цивилизация сейчас клонится к упадку. Происходящий сейчас экономический кризис лишь одно из подтверждений этих мыслей. Вероятно, Западная цивилизация из этого кризиса сумеет как-то выбраться, но он является лишь репетицией ее глобального краха. Можно думать, что неизбежное (как мне представляется) крушение господства Западной цивилизации над всем миром даст возможность как-то по-новому построить отношения между еврейством и другими народами. Собственно, в этом заинтересованы и сами евреи, так как другие народы должны сначала «вспахать поле», на котором, как выше было отмечено, евреи и способны трудиться. Но вряд ли они сами способны это осознать. В их «генетическую программу» твердо заложена уверенность в том, что они призваны быть «учителями человечества».

Иначе говоря, тогда это изменение отношений станет реально возможным. Но произойдет ли это в действительности, зависит от нашего поведения (и поведения наших потомков). Здесь приходит на ум мысль, высказанная Достоевским в одном черновом наброске: «Все эти парламентаризмы, все исповедуемые теперь

гражданские теории, все накопленные богатства, банки, науки, жида – все это рухнет в один миг и бесследно – кроме, разве, жидов, которые и тогда найдутся, как поступить, так что им даже в руку будет работа». (Собр. соч. М., 1984. Т. 26. С. 167–168.) Это высказывание звучит сейчас грубо из-за употребления слова «жида», которое в настоящее время является бранным. Но ведь когда писал Достоевский, оно таким не было. Стоит заменить это слово любым употребительным сейчас синонимом, и мы получим поразительно точное предвидение того, что действительно произошло в России, сформулированное за сорок лет до предсказываемых событий.

В такой ситуации естественно вспомнить об обсуждавшейся аналогии. Ведь и травоядные, и плотоядные существуют на Земле многие миллионы лет. И, пользуясь указанной аналогией, можно подметить формы возможного сосуществования евреев и других народов, не посягающие на национальное существование этих «других» народов. Ведь надо же верить опыту жизни!

В частности, травоядные животные существуют, объединяясь в большие стада. Параллельно этому можно предположить, что народы Земли способны обеспечить свое автономное существование в форме более или менее национально-однородных государств, что и происходит на протяжении всей истории (примером является современная Россия). Нации, объединенные в такие государства, должны выработать в себе образ «плотоядного», опасного для национального существования. Народы, следуя инстинкту самосохранения, должны стремиться вытолкнуть их из позиций, существенных для жизни нации. Они должны охранять нацию от проникновения «чужаков». С примером такого поведения я сталкивался, когда гулял когда-то по Подмосковию в обществе своей собаки. Собака явно напоминала коро-

вам волка и вписывалась в их «образ врага». Поэтому, увидев ее, объединенные в стадо коровы, опускали головы и, выставив рога, наступали на собаку. Один раз, как мне рассказывал встретившийся пастух, они даже растоптали маленькую собачку. Этот прием, видимо, эффективен – он дает возможность диким травоядным защититься от хищников. Например, как рассказывают зоологи, волки редко нападают на оленя, находящегося внутри стада, иначе они рискуют быть убитыми рогами или копытами оленей. Чаще волки задирают больного оленя, отставшего от стада.

Таким образом, ряд давно выработанных природой приемов служит для поддержания численности популяций травоядных на постоянном уровне. Эти же приемы, с соответствующими изменениями, могут служить (и давно служат) аналогичной цели в социальной жизни человечества. Разумеется, изменения будут иметь место – не напрасно же вид *Homo sapiens* тысячи лет существует в состоянии человечества. Должно же было выработаться отличие современных наций от стада коров!

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ РОССИЙСКОГО КРИЗИСА XX ВЕКА

Публикуется на основе лекций, прочитанных в Сретенском высшем православном монастырском училище весной 2001 года

Я назову основные сочинения, по которым желающий сможет больше узнать о затронутых здесь вопросах.

I. Характеристика западной цивилизации

1. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения. М., 1990.

2. *Зомбарт В.* Буржуа. М., 1994.

Авторы не во всем согласны друг с другом, но именно благодаря этому их работы вместе дают особенно яркую картину.

II. Взгляды на развитие исторического процесса

1. *Гесиод.* Работы и дни // Эллинские поэты. М., 1963.

2. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М., 2011.

3. *Шпенглер О.* Закат Европы. М., 1993.

4. *Тойнби А.* Постигание истории. М., 1991.

Это лишь выдержки из громадного сочинения, целиком на русский язык не переведенного. Многие яркие мысли в этом издании опущены.

III. Революция, природа марксизма и большевизма

1. Платон. Государство // Сочинения. В 3 т. Т. 3. М., 1971.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Собр. соч. (2-е изд.), т. 4. Раздел «Буржуа и пролетарии» прекрасно характеризует духовную близость марксизма и западной буржуазной цивилизации. В нем капитализм и буржуазия характеризуются как главная творческая сила истории. Социалистическая революция должна лишь зафиксировать то, что уже создано этой силой.
3. «Исповедь Пятакова» – ключевой документ для понимания психологии марксизма и большевизма – опубликована в труднодоступном эмигрантском «Новом журнале». – Нью-Йорк, 1952. № 52. Но воспроизведена в работе автора «Социализм как явление мировой истории». – Соч. Т. 1. М., 1994. С. 242–244.

IV. Революция и деревня

Сейчас имеются квалифицированные, объективные публикации документов. Например:

1. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 1. М., 1996. Этот том содержит сводки ВЧК и другие документы времен 1918–1922 гг.
2. Антоновщина. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. // Сборник документов. Тамбов, 1994.
3. Трагедия советской деревни. Т. 1–2. Документы 1927–1930 гг., характеризующие время коллективизации и раскулачивания.
4. Документы свидетельствуют // Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927–1932. М., 1989. Заголовок раскрывает содержание.

Вообще, для общего знакомства с советским периодом истории России очень рекомендую содержательную и взвешенно, не тенденциозно написанную книгу – учебник для студентов-историков:

5. Новейшая история Отечества. XX век. Т. 1, 2 // Под ред. А. Ф. Киселева и Э. М. Щагина. М., 1998.

V. Роль деревни в мировой истории

1. Великий незнакомец. М., 1992 // Хрестоматия «крестьянноведения».

2. *Чаянов А. В.* Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М., 1991. Ряд конкретных исследований и изложение общих концепций Чаянова.

3. *Чаянов А. В.* Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии. Ч. I. М., 1921. Перепечатано, например: *Чаянов А. В.* Избранные повести. М., 1989 – те же идеи, изложенные в форме фантастической повести.

VI. Кризис 60–70-х годов на Западе

1. *Кёпецы Белла.* Идеология «Новых Левых». М., 1977.

2. *Баталов Э. Я.* Философия бунта. М., 1973.

3. *Шафаревич И. Р.* Была ли «перестройка» акцией ЦРУ? // См., например: *Русский народ на переломе тысячелетий.* М., 2000.

ТРЕХТЫСЯЧЕЛЕТНЯЯ ЗАГАДКА

Публикуется по: *Шафаревич И. Р.* Русский народ на переломе тысячелетий. М., 2007.

Глава 1. Существует ли «еврейский вопрос»?

Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 г.

Шафаревич И. Русофобия // Сочинения. М., 1994. Т. 2.

Graetz H. Geschichte der Juden. Bd. 11.

Моммзен Т. Римская история. Т. III.

Журнал «Красный Архив». Т. IV, VI, X.

Журнал «22». Тель-Авив, 1978 г.; *Дон Левин.* На краю সভлазна.

Кожин В. Журнал «Святая Русь». 2000. № 3.

Margolina Sonja. Das Ende der Lugen. Berlin, 1992.

Shahak Israel. Histoire juive – Religion juive. Le poids de trois millénaires. 1996.

Зеньковский В. В. На темы историософии. Тайна Израиля. Санкт-Петербург, 1993.

Рид Д. Спор о Сионе (перевод с английского).

Дюк Д. Еврейский вопрос глазами американца. М., 2001.

Шульгин В. В. Что нам в них не нравится. М., 1992.

Глава 2. Античность

Моммзен Т. Римская история. Т. V.

Тацит. Анналы; История.

Иосиф Флавий. Иудейская война; Иудейские Древности.

Августин Бл. О Божьем Граде.

Ювенал. Сатиры.

Лурье С. Я. Антисемитизм в древнем мире. Петроград, 1922.

Leon H. G. The Names of Jews in the Ancient Rome. Trans. and Proc. Amer. Philol. Assoc., 59 (1928). P. 216.

Josephus Flavius. Against Apion. Works. V. 5.

Les oeuvres de Philon d'Alexandrie. Lion, 1975. V. 24, 25, 31.

Dio Cassius. Roman History. London, 1927.

Diodorus Sicilius. Bibliothéque historique. Paris, 1846.

Eusebius Pamphilus. Werke. Berlin, 1954. Bd. 8.

Charles R. H. (transl.). The Book of Jubilee.

Reinach Th. Textes d'auteurs grecs et romans relatifs au Judaïsme. Paris, 1894.

Belich J. Die Bevölkerung griechisch-romischen Welt, 1866.

Parvan. Die Nationalität der Kaufleute im römischen Kaiserreich. Breslau, 1909.

Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. III. Stuttgart, 1901.

Graetz H. Geschichte der Juden. Bd. I.

Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. Bd III. Das Antike Judentum. Tübingen, 1923.

Антисемитизм // Еврейская энциклопедия. Изд. Брокгауза и Эфрона. Т. II. СПб.

Диаспора // Еврейская энциклопедия. Изд. Брокгауза и Эфрона. Т. III. СПб.

Глава 3. Средние века

- Marcus J. R.* The Jew in the medieval world. 1975.
- Roth C.* The Jews in the middle ages. Cambridge Medieval History. V. VII.
- Depping G. B.* Die Juden im Mittelalter. Hildesheim. 1974.
- Abrahams Israel.* Jewish Life in the Middle Age. N.-J., 1897.
- Wilpert Paul* (Hrsg). Judentum im Mittelalter. Berlin, 1966.
- Irving A. Agus.* Urban Zivilisation in pre-crusade Europe. V. I, II. N.-J., 1965.
- Sabatini Raphael.* Torquemada and the Spanish Inquisition. London, 1928.
- Goldmann N.* Le paradox juif. Paris, 1976.
- Dozy R.* Histoire de musulmans d'Europe. Leyde. 1891. T. I–III.
- Caro Georg.* Sozial und Wirtschaftgeschichte der Juden im Mittelalter und der Neuen Zeit. Bd. I. Frankfurt/M., 1924.
- Wirth Louis.* The Ghetto. Chicago, 1946.
- Amador de los Rios.* Historia social, politica, religiosa de las Judaios de Espana y Portugal. Madrid, 1960.
- Conn Norman.* The Pursuit of the Millenium. N.-J. 1970.
- Гумилев Л. Н.* Русь и великая степь. М., 1989.
- Шиппер И.* Возникновение капитализма у евреев Западной Европы. Спб., 1910.
- Trevor-Roper H.* The Rise of Christian Europe. London, 1965. Shahakl. Цит. в гл. 1.
- Льоренте X.-А.* Критическая история испанской инквизиции. Т. 1, 2. М., 1936.
- Дубнов С. М.* Краткая история евреев. М., 1996 (перепечатка изд. 1912 г.).
- Goldman N.* La paradox juif. Paris, 1976
- Еврейская энциклопедия. Спб., 1911. Т. I (статьи «Автономия» и «Аго-бард»), т. II (статьи «Англия» и «Антисемитизм»), т. III («Ассимиляция»), т. VI («Германия»), т. VIII («Испания»), т. XI («Население»). т. XV («Украина»).
- Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1976. Т. I (статья «Автономия»), т. II (статья «Гайдамаки»).

Глава 4. Классический иудаизм

Das 40 Jahr von der Juden mit Arrest bestrikt gewesen, nunmehr aber durch Autoritaet eines Hohen Reichs-Vicariats relaxirte Johann

Andreae Eisenmengers Entdecktes Judenthum. Gedruckt im Jahr nach Christi Geburt, 1700.

Соловьев В. С. Собрание сочинений. СПб., 1911. Т. IV, VI.

Shahak I. Цит. в гл. 1.

Katz J. From Prejudice to destruction. Anti-semitism 1700–1933. Harvard, 1970.

Алексеев А. Беседы православного христианина из евреев с новообращенными из своей собратий. Новгород, 1875.

Брафман Яков. Книга кагала. Материалы для изучения еврейского быта. Вильна, 1869.

Гессен Ю. История еврейского народа в России. Ленинград, 1925. Т. 1

Бет-дин. Краткая еврейская энциклопедия. Цит. в гл. 3.

Der Babylonische Talmud. Nach der ersten zensurfreien Ausg. Goldschmidt, Lazarus. Berlin, 1929.

Глава 5. Хазария

Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. Переиздание: Санкт-Петербург, 2001.

Артамонов М. И. Очерки по древнейшей истории хазар. Л., 1936.

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и великая степь. М., 1989.

Кожин В. В. На заставе богатырской. М., 1993.

Кожин В. В. Творчество Илариона и историческая реальность его эпохи: Альманах библиофила. М., 1989. Вып. 26.

Тихомиров М. Н. Русская культура X–XVIII вв. М., 1968.

Лихачев Д. С. Величие древней литературы: Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII в. М., 1978.

Плетнева С. Хазары. М., 1986.

Плетнева С. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982.

Глава 6. Роль в развитии капитализма

Зомбарт В. Буржуа. М., 1994.

Sombart W. Die Juden und das Wirtschaftleben. München u. Leipzig, 1928 (в последние годы, кажется, появился русский перевод).

Neumann M. Geschichte des Wuchers in Deutschland. Halle, 1865.

Graetz H. Geschichte der Juden. Bd. 10.

Roth C. The Jews in the Renaissance. N.-J., 1959.

Виллари. Савонарола и его время. СПб., 1913.

Глава 7. Эмансипация и борьба за равноправие

Roth C. The Jews in the Renaissance. N.-J., 1959.

Sombart W. Цит. в гл. 6.

Graetz H. Geschichte der Juden. Bd. II.

Berne L. Briefe. 1927.

Bartels A. Lessing und die Juden. Leipzig, 1922.

Bartels A. Geschichte der deutschen Literatur. Bd. II. Leipzig, 1905.

Fichte Johann Gottlieb. Beitrag zur Berichtigung der Urteile des Publikums über Französische Revolution. Leipzig, 1922.

Perry Thomas W. Public Opinion, Propaganda and Politics in Eighteenth-Century England. Cambridge, Mass, 1966.

Scholem Gerschom Die jüdische Mystik in ihrer Hauptströmungen. Zurich, 1957.

Gerschom Scholem. Du Frankisme au Jacobinisme. Paris, 1981.

Mandel Arthur. Le Messie Militant. Milano, 1989.

Америка // Еврейская энциклопедия. СПб., 1911. Т. II.

Антисемитизм // Еврейская энциклопедия. СПб., 1911. Т. II.

Масонство // Еврейская энциклопедия. СПб., 1911. Т. X.

Саббатай Цеви и саббатанское движение // Еврейская энциклопедия СПб., 1911. Т. XIII.

Пруссия // Еврейская энциклопедия. СПб., 1911. Т. XIII.

Глава 8. Золотой век ассимиляции

Graetz H. Geschichte der Juden, Bd. II.

Heinrich Heine. Werke. Dresden, 1906.

Heines Letzte Gedichte und Gedanken, herausgegeben von Strodthmann, 1869.

Berne L. Berliner Briefe. 1927.

Berne L. Briefwechsel mit Henrietta Herz. 1905.

Steig R. Heinrich von Kleists Berliner Kampfe. Berlin, 1901.

- Meister A.* Die Presse als Machtmittel Judas. München, 1930.
- Treitschke.* Deutsche Geschichte im 19. Jahrhundert. 3 Teil. Leipzig, 1889.
- Ebeling W.* Zur Geschichte und Literatur. Berlin, 1867.
- Sombart W.* Die Juden und das Wirtschaftsleben. Цит. в гл. 6.
- Sombart W.* Die Zukunft der Juden. Leipzig, 1912.
- Kurschner Joseph.* Semi-Kurschner. Berlin, 1901.
- Blokosky S.* The distorted Image. N.-J., 1975.
- Cheskel Zwi Klotzel.* Das grosse Hassen // Journal «Janus». 1914. № 2.
- Lebenserinnerungen und Denkwürdigkeiten von Herrn Freiherrn v. Eckardstein. Bd. II. Leipzig, 1921.
- Frank W.* Nationalismus und Demokratie in Frankreich der dritten Republik. Hamburg, 1933.
- Герцль Т.* Еврейское государство. СПб., 1896.
- Еврейская энциклопедия. Т. III (статьи «Антисемитизм», «Ассимиляция», «Ахад-Гаам (Гинцберг)»), т. XIV («Сионизм»).
- Антисемитизм // Еврейская энциклопедия.
- Ахад-Гаам (Гинцберг) // Еврейская энциклопедия. Т. III
- Сионизм // Еврейская энциклопедия. Т. XIV.
- Антисемитизм // Краткая еврейская энциклопедия. Т. I.
- Dash Moore Deborah.* B'nai B'rith and the challenge of ethnic leadership. N.-J., 1981.

Глава 9. Роль в развитии социалистического движения

- Talmon J. L.* Political Messianism. The Romantic Phase. London, 1960.
- Hayek F. A.* The Counter-Revolution of Science. Glenkoe, Illinois, 1952.
- Hess Moses.* Philosophische und sozialistische Schriften. Berlin, 1961.
- Hess M.* Judische Schriften. Hrsg. T. Zlotisti. Berlin, 1905.
- Cornu August.* Moses Hess et la gauche hegelienne. Paris, 1934.
- Лассаль Ф.* Дневники. Петроград, 1919.
- Sombart W.* Der Proletarische Sozialismus. Jena, 1924.
- Michels Robert.* Zur Soziologie des Parteiwesens. 1925.
- Man Hendrick de.* Gegen den Strom. Stuttgart, 1953.

- Premantie Anne*. This little band of prophets. N.-Y., 1960.
Россия и евреи. Берлин, 1923 (переиздан: Париж, 1978).
Стеклов Ю. Михаил Александрович Бакунин. М.-Л., 1927.
Т. III.
Сен-Симон. Собрание сочинений. СПб., 1912.
Булгаков С. Апокалиптика и социализм // Два града. М., 1911.
Зиновьев Г. История Российской Коммунистической партии (большевиков). Л., 1924.
Социализм. Еврейская энциклопедия. Т. XIII (статья «Социализм»)
Житловский. Краткая еврейская энциклопедия. Т. 2.

Глава 10. В России перед революцией

- Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. Собр. соч. В 30 т. Т. 25. М., 1983.
Боханов А. Буржуазная пресса и крупный капитал. Конец XIX в. – 1914 г. М., 1984.
Ананьич Б. Банкирские дома в России. 1816–1914 гг. Л., 1991.
Ананьич Б. Россия и иностранный капитал. (1897–1914). М., 1970.
Красный Архив. Т. IV, 1923; т. VI, 1924; т. X, 1925.
Субботин А. В черте еврейской оседлости. СПб., 1888.
Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952.
Аксаков И. С. Сочинения. СПб., 1900. Т. III.
Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. М., 1924.
Аронсон Г. Россия накануне революции. Мадрид, 1986.
Шульгин В. В. Что нам в них не нравится? СПб., 1992.
Розанов В. В. Опавшие листья. Короб 1-й и 2-й. СПб., 1912–1915.
Гр. Витте С. Ю. Воспоминания. Л., 1924.
Sombart W. «Напечатано по приказанию Министра внутренних дел».
Von Hayek F. Law, Legislation and Liberty. V.S. Chicago, 1979.
Аксаков И. С. Сочинения. Т. III. СПб., 1905.
Weizmann Ch. Trial and error. N.-J., 1949.
Солженицын А. 200 лет вместе. М., 2001.
Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Фемистокл. XIII.

Розанов В. В. Собрание сочинений. Мимолетное. М., 1994. О писательстве и писателях. М., 1995; Апокалипсис нашего времени. М., 2000; Последние листья. М., 2000; Сахарна. М., 2001.

Меньшиков М. О. Письма к русской нации. М., 1999.

Кузьминский и Турау. Киевский и Одесский погромы в отчетах сенаторов Турау и Кузьминского. СПб., 1907.

Даль В. И. Розыскание о убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их. 1844.

Чехов А. П. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 17. М., 1980.

Белый А. Штемпелеванная культура. «Весы». 1909. Сентябрь.

Куприн А. И. См. Чириков Е. На путях жизни и творчества // Наш Современник. 1991. № 9.

Симанович А. Распутин и евреи. Рига, б. г.

Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 1. Книги 1–2. М., 1991.

Тайна Израиля. «Еврейский вопрос» в русской религиозной мысли конца XIX – первой половины XX в. СПб., 1993.

Агурский М., Шкловская М. Максим Горький 1868–1936. (из литературного наследия). Иерусалим, 1936.

Глава 11. В Русской революции 1917 г.

Тихомиров Л. Начала и концы. Либералы и террористы. М., 1890.

Волк С. С. Революционное народничество 70-х гг. XIX в. Т. 1, 2. М., 1964.

Аптекман О. В. «Земля и Воля» 70-х гг. Ростов-на-Дону. б. г. Неизданные записки Тихомирова // Красный Архив. Т. 29. 1928.

Зайцев В. Л. Избранные сочинения. Т. 1. М., 1934.

Дейч Л. Роль евреев в русском революционном движении. М.–Л., 1926.

Хроника социалистического движения в России. 1878–1887. М., 1907.

Спиридович. Записки жандарма. Харьков, 1930.

Nikolajevski B. Aseff the Spy. N.-Y., 1934.

Radkey Oliver R. The Agrarian Foes of Bolshevism. N.-Y.–L., 1958.

- Мартов Ю.* Записки социал-демократа. М., 1924.
- Шапиро Л.* Коммунистическая партия Советского Союза. Firenze, 1975.
- Зиновьев Г.* История Российской Коммунистической партии (большевиков). Л., 1924.
- Галиви Зива.* Лидеры меньшевиков в русской революции. М., 1993.
- Сталин И. В.* Сочинения. Т. 2. М., 1946.
- Ленин В.* Цитата приведена в книге Силницкого «Национальная политика КПСС», Вашингтон, 1990. Со ссылкой на IV издание Собраний сочинений Ленина. Т. II, с. 168.
- Deutscher.* The Prophet armed. Trotsky: 1879–1921. N.-Y.–L., 1958.
- Анархисты. Документы и материалы. 1883–1913. М., 1998. Т. 1.
- Герье Р.* Первая русская Государственная Дума. М., 1906.
- Тыркова-Вильямс А.* Цит. в гл. 10.
- Меньшиков М. О.* Письма к русской нации. М., 1999.
- Меньшиков М. О.* Письма к ближним за 1907 г. «Милые братья...»
- Старцев В. И.* Российские масоны XX в. Вопросы Истории. 1989. № 6.
- История СССР. 1989. № 6. 1990. № 1.
- Шульгин В. В.* Цит. в гл. 1.
- Перах Марк.* Факты или селекция образов? Время и мы. Израиль, февраль 1976 г.
- Достоевский Ф. М.* Цит. в гл. 1. Литературная Россия. 1990. № 2
- Ларин Ю.* Евреи и антисемитизм в СССР. М.-Л., 1929. Красный Архив. 1929. № 1. Т. 32.
- Рафес М.* Очерки истории еврейского рабочего движения.
- Rapport Angelo S.* The Pioneers of the Russian Revolution. L., 1918.
- Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959.
- Переписка Столыпина и Николая Романова // Красный Архив. 1924. Т. 5.
- Лазарев Егор.* Убийство Столыпина. Нью-Йорк, 1986.
- Протоколы ЦК РСДРП. Август 1917 – февраль 1918. М., 1958.
- Шульгин В. В.* Цит. в гл. 10.

- Достоевский Ф. М.* Цит. в гл 1.
Литературная Россия. 1990. № 2.
Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Т. 1. 1918–1922. М., 1998.
Антоновщина. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. Тамбов, 1994.
Миронов Филипп. Тихий Дон в 1917–1921 гг. М., 1997.
Бугай Н. Казаки – представители русского народа // Русский народ. Исторические судьбы в XX в. М., 1993.
Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М., 1997.
Протоколы съездов РСДРП-ВКП(б): наиболее доступно второе издание, начиная с 1958 г. Первое издание (20-е гг.) в нескольких местах отличается большей радикальностью формулировок.
Троцкий Л. См.: Вопросы истории КПСС. 1990. № 5.
Пайпс Р. Русская революция. М., 1994. Т. 2. Россия и евреи. Сборник. Цит. в гл 1.
Margolina Sonja. Цит. в гл. 1.
Маслов С. С. Россия после четырех лет революции. Т. 1, 2. Париж, 1922.
Каутский К. От демократии к государственному рабству. Берлин, 1921.
Weizmann Ch. Цит. в гл. 10. Красный Архив. 1926. Т. 19.
Трагедия советской деревни. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1928.
Заславский К. А. Империя Сталина: Биографический энциклопедический словарь. М., 2000.
Кто руководил НКВД 1934–1941: Справочник. М., 1999.
Мельгунов С. П. Красный террор в России 1918–1923. М., 1990.

Глава 12. Запад между мировыми войнами

- Rathenau Walter.* Impressionen. Leipzig, 1902.
Arnim Otto. Die Juden in Kriegsgesellschaften. München, 1921.
Bosl-Franz-Hofman. Biographisches Wörterbuch zur deutschen Geschichte. München, 1974.
Korn D. Wer ist wer im Judentum. München, 1996.

Winger S. Grosse Judische Nationalbiographie. Ceranti 1925–1927.

Комэй Д. Кто есть кто в истории евреев. Лондон – Москва, 1974, 1995.

Hayek F. A. The Road to Serfdom. London, 1943.

Varuch B. American Industry in the War. N.-Y., 1941.

Varuch B. The Public Years. N.-Y., 1960.

Драбкин Я. С. Ноябрьская революция в Германии. М., 1967.

Lehman H. Die Weimarer Republik. München, 1960.

Illustrierte Geschichte der Deutschen Revolution 1918–1928. Berlin, 1929.

Nolte Ernst. Der Europäische Bürgerkrieg 1917–1945. Berlin, 1987.

Revolution und Räterepublik in München 1918–1919 in Augenzeugenberichten. Dusseldorf, 1969.

Muller-Meinigen. Aus Bayerns schwersten Tagen. Berlin – Leipzig, 1924.

Funck Bernhard. Der Judische Einfluss in Deutschland. München, 1921.

Klatzkin Jakob. Probleme des modernen Judentums. Berlin, 1930 (III Afl.).

Lungren-Nielsen K. The Polish Problem at the Paris peace Conference (особенно раздел The Jewish Problem). Odensee, 1979.

Шмуэль-Хуго Бергман. Израильский синтез гуманизма и религии // «22». Тель-Авив, 1978.

Левин О. И. В сборнике «Россия и евреи». Цит. в гл. 1.

Sombart W. Der Proletarische Sozialismus. Цит. в гл. 9.

Weizmann Ch. Trial and error. Цит. в гл. 10.

Michels Robert. Sozialismus und Faschismus als politische Strömungen in Italien. München, 1925. Bd. 2.

Руд Д. Спор о Сионе. Цит. в гл. 1.

Ford H. The International Jew. 1922 (переизд. 1948)

Goldmann N. Цит. в гл. 3.

Reitlingen G. The Final Solution. L., 1971.

Thion S. Verite historique ou verite politique. Le dossier de l'affaire Faurisson. Paris, 1971.

Jewish Resistance in Nazi-Occupied Europe. L., 1974.

Элннс М. Закаленные яростью. «Евреи в СССР» (Самиздат). 1977. № 9–13, 15–126.

- Kaufmann T. A.* Germany Must Perish. N.-Y., 1941.
Morgenthau H. Germany is our problem. N.-Y. – L., 1945.
Русская идея и евреи. М.: «Наука», 1994.
Katz J. From Prejudice to Destruction. Цит. в гл. 4.
Kohn H. Martin Buber. Köln, 1965.

Глава 13. При коммунистическом строе

- Шафаревич И.* Россия в эпоху коммунизма // Русский народ на переломе тысячелетий. М., 2000.
Трагедия русской деревни. Т. 1, 2. М., 1999, 2000.
Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов. По материалам Политбюро ВКП(б) и ОГПУ // Судьбы российского крестьянства. М., 1996.
Горький М. (ред.). Беломорско-Балтийский канал им. Сталина. Из серии «История фабрик и заводов». М., 1934.
Концентрационные лагеря немецкие // Краткая еврейская энциклопедия. СПб., 1911. Т. 4.
Кто руководил НКВД. 1934 – 1941. Цит. в гл. 10.
Агурский М., Шкловская М. Цит. в гл. 10.
Багрицкий Э. Воспоминания современников. М., 1973.
Семанов С. «Веселые ребята», или Некоторые расшифровки романов И. Ильфа и Е. Петрова // Москвитянин. 1992. № 1.
Фейхтвангер Л. Москва 1937. М., 1937.
Сталин И. Сочинения. Т. 13. М., 1951.
Конквест Р. Большой террор. Рига, 1991.
Костырченко Г. В плену у красного фараона. М., 1994.
Васильева Л. Кремлевские жены. М., 1993.
Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1996.
Авторханов А. Загадка смерти Сталина. Frankfurt/M., 1976.
Хрущев Н. Воспоминания // Вопросы истории. 1991. № 11.
Wittlin T. Commissar. L., 1972.
Рид Д. Спор о Сионе. Цит. в гл. 1.
Deutscher I. Stalin. N.-Y., 1961.
Sombart W. Die Zukunft der Juden. Leipzig, 1912.
Nordau M. Max Nordau to his People. N.-Y., 1941.
Топоров В. Двойное дно. Записки скандалиста. М., 1996.
Ахарон И. Исследование демографических особенностей еврейского населения СССР // Культура (Самиздат). М., 1976. № 7.

- Даманский*. Технология ненависти // Время и мы. Израиль, 1978. № 25.
- Рывкина Р.* Евреи в постсоветской России – кто они? М., 1996.
- Кац Зеев*. Интервью // Время и мы. Израиль, 1976. № 4.
- Шафаревич И.* Русофобия. Цит. в гл. 1.
- Симонов К.* Глазами человека моего поколения. М., 1999.
- Шаховская З.* Евреи и Россия // Вестник русского православного движения. Париж, 1983. № 140.
- Солженицын А.* 200 лет вместе. Цит. в гл. 11.

Глава 14. Современный Запад

- Shahakl*. Цит. в гл. 1.
- Рид Д.* Цит. в гл. 1.
- Судоплатов П.* Цит. в гл. 13.
- Goldmann N.* Цит. в гл. 3.
- Weizmann Ch.* Цит. в гл. 10.
- Cohn H.* Цит. гл. 12.
- Encyclopaedia Judaica. Jerusalem, 1972.
- «B'nai B'rith Magazine». 1938. March.
- Декларация об отношении к нехристианским религиям. II Ватиканский Собор. Конституции, декреты, декларации. Брюссель, 1992.
- Laurentin R.* (abbe). L'Eglise et les juifs a Vatican. 1967.
- Обращение французского епископа // Вестник Русского студенческого христианского движения. Т. 108–110. Париж, 1973.
- Katz J.* Цит. в гл. 4.
- Русская идея и евреи: Сборник статей. М., 1994.
- Кино // Краткая еврейская энциклопедия. Т. 4.
- Нитобург Э.* Евреи в современной Америке. М., 1998.
- Who's Who in American Jewry. N.-Y., 1927.
- Korn D.* Wer ist wer im Judentum. München, 1996.
- Комей Д.* Кто есть кто в истории евреев. Лондон – Москва. 1974, 1995. Time. 1974. Nov. 25.
- Findley P.* They dare to speak out. N.-Y., 1985.
- Nolte E.* Цит. в гл. 12.
- Маслюков Ю. Д.* (редактор). Распад мировой долларовой системы. М., 2001.

Cohen R. No Jews in This Cabinet // *Washington Post*. 2001. Jan. 16.

Глава 15. Во второй революции в России

Радзиховский Л. Еврейское счастье // *Новое Русское Слово*. 1996. 17 янв.

Тополь Э. Возлюбите Россию, Борис Абрамович! // *Аргументы и факты*. 1998. № 38.

Комсомольская правда. 2002. 2 марта.

Независимая газета. 1996. 27 апреля.

Топоров В. Цит. в гл. 13.

Фурман Д. Массовое сознание российских евреев и антисемитизм // *Свободная мысль*. 1996. № 9.

Рывкина Р. Цит. в гл. 13.

Гайдар Е. Государство и эволюция. М., 1995.

Назаров М. Радио Свобода в борьбе за мир. М.–Мюнхен, 1992. На поле Куликовом. М., 1980.

Кураев А. Как делают антисемитом. М., 1998.

Рыбаков А. Дети Арбата. М., 1988.

Гроссман В. Все течет // *Октябрь*. 1989. № 6.

Washington Post. 1990. April 12.

Советская Россия. 1990. № 80. 7 апр.

Завтра. 1998. № 46 (259).

Ахиезер А. Россия. Критика исторического опыта. В 3 т. М., 1991.

Интернет, <http://www.vesti.ru/2001/10/29/1004363106.html>

Севастьянов А. Чего от нас хотят евреи. М., 2000.

Независимая газета. 1998. № 209. 10 ноября.

Элиезер Воронель-Дацевич. Разбитое зеркало // *Завтра*. № 34 (299).

Elliot M. Children of the Holocaust // *Time*. 2002. April 29.

Глава 16. Еврейские таланты

Sombart W. Der Proletarische Sozialismus («Marxismus»). Jena, 1924. Bd. 1, 2.

Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. М., 1934. (Переписка: т. XXI–XXV.)

- Фрейд З.* Неудовлетворенность культурой. Избранное. Т. 1. Лондон, 1969.
- Hayek F. A.* Laws, Legislation and Liberty. V. 3. Chicago, 1979.
- Jaspers K.* Vernunft und Widervernunft unserer Zeit. München, 1956.
- Пайс А.* Научная деятельность и жизнь Альберта Эйнштейна. М., 1989.
- Визгин В.* Об открытии уравнений гравитационного поля Эйнштейном и Гильбертом // Успехи физических наук. 2001. № 12.
- Шредингер Э.* Избранные труды по квантовой механике. М., Наука, 1976.
- Weizman Ch.* Trial and error. Цит. в гл. 10.
- Свиридов Г. В.* Разные записи // Наш Современник. 2000. № 12; Москва. 2000. Ноябрь.
- Хазанов В.* Запах звезд. Тель-Авив, 1977.
- Суслов И.* Прошлогодний снег // Время и мы. Израиль, 1976. № 4.
- Боголюбов Н. Н.* Математик, механик, физик. Дубна, 1994.
- Зеев Кац.* Цит. в гл. 13.

Глава 17. Обсуждение

- Достоевский Ф. М.* См. в гл. 1.
- Штейнзальц А.* Что такое еврей // Окна. 1996. 4–10 янв. или Интернет <http://www.vinnitsa.com/vinjew/09.Ru> 05. 03. 2002. page 4.
- Лурье С.* См. в гл. 2.
- Weizmann Ch.* См. в гл. 10.
- К. Маркс, Ф. Энгельс.* Сочинения. Т. 1. М., 1955.
- Гефтер М.* Эхо Холокоста и русский еврейский вопрос. М., 1995.
- Goldmann N.* См. в гл. 3.
- Margolina S.* См. в гл. 1.
- Куприн А.* См. в гл. 10.
- Зиновьев Г.* См. в гл. 11.
- Гершензон М.* См. в гл. 1.
- Аттали Ж.* На пороге нового тысячелетия. М., 1993.
- Шовен Р.* От пчелы до гориллы. М., 1965.
- Шафаревич И.* Сочинения. Т. 1. М., 1994.

- Розанов В.* Юдаизм. «Тайна Израиля». См. в гл. 1.
Shahak I. См. в гл. 1.
Мороз С. В кн. «Свет двуединый». М., 1996.
Семанов С. Русско-еврейские разборы. М., 2001.
Дюк Д. См. в гл. 1.
Тополь Э. См. в гл. 15.
Брафман Я. См. в гл. 4.
Севастьянов А. Цит. в гл. 15.
Русская идея и евреи. См. в гл. 14.
Шафаревич И. Духовные основы российского кризиса XX века. М., 2001.
Международная еврейская газета. 2001. № 32 (358). Авг.
Дейч М. //Московский комсомолец. 2002. 11 апр.

Редактор Л. К. Молотилова
Корректор А. А. Полякова
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 12.04.2014 г. Формат 84 x 108 1/32.
Гарнитура «Times». Объем 23,5 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».